

В.И. Балабина

ФИГУРКИ
ЖИВОТНЫХ
В ПЛАСТИКЕ
КУКУТЕНИ-
ТРИПОЛЬЯ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

В. И. Балабина

ФИГУРКИ
ЖИВОТНЫХ
В ПЛАСТИКЕ
КУКУТЕНИ-
ТРИПОЛЬЯ

*Людмила Друцэ
С. И. Ротаву
от Веры.*

9. 11. 1999

МОСКВА

1998

*Книга напечатана при содействии Лаборатории
экологического проектирования*

Ответственный редактор:
доктор исторических наук Н.Я. Мерперт

Рецензенты:
кандидат исторических наук О.С. Гадзяцкая
доктор исторических наук С.В. Ошибкина

БАЛАБИНА В.И.

Фигурки животных в пластике Кукутени-Триполья. — М., 1998. — 270 с.: илл. 103

Данная книга — первое обобщающее исследование зооморфной пластики одной из ярчайших древнеземледельческих культур Европы — Кукутени-Триполья. Автором собран и систематизирован материал, накопившийся в процессе ее столетнего исследования.

Создана классификация фигурок, разработана система их описания и типология. В книге содержится информация о расположении статуэток животных в комплексах, их стилистике, возможных функциях. Большое внимание уделено проблемам интерпретации зооморфной фигуративной пластики.

Обложка *Н.С. Сафроновой*

Иллюстрации *А.Н. Лехницкой, Н.С. Сафроновой*

Карты выполнены *О.В. Запольской*

Редактирование, корректура *Е.Е. Сырневой*

Компьютерное макетирование *В.Ю. Лунькова*

© Балабина В.И., 1998

© ТОО «Старый сад»

ВВЕДЕНИЕ

Хорошо известно, что большинство европейских раннеземледельческих культур отличает удивительное обилие пластики. Уже более ста лет она остается важнейшим источником для реконструкций тех или иных аспектов мировоззрения земледельцев эпохи неолита — энеолита. К настоящему времени в Центральной, Южной и Юго-Восточной Европе исследованы тысячи раннеземледельческих памятников. Количество хранящихся в фондах музеев и научных учреждениях сакрализованных артефактов, к которым принадлежат и фигурки, поистине огромно. Но обработка материалов зачастую настолько отстает от их накопления, что в публикациях мы видим лишь «вершину айсберга». Вот почему проблема систематизации пластики уже давно требует разрешения. А сейчас она становится особенно актуальной — потому что данный материал все чаще привлекает широкое внимание. Он обсуждается и используется (обычно выборочно, именно по публикациям) представителями разных дисциплин, занимающимися исследованием духовной культуры архаических обществ.

Более 30 лет назад Б.Л. Гофф во введении к первому своду сакральных предметов Месопотамии сформулировала несколько очень верных принципов, которых стоит придерживаться при работе с «символами». Среди них такие, как отделение доминирующих форм от относительно редких, может быть и случайных, выявление взаимосвязи доминирующих форм, отчетливое выделение и осмысление их изменений [Goff B.L., 1963. P. XXXIII].

Если обратиться к огромному массиву сакрализованных артефактов с европейских памятников эпохи неолита и энеолита, то придется признать, что степень их систематизации просто не позволяет придерживаться столь разумных посылок. Обобщающие работы по большинству категорий отсутствуют не только для региона в целом, но даже для отдельных культур. Иными словами, материал вообще может привлекаться только выборочно. Из-за недостатка информации он как бы «выдергивается» из типологических серий и естественных систем. Все это приводит к возможности произвольного иллюстрирования любых авторских моделей и очень затрудняет их проверку.

Особенно показательна неравномерность изученности разных категорий мелкой фигуративной пластики — антропоморфной, миксаморфной и зооморфной. Антропоморфные статуэтки традиционно пользуются повышенным вниманием. Их публикуют относительно полно, издают специальными сводами, классифицируют. Миксаморфные изображения (сочетающие черты человека и животного) обычно рассматриваются совместно с антропоморфными и как отдель-

ная категория не выделяются. Специальная их систематизация не делалась ни для одной культуры. Зооморфная пластика даже в публикациях бывает представлена выборочно. Часто предпочтение отдается не серийным вещам, а наоборот, редким, — хотя и очень интересным, но не способствующим пониманию общих закономерностей. В настоящее время крайне трудно составить представление о фигуративной зооморфной пластике отдельных культур. Это своего рода «белые пятна», поскольку ничего не известно об объеме материала, «видовом» составе фигурок, их стилистике, типологии, хронологическом и географическом распространении каждого «вида» и «типа».

Очевидно, что диспропорция в изученности фигуративной пластики не просто обедняет наши представления о духовной культуре ранних земледельцев Европы, но и заметно их искажает, вносит погрешность в любые мировоззренческие реконструкции. Основная задача предлагаемой работы состояла в максимально полном сборе и систематизации мелкой зооморфной фигуративной пластики на территории культуры Кукутени-Триполье, чтобы наконец появилась база для более корректной оценки возможностей этого важного, но слабо освоенного источника.

Пользуясь случаем, хочу выразить глубокую благодарность коллегам — В.М. Бикбаеву, Н.Б. Бурдо, М.Ю. Видейко, О.С. Гадзяцкой, И.А. Гей, С.А. Гусеву, В.П. Данильченко, В.А. Дергачеву, И.И. Зайцу, В.Г. Збеневичу, В.А. Круцу, И.В. Манзуре, В.И. Маркевичу, И.В. Мельничук, Н.Я. Мерперту, Т.Г. Мовше, А.П. Погожевой, Т.А. Поповой, Т.Б. Поповой, С.Н. Рыжову, Н.В. Рындиной, В.Я. Сорокину, Т.М. Ткачуку, Е.В. Цвек, Е.К. Черныш, Н.М. Шмаглию, Н.И. Шишлиной, В.А. Шумовой, — позволившим ознакомиться с материалами и помогавшим ценными советами. Без их поддержки эта работа вряд ли бы появилась.

Зооморфная пластика — весьма специфичный источник. Ее анализ может быть ориентирован в нескольких направлениях, которые в общей форме можно обозначить как «зоологическое», «археологическое», «технологическое» и «культурологическое». Все они лежат в сферах совершенно самостоятельных научных дисциплин, которые определяют особые пути исследования материала, но одновременно оказываются взаимосвязанными, и даже иерархически взаимосвязанными, поскольку первые три направления — «зоологическое», «техно-логическое» и «археологическое» — являются основой для дальнейших культурологических реконструкций.

«Зоологическое» направление способствует объективной оценке при распознавании образов, воплощенных в пластике, и требует привлечения специальных работ по зоологии, палеоэкологии и истории скотоводства. В работе использованы исследования:

а) по палеоэкологии, среде обитания диких животных Европы, а также об их экстерьере и этологии [Бибикова В.И., 1958, 1963; Дарлингтон Ф., 1966; Зубр... 1979; Редкие и исчезающие растения и животные Украины, 1988; Lochman J., Kotrú A., Hromas J., 1979; Флинт В.Е., Чугунов Ю.Д., Смирин В.М., 1970; Брэм А., 1930];

б) о происхождении домашних животных и ранних формах скотоводства [Боголюбский С.Н., 1959; Цалкин В.И., 1970; Вóкóny S., 1974; Шнирельман В.А., 1980];

в) об экстерьере современных домашних копытных [Лискун Е.Ф., 1949; Райдер М.Л., 1987];

г) по палеозоологии [Громова В.И., 1927; Бибикова В.И., 1950, 1953; Ганя И.М., Маркевич В.И., 1966; Perkins D., 1969; Chete V., Mateesco C., 1971; Иванов С., Василев В., 1975; Василев В., Николов В., 1980; Василев В., 1981, 1985].

«Технологическое» направление базируется на имеющихся методиках изучения технологии изготовления посуды рассматриваемой культуры (и полученных к настоящему времени результатах), а также учитывает все известные наблюдения над способами изготовления фигурок (состав формовочной массы, принцип лепки, способы крепления деталей, обработка поверхности, декор). Используются работы по технологии изготовления керамики [Красников И.П., 1931; Гей И.А., 1986; Заец И.И., Сайко Э.В., 1986] и статуэток [Сильченко Т.Н., 1955; Станчева М., Гаврилова М., 1963; Погожева А.П., 1973; Скакун Н.Н., Рындюк Н.В., 1994].

Традиционное «археологическое» направление ведет к поискам хронологических и географических особенностей в стилистике фигурок и требует диахронного рассмотрения материала, его привязки к единой шкале в рамках существующей периодизации культуры. Историкографический аспект этого направления включает вопросы, связанные с периодизацией и хронологией культуры Кукутени-Триполье, обзор работ, посвященных зооморфным фигуркам, и оценку применявшихся ранее методик исследования данной категории пластики (способов ее систематизации, вариантов интерпретации).

«Культурологическое» направление применительно к столь своеобразному источнику, как зооморфная пластика, особенно важно и полезно в аспектах, касающихся прочтения образов животных и использования самих фигурок в разных традициях.

Хорошо известно, что роль животных в символических системах разных народов всегда была очень заметной. Поэтому круг источников, а также работ этнологов, лингвистов, историков культуры и искусства, связанных с рассматриваемой темой, почти беспредельно широк. Неизбежно пришлось ограничиться привлечением исследований и источников, в которых представлениям о животных уделено особенно много внимания, а также работ, наиболее полезных методически. Используются собрания источников [Геродот, 1972; Средневековый бестиарий, 1984; Ермолов А., 1905] и работы [Антонова Е.В., 1987, 1990; Антонова Е.В., Раевский Д.С., 1981, 1991; Ардзинба В.Г., 1982; Афанасьева В.К., 1988; Выготский Л.С., 1968; Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В., 1984; Иванов В.В., 1976, 1981; Иванов В.В., Топоров В.Н., 1974; Кагаров Е.Т., 1913; Лосев А.Ф., 1957; Мелетинский Е.М., 1983; Отто Б., 1996; Рыбаков Б.А., 1965; Соколова З.П., 1972; Топоров В.Н., 1972, 1980; Фролов Б.А., 1978; Шнирельман В.А., 1979; Штейнер Е.С., 1988; Элиаде М., 1995; Cultural Attitudes to Animals, Including Birds, Fish and Invertebrates (The World Archaeological Congress, 1-7 September, 1986); Leroi-Gourhan A., 1964; Lévi-Strauss C., 1962].

Вопросы хронологии и периодизации Кукутени-Триполья в связи с исследованием зооморфной пластики

Культура Кукутени-Триполье существовала с конца V до начала III тыс. на огромном пространстве между долиной Сирета и правобережьем Днестра. Правда, на протяжении этого времени ее ареал менялся (разрастался, сокращался, смещался). Исследования памятников велись в России и Румынии с 90-х годов прошлого века. В России она получила название Трипольской (по одному из первых

раскопанных поселений в Поднепровье). В Румынии была названа Кукутень (по эпонимному памятнику в районе Ясс). Отечественные исследователи и румынские традиционно пользуются разными хронологическими схемами. Первая из них была разработана Т.С. Пассек [Passek T., 1935; Пассек Т.С., 1949, 1961], а вторая — румынскими археологами на основании шкалы, полученной Х. Шмидтом при раскопках многослойного поселения Кукутень [Schmidt H., 1932]. Определенным итогом их штудий стала периодизация, опубликованная В. Думитреску [Dumitrescu V., 1963] и соотнесенная им со шкалой Гумельницы [Dumitrescu V., 1964].

Из-за все более возрастающего числа раскопанных памятников постоянно ощущалась необходимость увязки двух используемых хронологических систем. Исследователи занимались сопряжением их отдельных участков. Чаще всего это делалось для определенных районов Украины и Молдавии. Н.М. Виноградова выделила памятники Триполья В1В2 в Пруто-Днестровском междуречье, синхронные Кукутени АВ [Виноградова Н.М., 1983]. Работы Т.Г. Мовши, В.А. Круца и С.Н. Рыжова позволяют синхронизировать памятники Триполья В2С1 в Буго-Днепровском районе и Поднепровье с Кукутенью В2 [Мовша Т.Г., 1984; Круц В.О., Рижов С.М., 1985]. Колонка памятников Северной Молдавии, опубликованная В.И. Маркевичем, привязывается к кукутенской шкале от Кукутени В1 до Кукутени В3 и, выходя за ее пределы, охватывает поздние периоды трипольской [Маркевич В.И., 1981]. В.Г. Збеновичем была разработана хронология раннетрипольских памятников и установлено их соотношение с прекукутенскими, систематизированными С. Маринеску-Былку [Marinescu-Bîlcu S., 1974; Збенович В.Г., 1989]. Работы многих авторов (Т.Д. Белановской, С.Н. Бибилова, В.М. Бикбаева, Н.Б. Бурдо, М.Ю. Видейко, Н.М. Виноградовой, С.А. Гусева, В.А. Дергачева, И.И. Зайца, Ю.Н. Захарука, В.Г. Збеновича, К.В. Зиньковского, В.А. Косаковского, В.А. Круца, В.И. Маркевича, Т.Г. Мовши, И.В. Палагуты, В. Г. Петренко, Л.Ю. Полищук, Т.А. Поповой, С.Н. Рыжова, Н.В. Рындиной, Н.А. Савченко, В.Я. Сорокина, Т.Д. Тодоровой, Е.В. Цвек, Е.К. Черныш, Н. М. Шмаглия) уточняют соотношение отдельных трипольских памятников с кукутенской периодизацией.

В хронологических штудиях триполиеведов получило развитие еще одно направление. Исследователи для отдельных районов выстраивают «цепочки памятников» с установленной относительной хронологией. Такие «цепочки» тянутся из периода в период (по периодизации Пассек) [Маркевич В.И., 1981; Мовша Т.Г., 1984; Шмаглия М.М., Рижов С.М., Дудкин В.П., 1985; Круц В.О., Рижов С.М., 1985; Шумова В.А., 1986; Патокова Э.Ф., Петренко В.Г., Бурдо Н.Б., Полищук Л.Ю., 1989; Круц В.А., 1989; Збенович В.Г., Шумова В.А., 1989; Сорокин В.Я., 1990; Цвек Е.В., 1989, 1991; Заец И.И., Рижов С.Н., 1992; Рижов С.М., 1993; Гусев С.О., 1995]. Подобные разработки стали возможны из-за большого числа выявленных памятников. На Украине и в Молдавии их сейчас более 2000. Но пока «цепочки» не покрывают всего ареала культуры и каждая из них представляет собой самостоятельную систему.

Сравнительно недавно появились варианты совмещенных кукутенско-трипольских периодизаций. Один из них принадлежит Е.К. Черныш, которая построила единую схему для Триполья и Кукутени, взяв за основу периодизацию Пассек и разделив каждый из трех ее этапов на большое число ступеней, так что по подробности эта шкала на некоторых участках стала превосходить кукутенскую [Черныш Е.К., 1982]. Однако не все решения автора находят поддержку у других исследователей. Особенно это касается хронологических позиций отдельных па-

мятников, что и препятствует ее использованию в данной работе. Еще одну периодизацию, разработанную с использованием радиоуглеродных и археомагнитных дат, предложил Д.Я. Телегин [Телегин Д.Я., 1985]. Она состоит из пяти этапов, не совпадающих ни с одной из предыдущих схем. При первичном хронологическом разделении материала эта схема также оказалась неудобной. Из-за погрешностей методов датирования в ней «цепочки» памятников с установленной относительной хронологией слились в «точки».

Изложенное показывает, что пока ни одна из новых отечественных схем не является общепризнанной. И, приняв какую-нибудь из них, неизбежно придется давать параллельный перевод хронологических позиций любого памятника в традиционных шкалах — трипольской или кукутенской. Первая, благодаря многолетним работам археологов, заметно усложнена и приближена ко второй, но терминологически она менее удобна (запись в терминах кукутенской шкалы компактнее). Именно поэтому в данной работе используется в основном терминология общеизвестной кукутенской периодизации. Но поскольку кукутенская шкала короче трипольской, пришлось прибегнуть к их частичному совмещению. Памятники, хронологически выходящие за рамки кукутенской шкалы, датируются по трипольской.

Выбор именно такой хронологической системы для выявления диахронных изменений кукутенско-трипольской зооморфной пластики не исключает возможности рассмотрения в будущем этого же материала в рамках любой другой периодизации.

Образы, возможные в трипольской пластике, и проблема их распознавания

При интерпретации зооморфных фигурок их наборы или выявленные «виды» очень часто соотносят с коллекциями остатков фауны соответствующих памятников. Поэтому целесообразно остановиться на некоторых фаунистических проблемах — составе диких и домашних животных в ареале Кукутени-Триполья, а также сведениях об экстерьере домашних копытных в древности.

Состав дикой фауны позволяет предположить, какие звери и птицы могут встретиться в пластике данного региона. Состав домашних животных характеризует специализацию хозяйства. При определенных условиях удается выяснить, в какой степени она отражена в зооморфной пластике. Сведения об экстерьере и особенностях сложения домашних животных в древности важны для выявления и оценки этих признаков на предметах пластики.

Первый обзор дикой фауны среднего голоцена Украины и Молдавии сделан В.И. Бибиловой [Бибилова В.И., 1963]. На материалах десятков поселений она выделила из списков фауны типично лесные (медведь, куница, белка, россомаха, лесная рысь, лесной кот, глухарь, тетерев) и типично степные (кулан, корсак, сайга, байбак, дрофа, красная утка) формы. Зубр — несомненно лесное животное — был исключен из перечня лесных форм из-за того, что его не по всем костям можно отличить от тура. А тур, в свою очередь, имеет очень широкий ареал обитания. Некоторые животные, представленные на трипольских памятниках, обитают как в лесу, так и в прибрежных лесах, лесостепи и степи. Это бобр, барсук, кабан, благородный олень, косуля. Типичный представитель лесной фауны — лось — мог, по мнению зоологов, проникать далеко на юг, продвигаясь вдоль рек. Картографирование распространения лесных и степных форм показало, что

лесные животные встречались много южнее современной границы леса и лесостепи. Бибилова провела границу леса для среднего голоцена по 49–48° северной широты, но по мере накопления молдавских материалов не исключала ее значительного смещения к югу в западной части.

Проведенные позже определения орнитофауны на одном из трипольских поселений в Северной Молдавии [Ганя И.М., Маркевич В.И., 1966] и палеозоологические определения для нескольких памятников этой же культуры, опубликованные В.И. Маркевичем [1981. Табл. 3, 4], показывают, что на ряде трипольских памятников Северной Молдавии присутствуют типично лесные формы (рысь, медведь, тетерев). Это позволяет сейчас проводить границу леса и лесостепи в Молдавии приблизительно по 47° северной широты, что не противоречит границе распространения реликтовых широколиственных лесов.

Далее граница леса и лесостепи (по Бибиловой) проходила по среднему течению Южного Буга к Днепровским порогам. Таким образом, большинство трипольских памятников было расположено в зоне широколиственных лесов или на ее границе. Присутствие тут изображений лесных зверей совершенно естественно. Только самые южные и поздние памятники (Маяки, Усатово) имеют в составе фауны типично степные формы: степную кошку, сайгу, корсака, дрофу, дикого осли и даже льва [Збеневич В.Г., 1974. С. 115].

На всех трипольских памятниках, где были сделаны определения костей домашних животных, в списках фауны есть крупный и мелкий рогатый скот, а также свинья. Соотношение этих видов должно отражать особенности хозяйственного уклада. Как показывают статистические подсчеты ряда авторов, на большинстве поселений, расположенных в лесной зоне, около половины «стада» составляет крупный рогатый скот. Доля свиней колеблется от 50 до 20%. Наиболее стабилен процент мелкого рогатого скота. Он варьирует от 30 до 23% [Цалкин В.И., 1970. Табл. 48; Збеневич В.Г., 1989. Табл. 4; Круц В.А., 1977. Табл. 7; Маркевич В.И., 1981. Табл. 3]. Это соотношение выглядит почти константой для сопоставления с «видами» животных, определяемых по статуэткам.

Южные (степные) усатовские памятники дают совершенно иную картину. Там резко преобладает мелкий рогатый скот. Доля крупного рогатого скота не превышает 30%. Свинья составляет считанные проценты или вовсе отсутствует [Збеневич В.Г., 1974. Табл. 1]. Но на этих памятниках пока очень мало зооморфной пластики [Патокова Э.Ф., 1957; Збеневич В.Г., 1974].

О возможности различения по остеологическим данным диких и домашних форм бовинов специалисты говорят следующее. Диких и домашних бовинов, и даже разные формы диких (тура и зубра), можно отличить не по всем костям. Долгое время их вообще не различали по посткраниальному скелету [Бибилова В.И., 1958]. В.И. Цалкиным показано, что очень значительной бывает трансгрессия биометрических признаков тура и крупного рогатого скота. Особенно близкими оказались многие признаки самки тура и самца домашнего быка [Цалкин В.И., 1970. С. 108 и сл.].

Тур считается родоначальником крупного рогатого скота на территории Европы. Сведений об экстерьере последнего в эпоху неолита — энеолита почти нет. Установлено, что параметрически он был курообразен, а также близок современному серому степному скоту [Цалкин В.И., 1970. С. 160]. Сохранившиеся на трипольских памятниках стержни рогов чаще всего бывают длинными. У современного скота рога условно делятся на короткие и длинные, но из-за изменчивости их форма при экстерьерной оценке даже не учитывается. К длинноногим курооб-

разным европейским породам помимо серого степного скота относят венгерскую длинноногую породу, итальянскую породу романьоль, испанских боевых быков. Большинство прочих многочисленных современных пород — очень позднего происхождения (последняя треть XVIII столетия).

Мелкий рогатый скот (козы и овцы) встречается на трипольских памятниках только domestцированный. Исследователи сходятся во мнении, что предком европейской домашней козы были безоаровые козы [Bökönyi S., 1974. С. 76]. Сейчас доказано происхождение domestцированной овцы от азиатского муфлона [Шнирельман В.А., 1980. С. 46 и сл.].

Почти все современные породы овец считаются довольно поздними. М.Л. Райдер пишет, что существует только одна порода, у которой строение скелета сходно с овцами бронзового века. Это порода сойя с островов Сент-Килда. Внешне овцы сойя очень похожи на муфлона и сохранили его окрас. В породе представлено два типа руна: с грубым ворсом (как у муфлона) и шерстное [Райдер М.Л., 1987. С. 84]. Видимо, овцы эпохи неолита и энеолита на юго-востоке Европы также были муфлонообразны. Это отчетливо фиксируется в коллекциях некоторых памятников [Василев В., 1981. С. 72]. Необходимо отметить, что, по данным остеологов, на памятниках Старчева-Криша, Гумельницы, Кукутени-Триполья самки коз обычно имеют рога, а овцы — комолы [Bökönyi S., 1974. С. 167; Иванов С., Василев В., 1975. С. 300; Василев В., 1981. С. 73; Василев В., 1985. С. 139; Бибилова В.И., 1953. С. 446; Цалкин В.И., 1970. С. 170], что могло найти отражение в пластике.

Домашние свиньи значительно мельче диких, поэтому различение их костей не вызывает затруднений. Относительно экстерьера домашней свиньи в эпоху энеолита существует мнение о его близости диким формам [Цалкин В.И., 1970. С. 181].

Очень ограниченные сведения об экстерьере домашних копытных эпохи неолита и энеолита, их возможное сходство с исходными дикими формами во многих случаях допускают только видовое определение фигурок. Помимо этого, распознавание образов по глиняной пластике бывает затруднено стилистикой моделировки и плохой сохранностью изделий. Трудности такого рода можно отчасти преодолеть при рассмотрении больших серий предметов. Наконец, следует иметь в виду, что в трипольской пластике (как и в других раннеземледельческих культурах) возможны образы, не имеющие прямого соответствия в фауне.

История исследования зооморфной фигуративной пластики Кукутени-Триполья и других раннеземледельческих культур Европы

Для всех раннеземледельческих культур Центральной и Юго-Восточной Европы (равно как и для Кукутени-Триполья) специальных работ по систематизации зооморфной пластики крайне мало. Чаще приходится иметь дело с небольшими по объему публикациями фигурок и зооморфных сосудов с определенных памятников или из музейных хранений, иногда содержащими наблюдения авторов над стилистикой изображений и мнения относительно символики последних. Такие издания использовались преимущественно в качестве источников.

Пока существует только одно исследование, посвященное диахронному анализу зооморфных изображений древних земледельцев — небольшая по объему работа Х. Чугудян, в которой рассмотрены разнообразные артефакты, найденные на территории Румынии — статуэтки, сосуды в форме животных и с зоо-

морфной символикой, предметы из камня, металла. Хронологический диапазон — неолит — ранний железный век [Ciugudean H., 1986]. Во всех этих группах артефактов автором выделена серия зооморфных образов: птиц, лошадей, свиней, хищников, змей, а также обобщенные «образы рогатых». Сами образы Чугудян воспринимаются весьма традиционно, связывая домашних животных с представлениями о плодородии, а диких — с охотничьей магией и тотемизмом. Зооморфные статуэтки, по мнению автора, служили для замены культовых животных в определенных церемониях, а все прочие изображения — суть символы этих животных. При количественной оценке групп артефактов сопоставлена их встречаемость. Примечательно, что для глиняных зооморфных фигурок отмечены два пика встречаемости. Первый из них приходится на неолит — энеолит, а второй (меньший) — на поздний бронзовый век — средний Гальштат. Это наблюдение, как кажется, справедливо для значительно более широкого ареала, поскольку уже обращали внимание на то, что в эпоху поздней бронзы на юге и юго-востоке Европы появляется второй пласт земледельческих культур, отмеченных фигуративной зооморфной пластикой [Березанская С.С., 1985. С. 509].

Имеющиеся единичные публикации коллекций зооморфных фигурок, сосудов (или отдельных предметов) с древнеземледельческих памятников Болгарии, Румынии, Молдавии, Украины лишь в очень небольшой степени отражают накопленные материалы. А. Чилингиrowым издана пластика, происходящая из телля Султан [Чилингиrow А., 1920]. Э.Ф. Патокова опубликовала зооморфные изображения Усатова [Патокова Э.Ф., 1957]; Т.А. Попова — фигурки животных и зооморфные детали сосудов из Поливанова Яра [Попова Т.А., 1967, 1970]; Б. Николов — пластику Градешницы [Николов Б., 1970]; О. Раду, Э. Реш и К. Германн — антропоморфную и зооморфную пластику с винчанского поселения Парца [Radu O., Resch E., Germann C., 1974]; Ш. Кукош и В. Думитреску — отдельные зооморфные сосуды [Cucos S., 1975; Dumitrescu V., 1977]; А. Ницу и М. Манту — несколько предметов (сосуды и фигурки) из Пойнешти [Nițu A., Mantu M., 1987]; В.И. Балабина — зооморфные фигурки из Друц I [Балабина В.И., 1988]; она же в соавторстве с И.П. Гирнык — статуэтки и детали сосудов из Чичирковского поселения [Балабина В.И., Гирнык И.П., 1988].

Есть серия публикаций пластики, хранящейся в фондах различных музеев Румынии, Югославии, Словакии. Весь этот материал, обычно лишенный археологического контекста, происходит из старых раскопок. Д. Розетти в свое время опубликовал пластику музея в Бухаресте [Rosetti D., 1938]. В каталоге Д. Берчу собрана пластика из фондов музея в Турну-Северин [Berciu D., 1953]. Н. Берлеску опубликовала кукутенскую пластику, хранящуюся в Музее Истории Молдовы [Berlescu N., 1964]. Д.Н. Попович и К. Симичук издали собрание энеолитических статуэток из музея в Сучаве [Popovici D. N., Simiciuc C., 1978]. Неолитические фигурки Бырладского музея опубликованы Е. Попусои [Popusoi E., 1986]. Среди этих работ наиболее ценны две — подробный и прекрасно иллюстрированный каталог гумельницкой пластики из Национального музея Олтеницы, изданный С. Маринеску-Былку и Б. Ионеску [Marinescu-Bilcu S., Ionescu B., 1968], и каталожная публикация пластики эпохи неолита — ранней бронзы, хранящейся в музее г. Оджаки, осуществленная С. Карманским [Karmanski S., 1977].

Необходимо отметить две более крупные публикации, включающие наряду с другими артефактами и пластику, — своды Д. Лазаровича и В. Подборского. В работе Ч. Лазаровича содержится обширная информация о пластике целой свиты культур Баната, но преимущественно представлены материалы с разновременных

винчанских памятников [Lazarovici Ch., 1979]. В. Подборский издал очень большую коллекцию пластики из Тишетице-Куйовице и других памятников моравской расписной керамики. Видимо, к моменту написания материал был охвачен почти полностью [Podborzsky V., 1985].

Ряд статей посвящен зооморфным сосудам и символике изображений животных на посуде древних земледельцев Европы. Самая крупная сводка налепных зооморфных изображений на посуде и сосудов в форме животных (около 500 предметов) с территории Центральной и Юго-Восточной Европы принадлежит А. Ницу. Он наметил их общую типологию и установил, что все выделенные разновидности сосудов и декора распространены значительно шире рассматриваемого региона [Nițu A., 1972]. С. Маринеску, обратив внимание на серийность гумельницких открытых сосудов в форме животных (обычно лишенных археологического контекста), предполагает, что они служили масляными лампами [Marinescu S., 1961]. Е.Т. Бабел интерпретирует зооморфную символику на сосудах культуры воронковидных кубков, на многих из которых есть одиночные и парные изображения баранов. Оценивая материалы культуры воронковидных кубков несколько изолированно, автор допускает, что у ее носителей существовал культ барана [Babel I.T., 1982 а, б]. Отметим совершенно верное «видовое» определение автором известной композиции — двух фигурок на ручке сосуда из Крженицы Ярой — как пары баранов. В литературе эта группа неоднократно трактовалась как бычья упряжка.

Систематизации зооморфных фигурок Кукутени-Триполья уделено внимание лишь в нескольких работах. Объектом первых опытов стали коллекции Поднепровья, сосредоточенные в Львовском Историческом Музее (ЛИМ). Эти материалы рассматриваются в исследованиях Е. Цегак и К. Маевского.

В статье Е. Цегак, вышедшей в 1933 г., помимо фигуративной пластики анализируются изделия из кости, модели построек, биноклевидные сосуды, зооморфные детали посуды, некоторые сюжеты росписей. Автором привлечены не только материалы ЛИМ, но и хранящиеся в Кракове коллекции из Бильче-Злото, Пенежково, Попудни [Cehak H., 1933]. Все зооморфные статуэтки Цегак определила как изображения домашних животных — волов, овец, баранов и даже лошадей. Впервые среди них были выделены моделированные подробно и схематичные. По мнению автора, явное количественное преобладание фигурок «волово» обусловлено особым культовым значением этого животного. Вслед за Гадачеком, опубликовавшим часть кошиловецкой коллекции [Hadaczek S., 1914], внимание Е. Цегак привлекли особенности декора фигурок и назначение у некоторых из них сквозных отверстий в шее и ногах.

В неопубликованной рукописи К. Маевского наблюдения, касающиеся того же массива зооморфных фигурок, отчасти повторяют выводы Цегак. Но он осторожнее отнесся к определению видов по статуэткам, полагая, что среди них уверенно можно выделить только быков. Массовость изображений бовинов объясняется ролью этого животного в хозяйстве. В целом, зооморфные статуэтки Маевский склонен связывать с культом плодородия [Маевский К.К., 1945].

В этой работе наиболее интересны морфологические штудии автора — пожалуй, первые в истории исследования зооморфной пластики поиски закономерностей в стилистике фигурок и их группировке по размеру. Опираясь на свой опыт анализа антропоморфной пластики — кикладской [Majewski K., 1935] и трипольской [Majewski K., 1938], — автор сделал последовательное (практически по частям тела) описание вариативности моделировки каждой части тела фигу-

рок животных. Он также обратил внимание на значительное варьирование размеров статуэток и, в соответствии с результатами своих измерений, разделил их на пять групп. К сожалению, повторные промеры эту группировку не подтвердили — видимо потому, что измерения были сделаны по правилам музейного описания (когда за длину предмета принимается его максимальный замер).

Э.Ф. Патокова, опубликовавшая все зооморфные изображения на памятниках Усатова-Большого Куяльника, атрибутировала немногие имеющиеся в ее распоряжении предметы и соотнесла их с остеологическими данными. Так же как и Маевский, автор пришла к выводу, что изображаемые животные имели большое экономическое значение, поэтому и получили отражение в искусстве [Патокова Э.Ф., 1957]. Необходимо отметить, что видовое определение фигурок у Э.Ф. Патоковой иногда спорно [Збеневич В.Г., 1974. С. 110].

Т.А. Попова в работе о зооморфной пластике многослойного поселения Поливанов Яр выделила несколько разновидностей изображений бовинов, имеющих широкое распространение на территории культуры и за ее пределами, а также отметила некоторые хронологические закономерности в стилистике фигурок и уделила внимание анализу археологического контекста [Попова Т.А., 1970]. Стилистические наблюдения автора позднее подтвердились при рассмотрении материалов других памятников [Балабина В.И., Гирнык И.П., 1988; Балабина В.И., 1990а].

Можно выделить круг исследований, в которых зооморфные фигурки древних земледельцев привлечены для аргументации различных гипотез, диапазон которых весьма широк — от реконструкции транспортных средств и характера хозяйства носителей какой-либо культуры до доказательства межэтнических контактов. Особенно же часто они используются при воссоздании мифологических представлений.

Б.А. Богаевский большую часть монографии о хозяйстве носителей трипольской культуры посвятил воссозданию форм животноводства [Богаевский Б.А., 1937]. Поскольку палеозоологические данные в то время были очень скудны, автор для своих реконструкций привлекал и зооморфную пластику, хотя опираться на такой материал весьма опасно. Кроме того, сейчас установлено, что набор изображений на памятнике вообще может не соответствовать составу фауны [Perkins D., 1969].

В.П. Кравец, сопоставив две категории трипольских изделий — саночки (специфичные сосуды на полозьях) и фигурки бовинов с росписью, — предположила, что эти предметы могли быть связаны друг с другом. В результате была предложена первая реконструкция бесколесного транспортного средства у носителей культуры и появилось обоснование использования ими быка в качестве тягловой силы. По мнению Кравец, роспись на статуэтках изображает упряжь (что довольно спорно) [Кравец В.П., 1951].

В. Николов в качестве одного из аргументов в пользу своей гипотезы о прямых контактах между Анатолией и Восточной Болгарией в эпоху раннего неолита привел зооморфную головку, которую интерпретирует как изображение леопарда. Этот предмет, по его мнению, является первым свидетельством существования культа леопарда в Юго-Восточной Европе [Николов В., 1986]. Если выводы автора, сделанные на основе сходства некоторых орнаментальных композиций на керамике времени Каранова I и Хаджиляра V-II, кажутся достаточно убедительными, то опубликованная головка животного им несколько противоречит [Там же. Рис. 1]. Она, кстати, с большей вероятностью принадлежит бовину с

обломанными рогами, чем леопарду. Стилистически же головка близка пластике Старчева-Криша и раннего Сескло, особенно специфической формой глаз, моделированных горизонтальными «подколами» к носу (именно эти глаза и показались кошачьими). Но как раз такой способ обозначения глаз довольно часто фиксируется и у антропоморфных, и у зооморфных европейских раннеолитических фигурок [Arandjelović-Garašanin D., 1954. Т. III. Sl. 3, 10; Milošević V., 1965. Abb. 1, 1-3, 6-8; Ucko P.J., 1968. Abb. 190; Срејовић Д., 1968. Рис. 4, 7; Theocharis D. et al., 1973. Fig. 102, 186, 241; Paul I., 1995. Tabl. VIII, 2]. У зооморфных статуэток Хаджиляра (в том числе и у леопардов) глаза бывают круглыми, подчеркнутыми углубленным обводом [Mellaart J., 1970. Табл. CLXXI, CLXXII].

Очень важные наблюдения относительно интерпретационных возможностей зооморфной пластики содержатся в монографии С.Н. Бибикова о Луке-Врублевской, специальная глава которой посвящена идеологическим представлениям ранних земледельцев [Бибиков С.Н., 1953]. С.Н. Бибиков первым рассмотрел прекукутенскую зооморфную пластику на широком фоне, сопоставив ее с опубликованными материалами других раннеземледельческих культур Европы, отметил повторяемость «видов» животных во всем ареале и обратил внимание на некоторые типы статуэток, известные как в Триполье, так и за его пределами. Сформулированный в работе тезис о значительной близости трипольской зооморфной пластики с пластикой других европейских культур, о том, что ее следует рассматривать как вариант юго-восточноевропейской пластики в целом, не только справедлив до сих пор, но и нашел множество новых подтверждений.

Еще один тезис С.Н. Бибикова — о сходстве мировоззренческих представлений в пределах всего ареала — предопределил новое направление в исследовании духовной культуры древних земледельцев Европы. Развитие этой идеи (а по сути дела, рассмотрение любых их сакрализованных артефактов в рамках гипотезы о едином культурном тексте) отчетливо присутствует в работах Б.А. Рыбакова и М. Гимбутас [Рыбаков Б.А., 1965; Gimbutas M., 1974, 1989, 1991], а в менее явной форме — у многих авторов, в той или иной степени затрагивавших вопросы мировоззрения носителей трипольской культуры.

Некоторые выводы С.Н. Бибикова вполне согласуются со взглядами предшественников. Все трипольские зооморфные статуэтки он склонен считать изображениями домашних животных. Делая более широкие обобщения (со ссылками на наблюдения Чайлда, Равдоникаса, Буланды, Васича), он писал, что «для раннеземледельческих памятников очень широкого ареала характерно присутствие терракот, изображающих исключительно домашних животных» [Там же. С. 246].

Численное превосходство фигурок бовинов, по его мнению, указывает не только на внимание носителей культуры к быку как ведущему хозяйственному животному, но и на его особую культовую роль. В работе приведены и иные примеры особого отношения к образу быка, подтверждающие этот тезис и позволяющие говорить о ведущей роли быка в трипольском культе плодородия и связи его с образом женщины. Это — захоронения бычьих черепов под домами, совместное нахождение бычьего черепа и женской статуэтки в Сабатиновке II, присутствие в одном из погребений Усатова каменной рогатой головы и женских статуэток и, наконец, известная костяная пластина из Бильче-Злото, представляющая собой голову бовина с вписанным в ее контур изображением женщины [Там же. С. 266].

Отдельные выводы С.Н. Бибикова опирались на весьма скудную источниковедческую базу и сейчас требуют уточнения. Прежде всего следует отметить,

что видовое определение предметов пластики должно проводиться как бы в двух плоскостях: необходимы сопоставления характерных признаков статуэток с типичным экстерьером реальных представителей фауны (что, несомненно, присутствует в работе), но не менее важно учитывать и стилистические особенности пластики конкретной культуры (а вот это в начале 1950-х годов было трудноисполнимо из-за недостатка материала). Нельзя согласиться с утверждением, что энеолитические зооморфные статуэтки изображают исключительно домашних животных, так как экстерьер некоторых из них (бюбюнов, свиней) мог быть близок исходным диким формам. Кроме того, на трипольских и других древнеземледельческих памятниках давно известны сосуды в виде медведей, оленей. В последние десятилетия обнаружены и фигурки этих животных.

Гипотеза о культе быка и о связи образов быка и женщины в изобразительной традиции Триполья в общей форме присутствует у ряда авторов и до С.Н. Бибикова [Сешак Н., 1933; Bulanla E., 1947]. Однако именно он последовательно аргументировал свои выводы, опираясь на собственно трипольские материалы. В дальнейшем эти построения не встретили возражений у исследователей культуры и легли в основу современных взглядов на идеологию ее носителей. Авторы обобщающих работ, специальных статей и публикаций материалов памятников сходным образом интерпретируют как остеологические материалы, так и большинство изображений бюбюнов (либо просто «рогатых»).

Тем не менее аргументы, приводимые С.Н. Бибиковым, небесспорны. В яме N 6 кургана 11-2 в Усатово была найдена известняковая рогатая голова с вогнутым междурожьем, которую нельзя с уверенностью считать изображением бюбюна [Збенович В.Г., 1974. Рис. 43, 2]. Определение пола этого образа столь же проблематично, как и для костяной головы-пластины из Бильче-Злото. Черепа же, о которых С.Н. Бибиков писал как о «бюбюных», имеют лишь видовое определение. Установить по ним пол животного, скорее всего, было просто нельзя. Так, в землянке I из Сабатиновки II найдена лобная кость [Даниленко В.М., Макаревич М.Л., 1956. С. 136], в жилище 5 Луки-Врублевецкой — лобная часть черепа [Бибикова В.И., 1953. С. 433].

Известно, что в археологической литературе видовое остеологическое определение «Bos» нередко сужают и интерпретируют как определение пола животного («бюбюными» называют любые фрагменты черепов и роговых стержней бюбюнов). За последние 40 лет список подобных находок заметно пополнился, но они и обсуждаются избирательно. Дело в том, что под трипольскими постройками не менее часто фиксируют черепа и рога других животных [Збенович В.Г., 1980. С. 153], информация о которых не всегда принимается во внимание. В.И. Цалкин, работая с остеологической коллекцией из Флорешт, сделал ряд определений пола бюбюнов по роговым стержням. Оказалось, что в обоих слоях памятника (КЛЛК и Прекукутень II) присутствуют стержни самцов и самок тура, а также domesticированных быков и коров [Цалкин В.И., 1970. С. 38-43], но о приуроченности каких-либо из них к конкретным жилищам ничего не известно.

Если вернуться к зооморфным статуэткам в виде бюбюнов, то, опираясь на большую серию современных наблюдений, придется отметить, что у них возможна разная маркировка пола. Думается, изложенное показывает, что пока собственно трипольские материалы не дают основания говорить о культе быка у носителей культуры, может быть — о повышенном интересе к бюбюнам (на уровне вида) без уточнения пола. Столь же осторожно придется формулировать тезис о знаковой связи женских изображений и бюбюна, но не обязательно быка.

После монографической публикации материалов Чатал-Хююка [Mellaart J., 1967] появились работы, в которых древнеземледельческая европейская зооморфная пластика сопоставлялась с изображениями из «святилищ» этого памятника. А. Радунчева соотнесла с ними статуэтки бюбюнов и зооморфные сосуды с энеолитических памятников Болгарии и Румынии [Радунчева А., 1971], а Н.К. Качалова — некоторые трипольские изображения [Качалова Н.К., 1977]. Оба автора пришли к выводу, что материалы ранних земледельцев Юго-Восточной Европы, как и анатолийские, отражают культ быка. В этой связи хочется отметить, что анатолийские материалы часто интерпретируются несколько поверхностно. «Святилища» Чатал-Хююка — очень сложный, не до конца исследованный разновременный комплекс, или даже комплексы, со множеством зоо- и антропоморфных изображений. И было бы заведомым упрощением сводить их символику только к культу быка (и даже по преимуществу к культу быка). На фресках есть изображения быков, коров, многих других животных, отдельные виды которых, например олени, встречаются немногим реже бюбюнов [Антонова Е.В., 1984. С. 93]. Кроме того, в «святилищах» помимо рельефных голов бюбюнов и их рогов довольно часты также головы и рога баранов. Известно, что по остеологическим материалам из Чатал-Хююка (в частности по черепам бюбюнов) определения пола животных не делались [Perkins D., 1969. P. 177-179]. Последнее обстоятельство заставляет с осторожностью относиться к общепринятому мнению, что все рога и головы бюбюнов оттуда именно бычьи. Может быть, и для этого памятника следует говорить о преобладании изображений бюбюнов, несомненно связанных с женским персонажем, но не о «быке и богине».

Реконструкции мифологии ранних земледельцев Европы посвящены три большие работы М. Гимбутас [Gimbutas M., 1974, 1989, 1991], причем две последние представляют собой расширенные варианты первой. Наиболее плодотворная идея автора — целостное восприятие духовной культуры носителей европейских древнеземледельческих культур, попытка воссоздать ткань их общего культурного текста, фрагментарно запечатленного в декоре и множестве групп артефактов. Но методические построения М. Гимбутас не всегда кажутся убедительными.

Сложная и многоплановая авторская модель ориентирована на более поздние, в основном античные, мифологические сюжеты. А иллюстрируется она множеством неолитических и энеолитических изображений (в том числе и зооморфных), которые тем самым как бы расшифровываются и выстраиваются в систему. Прежде всего, как кажется, избранный способ прочтения утраченного смысла древнеземледельческих символов предопределяет заведомое «выдергивание» предметов из естественных серий, поскольку автор волен выбирать среди них любые, наиболее удачно соответствующие его модели, и обходить непонятные или неподходящие. И всякий раз эта процедура неизбежно влечет за собой прямое или опосредованное искажение искомого смысла. Кроме того, возникают сомнения в правомерности столь прямого проецирования античной вербальной (во многом реконструктивной) традиции на мир древних земледельцев. Ведь сейчас далеко не все и собственно античные изобразительные тексты поддаются прочтению.

Подводя итог обсуждению исследований о зооморфной пластике раннеземледельческих культур Юго-Восточной Европы и работ, в которых она интерпретируется или привлекается иллюстративно, приходится признать, что методический опыт анализа фигурок (как-то: типологии, морфологического описания, выявления стилистических особенностей) оказался весьма скуден, а интерпретации обычно несколько опережают систематизацию материала. Именно поэтому пришлось обратиться к имеющемуся опыту систематизации разновременной антропоморфной пластики.

В процессе отработки системы описания фигурок (их морфологии и декора), а также при построении классификации привлекались некоторые исследования на эту тему [Majewski K., 1935; Ziomecky J., 1959; Kogošec J., 1959, 1962, 1968; Ucko P.J., 1968; Höckmann O., 1968; Погожева А.П., 1971, 1983; Мовша Т.Г., 1975; Антонова Е.В., 1977; Тодорова Х., 1980; Pogoševa A.P., 1985; Гвоздовер М.Д., 1985а, б]. Обобщающие работы по трипольской антропоморфной пластике оказались полезны и при статистическом анализе диахронного распределения зооморфных фигурок Кукутени-Триполья [Погожева А.П., 1983; Pogoševa A.P., 1985].

Рассматриваемая в данной работе зооморфная пластика происходит из разных источников — музейных хранений, отчетов о раскопках трипольских памятников, публикаций памятников разных древнеземледельческих культур, обобщающих исследований, иллюстрированных альбомов.

Использованы материалы из отчетов, содержащих еще не опубликованные трипольские фигурки и сведения об их контексте [Борзияк И.А., 1982; Круц В.А., Рыжов С.Н., Збеневич В.Г., Шумова В.А., 1981; Круц В.А., Рыжов С.Н., Шумова В.А., 1982; Круц В.А., Рыжов С.Н., Шумова В.А., 1984; Цвек Е.В., 1982; Цвек Е.В., Шиянова А.В., 1975; Шмаглий Н.М., Зиньковский К.В., Шумова В.А., 1973; Шмаглий Н.М., Зиньковский К.В., Рыжов С.Н., Шумова В.А., 1975; Шмаглий Н.М., Рыжов С.Н., 1975].

В работе использованы публикации памятников [Белановская Т.Д., Шмаглий Н.М., 1959; Васић М., 1932, 1936; Винокур И.С., 1966; Георгиев Г., Ангелов Н., 1952; Даниленко В.М., Макаревич М.Л., 1956; Детев П., 1959, 1968; Есипенко А.Л., 1957; Заец И.И., Рыжов С.Н., 1992; Збеневич В.Г., 1980; Калудова И., 1966; Козловська В., 1926, 1927; Кравець В.П., 1954; Куринний П.П., 1927; Макаревич М.Л., 1940, 1960б; Маркевич В.И., 1970, 1973; Мовша Т.Г., 1960; Николов Б., 1974; Николов В., Григорова К., Сиракоза Е., 1991; Рудинський М., 1930; Рындина Н.В., 1982, 1985, 1986; Сорокин В.Я., 1983; Тодорова Х., 1973, 1975; Тодорова Х. и др., 1983; Трбуховић М., Васильевић М., 1983; Черныш Е.К., 1962, 1973; Шмаглий М.М., Рижов С.М., Дудкин В.П., 1985; Штерн Э.Р., 1906; Щербаківський Д.М., 1927; Ambrojičević S., 1933; Andrieşescu L., 1924; Berciu D., 1956, 1957, 1982; Braidwood R.F., Howe V., Reed C.A., 1960; Childe V.G., 1923; Chirica V., Tanasachi M., 1984; Colectiul de cercetari arheologice al Academiei RPR, 1952; Coman G., 1980; Comşa E., 1969; Comşa E., Georgescu V., 1984; Crişmaru A., 1970, 1977; Dinu M., 1957; Dumitrescu H., 1933, 1959; Dumitrescu H., Dumitrescu V., 1957; Dumitrescu V., 1924, 1925, 1933а, б, 1966, 1980; Dumitrescu V. et collaborateurs., 1954; Fol A., Katincarov R., Lichardus J., Bertemes F., Iliev I., 1989; Georgiev G.I., 1961; Himner M., 1933; Horváth F., 1982, 1987; Hegedüs K., Makkay J., 1987; Kalicz N., Raczky P., 1987; Kandyba O., 1937; László F., 1924; Marinescu-Bîlcu S., 1962, 1981; Mataşa C., 1946, 1964; Mateescu C.N., 1955, 1962; Mellaart J., 1967, 1970; Nica M., 1976; Nica M., Niţa T., 1979; Nestor I., 1933; Paul I., 1995; Petrescu-Dîmboviţa M., 1957;

Petrescu-Dîmboviţa M., Barşan M., Radulescu M., 1953; Petrescu-Dîmboviţa M. et collaborateurs., 1955; Renfrew C., Gimbutas M., Elster E., 1986; Raszky P., 1987; Schmidt H. von., 1932; Ştefan Gh., 1925; Şzekely Z., 1957, 1959; Vlassa N., 1963; Vulpe R., 1953, 1957; Zaharia N., Zaharia E., Argotosoiaie F., 1973].

Привлекались обобщающие исследования [Пассек Т.С., 1949, 1961; Збеневич В.Г., 1974, 1989; Круц В.А., 1977; Маркевич В.И., 1981; Черныш Е.К., 1982; Тодорова Х., 1979; Тодорова Х., 1986; Гусев С.О., 1995; Титов В.С., 1996; Schroller H., 1933; Arandjelović-Garašanin D., 1954; Novotný V., 1958; Berciu D., 1961; Galović R., 1968; Marinescu-Bîlcu S., 1974; Kalicz N., Makkay J., 1977; Cauvin J., 1978; Dumitrescu V., Bolomey A., Mogoşanu F., 1983; Yakar J., 1985; Macht, Herrschaft und Gold, 1988; Tasić N., 1995].

Использовались исследования по искусству и иллюстрированные издания (преимущественно по искусству, культуре ранних земледельцев Центральной и Юго-Восточной Европы) [НЦБ (каталог), 1968; Бритова Н.Н., 1969; Папагеоргиу А., 1970; Радунчева А., 1973; Санев В. и др., 1976; Искусство ранних земледельцев... 1979; Думитреску В., 1985; Маркевич В.И., 1985; Никулина Н.М., 1994; Hadaczek C., 1914; Bossert H.Th., 1923; Kalicz N., 1970; Tasić N., 1973; Theocharis D. et al., 1973; Dumitrescu V., 1968, 1979; Vladár J., 1979; Vladár J., Turcany V., 1979; Pavúk J., 1981; Gimbutas M., 1974, 1989, 1991; Raduntscheva A., 1976, 1981; Markevitch V., 1987; Das Mykenische Hellas Heimat der Helden Homers, 1988].

Глава 1. КОЛИЧЕСТВЕННАЯ ОЦЕНКА МАТЕРИАЛА, ЕГО КЛАССИФИКАЦИЯ, МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Количественная оценка зооморфной пластики

Количественный анализ зооморфной пластики любой культуры должен состоять из серии независимых характеристик — таких, как оценка объема материала (в целом и диахронно), частота встречаемости фигурок на памятниках, оценка их количества в пределах поселения*. Все они становятся значимыми при сопоставлении с соответствующей информацией об инокультурных массивах этой же категории пластики, когда появляются возможности поиска закономерностей, выявления норм и отклонений.

Достаточно ясно, что, в силу объективных причин (применявшихся и существующих методик раскопок памятников, принципов фиксации находок, состояния документации), сейчас не все перечисленные характеристики могут быть получены даже для кукутено-трипольской зооморфной пластики [Балабина В.И., 1990б]. А отсутствие какой-либо количественной информации для инокультурных массивов статуэток животных препятствует любым сопоставлениям в этом направлении. Еще один путь открывают внутрикультурные сопоставления — сравнения тех же данных для массивов кукутено-трипольской зооморфной и антропоморфной пластики. Они позволяют выявить закономерности, свойственные фигуративной пластике конкретной культуры. Именно этот путь и пришлось избрать, поскольку антропоморфная пластика Кукутени-Триполья уже систематизирована и некоторые ее количественные характеристики известны (либо могут быть восстановлены).

Прежде всего следует отметить, что массив зооморфных статуэток по объективным причинам оказался информативно неоднороден. Среди них пришлось различать «собранные» и «учтенные». «Собранными» названы фигурки, хранящиеся в доступных коллекциях, а также те, изображения которых найдены в пуб-

* Излагаемые здесь вопросы уже рассматривались [Балабина В.И., 1986; 1990а; 1991а]. Однако значительное накопление материала привело к пересмотру ряда положений. Благодаря увеличению серий пластики для отдельных периодов Кукутени-Триполья несколько откорректировались количественные оценки, в частности представления о хронологическом распределении материала. Видоизменилась и его классификация.

ликациях и архивах. Они составили наиболее информативную часть массива. «Учтенные» же предметы известны по упоминаниям (в публикациях, отчетах, описях) и привлекаются лишь для самых общих количественных оценок. Зооморфных фигурок «собрано» 878 экз. А вместе с «учтенными» объем их массива составил 1223 экз. (1123 целых и фрагментированных статуэтки с хронологическими привязками, 53 предмета из многослойных памятников и пунктов с нечеткой датировкой, 47 беспаспортных фигурок из разных мест хранения). В монографии А.П. Погожевой приведена информация о 2120 антропоморфных статуэтках, происходящих преимущественно с территории Молдавии и Украины [Погожева А.П., 1983. Табл. 1, 13]. Для коррекции данных использованы румынские и более поздние, чем работа А.П. Погожевой, отечественные публикации антропоморфных фигурок. В результате подсчетов оказалось, что сейчас их массив составляет около 2600-2700 экз., то есть он более чем вдвое превышает массив «учтенной» зооморфной пластики Кукутени-Триполья.

Для выяснения диахронного соотношения двух категорий пластики построены гистограммы (табл. 1), на которых для каждого периода культуры отражены соотношения зооморфных и антропоморфных статуэток (привлекался только хронологически привязанный материал). Из-за очень крупной, непроверяемой и заметно влияющей на результаты коллекции пластики румынского памятника Хебешешть (Кукутень А3), где, согласно тексту публикации, найдено 420 фигурок животных, но иллюстрации есть только для 72 из них [Dumitrescu V. et coll., 1954], для Кукутени А3А4 (на соответствующей гистограмме табл. 1) даны два варианта соотношения — без пластики из Хебешешти и вместе с ней. Если не учитывать материал из Хебешешти, соотношение двух категорий пластики на протяжении времени существования культуры очень стабильно. Во все периоды, за исключением начального и финального, зооморфная составляет 30-40, а антропоморфная — 70-60% выборки, что может указывать на устойчивую взаимосвязь рассматриваемых категорий статуэток в течение длительного времени. Коллекция же из Хебешешти, резко меняющая соотношение для Кукутени А3А4, по всей вероятности, пока не должна приниматься во внимание.

Для оценки встречаемости зооморфных фигурок на памятниках была привлечена информация о 176 одновременных поселениях. На 131 из них производились раскопки, а остальные 45 — это места случайных сборов и пункты, отмеченные при разведках.

Среди памятников, подвергшихся раскопкам, поселения с зооморфной пластикой составляют 58% (77 пунктов). Для большинства периодов культуры данная категория пластики фиксируется примерно на половине поселений. От общего уровня встречаемость фигурок отличается в Прекукутени, где она несколько ниже (38%), а также в Кукутени В2, где она, наоборот, выше (88%). В пунктах сборов и разведок частота встречаемости зооморфной пластики близка усредненной (присутствует на 49% памятников). К сожалению, данные о встречаемости антропоморфных статуэток на памятниках пока не уточнены, что препятствует каким-либо сопоставлениям с ними.

В настоящее время невозможна и корректная количественная оценка пластики на памятниках Кукутени-Триполья. Среди нескольких сотен раскапывавшихся одновременных поселений (очень различающихся по площади) ни одно не было исследовано полностью. Поэтому достоверную информацию о числе зооморфных и антропоморфных статуэток в слое, жилищах и других комплексах получить нельзя. В немалой степени решению подобных задач препятствует не-

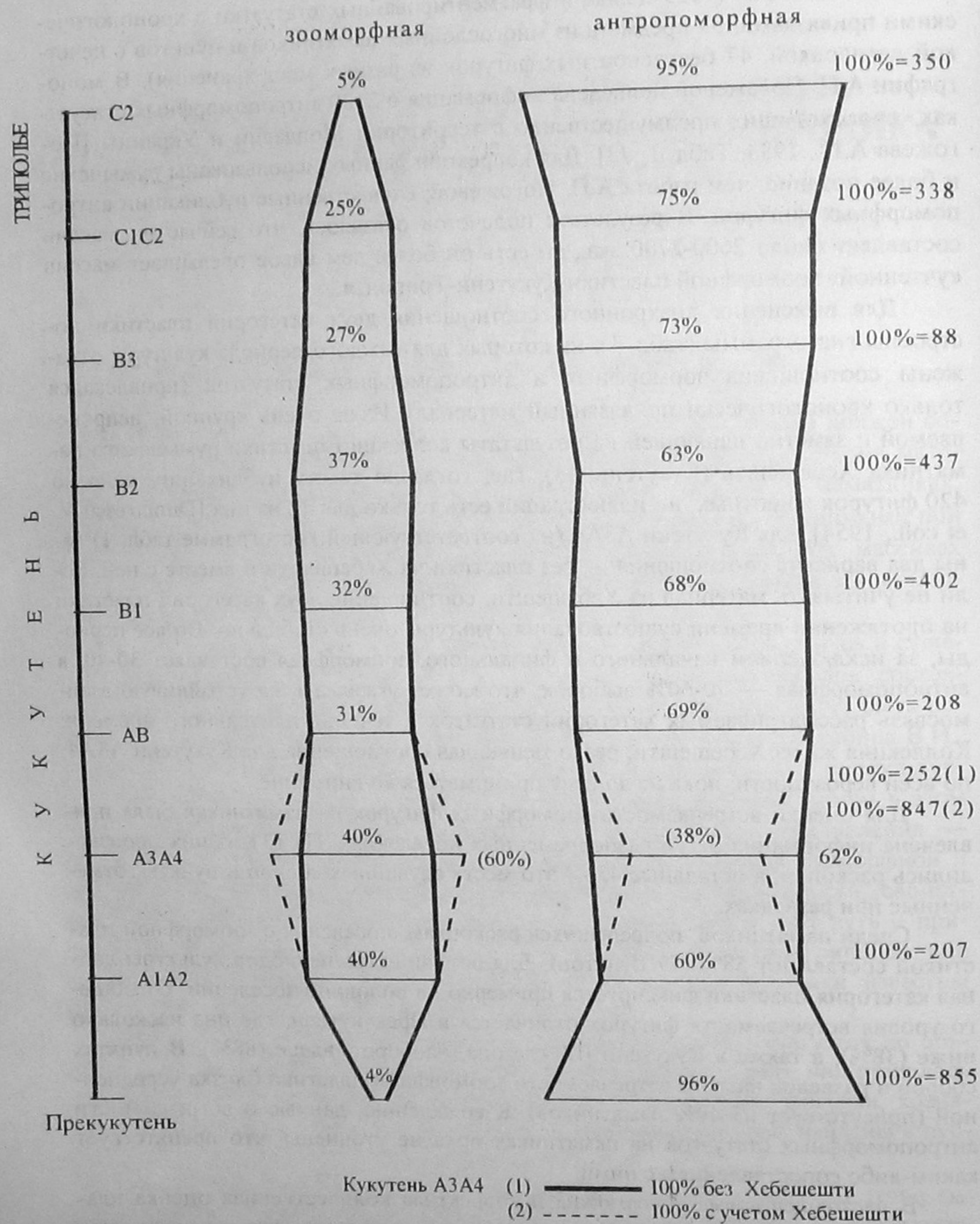

Таблица 1. Соотношение зооморфной и антропоморфной пластики для разных периодов Кукутени-Триполья

сопоставимость объемов раскопочных работ. В рассмотренной выборке памятников, подвергавшихся раскопкам (131 поселение), в 45% случаев минимальным раскопом вскрывались отдельные жилища; раскопы большой площади были заложены на 28% памятников; 5% раскапывалось траншеями; на 5% применялась комбинация поисковых траншей с накрывающими жилища раскопами; на 2% поселений производилась сплошная шурфовка. В 15% случаев характер работ неясен. Количественные же характеристики культурного слоя почти повсеместно отсутствуют. Поэтому пока трудно найти какие-либо закономерности в планиграфическом распределении пластики на памятниках (или на их отдельных участках).

Классификация зооморфных фигурок

Сейчас становится все более очевидно, что европейские раннеземледельческие культуры принадлежат единому культурному ареалу, в пределах которого весьма вероятно сходство (если не общность) мировоззренческих представлений. К такому предположению неизбежно приводит рассмотрение сакрализованных артефактов любой из этих культур на широком фоне [Бибиков С.Н., 1953; Рыбаков Б.А., 1965; Gimbutas M., 1974]. При изучении же разных категорий таких предметов в рамках одной культуры приходится не только выяснять свойственные ей закономерности, но и искать черты, ориентированные на единую традицию (общий текст). Именно поэтому для кукутенско-трипольской зооморфной пластики построена открытая классификация, позволяющая описывать разнотипный культурный материал.

Такая схема для зооморфной пластики обладает особой спецификой. Она должна учитывать как конструктивные особенности фигурок, так и традиционную зоологическую таксономию, ибо неолитические и энеолитические зооморфные фигурки на территории Юго-Восточной Европы изображают многих реальных или фантастических животных, а кроме того — вариabельны по своему строению. В предлагаемой схеме (табл. 2) присутствуют разряды «класс», «вид», «тип изображения». «Класс» и «вид» для зооморфных статуэток по возможности приближены к зоологической таксономии. «Тип изображения» различает их конструктивно. Стилистические же особенности пластики каждой культуры будут отражать дальнейшие автономные уровни, к которым приводит типология, базирующаяся на анализе конкретного материала. В классификации предусмотрены «классы» статуэток, пока не встреченные на памятниках Кукутени-Триполья, но известные в других раннеземледельческих культурах. Они изображены на схеме штриховой линией.

Категория зооморфной фигуративной пластики состоит из пяти «классов»: 1 — «Звери» (838 экз.), 2 — «Птицы» (35 экз.), 3 — «Рыбы» (1 экз.), 4 — «Рептилии и Амфибии», 5 — «Фантастические». Два последних «класса» пока среди материалов культуры отсутствуют.

«Класс» 1 разделен на шесть «видов», число которых может увеличиться по мере накопления материала. Среди «Зверей» выделены: 1 — бовины/овиды (489 экз.), 2 — козы (20 экз.), 3 — олени (23 экз.), 4 — свиньи (32 экз.), 5 — медведи (13 экз.), 6 — безрогие с нечеткой атрибуцией (70 экз.). «Виды» 1 и 6 требуют пояснения. Оба они смешанные. В «вид» 1 объединены рогатые фигурки, соответствующие и бовинам, и баранам. Сделано это потому, что из-за плохой сохранности рогов часто трудно определить, какое из этих животных изображено.

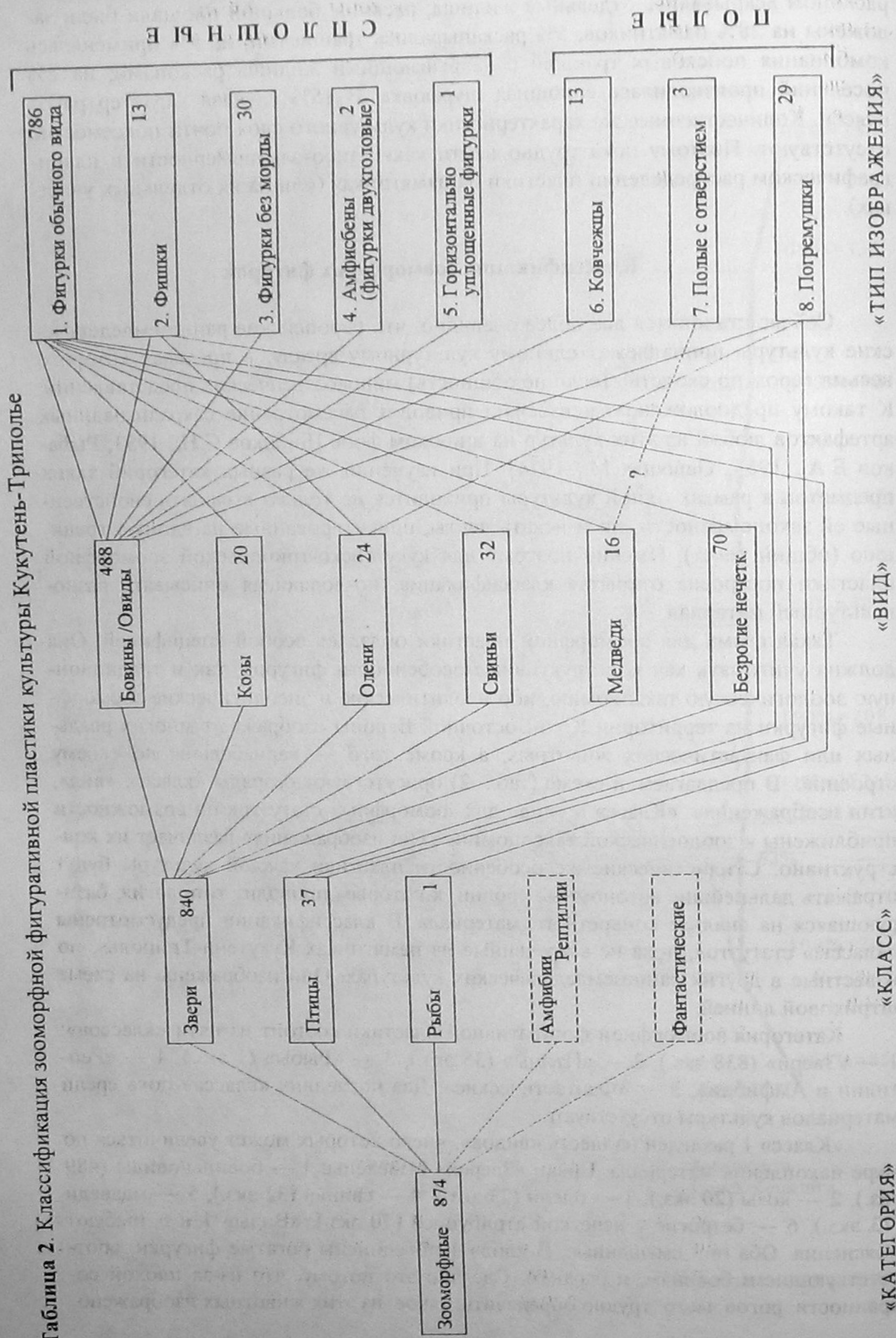

Таблица 2. Классификация зооморфной фигуративной пластики культуры Кукутени-Триполья

Сходство же сложения крупного рогатого скота и овец признано специалистами по экстерьеру [Лискун Е.Ф., 1949. С. 277]. «Вид» 6 составили безрогие фигурки с не очень явными признаками определенных животных. Среди них по косвенным деталям удастся выделить «овец», «собак», «комолых бовинов». Видимо, присутствуют и некоторые дикие звери, но для уверенного их различения необходимы более крупные серии.

Малочисленные «классы» 2 и 3 пока на «виды» не делятся.

Все зооморфные фигурки разделены на восемь «типов изображений», по-разному соотносящихся с «классами» и «видами». «Типы» подразделяются на две группы — сплошных статуэток («типы» 1-5) и полых («типы» 6-8).

К сплошным статуэткам принадлежат:

«тип» 1 — фигурки обычного вида с моделированной головой. Для Кукутени-Триполья это самый многочисленный «тип», представленный всеми «видами» «Зверей», «Птицами», «Рыбами». Число статуэток составило 786 экз.;

«тип» 2 — «фишки» с зооморфными (и антропоморфными) головами. Трипольско-кукутенские «фишки» бывают с головами баранов, бовинов, оленей, птиц. Известно 13 экз.;

«тип» 3 — фигурки с условно трактованной головой, у которых отсутствует морда. Их передние ноги, грудь, шея, рога составляют единую плоскость. К этому «типу» относятся только изображения бовинов/овидов. Число фигурок равно 30 экз.;

«тип» 4 — амфисбены — двухголовые статуэтки, у которых головы находятся с противоположных сторон. В Кукутени-Триполье пока известны две амфисбены, изображающие бовинов. В других раннеземледельческих культурах Юго-Востока Европы подобных фигурок бывает много, в видовом отношении они разнообразны;

«тип» 5 — фигурки горизонтально уплощенные. Этот «тип» представлен единственной статуэткой, изображающей бовина. У нее тонкое, плоское, как плитка, тело, морда и ноги изображены в профиль, рога развернуты в фас.

Полые статуэтки объединяют три «типа изображений»:

«тип» 6 — фигурки-ковчезцы. Они отличаются от «типа» 1 наличием небольших углублений в спине (или емкостей, прикрепленных сверху) и занимают промежуточное положение между статуэтками и зооморфными сосудами. Ковчезцы отнесены именно к фигуративной пластике потому, что углубления в их спинах малы и не диктуют формы предмета. К этому «типу» принадлежит 14 изображений бовинов/овидов;

«тип» 7 — полые фигурки с отверстиями (сзади или спереди). Все эти статуэтки найдены фрагментированными, принадлежат четвероногим. Известно 3 экз.;

«тип» 8 — фигурки-погремушки с небольшими полостями внутри. На трипольско-кукутенских памятниках встречены погремушки в виде птиц, птичьих голов, оленей, бовинов. Их общее число равно 29 экз.

Зооморфные фигурки Кукутени-Триполья на основании предлагаемой классификации (в соответствии с «классами», «видами» и «типами») делятся на 21 «разновидность». Еще одну группу составили неопределимые четвероногие статуэтки. Среди них большинство (137 экз.) неопределимо из-за сохранности. Они могли бы относиться к нескольким «видам» и «типам». Помимо этого, 47 предметов пришлось отнести к неопределимым четвероногим из-за качества иллюстраций. Неопределимые фигурки, а также отдельные отбившиеся или отвалившиеся рога (58 экз.), при оценке состава массива не рассматривались. Из 878 собран-

ных зооморфных статуэток лишь 624 определяемые имеют хронологические привязки и пригодны для выяснения продолжительности бытования «видов», «типов», «разновидностей». Суммарное хронологическое распределение фигурок приведено в табл. 3 (их полное распределение по памятникам см. в Приложении 1). Существенно, что число «видов» и «типов» статуэток, представленных в разные периоды культуры, довольно стабильно. Большинство их присутствует в выборках постоянно. На всем протяжении Кукутени-Триполья в сериях пластики сочетаются несколько «разновидностей» статуэток, среди которых обязательны бовины/овиды «типа» 1. Причем их доля в выборках постепенно возрастает (от 14% в Прекукутени до 79% в Кукутени В2). Бытование некоторых «разновидностей» фигурок пока имеет более узкие хронологические рамки. Так, фигурки птиц («тип» 1) присутствуют от Прекукутени до Кукутени А3, статуэтки свиной («тип» 1) — от Прекукутени до Кукутени В1, медведей («тип» 1) — от Кукутени В1 до Триполья С1С2. Единственная погремушка-олень и единственная фигурка «типа» 5 относятся к Прекукутени, фигурка рыбы «типа» 1 — к Кукутени АВ, погремушка в виде птичьей головы — к Кукутени В1.

Методика описания и анализа зооморфных фигурок

Любая круглая скульптура (в том числе и зооморфная фигуративная пластика) обладает тремя основными наборами характеристик. Это — морфологические признаки, пропорции и абсолютные размеры. Все они имеют самостоятельное значение и могут быть использованы при анализе материала, а также позволяют разделить массив статуэток на группы. Расположив данные в хронологическом порядке, мы выясним, изменяются ли эти показатели во времени. Для зооморфных фигурок соотношение групп, полученных при морфологической оценке и сравнении пропорций, позволяет в рамках «вида/типа» выделить стилистические варианты, в которых пропорционально подобные предметы имели бы фиксированные наборы значений морфологических признаков. Вариабельность абсолютных размеров диагностирует устойчивость параметров и свидетельствует о наличии или отсутствии каких-либо модулей при изготовлении статуэток. В работе оцениваются все три набора характеристик, поэтому необходимо остановиться на методике обработки массового материала.

В морфологическом описании статуэток животных целесообразно сочетание зоологического принципа разбора по частям тела с фиксацией специфики моделировки каждой из них. Упорядоченное описание иногда позволяет обосновать видовую принадлежность фигурок, а особенности их моделировки могут отражать стилистические закономерности, свойственные группам пластики. Поскольку сложение разных видов (и прочих таксономически выделяемых групп) реальных представителей фауны отличается, для всех «видов» статуэток должны существовать особые системы описания, фиксирующие специфические элементы экстерьера и особенности их моделировки. Создание подробных списков морфологических признаков возможно только при массовости выборок описываемых «видов/типов». Но среди зооморфных статуэток Кукутени-Триполья пока только один из них составил большую серию. Это — бовины/овиды «типа» 1, для которых и создана подробная система описания с иллюстрированным списком признаков. Фигурки описывались в определенной последовательности, как это принято при экстерьерной оценке. Описания статей и пропорций, определяющих для крупного и мелкого рогатого скота понятия «нормальный», «узкий», «широкий»,

Таблица 3. Хронологическое распределение «классов», «видов» и «типов» зооморфных фигурок Кукутени-Триполья

«Тип»	I (четвероногие)													Сумма								
	Бовины/овиды	Козы	Олени	Свиные	Медведи	Овцы	Собаки	К. бовины	Мелкие	Неясные	Неопред.	Птицы	Рыбы		Разные	Бовины/овиды	Бовины/овиды	Бовины/овиды	Бовины/овиды	Медведи?	Разные	
Прекукутень	5	1	1	3	4	4	2	1	1	1	1	5			1	3	1				3	34
%	14,7	2,9	2,9	8,8	11,8	11,8	5,6	2,9	2,9	2,9	2,9	14,7			2,9	8,8	2,9				8,8	100
Кукутень А1А2	17	2	3	7	4	4	2	1	1	3	2	2			3	3						85
%	20	2,4	3,5	8,3	4,7	4,7	2,3	1,2	1,2	3,5	2,4	2,4			3,5	3,5						100
Кукутень А3А4	81	6	5	9	5	5	3	4	6	12	32	2			2	1						174
%	46,6	3,5	2,9	5,2	2,9	2,9	1,7	2,3	3,5	6,9	18,4	1,2			0,6	0,6						100
Кукутень АВ	21	1	1	9	3	3	3	15	4,6	3	15	1,2			1	1						66
%	31,8	1,5	1,5	13,6	4,6	4,6	4,6	22,7	4,6	4,6	22,7	1,2			1,5	1,5						100
Кукутень В1	88	1	3	3	2			17			17				1	1						129
%	68,2	0,8	2,3	2,3	1,6			13,2			13,2				0,8	0,8						100
Кукутень В2	82	6	4	4	8	6	2	33	2	1	33				12	1						160
%	51,3	3,8	2,5	2,5	5	3,8	1,3	20,6	1,3	0,6	20,6				7,5	0,6						100
Кукутень В3	19	1	1	1	1			3			3				1	1						24
%	79,2	1	1	1	1			12,5			12,5				4,2	4,2						100
Триполье С1С2	57	4	2	2	2	1	1	8	2	2	8				1	1						86
%	66,3	4,7	2,3	2,3	2,3	1,2	1,2	9,3	2,3	2,3	9,3				1,2	1,2						100
Триполье С2	8							10			10				1	1						19
%	42,1							52,6			52,6				5,3	5,3						100
Хронологически привязанная пластика	378	20	20	31	13	23	6	5	9	22	154	9	1	12	1	11						777
%	48,7	2,6	2,6	4	3	0,8	0,6	1,2	2,8	2,8	19,8	1,2	0,1	1,5	0,1	1,4						100
Нестратифицированные фигурки	22			1	1	1	1	1	1	1	7	2		1								36
Нет даты памятника	13										1	1				2						17
Беспаспортные фигурки	20							2	2	23												47
Общая сумма всех «собранных» фигурок	433	20	21	32	13	24	7	5	9	25	184	12	1	13	1	13						877
%	49,4	2,3	2,4	3,7	1,5	2,7	0,8	0,6	1	2,9	21	1,4	0,1	1,5	0,1	1,5						100

«длинный», «короткий», взяты у Е.Ф. Лискун [Лискун Е.Ф., 1949. С. 30, 178-183]. Остальные «виды» «зверей» (как и другие «типы» бовинов/овидов) описывались в той же последовательности, иногда теми же значениями признаков, но обязательно с учетом специфики экстерьера реальных прототипов. Стилистическая оценка этих фигурок пока возможна лишь на фоне закономерностей, полученных для массового «вида/типа». Остается надеяться, что в будущем, когда возрастет объем выборок, можно будет более строго анализировать стилистику ныне малочисленных групп статуэток.

Абсолютные размеры и пропорции зооморфных фигурок определяются тремя основными замерами — длиной, шириной и толщиной. Очевидно, что для сопоставимости результатов измерения на статуэтках нужно делать по фиксированным точкам и в прямоугольной сетке. Как известно, при музейном описании принято замерять максимальную длину (часто этот замер представляет собой почти диагональ) и высоту предмета. Применительно к зооморфной пластике такой способ измерения неизбежно создает массу погрешностей. Не говоря уже о диагоналях, одинаковой длины могут оказаться крупная безголовая фигурка и целая небольшая.

В животноводческой практике пользуются сложной системой измерений, основанной на обхватах. Два главных параметра в ней — горизонтальный обхват туловища от груди до хвоста и поперечный обхват посередине туловища. Применение «обхватов» на зооморфных фигурках оказалось неудобно из-за невозможности мерить таким образом фигурки со сколами и рисунки. Поэтому пришлось остановиться на линейных замерах по тем же точкам. Длина фигурок измерялась от груди до хвоста без учета выступающих и часто отбивающихся частей, что позволило сравнивать совершенно целые предметы с бесхвостыми и безголовыми. Ширина и толщина измерялись на середине туловища. Ширина представляет собой горизонтальный замер, а толщина — вертикальный. Для оценки пропорций фигурок необходимо преобразование реальных размеров в отношения, которые включали бы все три параметра. Это возможно, если первое отношение получается в результате деления ширины на длину, а второе — как деление ширины на толщину. Для сопоставления линейных размеров фигурок использовалась только длина (от груди до хвоста), более всего отражающая величину предметов, поскольку их толщина и ширина варьируют в зависимости от массивности.

Глава 2. МОРФОЛОГИЯ И СТИЛИСТИКА ФИГУРОК БОВИНОВ/ОВИДОВ «ТИПА» 1

Морфологические характеристики

В структуре работы морфологическое описание самой массовой группы статуэток предшествует оценке их пропорций и абсолютных размеров, поскольку именно морфология позволяет выявить стилистические закономерности. Характеристики, не связанные с экстерьером (формовочная масса и обжиг, обработка поверхности, декор, принцип лепки фигурок, варианты их деформации) также рассматриваются в следующих главах.

Морфологически фигурки описаны по статьям тела (от головы к хвосту) в соответствии с иллюстрированным списком признаков, в котором признаки разделены на восемь групп, посвященных характеристикам определенных статей и отдельных морфологических особенностей статуэток. Эти группы таковы: 1 — голова, 2 — рога, 3 — шея, 4 — туловище, 5 — хвост, 6 — ноги, 7 — знаки «пола», 8 — функциональные отверстия.

1. Голова описывается при помощи восьми признаков, включающих и пропорции. Эти признаки характеризуют собственно голову, а также морду и ее детали: 1.1 — относительная длина головы; 1.2 — форма морды; 1.3 — относительная ширина подтреугольной морды; 1.4 — рот; 1.5 — ноздри; 1.6 — глаза; 1.7 — уши; 1.8 — знаки на затылке между рогами.

2. Рога описываются четырьмя признаками (морфологическими и технологическими): 2.1 — способ крепления; 2.2 — форма; 2.3 — длина; 2.4 — постановка.

3. Шея описывается тремя признаками: 3.1 — наличие; 3.2 — длина; 3.3 — линия шеи (посадка головы).

4. Туловище описывается десятью признаками, характеризующими несколько статей: 4.1 — грудь; 4.2 — подгрудок; 4.3 — холка; 4.4 — линия спины; 4.5 — позвоночник; 4.6 — бока; 4.7 — брюхо; 4.8 — моклоки; 4.9 — форма зада в профиль; 4.10 — форма зада сзади.

5. Хвост описывается тремя признаками: 5.1 — длина; 5.2 — форма; 5.3 — положение.

6. Ноги описываются двумя признаками: 6.1 — способ лепки; 6.2 — форма.

7. Знаки «пола» описываются четырьмя признаками, отражающими их фиксацию в пределах определенных зон: 7.1 — на брюхе; 7.2 — сзади; 7.3 — знаки на спине; 7.4 — знаки на боках.

8. Функциональные отверстия на массиве пластики Кукутени-Триполья пока включают один признак: 8.1 — варианты сквозных горизонтальных отверстий.

Конкретные значения всех морфологических признаков, встреченных на фигурках бовинов/овидов «типа» 1, приведены в иллюстрированном списке признаков (Приложение 2), в соответствии с которым каждую целую статуэтку можно описать при помощи 40 признаков. Но поскольку таковые не составляют и половины выборки, варьирующие серии значений разных признаков всегда меньше ее.

Ниже приведено попризначное описание статей фигурок бовинов/овидов «типа» 1 для массива в целом и для соответствующих периодов Кукутени-Триполья. Оно позволяет обнаружить определенные хронологические изменения в их морфологии (массив стратифицированных фигурок составил 378 экз., всего же их 433).

1. Голова

1.1. Относительная длина головы (признак фиксируется на 80 экз.). Этот признак имеет ряд значений, соответствующих естественным пропорциям крупного и мелкого рогатого скота. Голова животных может быть «короткой», «нормальной», «длинной». Материалом продиктовано еще одно значение, свойственное только пластике — голова «непропорционально длинная». У трипольских фигурок голова бывает «нормальной» длины, «длинная» и «непропорционально длинная». «Короткая» не встречена. Какой-либо специфики для отдельных периодов этот признак не проявляет.

1.2. Форма морды (на 208 экз.). Признак имеет три значения. Морда может быть подтреугольная (усеченно-коническая), моделированная вертикальным защипом и наклепная шишковидная. Для массива в целом преобладает первый способ моделировки. Фигурки с подтреугольной мордой встречены во все периоды. Два остальных значения признака имеют более узкие хронологические интервалы.

У фигурок, относящихся к Прекукутени — Кукутени А1А2, морда бывает только подтреугольной формы. В Кукутени А3А4 это значение признака также преобладает (86%), но отмечены и первые статуэтки с мордой в виде вертикального защипа (14%). Примечательно, что появление данного приема лепки одновременно фиксируется и на антропоморфной трипольской пластике [Погожева А.П., 1983. С. 58, сл.]. В Кукутени АВ и В1 у большинства статуэток морда моделирована защипом. Начиная с Кукутени В1 появляются фигурки с мордой в виде небольшого шишковидного наклепа. Позднее в выборках присутствуют все три варианта моделировки морды.

1.3. Относительная ширина подтреугольной морды (на 50 экз.). Этот признак построен на пропорциях крупного и мелкого рогатого скота. Морда может быть «узкой», «нормальной» и «широкой». Все три значения равновероятны для массива в целом и для отдельных периодов культуры.

1.4. Рот статуэток (на 190 экз.) обычно не изображался вовсе. Он отмечен у единичных фигурок бовинов/овидов «типа» 1, относящихся к Триполью С1С2. Бывает прочерчен либо прорезан.

1.5. Ноздри (на 150 экз.) могут не изображаться, отмечаться парой наколов или сквозным горизонтальным отверстием. Ноздри отсутствуют у 86% фигурок. Вертикальные наколы имеют 2% статуэток, горизонтальное отверстие — 12%.

1.6. Глаза статуэток (на 165 экз.) также бывают отмечены наколами, горизонтальным отверстием или не обозначены. Во все периоды в выборках преобладают статуэтки с необозначенными глазами. Два остальных значения признака более редки, но хронологической специфики не имеют.

Не всегда можно определить, глаза или ноздри изображает сквозное отверстие на морде фигурки, но одновременно глаза и ноздри подобным образом не отмечались. Предусмотрен специальный признак, описывающий такие отверстия в качестве функциональных, заодно изображающих глаза или ноздри (см. группу признаков 8).

1.7. Уши (на 132 экз.) — условный признак, фиксирующий защипы под рогами, которые при описании фигурок часто называют ушами. Ни разу таким защипам не была придана форма уха животного. Скорее, это не уши, а один из вариантов крепления прилепных рогов. Защипы под рогами отмечены у 31% статуэток. Встречаются они на всем протяжении культуры. Специальным значением признака отмечены усложненные защипы со сквозными отверстиями, выявленные лишь у двух фигурок (они также рассматриваются и в группе признаков 8).

1.8. «Знаки» на затылке между рогами (на 140 экз.) представляют собой интересную особенность оформления фигурок бовинов/овидов. Можно выделить несколько разновидностей парных, симметрично расположенных «знаков» на затылке (продолговатые защипы, бугорки, отпечатки ногтя, округлые вмятины) и один непарный «знак» — шишку-бугорок. Возможно, все они также технологичны и связаны с креплением рогов, поскольку у фигурок с такими «знаками» на затылке нет защипов под рогами. Все варианты «знаков» на затылке встречены в узком хронологическом интервале от Кукутени В2 до Триполья С1С2 (15 фигурок).

2. Рога

На глиняной пластике они плохо сохраняются (статуэтки с совершенно целыми рогами составили всего 15% массива). Обычно у фигурок остается лишь нижняя часть рогов, а обломы в большинстве случаев фиксируются на перегибе или ниже. Несохранившаяся часть рогов (у бовинов/овидов) равновероятно могла быть опущена, поднята, повернута вперед или назад, разведена в стороны. Рога бовинов бывают разведены в стороны, далее подняты или повернуты вперед. Рога баранов, если допускать их сходство с муффонами, могут быть опущены через стороны назад или вперед, либо повернуты назад. Здесь рога описываются несколькими признаками, дающими представление об их моделировке, способе крепления, форме, длине и постановке. Это не вполне соответствует системе описания, принятой в зоологии. Но некоторые признаки, существенные для реальных полорогих, на трипольской пластике не фиксируются.

2.1. Способ крепления рогов (на 174 экз.). У фигурок бовинов/овидов выявлено три основных приема моделировки и крепления рогов. Они могут быть прилеплены по одному справа и слева («прилепные»); сделаны из укрепленного над лбом жгута с загнутыми концами («накладные»); моделированы вытягиванием («вытянутые»). Почти у половины статуэток способ крепления рогов неясен (в основном из-за сохранности). Хронологически все значения признака распределены равномерно.

Среди отдельных рогов (58 экз.) «прилепные» составляют около половины и выделить их легче, чем «накладные» или «вытянутые». «Прилепные» рога часто прикреплялись на головах фигурок защипами снизу. Такие рога имеют плоское основание и нередко отваливаются по прилепу (рис. 1). На голове статуэтки остается плоская площадочка и нижняя часть защипа. Иногда на них и на основаниях рогов видны следы скреп из другого материала, судя по которым, применялись разные варианты крепления.

На рогах и головах статуэток бывают следы поперечных скреп типа «шпилек» или «клиньев» (по терминологии справочника «Хютте» [1916]), от которых остаются треугольные или продольные вдавления, направленные к центру (рис. 2, 3-5; 34).

Есть рога, крепившиеся на штифтах. Следы штифтов в виде глубоких цилиндрических вдавлений есть на основаниях нескольких рогов и в середине прилепной площадочки на голове одной из фигурок (рис. 2, 2, 6; 13, 1). Отметим, что в массиве кукутенско-трипольской зооморфной пластики встречено применение штифтов для соединения и более крупных деталей (рис. 56, 3). Вообще же у ранних земледельцев Европы довольно часто фиксируют крепление деталей фигурок на штифтах. Оно известно уже для раннего неолита и, видимо, было широко распространено.

У фигурок с «накладными» рогами обычно валиком выделяется «накладка» на голове. Среди отдельных рогов к накладным с наибольшей вероятностью можно отнести длинные узкие рога. Их было бы трудно лепить из общего кома, а также крепить скрепами или защипами. Сохранилось два экземпляра совершенно целых накладных рогов (из Шипенцев и из Кошиловцев). Основания накладок у них вогнутые (рис. 3, 11, 12). Рога, лепленные вытягиванием, выделить труднее. К ним были отнесены все очень короткие.

2.2. Форма рогов (на 49 экз.) описывается четырьмя значениями признака. Рога бывают прямыми; загнутыми; загнутыми перекрученными; загнутыми, оформленными защипами. На фигурках (в сохранности) зафиксированы только прямые, загнутые и загнутые перекрученные рога. Для массива в целом преобладают загнутые рога. Какой-либо специфики для отдельных периодов культуры нет.

2.3. Длина рогов (на 45 экз.) определяется тремя значениями. Рога могут быть «короткими», «средними», «длинными». Специфики распределения этих значений ни для массива, ни для отдельных периодов нет.

2.4. Постановка рогов (на 38 экз.). Признак имеет шесть значений. Рога могут быть подняты вверх; поставлены таким образом, что угол между ними близок прямому; разведены в стороны; разведены в стороны и повернуты концами вперед; разведены в стороны, далее повернуты вперед, а концы подняты вверх; повернуты назад. Для массива — из-за малого числа сохранившихся экземпляров — нельзя выявить какие-либо закономерности.

3. Шея фигурок

3.1. Наличие шеи (на 180 экз.) характеризуется двумя значениями: есть, нет. В массиве у 76% статуэток шея отчетливо моделирована. Фигурки без шеи встречаются почти во все периоды.

3.2. Длина шеи (на 140 экз.) описывается пятью значениями, три из которых построены на естественных пропорциях крупного и мелкого рогатого скота. Шея может быть «короткой», «нормальной», «длинной». Помимо этого предусмотре-

ны два значения, которые реализуются только на пластике: шея «непропорционально короткая» («перехват») и «непропорционально длинная».

Значения признака имеют отчетливое хронологическое распределение. В интервале от Прекукутени до Кукутени АВ шея у фигурок бывает в виде «перехвата» и «короткой». В Кукутени В1 появляются единичные статуэтки с шейей «нормальной» длины. В Кукутени В2 уже есть экземпляры с «длинной» шейей. Наконец, в Кукутени В3 — Триполье С2 зафиксированы фигурки с «непропорционально длинной» шейей. Иными словами, «непропорционально короткой» и «короткой» шея может быть у фигурок любого времени, а начиная с Кукутени В1 появляются статуэтки со все более длинной шейей (к В3 уже есть экземпляры с нарочитым нарушением пропорций).

3.3. Линия шеи (посадка головы) (на 160 экз.) описывается тремя значениями. Она может продолжать линию спины; быть приподнята; поднята почти вертикально. Значения этого признака взаимосвязаны с предыдущим. В пределах массива преобладают статуэтки с приподнятой шейей. На протяжении всей культуры присутствуют фигурки, у которых шея продолжает линию спины или приподнята. В интервале от Кукутени В2 до Триполья С2 отмечены статуэтки с почти вертикально поднятой шейей.

4. Туловище

4.1. Грудь (на 140 экз.). Признак имеет шесть значений. Грудь статуэток может не моделироваться специально; быть плоской узкой; плоской средней ширины; плоской широкой; плоской широкой, провисающей посередине; плоской средней ширины, провисающей посередине. В пределах массива незначительно преобладают фигурки, у которых грудь специально не моделирована.

В хронологическом распределении значений признака наблюдается уже известная закономерность. Новые значения появляются постепенно, от периода к периоду. В Прекукутени — Кукутени А3А4 грудь фигурок не моделируется. В Кукутени АВ появляются первые статуэтки с плоской узкой и средней ширины грудью (но выборка для этого периода очень мала). В Кукутени В1 реализуются те же два значения, и первое из них резко преобладает (94%). В Кукутени В2 фиксируются фигурки с плоской широкой грудью (43%). Присутствуют и все прочие значения (плоская средняя — 40%, плоская узкая — 12%, немоделированная 5%). В Кукутени В3 и Триполье С1С2 реализуются еще два новых значения. Только в эти периоды встречены статуэтки с широкой и средней ширины грудью, провисающей посередине.

4.2. Подгрудок (на 180 экз.). Подгрудком называется складка на шее и груди у крупного рогатого скота. Встречается она и у овец. Для трипольских статуэток признак имеет семь значений. Первое отмечает отсутствие подгрудка. Предусмотрено также значение, фиксирующее наличие подгрудка, форму которого нельзя описать из-за его сохранности или качества иллюстрации. Остальные пять значений соответствуют вариантам моделировки подгрудка у статуэток. Он бывает в виде короткого защипа на шее; узкого валика, подрезанного с обеих сторон; длинного защипа или валика, подрезанного поперек или наискось наподобие косячки; в виде длинного широкого защипа и недлинного волнистого защипа. Для массива в целом преобладают фигурки без подгрудка (71%).

Хронологическое распределение значений признака показывает, что в интервале от Прекукутени до Кукутени В1 подгрудок у статуэток редок, а с Кукутени В2 начинается рост доли фигурок с подгрудком. И одновременно от периода к периоду увеличивается число вариантов его изображения. Описываемый признак

взаимосвязан с предыдущим. Так, для фигурок с плоской, провисающей посередине грудью подгрудок обязателен. Равновероятны два его варианта — «косичка» и широкий длинный зашип.

4.3. Холка (на 162 экз.). Признак имеет четыре значения. Холка бывает низкая, никак не отмеченная; низкая, отмеченная небольшим зашипом; низкая, отмеченная нарезной косичкой и, наконец, высокая, в виде бугорка. Для массива в целом резко преобладают фигурки с низкой неотмеченной холкой. Статуэтки с высокой холкой в виде бугорка встречаются во все периоды, составляя в выборках незначительную долю. Единичные фигурки с низкой холкой, отмеченной зашипом или косичкой, относятся к Триполью С1С2.

4.4. Линия спины (на 165 экз.). Признак имеет четыре значения, три из которых взяты из описания этой статьи у крупного рогатого скота. Так, линия спины бывает «прямая», «выпуклая» («карпообразная») и «вогнутая» («провислая в пояснице»). Еще одно значение продиктовано материалом. У статуэток возможна спина с небольшим «горбом» посередине. Для массива в целом преобладают фигурки с прямой линией спины. Остальные варианты присутствуют значительно реже. Какой-либо специфики для отдельных периодов нет.

4.5. Позвоночник (на 165 экз.). Признак имеет восемь значений. Позвоночник может быть не отмечен; сделан узким или широким, выпуклым округлым; узким заостренным; обозначен легким ребром; отмечен прочерченной линией; вырезан косичкой. Предусмотрено значение, фиксирующее, что позвоночник изображен, но качество иллюстрации не позволяет установить, как именно. В пределах массива преобладают фигурки, у которых позвоночник не отмечен (80%).

Хронологическое распределение значений признака отражает изменения в моделировке данной статьи на протяжении культуры. В Прекукутени — Кукутени А3А4 позвоночник изображен у большинства статуэток (узким или широким, выпуклым округлым; заостренным). Для Кукутени АВ информация недостаточна. Начиная с Кукутени В1 резко возрастает доля фигурок с необозначенным позвоночником; в интервале от Кукутени В1 до Триполья С1С2 она колеблется от 85 до 100%. Тогда же появляется несколько редких вариантов изображения позвоночника. Почти все они фиксируются в массиве однократно.

4.6. Бока (на 210 экз.). Признак имеет девять значений. Часть из них соответствует экстерьерному описанию данной статьи у крупного и мелкого рогатого скота. Бока бывают «скруглыми» (слегка выпуклыми); «раздутыми»; «втянутыми». Прочие значения признака характерны только для пластики. Есть фигурки с округлыми параллельными боками; с подчеркнуто тонкой талией; асимметричные (один бок плоский, а другой «раздут»). Выделяются статуэтки геометрического строения — с цилиндрическим туловищем, а также такие, при описании которых удобно использовать сечение. Их бока плоские (или почти плоские), а сечение туловища близко прямоугольному либо треугольному.

В пределах массива нет преобладающих значений, и ни одно из них не фиксируется на всем протяжении культуры. Происходит постепенная подмена. В Прекукутени — Кукутени А3А4 реализуются значения, соответствующие норме для реальных животных (бока «округлые», «раздутые», «втянутые»). От Кукутени АВ до Триполья С1С2 встречаются фигурки с плоскими боками прямоугольного и треугольного сечений (в Кукутени В1 и В2 они преобладают в выборках). Фигурки с округлыми параллельными боками появляются в Кукутени В2, фиксируются и в дальнейшем. Статуэтки с чрезвычайно тонкой талией (и их сглаженный

вариант, когда талия намечена слабее) известны в интервале от Кукутени В3 до Триполья С2. Сравнительно редкие фигурки с цилиндрическим туловищем присутствуют в Кукутени АВ, В3, Триполье С1С2. Единственная асимметричная статуэтка относится к Кукутени В2.

4.7. Брюхо (на 150 экз.). Признак имеет три значения, основанных на описании этой статьи у реальных животных. Брюхо бывает «плоское», «подтянутое», «провислое». Для массива в целом преобладают статуэтки с «плоским» брюхом. Специфики для отдельных периодов нет.

4.8. Моклоки (на 149 экз.). Моклоками называются характерные для крупного рогатого скота выступы тазовых костей. У статуэток это моделировка верхней части зада. Признак имеет пять значений. Моклоки могут быть отмечены небольшими уплощенностями или вмятинами справа и слева от хвоста; выступами-налепами (там же); утолщением по периметру зада в виде валика; видимым только в профиль выступом на последней трети спины. Моклоки бывают и не обозначены. Для массива в целом ни одно значение не преобладает. Во все периоды присутствуют статуэтки, у которых моклоки не обозначены или изображены в виде двух уплощенностей (вмятин) справа и слева от хвоста.

Остальные значения свойственны для ограниченных интервалов. Моклоки, отмеченные утолщением или даже валиком вокруг зада, бывают у статуэток, относящихся к Кукутени В2 — Триполью С2. Отчетливый выступ на последней трети спины (видный в профиль) присутствует у фигурок времени Кукутени В1 — Триполья С1С2. Статуэтка с налепами справа и слева от хвоста (похожими на овечий курдюк) относится к Кукутени В2.

4.9. Форма зада в профиль (на 175 экз.). Признак имеет три значения, соответствующих описанию этой статьи у реальных животных. Зад в профиль бывает «прямой»; «приподнятый»; «свислый» (наклонный). В пределах массива преобладают фигурки, у которых зад в профиль прямой. Какой-либо специфики для отдельных периодов нет.

4.10. Форма зада сзади (на 140 экз.). Признак имеет семь значений, пять из которых описывают намеренно уплощенную (или плоскую) форму зада. Плоский зад бывает: подпрямоугольным и подтреугольным узким; подпрямоугольным средней ширины; округлым средней ширины или широким; округлым (чаще всего широким), провисающим посередине. Есть фигурки, у которых зад не уплощен. Он может быть округлым либо, сужаясь, переходит в хвост (в последнем случае специальной моделировки не имеет). Для массива в целом ни одно значение нельзя считать преобладающим. Во все периоды встречаются лишь фигурки, у которых зад, сужаясь, переходит в хвост.

Хронологическое распределение остальных вариантов моделировки позволяет отметить специфику пластики разного времени. В Прекукутени — Кукутени А3А4 зад фигурок бывает округлым без следов уплощенности. Начиная с Кукутени АВ появляются статуэтки с намеренно уплощенным задом. Их доля в выборках растет (от 45% в Кукутени В1 до 92-93% в последующие периоды). Узкий плоский подтреугольный зад бывает у фигурок времени Кукутени АВ-В2; прямоугольный узкий и средней ширины — от Кукутени В1 до Триполья С1С2. Статуэтки с плоским округлым задом встречаются в интервале от Кукутени В2 до Триполья С2. Статуэтки с плоским округлым задом, провисающим посередине, фиксируются в течение самого короткого промежутка времени — от Кукутени В3 до Триполья С1С2.

5. *Хвост* описывается тремя признаками, характеризующими его длину, форму, положение. При описании этой стати у реальных животных необходим признак «пристановка хвоста», который для большинства трипольских статуэток не понадобился.

5.1. Длина хвоста (на 150 экз.) описывается пятью значениями. Хвосты бывают «короткими»; «до середины зада»; «до конца зада»; «до скакательного сустава»; «почти до земли». В пределах массива незначительно преобладают фигурки с «короткими» хвостами (58%). Они присутствуют во все периоды, но их доля высока в интервале от Прекукутени до Кукутени В1. Постепенно от периода к периоду хвосты у статуэток несколько удлиняются (в выборках Кукутени В3 — Триполья С2 преобладают хвосты «до конца зада»). Очень длинные хвосты — скорее исключения (хвост «до скакательного сустава» встречен у одной статуэтки времени Кукутень А4, «до земли» — у фигурки, относящейся к Триполью С1С2).

5.2. Форма хвоста (на 163 экз.) представляет собой единственный «составной» признак в данной системе описания, поскольку описывает способ моделировки хвоста, вид его основания, а иногда — ширину и сечение. Основание хвоста бывает выделено по-разному или не выделено. Выделенное основание характерно для бовинов.

Первая группа значений признака описывает хвосты с выделенным основанием. Если основание выделено на всю длину крестца, равновероятны две формы хвоста: в виде косички и округлого сечения. Эти же две формы хвоста возможны при основании, отмеченном перехватом. Зафиксирована еще одна форма хвоста с основанием-перехватом — он похож на лошадиный.

Остальные значения признака описывают форму хвоста с невыделенным основанием: хвост широк вверху, далее сужается, сечение округлое; хвост шишкообразный или конический; хвост моделирован коротким защипом.

В пределах массива незначительно преобладают фигурки с шишкообразными или коническими хвостами (41%). Эта форма присутствует на всем протяжении культуры (до Кукутени В1 она преобладает в выборках). Также во все периоды известны статуэтки с широкими вверху хвостами круглого сечения. Хвост в виде короткого защипа не всегда отличим по иллюстрации от шишкообразного. Скорее всего этим объясняется его относительная редкость. Фигурки с такими хвостами есть в Кукутени А4 и В2.

Почти все статуэтки с выделенным основанием хвоста относятся к Кукутени В2 — Триполью С2. Хвост, напоминающий лошадиный, представляет собой редкую форму. Именно ему соответствует дважды отмеченная чрезмерная длина — до скакательного сустава и до земли (в Кукутени А4 и Триполье С1С2). Такой хвост бывает у коров зубров зимой [Зубр... 1979. С. 105]. Форма и длина хвоста взаимосвязаны. Короткие хвосты — шишковидны или моделированы защипом; хвосты до середины зада — чаще всего с невыделенным основанием. Все варианты хвостов с выделенным основанием имеют длину до конца зада.

5.3. Положение хвоста (на 149 экз.) описывается шестью значениями. Хвосты бывают торчащими (только короткие); задранными; отставленными почти горизонтально; опущенными и слегка отставленными; опущенными и прижатыми; опущенными, прижатыми и подвернутыми под брюхо. В пределах массива ни одно значение не достигает 40%. На всем протяжении культуры известны фигурки с короткими торчащими хвостами (до Кукутени АВ они преобладают в выборках). Также на всем протяжении культуры встречаются статуэтки с отставленными, а также опущенными, но при этом слегка отставленными хвостами. Начиная

с Кукутени В1 в выборках постоянны статуэтки с опущенными и прижатыми хвостами (в Кукутени В3 и позднее они преобладают). Хвосты прижатые и подвернутые под брюхо есть у нескольких фигурок Триполья С1С2. К этому же времени относится и единственная фигурка с задраным хвостом.

6. *Ноги* статуэток описываются двумя связанными между собой признаками, один из которых фиксирует способ их моделировки, а второй — форму.

6.1. Способ лепки (на 206 экз.). Выделяются два основных приема лепки ног. Они могут быть прилеплены или моделированы вытягиванием из общего кома с туловищем (либо его продольной половины). Сочетание этих способов не встречено. Предусмотрено специальное значение признака, фиксирующее неясность способа лепки. Для массива в целом преобладает моделировка ног вытягиванием (80%). Хронологическое распределение значений признака достаточно четко. В Прекукутени — Кукутени А3А4 ножки у всех фигурок прилеплены. Начиная с Кукутени АВ появляются статуэтки, у которых они моделированы вытягиванием. В дальнейшем такой способ лепки резко преобладает в выборках.

6.2. Форма ног (на 194 экз.) описывается шестью значениями. Ноги фигурок могут иметь форму столбиков, слегка расставленных в стороны; столбиков, соединенных попарно. Ноги-столбики прилеплялись, их длина несколько меньше пропорционально нормальной. Ноги, моделированные вытягиванием, бывают раздельными, коротенькими (почти «рудиментарными»), либо сдвоенными. Последняя форма имеет несколько разновидностей (сдвоенные попарно; сдвоенные попарно с намеченной границей; сдвоенные попарно и разделенные внизу). Значений, преобладающих в массиве, нет.

Но хронологическое их распределение отчетливо. У фигурок, относящихся к Прекукутени — Кукутени А3А4, ноги бывают только в виде расставленных столбиков. Позднее эта форма довольно редка. Статуэтки с ногами-столбиками, соединенными попарно, известны начиная с Кукутени В2. Сдвоенные передние и задние ноги появляются у фигурок в Кукутени АВ; сдвоенные, разделенные внизу или с намеченной границей — в Кукутени В1. От Кукутени В2 до Триполья С2 присутствуют фигурки с раздельными очень короткими, часто заостренными ножками.

7. *Знаки «пола»*, или такие, которые можно понимать как знаки «пола», описываются четырьмя признаками, характеризующими маркировку отдельных зон (на брюхе, сзади, на спине, на боках).

7.1. Знаки на брюхе (на 179 экз.). Признак имеет семь значений, многие из которых кажутся достаточно понятными, но прочтение некоторых затруднительно. Предусмотрено значение, отмечающее отсутствие знаков на брюхе, и еще одно, фиксирующее знаки, облик которых неясен из-за качества иллюстраций. Широко распространенный знак — продольный защип на брюхе. Он свойствен не только трипольской зооморфной пластике и обычно трактуется как изображение пениса. Группа знаков, по-видимому, изображает коровье вымя: четыре защипа или налеса, расположенные на брюхе попарно; круглый налест, разделенный на доли отпечатками ногтя; четыре защипа, расположенные крестообразно. Есть знаки в виде четырех-пяти налестов (или защипов), расположенных так, что один находится в центре. Они могут быть изображением довольно редкого асимметричного вымени, просто небрежным (неудачным) изображением вымени и, наконец, одновременным изображением пениса и вымени — то есть двойной маркировкой пола у статуэтки. Последнее допущение не лишено оснований, поскольку в антропоморфной энеолитической пластике бывают представлены дву-

полые существа. В пределах массива распределение значений следующее: чуть больше половины составляют статуэтки без знаков пола (53%); фигурки с продольным защипом на брюхе — 35%; остальные — реже.

Маркировка пола у разновременных статуэток бовинов/овидов заметно отличается. В Прекукутени — Кукутени А4 встречена только женская маркировка (изображения вымени в виде двух пар налестов или защипов) и асимметричное вымя (?). Фигурки коров с такой маркировкой известны и позднее, вплоть до Триполья С1С2. Прочие варианты изображения вымени (крестообразно расположенные защипы; налест, разделенный на доли отпечатками ногтя) появляются на статуэтках в Кукутени В1, существуют и в следующие периоды. Фигурки бовинов/овидов с продольным защипом на брюхе (мужской маркировкой) фиксируются лишь начиная с Кукутени АВ. С этого времени они неизменно присутствуют в выборках. Постепенно их доля возрастает, достигая к Триполью С1С2 61%.

7.2. Знаки сзади (на 195 экз.) встречены двух разновидностей: в виде вертикального несквозного отверстия в основании хвоста и двух горизонтальных, также несквозных, отверстий под хвостом. Предусмотрено значение признака, фиксирующее их отсутствие. Знаки сзади есть у двух статуэток, относящихся к Кукутени В1 и В2. В обоих случаях они сочетаются с изображениями вымени.

7.3. Знаки на спине (на 240 экз.). В пределах массива встречен один такой знак — на фигурке, относящейся к Кукутени А4 (с выменем особой формы). Знак представляет собой четыре попарно расположенных накола на крестце.

7.4. Знаки на боках (на 192 экз.). Знак на боку статуэтки встречен в массиве однажды — в виде прочерченной фигуры, похожей на ромб, от которого вверх отходит небольшая черта. Изображение нанесено на правом плече статуэтки коровы, относящейся к Кукутени В2. Следует отметить, что знаки на правом боку у коров или предположительно коров известны и по материалам других раннеземледельческих культур. Так, на фигурке коровы из Зорленца (Винча) область правого плеча выделена серией ямок-наколов [Lazarović Ch., 1979. Tabl. F, 15]. У рогатой статуэтки, имеющей горизонтальное отверстие сзади, из Тешетице-Куйовице (Моравская расписная керамика) на правом плече прочерчен двойной ромб [Podborzský V., 1985. Tabl. 125, 2].

Продольный защип на брюхе часто встречается на статуэтках разных животных и определяется всеми исследователями как маркировка мужского пола. В массиве кукутениско-трипольской пластики так отмечено 85 фигурок нескольких «видов». Ни разу защип на брюхе не сочетался с какими-либо знаками сзади, сбоку, на спине. Следовательно, можно допустить, что все прочие знаки (иногда сочетающиеся с изображениями вымени) являются женскими. Этому не противоречит и маркировка статуэток других четвероногих. Горизонтальные отверстия сзади встречены на двух фигурках коз (рис. 59, 9; 60, 1), четырех статуэтках медведей (рис. 66; 67, 2; 68), на фигурке свиньи (рис. 65, 6), безрогой статуэтке (предположительно овце) (рис. 72, 6), двух неопределимых фрагментированных фигурках (рис. 58, 1; 80, 3). У одной из коз такое отверстие сочетается с изображением вымени. Предположительно «овца» имеет на брюхе вертикальное отверстие, соединенное с горизонтальным отверстием сзади. У неопределимой фигурки, помимо отверстия сзади, на брюхе присутствует серия наколов в виде плотного пятна. Статуэтки животных с горизонтальными и вертикальными отверстиями сзади (иногда при этом и с выменем) известны на памятниках разных раннеземледельческих культур — Старчево-Криша, Винчи, Гумельницы, Лендьела, Тиссы.

Поскольку у фигурок, представляющих и копытных, и хищников, отверстия сзади обычно не сочетаются с изображением пениса, весьма вероятно, что такие отверстия на статуэтках зверей вообще следует воспринимать как женскую маркировку.

8. Функциональные отверстия.

Характеристика предназначена для описания всевозможных сквозных отверстий в фигурках, которые могут указывать на специфику их использования. На трипольских статуэтках бовинов/овидов пока известны только горизонтальные сквозные отверстия: на морде; одновременно на морде и в защипах за рогами; в шее; в задних ногах; одновременно в шее и задних ногах; в передних и задних ногах. Предусмотрено значение признака, фиксирующее отсутствие горизонтальных отверстий.

8.1. Сквозные отверстия на морде. Это значение признака позволяет объединить все фигурки со сквозными отверстиями, описанными как глаза и как ноздри. Сквозное отверстие в носу (на морде) может изображать не просто ноздри, а ноздри, проткнутые под кольцо. Есть примеры использования в древности таких колец как деталей упряжи [Piggot S., 1968. Pl. XX]. И сейчас, когда водят быков, обязательно пропускают повод через кольцо, вдетое в нос животного для усмирения. В пределах массива фигурки со сквозными отверстиями на морде составили 13%. Они присутствуют на всем протяжении культуры.

8.2. Отверстия на морде и в защипах за рогами зафиксированы на двух статуэтках, одна из которых принадлежит к Триполью С1С2, а вторая не имеет хронологической привязки.

8.3. Сквозное отверстие в шее есть на одной фигурке времени Кукутень А3А4.

8.4. Сквозные отверстия в задних ногах отмечены на трех фрагментированных статуэтках Триполья С1С2. Все они представляют собой задние половины. Поэтому не исключено, что их следовало бы относить к фигуркам с отверстиями в шее и задних ногах (8.5) или к имеющим отверстия в передних и задних ногах (8.6).

8.5. Сквозные отверстия в шее и задних ногах есть на одной фигурке, относящейся к Триполью С1С2.

8.6. Сквозные отверстия в передних и задних ногах также пока встречены на одной фигурке, относящейся к Кукутени В1.

В ареале раннеземледельческих культур Европы известны серии фигурок со сквозными горизонтальными отверстиями, причем локализация этих отверстий на них оказалась разнообразнее, чем в Кукутени-Триполье. Особенно многочисленны (около 100 экз.) статуэтки с отверстиями на морде (8.1). Их отмечают на памятниках культуры Старчево-Криш, на винчанских поселениях разного времени, на неолитических и энеолитических памятниках Болгарии и Румынии. Фигурка со сквозными отверстиями на морде и в защипах за рогами (8.2) найдена в Русенской Могиле [Георгиев Г., Ангелов Н., 1952. Рис. 170, 3]. Статуэтки со сквозными отверстиями в шее (8.3) встречены в Касчиоареле (Гумельница) [Ştefan Gh., 1925. Fig. 41, 2/1] и на энеолитическом поселении с каннелированной керамикой Велька Ломница [Vladár J., 1979. Fig. 39]. Фигурка со сквозным отверстием в задней части (8.4) зафиксирована в Градешнице [Николов Б., 1970. Рис. 15, ж], с отверстием в основании передних ног (8.6?) — в Малаешти (Алденъ II) [Comşa E., Georgescu V., 1984. Fig. 6, 4]. На паре известных металлических стату-

эток из Битина, относящихся к культуре воронковидных кубков, сквозные горизонтальные отверстия сделаны в середине туловища [Piggot S., 1968. Fig. XXV].

Наиболее традиционная версия о назначении горизонтальных отверстий в зооморфной пластике трактует их как отражение охотничьей магии [Есаян С.А., 1981]. Однако большинства их она объяснить не может. Все рассмотренные фигурки (кукутенско-трипольские и инокультурные) обладают общим свойством — к ним можно крепить дополнительную конструкцию. Большинство сквозных горизонтальных отверстий предусматривает ее прикрепление сзади. Сквозные же отверстия только в передней части статуэток (в шее, морде, за щипах за рогами) позволяют их и «запрягать», и «вести на поводу». Сходные мысли о назначении подобных отверстий в зооморфных фигурках из Закавказья высказывал и Б.Б. Пиотровский [1955]. Иную реконструкцию, и именно для трипольских фигурок с горизонтальными отверстиями (но только в передних и задних ногах), предложил С.А. Гусев, полагающий, что к ним были прикреплены колесики [Гусев С.О., 1995. С. 215-217]. Однако пока эта гипотеза не кажется убедительной, поскольку не объясняет прочих вариантов горизонтальных отверстий в кукутенско-трипольских статуэтках (8.1-8.3, 8.5). Как бы мы ни интерпретировали разнообразные горизонтальные отверстия в фигурках бовинов/овидов Кукутени-Триполья и других культур того же раннеземледельческого ареала, очевидно, что сами они появились в Юго-Восточной Европе в раннем неолите, а в энеолитических культурах — обычны. Устойчивость рассмотренных функциональных признаков (независимо от стилистики) позволяет выделить все отмеченные ими статуэтки в функционально обособленную группу. Среди них лишь имеющие сквозные горизонтальные отверстия на морде (под кольцо) можно считать наиболее вероятными изображениями бовинов, так как именно им вставляют в нос кольца. Но заведомо относить к бовинам всю группу не стоит, поскольку в пластике фиксируется немало парных упряжек баранов. Хронология их достаточно широка. Есть греческие терракоты, представляющие Афродиту на бараньей упряжке [Бритова Н.Н., 1969. Илл. 49]. Модели повозок, запряженных баранами, были встречены среди критских древностей [Лосев А.Ф., 1957. С. 110]. Пара каменных баранов происходит из раннединастического Ура [Müller-Kaargе Н., 1974. Tabl. 182, 4]. Баранами являются уже упоминавшиеся фигурки на ручке сосуда из Крженицы Ярой (культура воронковидных кубков). Моделировка их рогов позволяет отметить признаки, характерные для муфлонов, но совершенно не свойственные бовинам [Lochman J., Kotrý A., Hromas J., 1979. С. 41-43].

Присутствие в массиве функционально обособленных фигурок, которые можно было «запрягать», побудило обратиться к поискам соответствующих им моделей транспортных средств. В Кукутени-Триполье известны сосуды на полозьях, так называемые «саночки» (рис. 54). Первый экземпляр был найден на одном из поселений в окрестностях Незвиско [Кравец В.П., 1951]. Сейчас в Буго-Днепровском районе и на Днестре зафиксировано несколько десятков таких сосудов. «Саночки» бывают с округлыми и прямоугольными кузовами разной высоты. У округлых кузовов стенки снаружи гладкие. Четырехугольные часто имитируют деревянный каркас с выступающими вертикальными и горизонтальными ребрами. Все кузова внутри покрыты красной краской. Есть экземпляры, окрашенные так и снаружи. Большинство же снаружи расписано (по светлому ангобу). Ширина и высота полозьев у «саночек» тоже варьирует. Их загнутые носы почти всегда имеют сквозные отверстия или желобки для бечевы. Сзади полозья несколько выступают или кончаются вровень с кузовом.

Размеры многих «саночек» сходны (наибольшие длина и ширина — около 10 см) и вполне соответствуют крупным статуэткам бовинов. В.П. Кравец связывала с саночками расписные фигурки, полагая, что роспись изображает упряжь [Кравец В.П., 1951]. Уместнее, однако, соотносить с ними приспособленные для «запрягания» статуэтки со сквозными горизонтальными отверстиями. Единственное серьезное противоречие связи «саночек» с любой из групп бовинов/овидов состоит в том, что сами «саночки» пока известны лишь в культуре Кукутени-Триполье и имеют довольно узкие хронологические рамки (Кукутень В2 - В3?), в то время как фигурки, с ними сопоставляемые (и орнаментированные, и со сквозными отверстиями), распространены по всей раннеземледельческой ойкумене Европы от неолита до ранней бронзы. Остается допустить, что за пределами Кукутени-Триполья (да и внутри нее) могли существовать аналоги «саночек» из другого, не сохраняющегося материала.

Приведенное морфологическое описание фигурок бовинов/овидов «типа» I показало, что часть признаков имеет отчетливое хронологическое распределение. Эти пятнадцать признаков сведены в таблицу 4. Значения большинства из них распределяются во времени сходным образом: одно или два присутствуют на протяжении всей культуры, а остальные постепенно добавляются от периода к периоду (выстраиваясь в таблице по диагонали). Иногда происходит замена одних значений другими (см. табл. 4). Попризначное морфологическое оценивание большой выборки кукутенско-трипольских фигурок бовинов/овидов «типа» I позволило выявить их внутрикультурную диахронную изменчивость. По сути дела, появилась возможность датировать такие фигурки, опираясь на серии синхронных значений разных признаков. Эти же серии значений признаков позволяют ставить вопрос о разделении данных статуэток на стилистические варианты.

Выделение стилистических вариантов среди фигурок бовинов/овидов «типа» I, их хронология и география

Хронологическое распределение значений признаков в таблице 4 дает возможность выделить два интервала, в рамках которых пластика заметно отличается. Первый из них охватывает ранние периоды культуры (от Прекукутени до Кукутени А4), а второй — все последующие. Статуэтки бовинов/овидов, относящиеся к Прекукутени — Кукутени А4, имеют сходный и (за редким исключением) очень ограниченный набор значений признаков. Это позволяет объединить их в особую, морфологически обедненную, группу I, не поддающуюся пока более подробному (стилистическому) разделению. В ней возможно лишь распадение пластики по памятникам (рис. 4-15).

Начиная с Кукутени АВ резко возрастает число значений признаков, описывающих стати. Фигурки бовинов/овидов в интервале от Кукутени АВ до Триполья С2, для описания которых потребовались большие наборы значений морфологических признаков, объединены в группу II. Именно в ней возможно дальнейшее стилистическое и хронологическое разделение материала.

Постоянно возрастающее число значений признаков упрощает проблему датирования зооморфной пластики, но вместе с тем затрудняет ее стилистическое разделение. Для решения этой задачи пришлось использовать поэтапный метод

Таблица 4. Значение отчетливо распределяющихся во времени морфологических признаков для фигурок бовинов/овидов «типа» 1

Признак	Время							
	Кукутень			Триполье				
	Прекукутень- А1А2	А3А4	АВ	В1	В2	В3	С1С2	С2
1.2. Форма морды	(1) Подтреугольная							
	(2) Защип							
			(3) Шишковидный налест					
1.8. Знаки на затылке			(2а, б, в, г; 3) Все разновидности					
3.2. Длина шеи	(1) Непропорционально короткая							
	(2) Короткая							
			(3) Нормальная					
			(4) Длинная					
			(5) Непропорционально длинная					
3.3. Линия шеи	(1) Продолжает линию спины							
	(2) Приподнята							
			(3) Поднята почти вертикально					
4.1. Грудь	(1) Специальной моделировки нет							
			(2) Плоская узкая					
			(3) Плоская средней ширины					
			(4) Плоская широкая					
			(5) Плоская широкая и средняя, провисающая посередине					
4.2. Подгрудок	(1) Не моделирован							
			(4) Валик, подрезанный с двух сторон					
			(5) Косичка					
								(7) Волнистый зашип
4.5. Позвоночник	(3) Широкий слабовыпуклый							
	(4) Узкий выпуклый округлый							
	(5) Узкий заостренный зашип							
			(6) Обозначен легким ребром					
			(7) Прочерчен					
								(8) Косичка
4.6. Бока	(1) Округлые							
	(7) Плоские, сечение прямоугольное							
			(8) Сечение треугольное					
			(5) Округлые параллельные					
			(6) Туловище цилиндр.					
			(4) Чрезмерно тонкая талия					

Таблица 4. Продолжение

Признак	Время							
	Кукутень			Триполье				
	Прекукутень- А1А2	А3А4	АВ	В1	В2	В3	С1С2	С2
4.8. Моклоки	(2) Уплощенности или вмятины слева или справа от хвоста							
			(5) Отчетливый выступ в профиль					
			(4) Утолщение бедра или валик					
4.10. Форма зада (сзади)	(1) Округлый							
			(5) Плоский подтреугольный					
			(3) Средний прямоугольный плоский					
			(4) Узкий прямоугольный плоский					
			(6) Плоский округлый					
			(7) Плоский округлый провисающий					
5.2. Форма хвоста	(6) Основание не выделено, хвост шишкообразный или конический							
	(5) Основание не выделено, хвост сверху широкий, далее сужается							
			(1) Основание выделено на всю длину крестца, хвост-косичка					
			(4) Основание-перехват, хвост-косичка					
			(2) Основание выделено на всю длину крестца, хвост круглый					
			(3) Основание-перехват, хвост круглый					
5.3. Положение хвоста	(1) Торчащий							
	(2) Опущен и отставлен							
			(3) Отставлен почти горизонтально					
			(5) Опущен и прижат					
								(6) Подвернут под брюхо
6.1. Способ лепки ног	(2) Прилеплены по одной							
			(3) Моделированы вытягиванием					
6.2. Форма ног	(1) Столбики слегка расставленные							
			(3) Сдвоенные попарно					
			(5) Сдвоенные попарно, разделенные снизу					
			(6) Очень короткие заостренные					
			(2) Столбики, соединенные попарно					
			(3) Сдвоенны, граница намечена					
7.1. Знаки пола на брюхе	(1) Отсутствуют							
			(4, 5, 6) Разные варианты изображения вымени					
			(3) Изображение пениса					

разбивки выборки, включающий две независимые оценки статуэток — на основании морфологии и по пропорциям, — с последующим сопоставлением результатов. Первичное огрубленное морфологическое разделение группы II сделано по взаимовстречаемости нескольких наиболее ярких формообразующих признаков. Анализ пропорций проводился в соответствии с полученной морфологической группировкой. Он подтвердил большинство этих групп и выявил новые. Таким образом, соотношение морфологических и пропорциональных групп привело к выделению стилистических вариантов, учитывающих как формообразующие признаки, так и пропорции.

Среди рассмотренных морфологических признаков можно выделить три, в наибольшей степени отражающих конструкцию статуэтки. Это — форма груди, боков, зада. У трипольских фигурок группы II все эти признаки переменны и хронологически изменчивы. Для первичной группировки материала были выбраны два из них, особенно четко коррелирующие между собой — форма боков и груди. Взаимовстречаемость их значений разделила группу II на несколько «вариантов» (табл. 5), большинство которых вполне соответствует стилистическим вариантам, подтвержденным и приводимой ниже группировкой по пропорциям (табл. 6).

Вариант 1 образовали фигурки прямоугольного и треугольного сечения с уплощенными боками, имеющие грудь плоскую узкую и плоскую средней ширины.

В вариант 2 вошли статуэтки с плоской широкой или средней ширины грудью, у которых весьма переменна форма боков — округлые; раздутые; округлые параллельные; плоские; слегка втянутые.

В таблице 5 эти два варианта частично наложились друг на друга. Разделить их удалось по пропорциям (табл. 6).

Вариант 3 составили фигурки прямоугольного сечения с плоскими или округлыми параллельными боками, грудь которых не имеет специальной моделировки.

Вариант 4 представляют статуэтки со специально отмеченной талией, имеющие грудь широкую или средней ширины, обязательно провисающую посередине.

Вариант 5 образовали фигурки цилиндрического сечения, у которых грудь не имеет специальной моделировки.

Далее проводился анализ пропорций статуэток. Группа I рассматривалась совокупно, а группа II — согласно имеющейся разбивке на варианты (1-5). Пропорции любой целой фигурки можно изобразить в виде точки на пересечении координат графика, одна из которых представляет собой отношение ширины туловища к длине, а другая — отношение ширины к толщине*. Первое из названных отношений откладывалось по оси абсцисс, а второе — по оси ординат.

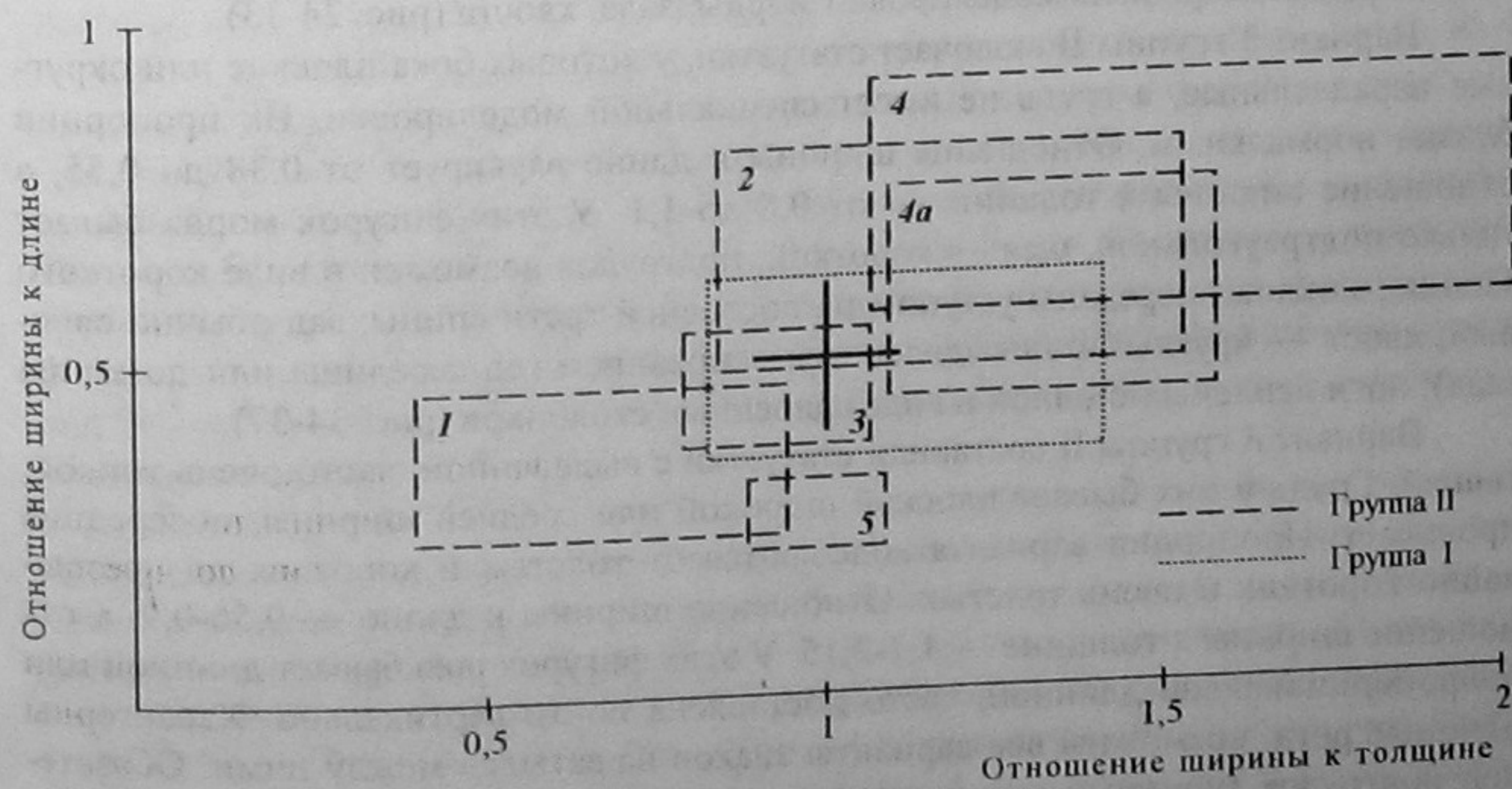
На итоговом графике (табл. 6), как и на всех предшествующих ему исходных, перекрестием отмечен модуль, отражающий обобщенные нормальные про-

* В общем виде принцип измерения фигурок уже описан выше. Для большинства из них, имеющих почти равную ширину в плечах, пояснице и крестце, либо самое широкое место в пояснице, система замеров одина. Ширина и толщина измерялись в середине туловища, а длина — от груди до хвоста. Соотношение этих параметров позволило как бы вписывать туловища фигурок в условные параллелепипеды. У статуэток же с выделенной талией ширину и толщину пришлось мерить не в середине туловища, а в самом широком месте — плечах или крестце.

Таблица 5. Взаимовстречаемость основных формообразующих признаков в группе II фигурок бовинов/овидов «типа» I

Грудь	Бока	6. Туловище цилиндрического сечения	4. Подчеркнута тонкая талия	3. Втянутые бока, талия обозначена	1. Округлые бока	2. Раздутые бока	5. Округлые параллельные	7. Плоские, сечение прямоугольное	8. Угловатые, сечение треугольное
2. Плоская узкая								1 35	3
3. Плоская средней ширины			2	2	3	2	3	16	5
4. Плоская широкая			3	5	2	13	10		
5. Плоская широкая, провисающая посередине		4	15						
6. Плоская средняя, провисающая посередине		1	6						
1. Не моделирована	5	10						3	4
									2

Таблица 6. Соотношение пропорций фигурок бовинов/овидов «типа» I (группа I и стилистические варианты группы II)

ков. Далее следует вариант 3 (5 из 11); за ним — варианты 1 и 5 (3 из 11). Наименее ярки вариант 2 и подвариант 4а (2 из 11 признаков). Судя по минимальному числу реализовавшихся значений признаков, самые четкие характеристики имеют варианты 3, 4, 5, а наименее устойчив и расплывчат, в соответствии с этим критерием, все тот же вариант 2.

***

На группы и стилистические варианты удалось разделить 90% фигурок бовинов/овидов «типа» 1 с хронологической привязкой, то есть 360 предметов из 378. Хронология статуэток, входящих в группу I, уже установлена. Все они относятся к Прекукутени — Кукутени А4. Время же бытования стилистических вариантов группы II и их количественное соотношение в разные периоды Кукутени-Триполья удалось выяснить статистически. Для этого была построена серия совмещенных гистограмм, отражающих распределение всех вариантов фигурок и стилистически неясных статуэток. Вариант 4 и подвариант 4а при подсчетах были объединены (их распределению соответствует общая гистограмма). Хотя эти диахронные распределения представлены на шести отдельных гистограммах, для каждого периода культуры за 100% принимался объем всей выборки фигурок соответствующего времени: присутствующие стилистические варианты плюс неясные. Последние привлечены для коррекции результатов. Рассмотрим распределения стилистических вариантов фигурок бовинов/овидов группы II (табл. 7).

Вариант 1 имеет очень растянутый период бытования — от Кукутени АВ до Триполья С1С2. Отчетливо он преобладает только в Кукутени В1, когда составляет 78% выборки.

Вариант 2 также присутствует от Кукутени АВ до Триполья С1С2, но преобладает лишь в Кукутени В2 (46% выборки).

Вариант 3 появляется в Кукутени В2 и существует до Триполья С1С2, составляя незначительную долю в выборках.

Столь же редок вариант 5, представленный от Кукутени АВ до Триполья С1С2.

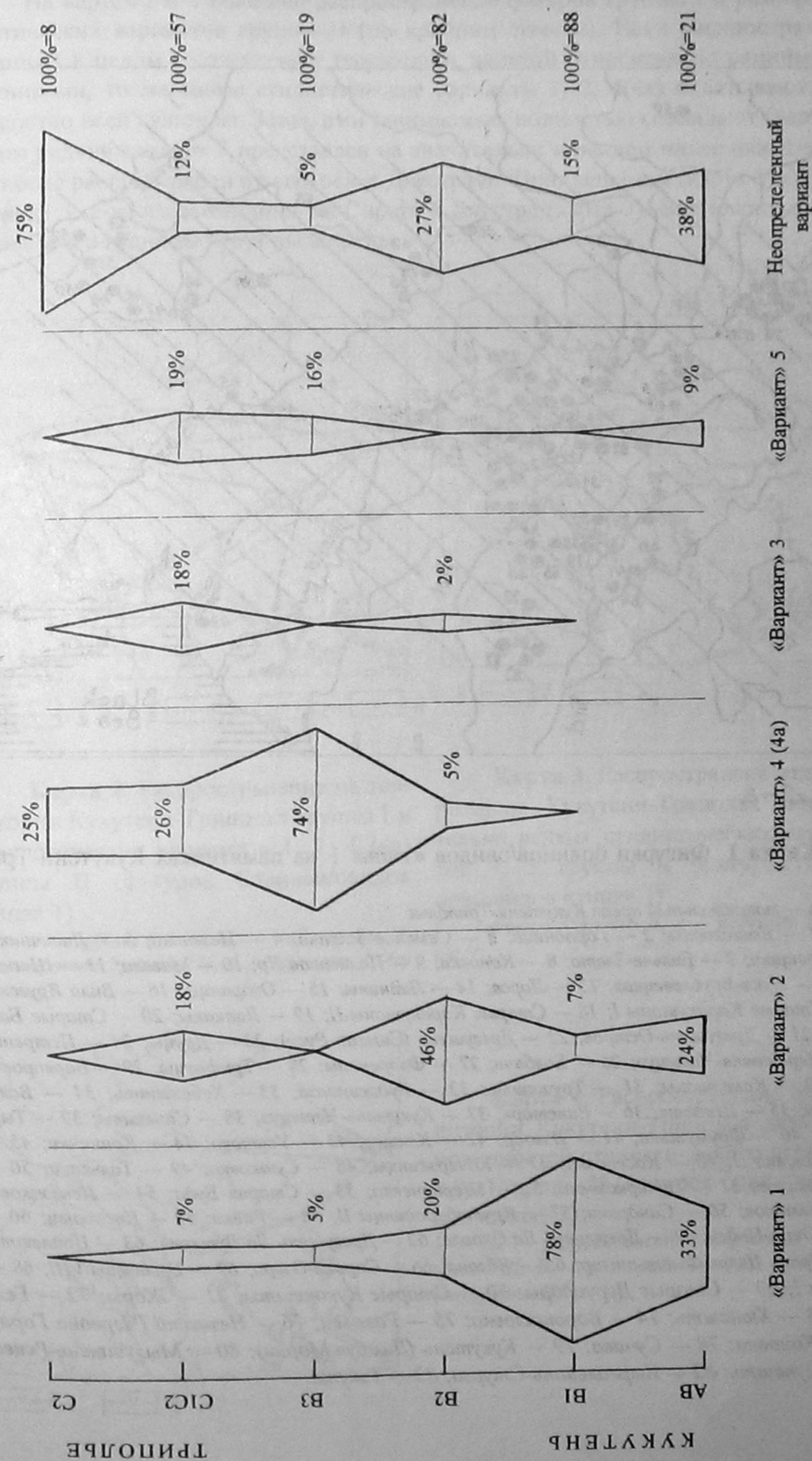
Вариант 4(4а) существует от Кукутени В2 до Триполья С2, резко преобладая в Кукутени В3 (74%).

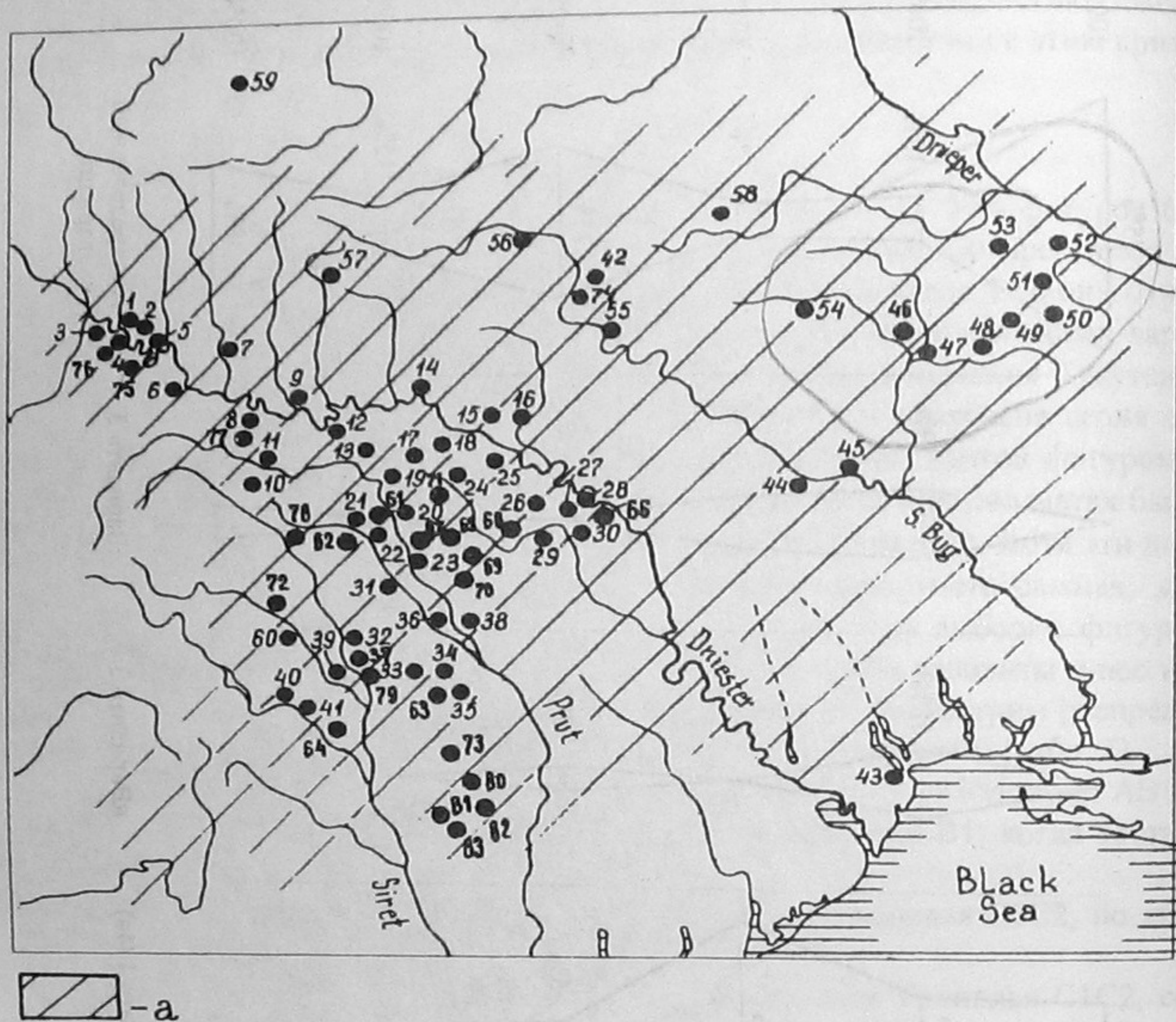
Таким образом, для трех наиболее массовых стилистических вариантов 1, 2, 4(4а) выявлена определенная хронологическая преемственность. В Кукутени В1 преобладает вариант 1, в Кукутени В2 — вариант 2, в Кукутени В3 — вариант 4(4а).

Фигурки бовинов/овидов «типа» 1 без хронологических привязок (нестратифицированные, а также из пунктов с нечеткой датировкой и беспаспортные) были по возможности соотнесены со стилистическими вариантами, благодаря чему серии последних несколько увеличились. Это позволило получить более корректную картину их географического распространения.

На карте 1 отмечены памятники, с которых происходят фигурки бовинов/овидов «типа» 1. Они распределяются по всей территории Кукутени-Триполья, но их концентрация в западном ареале культуры оказалась выше, чем в восточном. Видимо, это обстоятельство в первую очередь следует связывать с разной степенью изученности ареалов и соответствующей полнотой публикаций результатов исследований. Вряд ли подобный способ фиксации частоты встречаемости фигурок отразил какую-либо локальную специфику, разницу «традиций». Ибо более ни в чем она не улавливается.

Таблица 7. Хронологическое распределение стилистических вариантов фигурок бовинов/овидов («тип» 1, группа II)

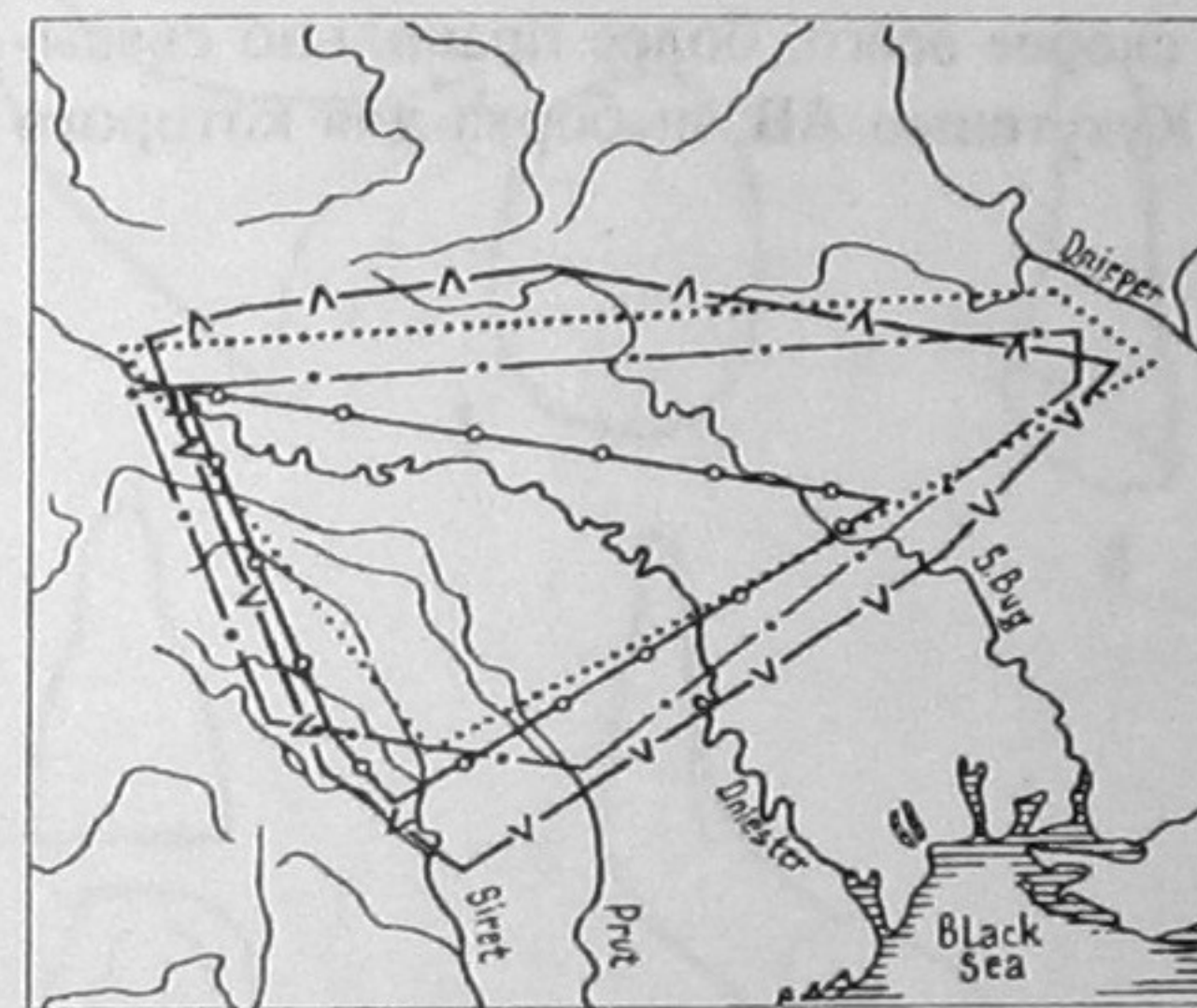

Карта 1. Фигурки бовинов/овидов «типа» I на памятниках Кукутени-Триполья

a — максимальный ареал Кукутени-Триполья

1 — Кошиловцы; 2 — Городница; 3 — Семенов-Зеленча; 4 — Незвиско; 5 — Лисичники; 6 — Залецики; 7 — Бильче-Злото; 8 — Коновка; 9 — Поливанов Яр; 10 — Магала; 11 — Шипенцы; 12 — Лука-Врублевецкая; 13 — Ларга; 14 — Липчаны; 15 — Озаринцы; 16 — Вила Яругска; 17 — Старые Каракушаны I; 18 — Старые Каракушаны II; 19 — Липканы; 20 — Старые Бадражи; 21 — Дрезушень-Остров; 22 — Дрезушень (Симеон Русу); 23 — Друцы; 24 — Петренцы; 25 — Мерешовка-Четецуэ; 26 — Болбочь; 27 — Флорешты; 28 — Трифауцы; 29 — Варваровка VIII; 30 — Катюшаны; 31 — Трушешть; 32 — Руджиноаза; 33 — Хебешешть; 34 — Валя-Лупулуй; 35 — Шипоте; 36 — Винеторь; 37 — Кукутень-Четецуэ; 38 — Синешты; 39 — Тырпешть; 40 — Фрумушика; 41 — Извоар; 42 — Клищев; 43 — Усатово; 44 — Кринички; 45 — Сабатиновка II; 46 — Касеновка; 47 — Кочержинцы; 48 — Сушковка; 49 — Тальянки; 50 — Майданецкое; 51 — Чичиркозовка; 52 — Щербаневка; 53 — Старая Буда; 54 — Пенежсково; 55 — Немиров; 56 — Сандраки; 57 — Крутобородины II; 58 — Райки; 59 — Костянец; 60 — Тыргу Окна-Подей; 61 — Дрезушень Ла Окоале; 62 — Дрезушень Ла Лутерия; 63 — Пойнешть; 64 — Траян Дялул Фынтынилор; 65 — Яблона; 66 — Сороки-Озеро; 67 — Брынзены VIII; 68 — Главан I; 69 — Старые Дуруидоры; 70 — Старые Куконешты; 71 — Жоры; 72 — Гемвар; 73 — Хюнешть; 74 — Ворошиловка; 75 — Раковец; 76 — Незвиско (Червона Гора); 77 — Коновка; 78 — Сучава; 79 — Кукутень (Димбул Морий); 80 — Мылуштен-Рецеа; 81 — Лупешть; 82 — Бырлалешть-Стурза; 83 — Тэкута

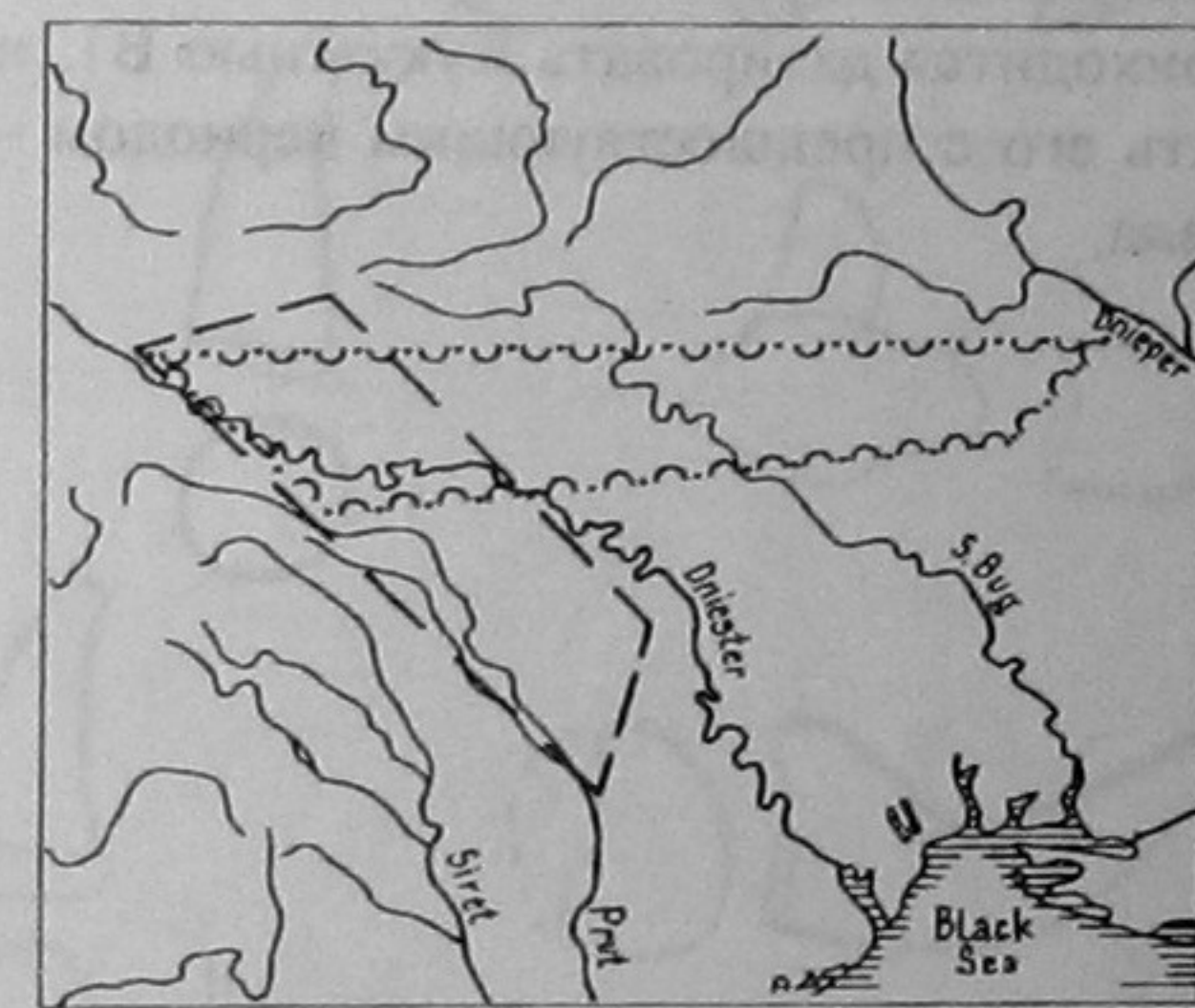
На картах 2 и 3 показано распространение фигурок группы I и разных стилистических вариантов группы II (по крайним точкам). Если распространение группы I в целом соответствует территории, занятой относительно ранними памятниками, то массовые стилистические варианты 1, 2, 4(4a) охватывают пространство всей культуры. Зоны, ими занимаемые, полностью совпадают (карта 2). Более редкий вариант 3 представлен на значительно меньшем числе памятников, но также распространен от верховьев Днестра до Приднепровья (карта 3). Только вариант 5 пока известен лишь на Сирете и Днестре (карта 3). Возможно, со временем и его границы будут расширены.

I — a II — b c — d

Карта 2. Распространение на территории Кукутени-Триполья группы I и стилистических вариантов 1, 2, 4 (4a) группы II (фигурок бовинов/овидов «типа» I)

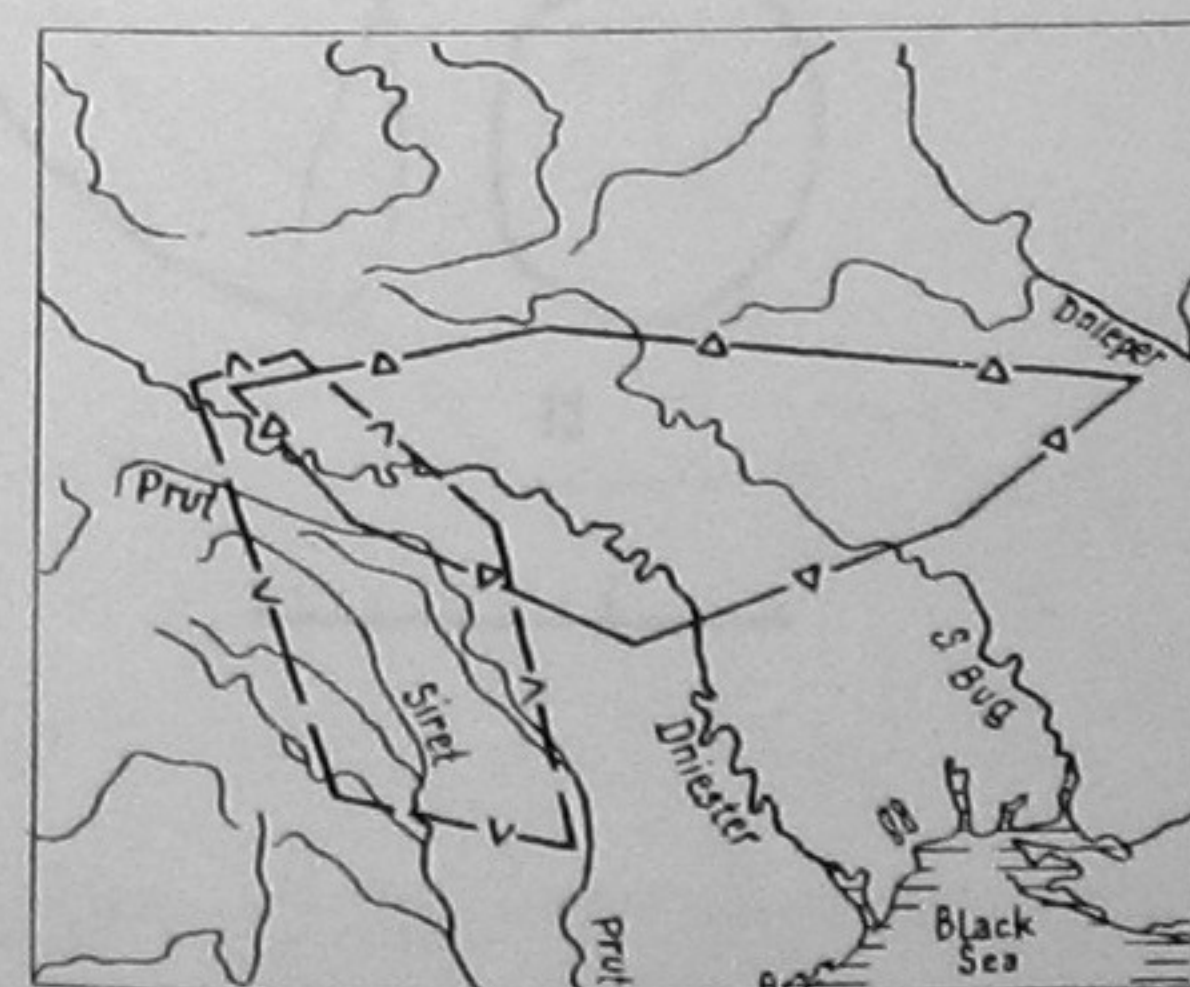
a — группа I; b — вариант 1 группы II; c — вариант 2 группы II; d — вариант 4 (4a) группы II

f — e

Карта 3. Распространение на территории Кукутени-Триполья относительно редких стилистических вариантов 3, 5 группы II (фигурок бовинов/овидов «типа» I)

f — вариант 3 группы II; e — вариант 5 группы II

a — b

Карта 4. Распространение на территории Кукутени-Триполья двух разновидностей стилистического варианта 4 (4a) группы II (фигурок бовинов/овидов «типа» I)

a — разновидность 1 варианта 4 (4a) группы II; b — разновидность 2 варианта 4 (4a) группы II

Следует отметить, что для варианта 4(4а) было предпринято более подробное картографирование. В этот вариант входят фигурки, отличающиеся моделировкой деталей: (а) с подгрудками и хвостами в виде косички, (б) с подгрудками в виде волнистого загиба и хвостами круглого сечения. Разновидность (а) присутствует на всем пространстве культуры, а разновидность (б) пока известна только в ее западном ареале (карта 4).

Итак, в результате картографирования выяснено, что сменяющие друг друга массовые стилистические варианты (1-2-4/4а) распространены на всей территории Кукутени-Триполья. Благодаря этому стало очевидно более или менее синхронное единообразие фигурок бовинов/овидов «типа» 1 в ее пределах в течение длительного времени. Начало этого явления, из-за недостатка материала, пока приходится датировать Кукутенью В1, но, скорее всего, более правильно связывать его с предшествующим периодом — Кукутенью АВ, выборка для которого мала.

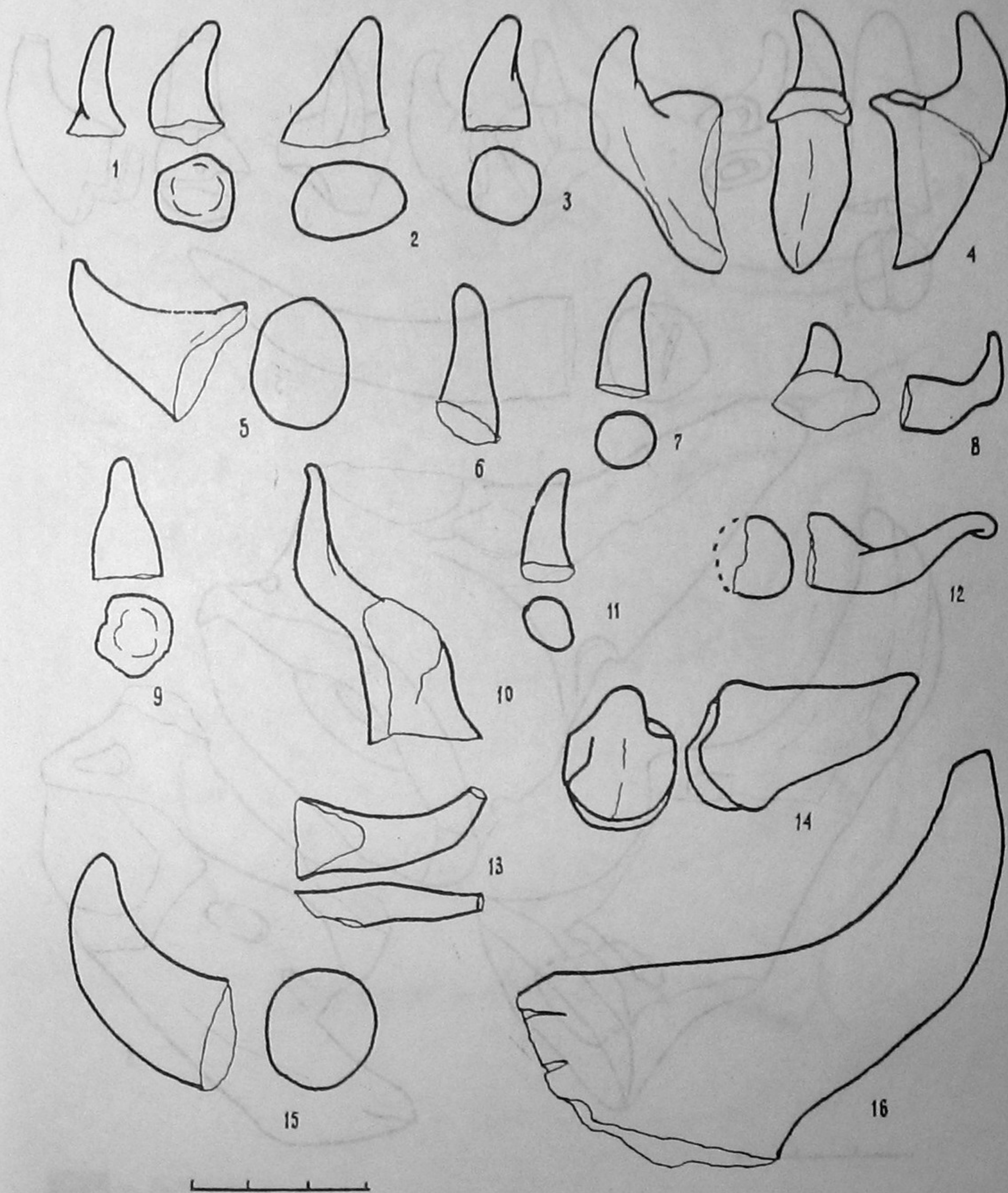
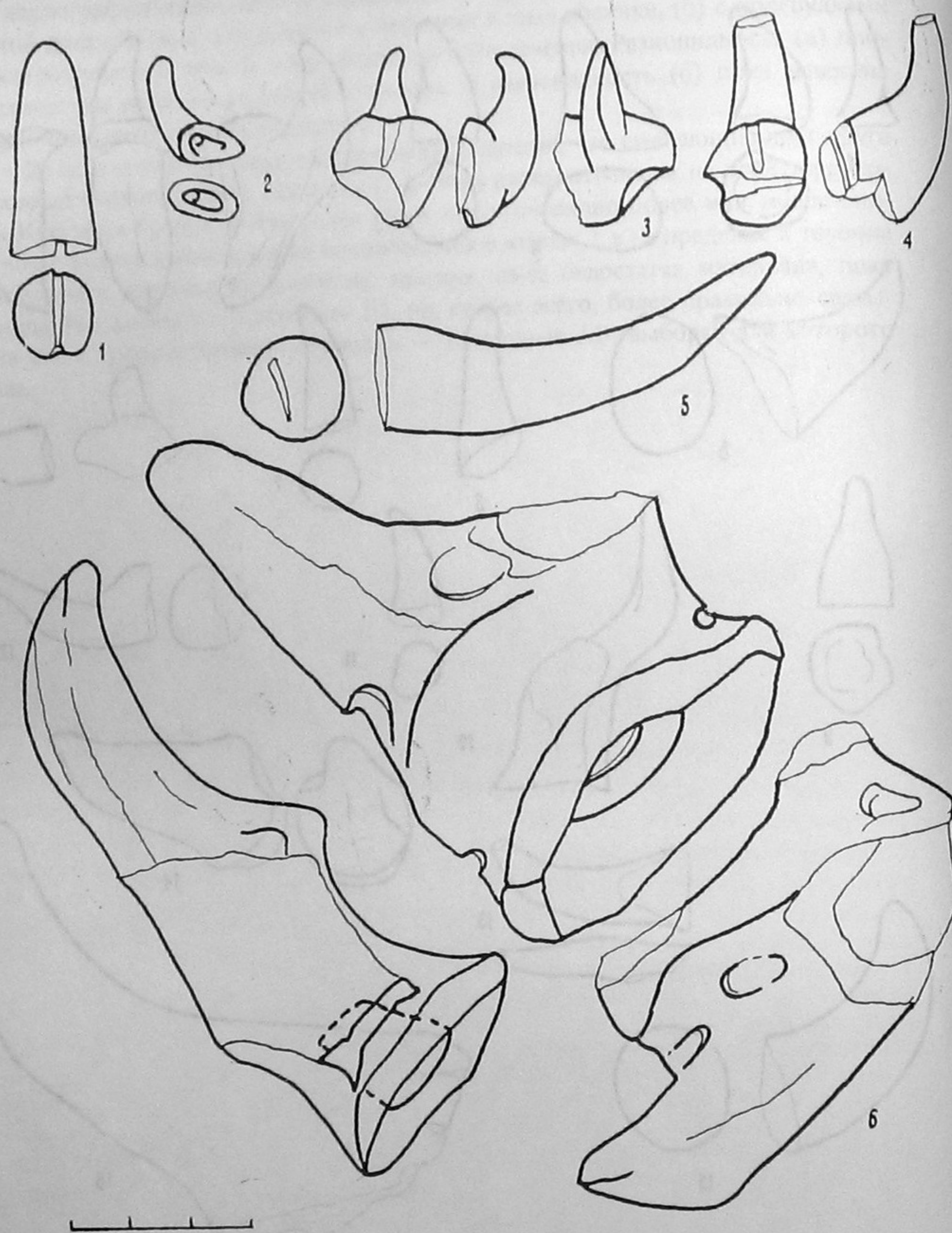

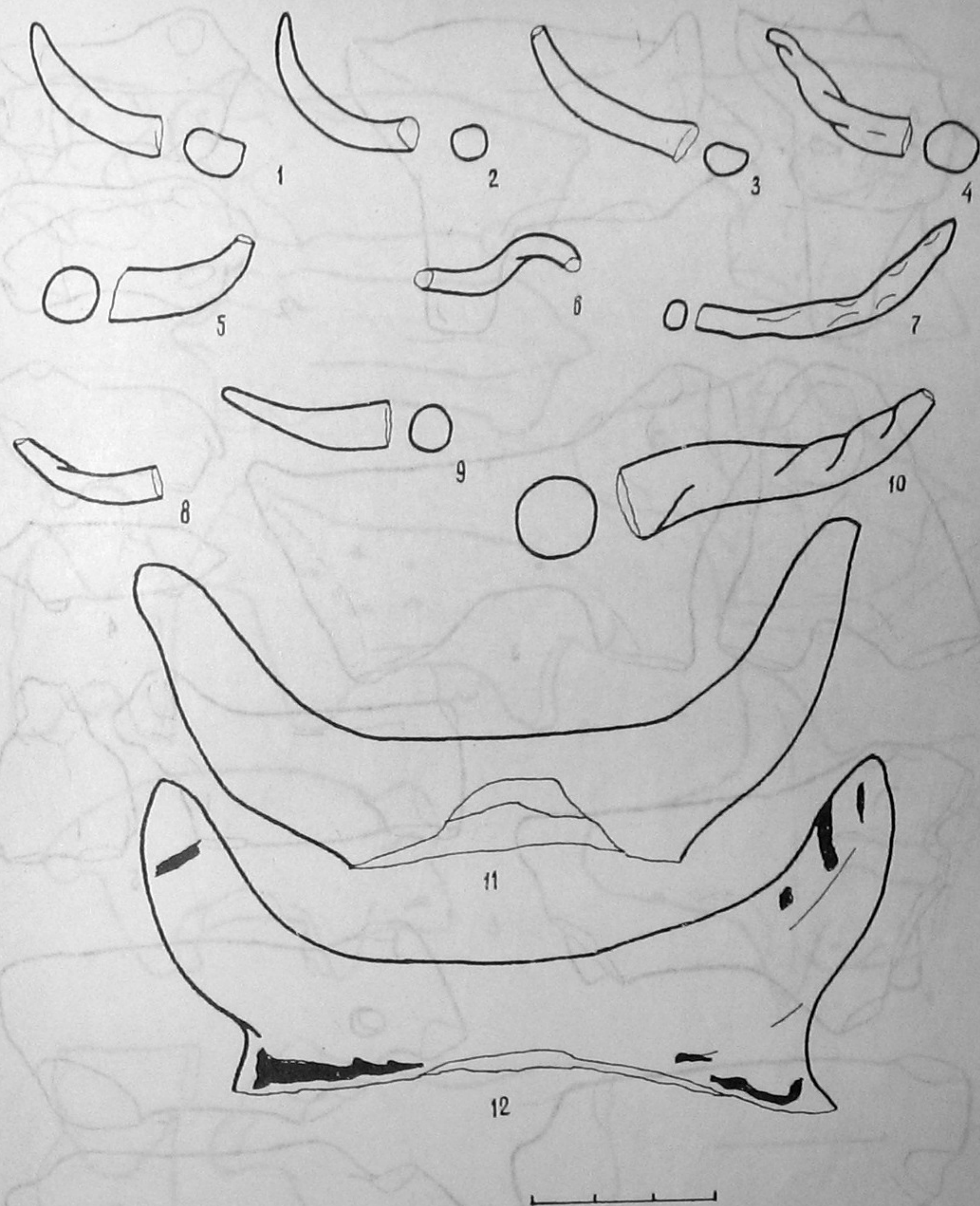
Рис. 1. «Прилепные» рога от фигурок бовинов:

1-8 — Друцы 1 (Кукутень А4); 9 — Кукутень-Четецэ (без стратиграфической привязки); 10 — Немиров; 11, 12, 14 — Майданецкое (Кукутень В2); 13 — Коповка (Кукутень В1); 15 — Чичиркозовка (Кукутень В2); 16 — Кошиловцы (Триполье С1С2)

Рис. 2. «Прилепные» рога от фигурок бовинов со следами скреп из другого материала:

1 — Новые Русешты, слой А или В (не позднее Кукутени А2); 2, 3 — Друцы 1 (Кукутень А4); 4 — Липчаны (Кукутень В2); 5 — Коновка (Кукутень В1); 6 — Поливанов Яр (без стратиграфической привязки)

■ — БУРЫЙ

Рис. 3. «Накладные» рога от фигурок бовинов (1-10) или от других форм пластических изображений (11, 12):

1-7 — Друцы 1 (Кукутень А4); 8 — Майданецкое (Кукутень В2); 9, 10 — Коновка (Кукутень В1); 11 — Шипенцы (Кукутень А или В1); 12 — Кошиловцы (Триполье С1С2). (11 — по О. Кандыба)

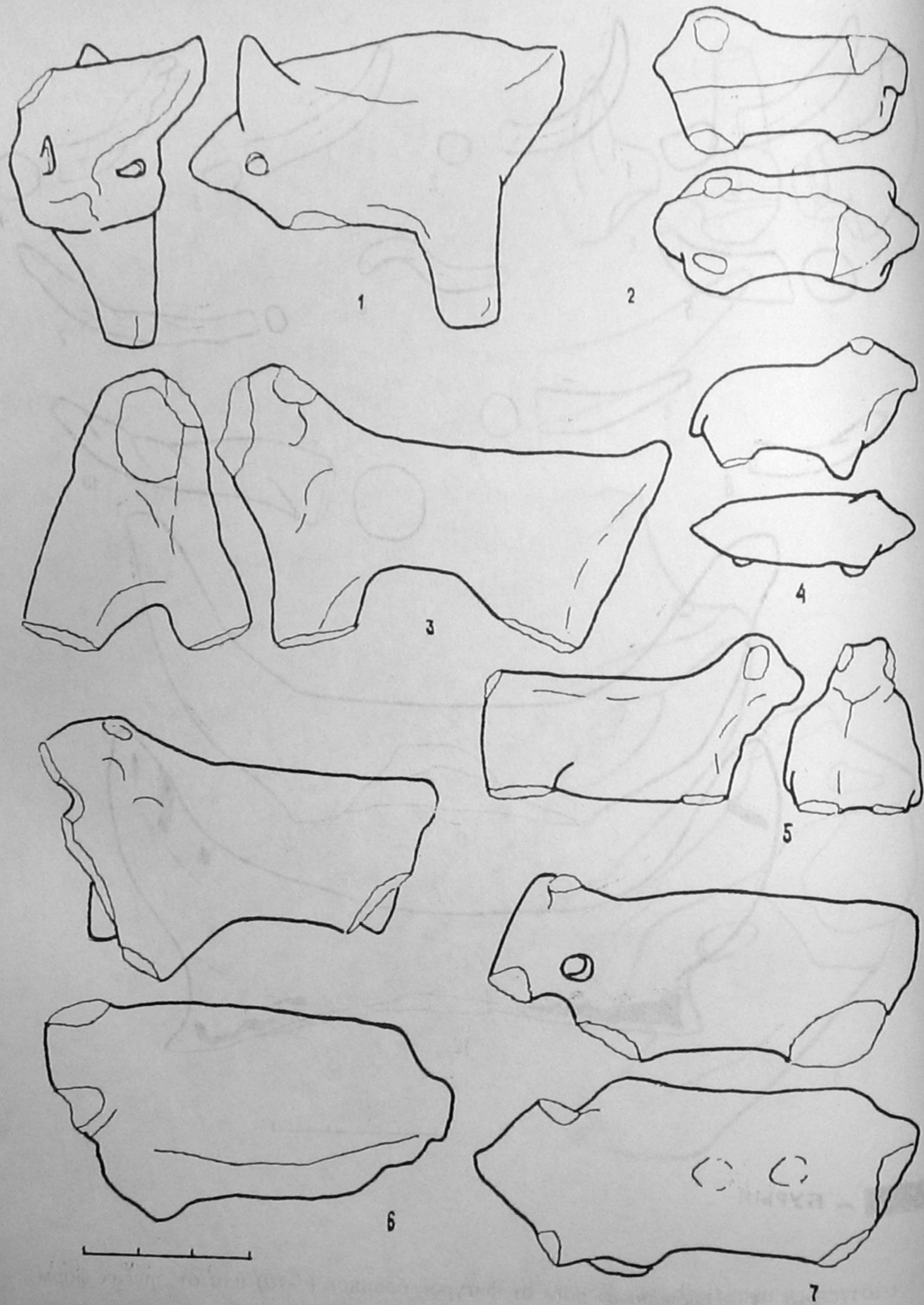

Рис. 4. Фигурки бовинов/овидов, «тип» 1 (группа I):
 1, 3 — Лука-Врублевская (Прекукутень); 2, 4 — Городница; 5 — Пойнешть, 6 — Поливанов Яр III (Кукутень А1А2); 7 — Ларга А (Кукутень А?). (5 — по Р. Вульпе)

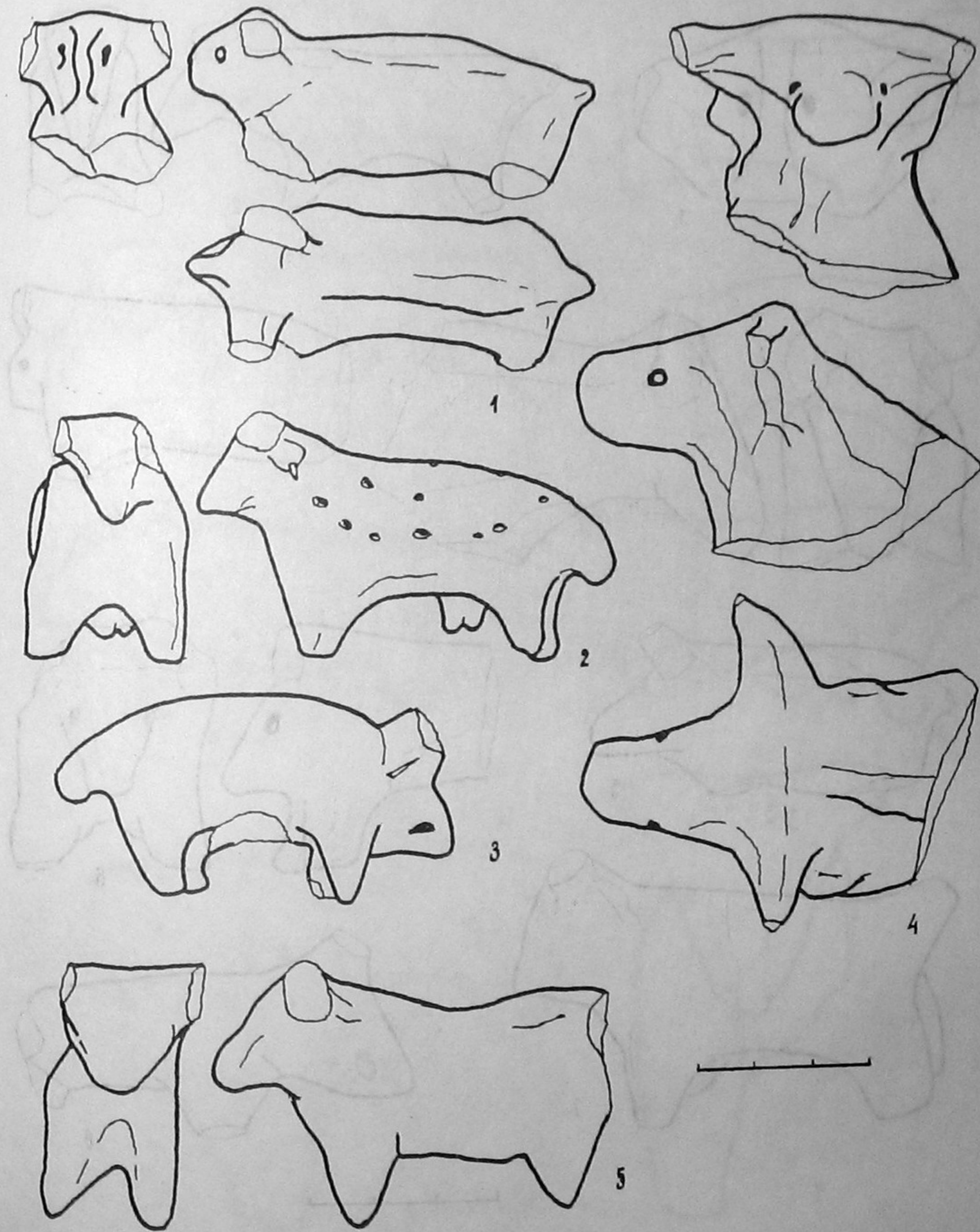
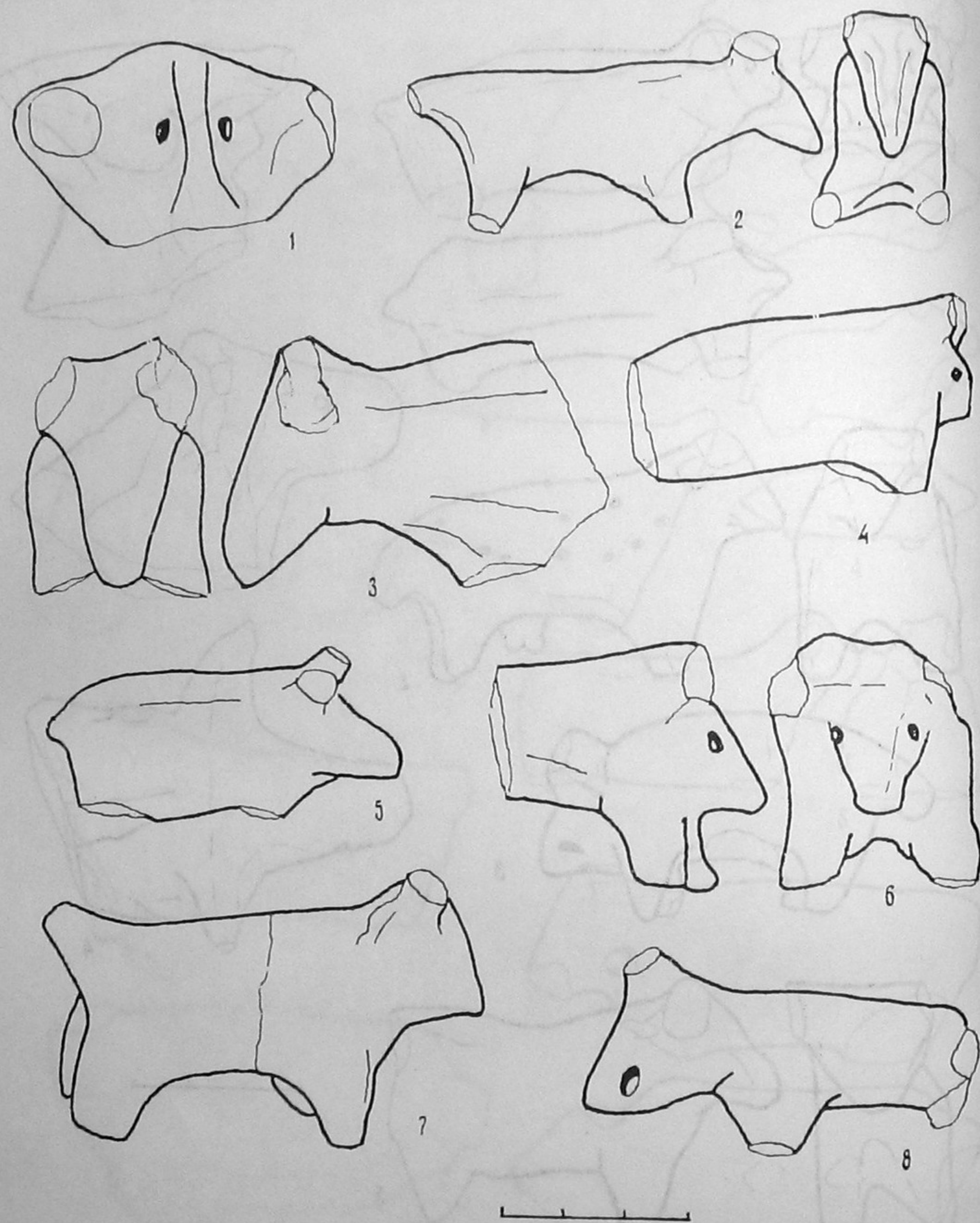
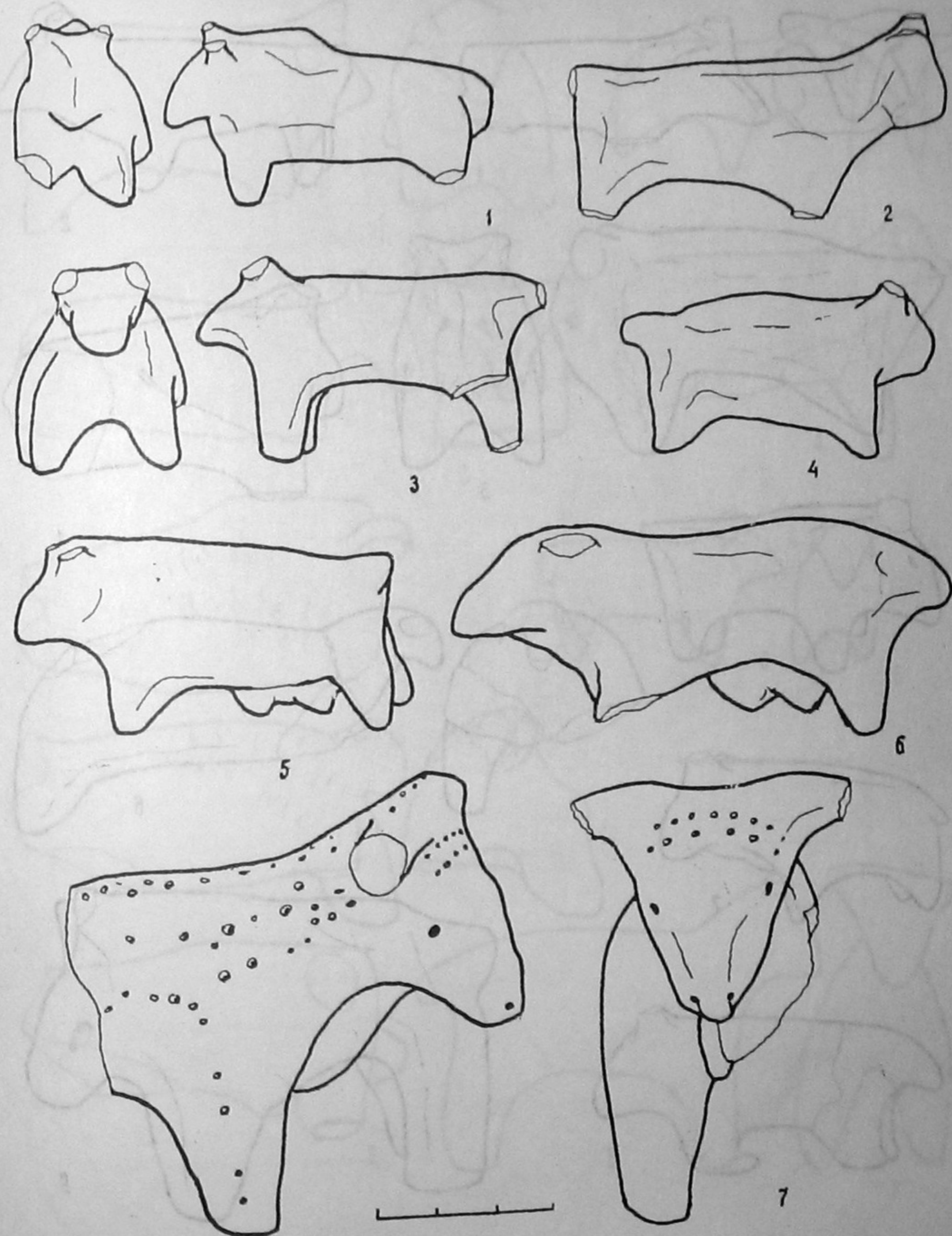

Рис. 5. Фигурки бовинов/овидов, «тип» 1 (группа I):
 1-3 — Тырнешть; 4, 5 — Извоар (Кукутень А1А2). (1-3 — по С. Маринеску-Былку; 4, 5 — по Р. Вульпе)

Рис. 6. Фигурки бовинов/овидов, «тип» 1 (группа I):
1 — Гемвар; 2, 3 — Тэкута (Кукутень А1А2); 4-8 — Хебешить (Кукутень А3). (1 — по З. Шекели; 2, 3 — по Л. Комаи; 4-8 — по В. Думитреску)

Рис. 7. Фигурки бовинов/овидов, «тип» 1 (группа I):
1-7 — Хебешить (Кукутень А3), по В. Думитреску

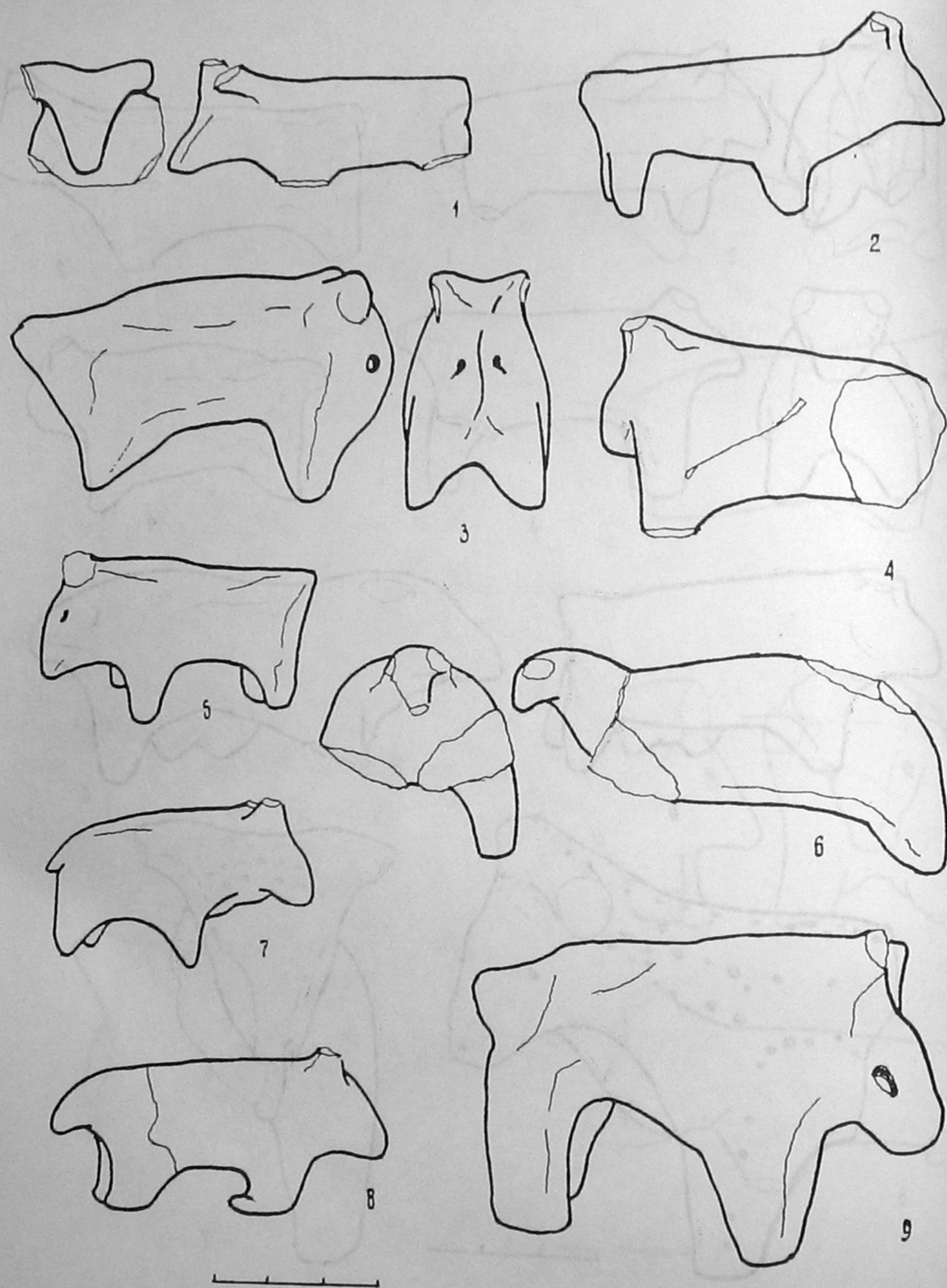

Рис. 8. Фигурки бовинов/овидов, «тип» 1 (группа I):
1-9 — Лебешевать (Кукутень А3), по В. Дмитреску

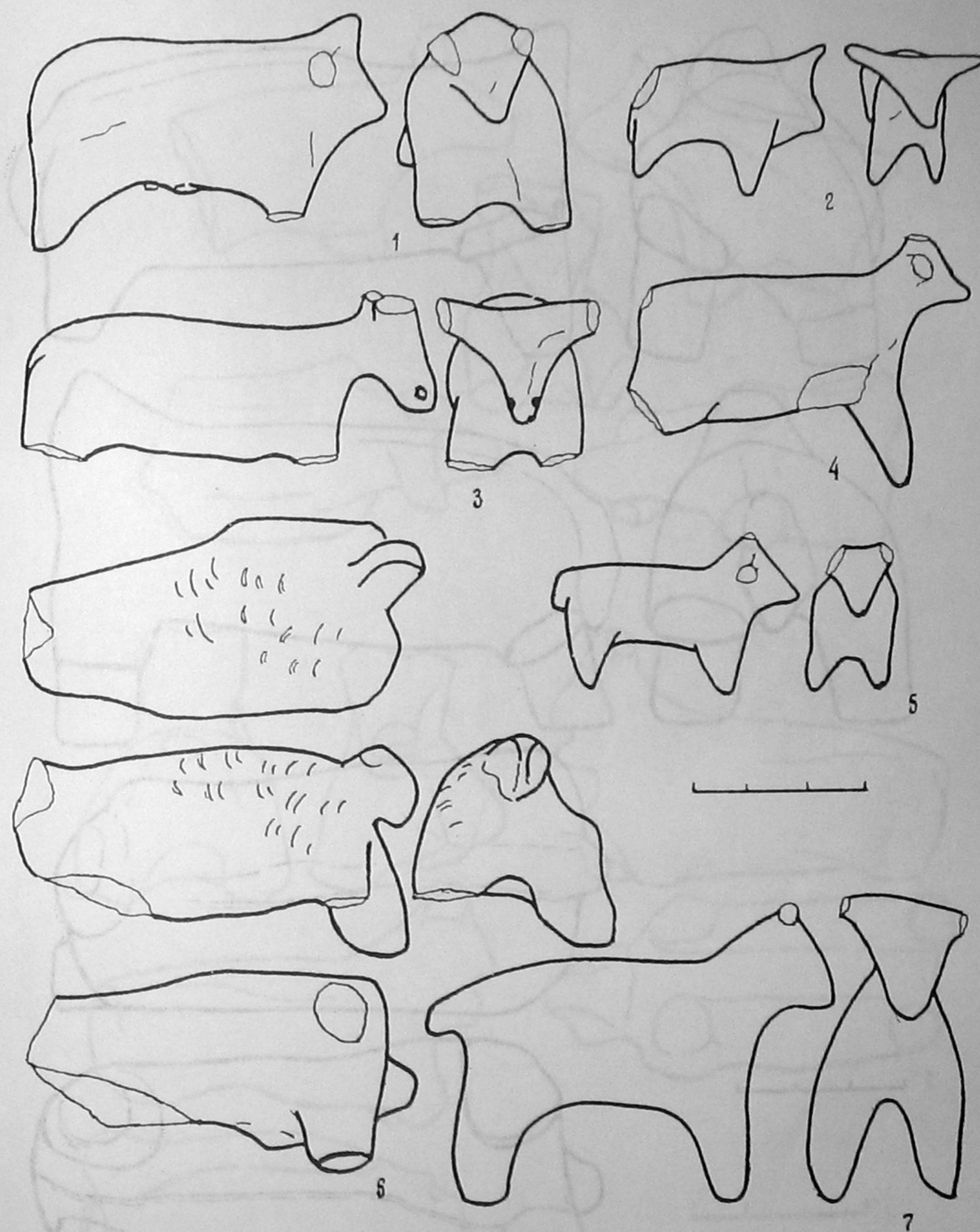

Рис. 9. Фигурки бовинов/овидов, «тип» 1 (группа I):
1, 2, 4, 5 — Дрегушень-Остров; 3 — Дрегушень Ла Лутерия; 6 — Старые Дуруидоры
(Кукутень А4); 7 — Винеторь (Кукутень А). (1-5 — по А. Кришмару; 7 — по В. Чирика, М. Тана-
сачи)

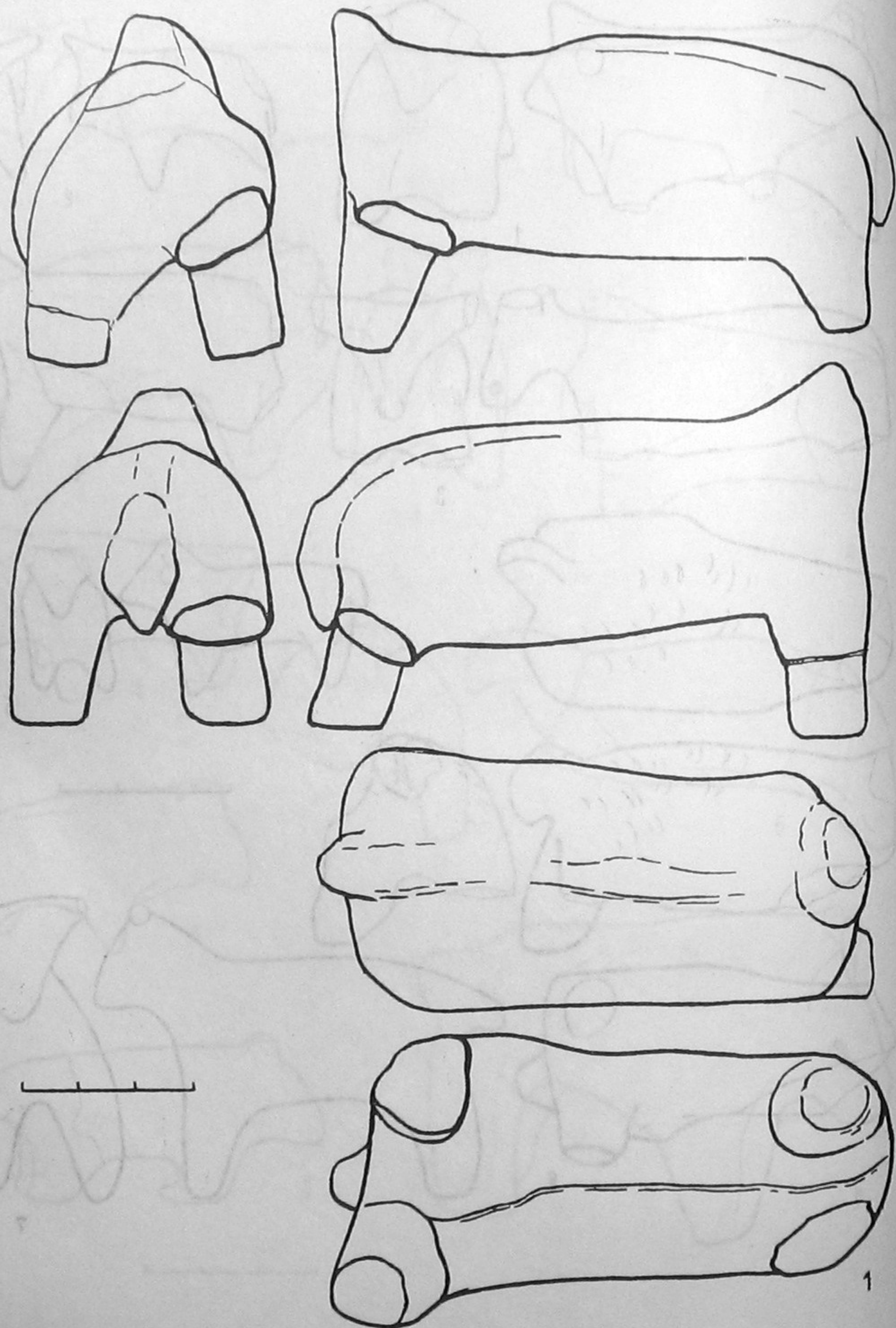

Рис. 10. Фигурки бовинов/овидов, «тип» 1 (группа I):
1 — Старые Дуруидоры (Кукутень А4)

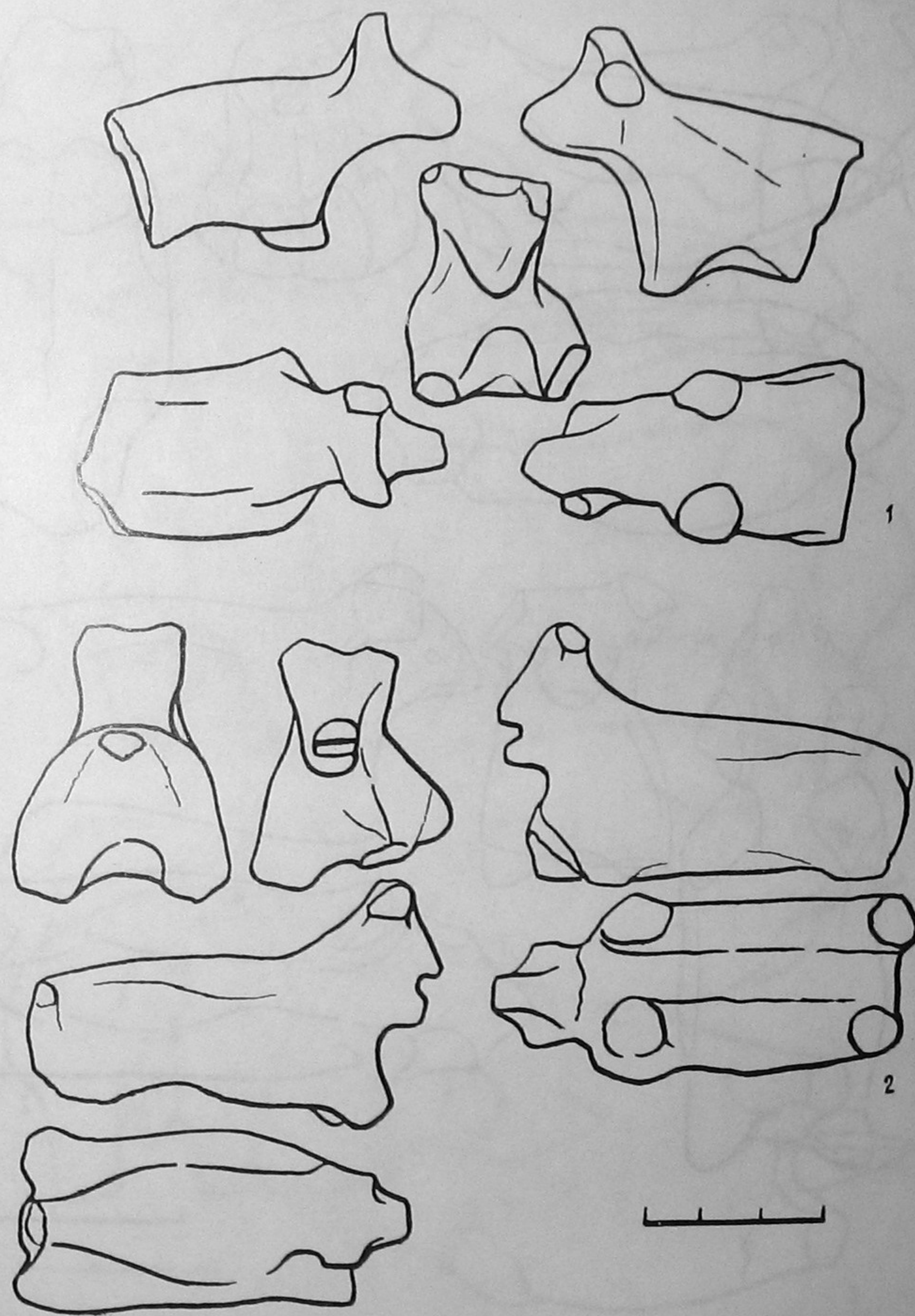

Рис. 11. Фигурки бовинов/овидов, «тип» 1 (группа I):
1, 2 — Старые Кукопешты (Кукутень А4)

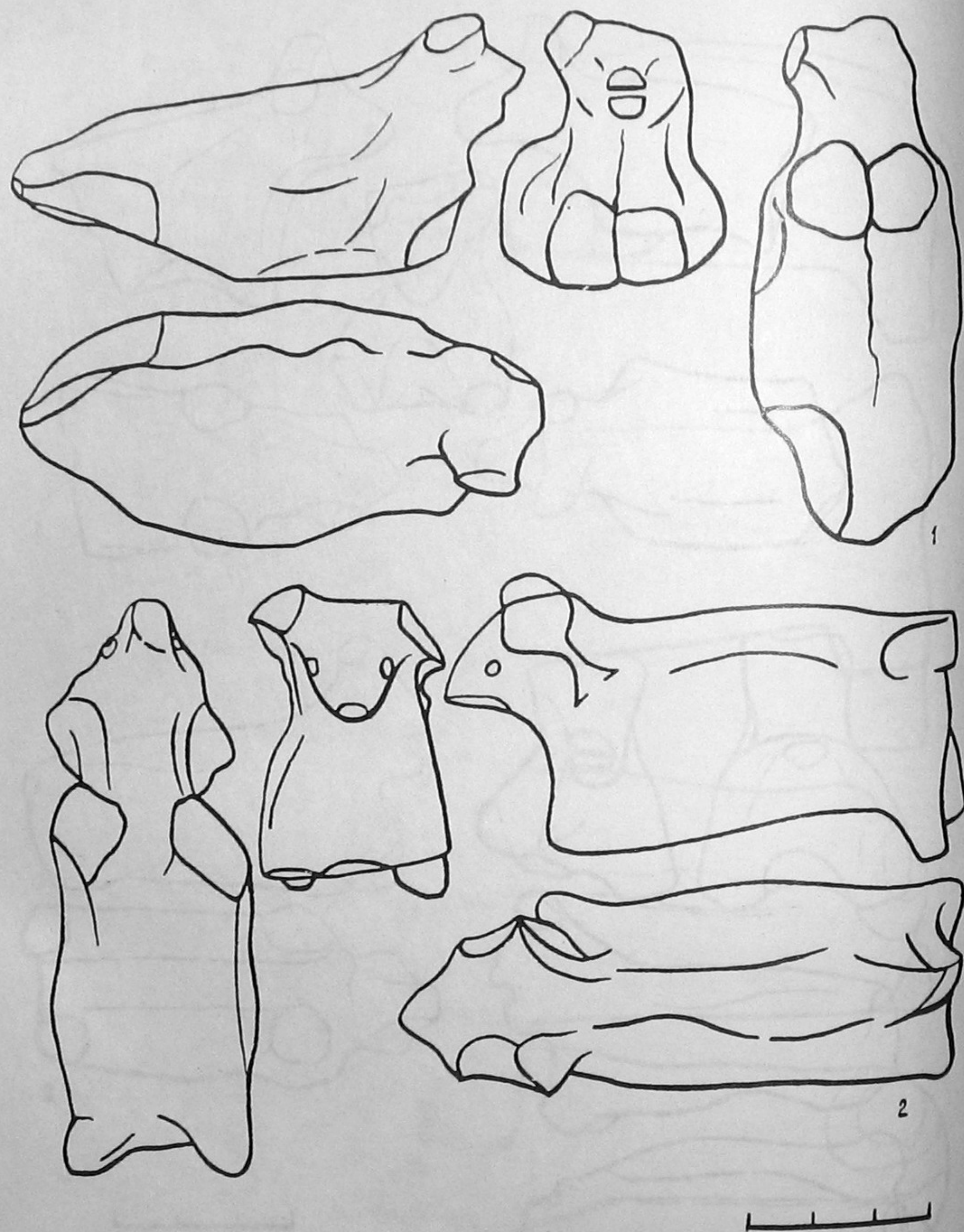

Рис. 12. Фигурки бовинов/овидов, «тип» 1 (группа 1).
1, 2 — Друцы 1 (Кукутень А4)

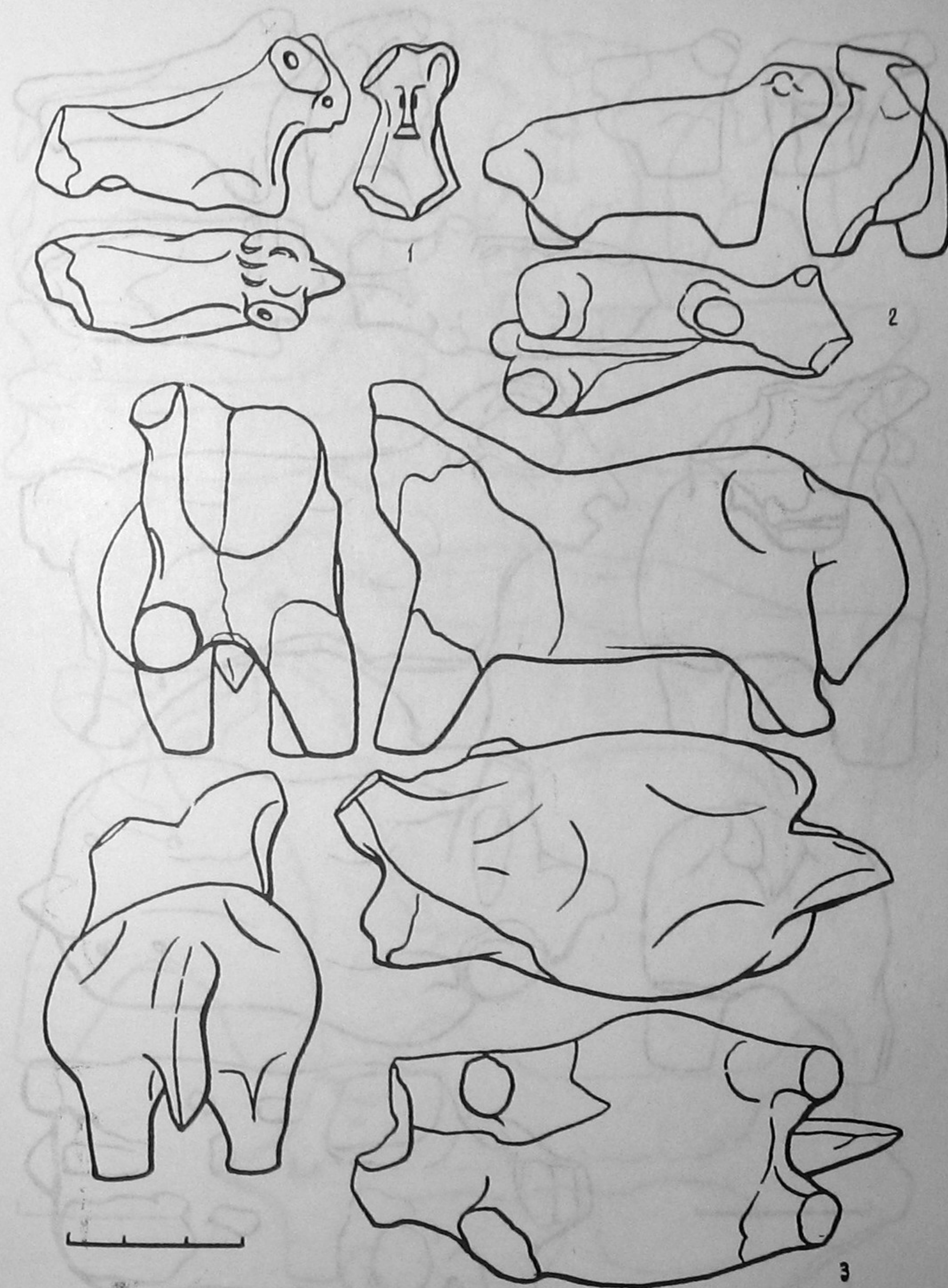

Рис. 13. Фигурки бовинов/овидов, «тип» 1 (группа I):
1-3 — Друцы 1 (Кукутень А4)

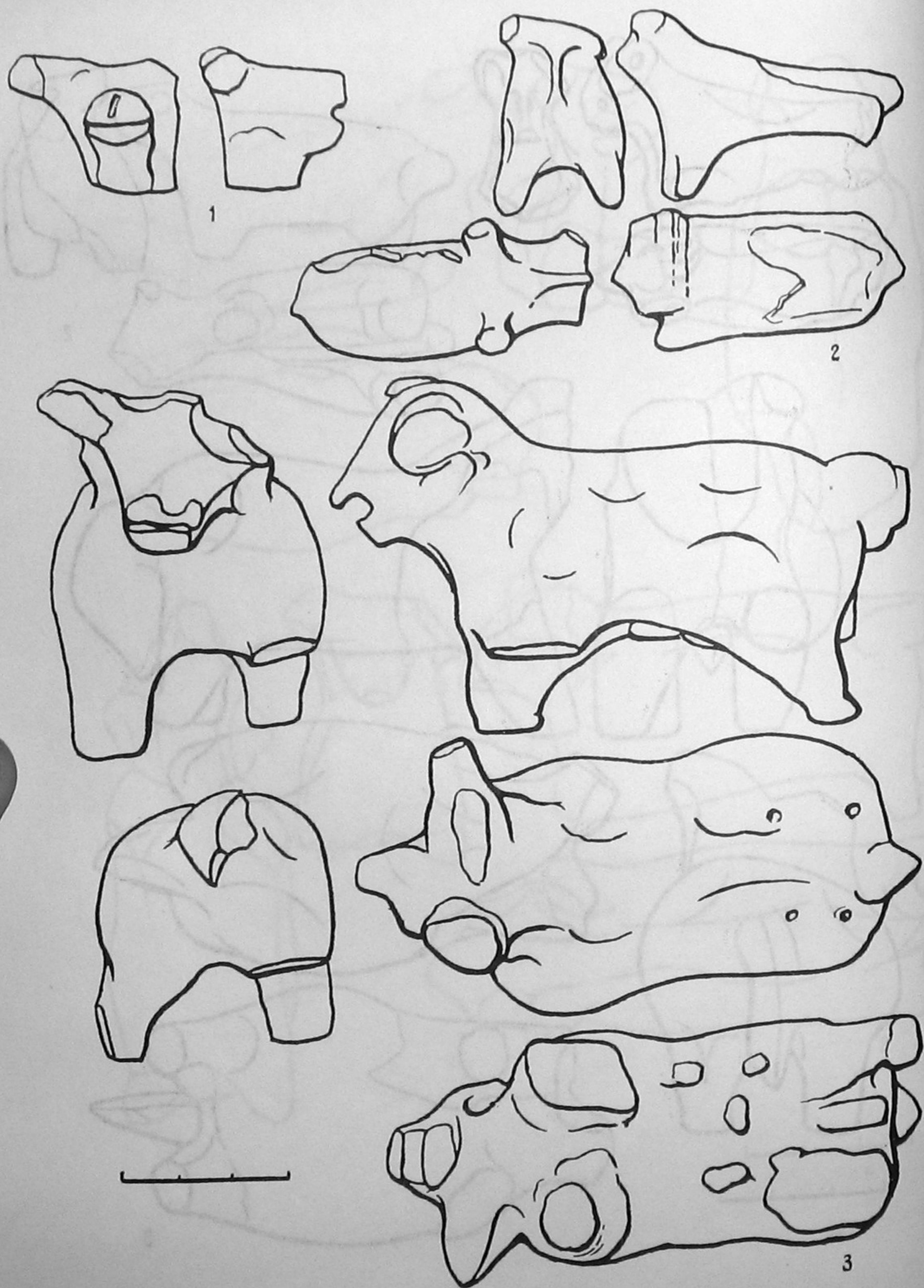

Рис. 14. Фигурки bovino-ovino, «тип» 1 (группа I):
1-3 — Друцы 1 (Кукутень А4)

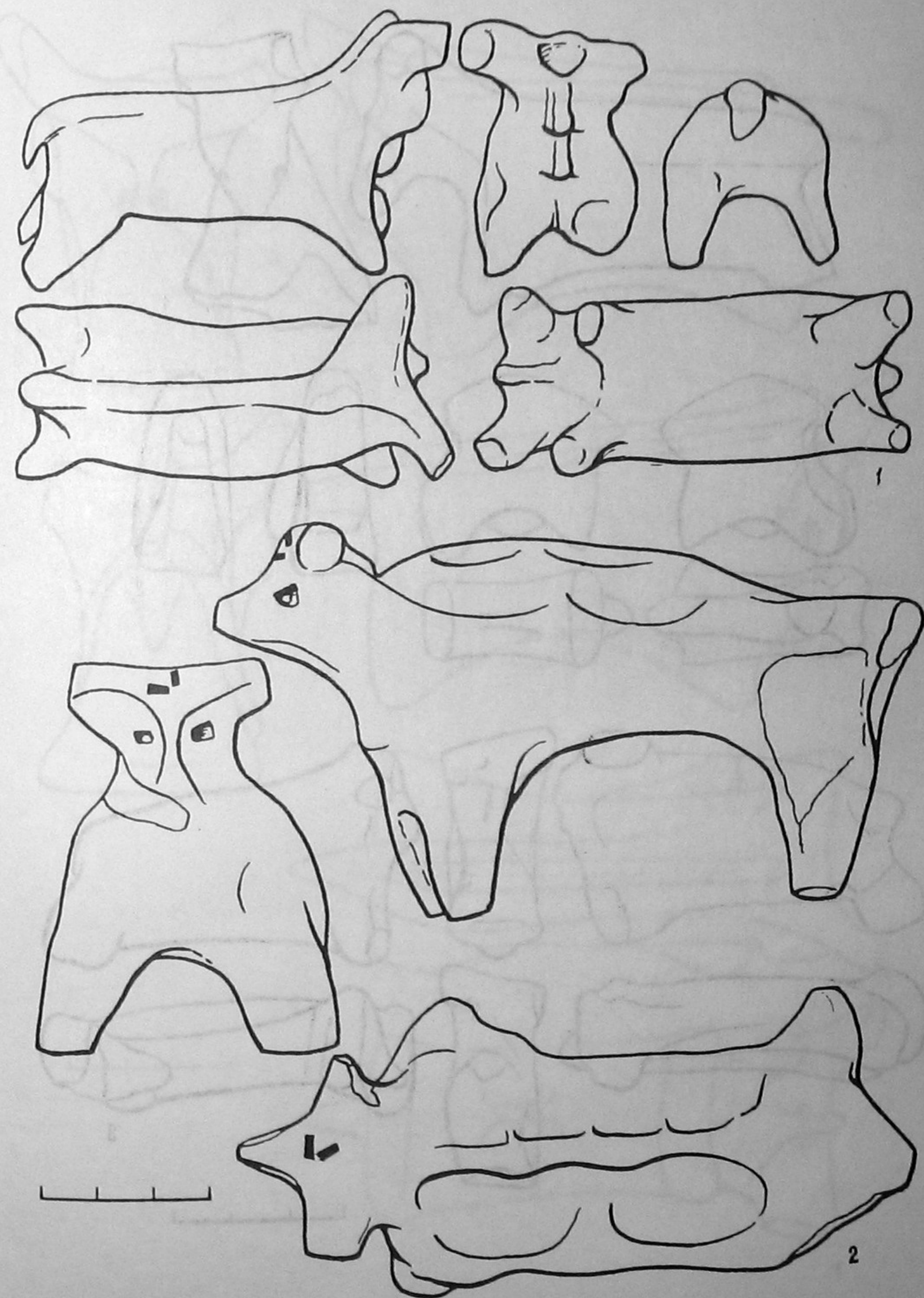

Рис. 15. Фигурки bovino-ovino, «тип» 1 (группа I):
1 — Друцы 1; 2 — Болбочь (Кукутень А4)

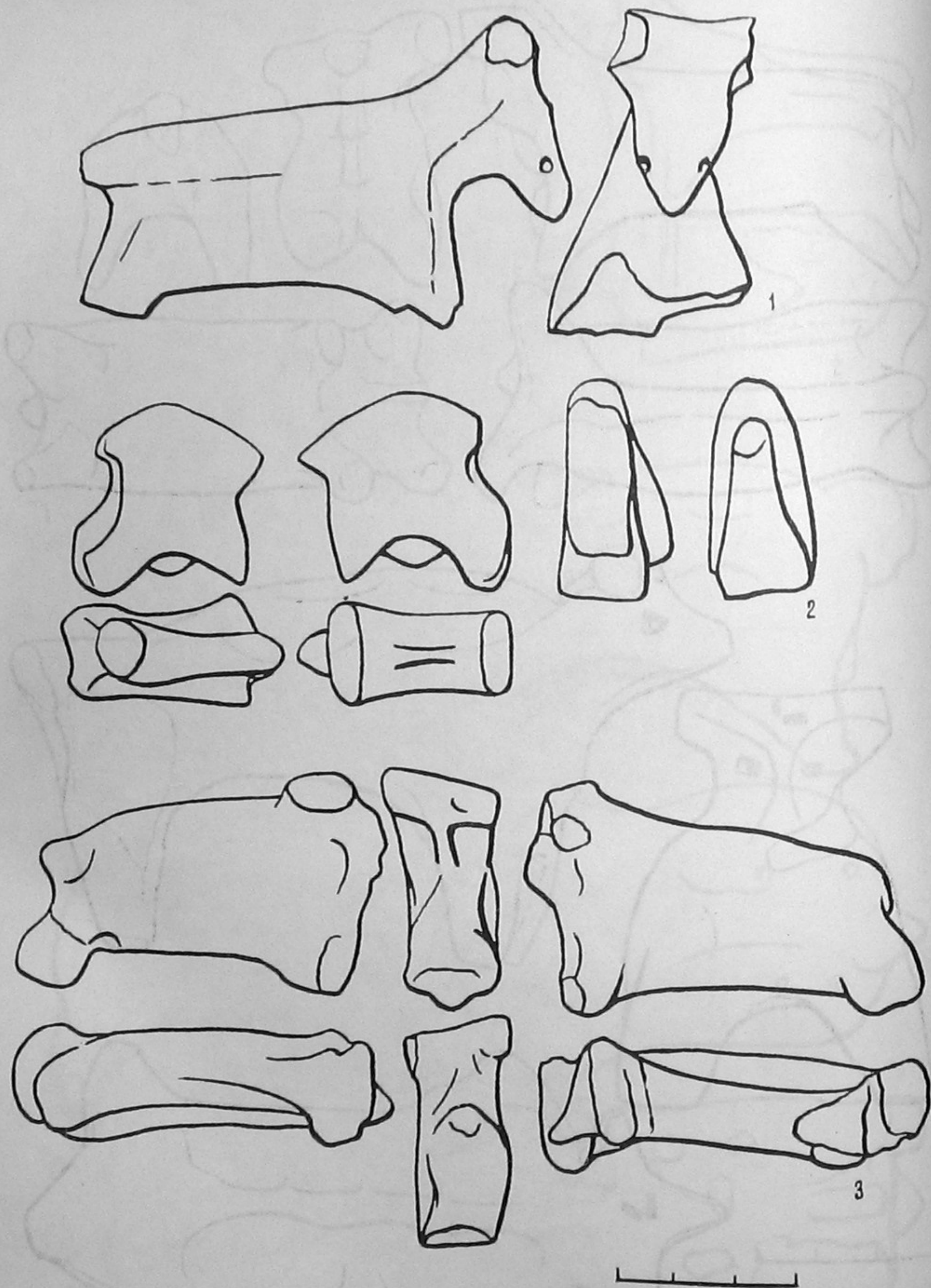

Рис. 16. Фигурки бовинов/овидов, «тип» 1 (группа II, вариант 1):
1 — Дрегушень Ла Окоале (Кукутень АВ); 2 — Брынзены VIII; 3 — Мерешовка (Кукутень В1)

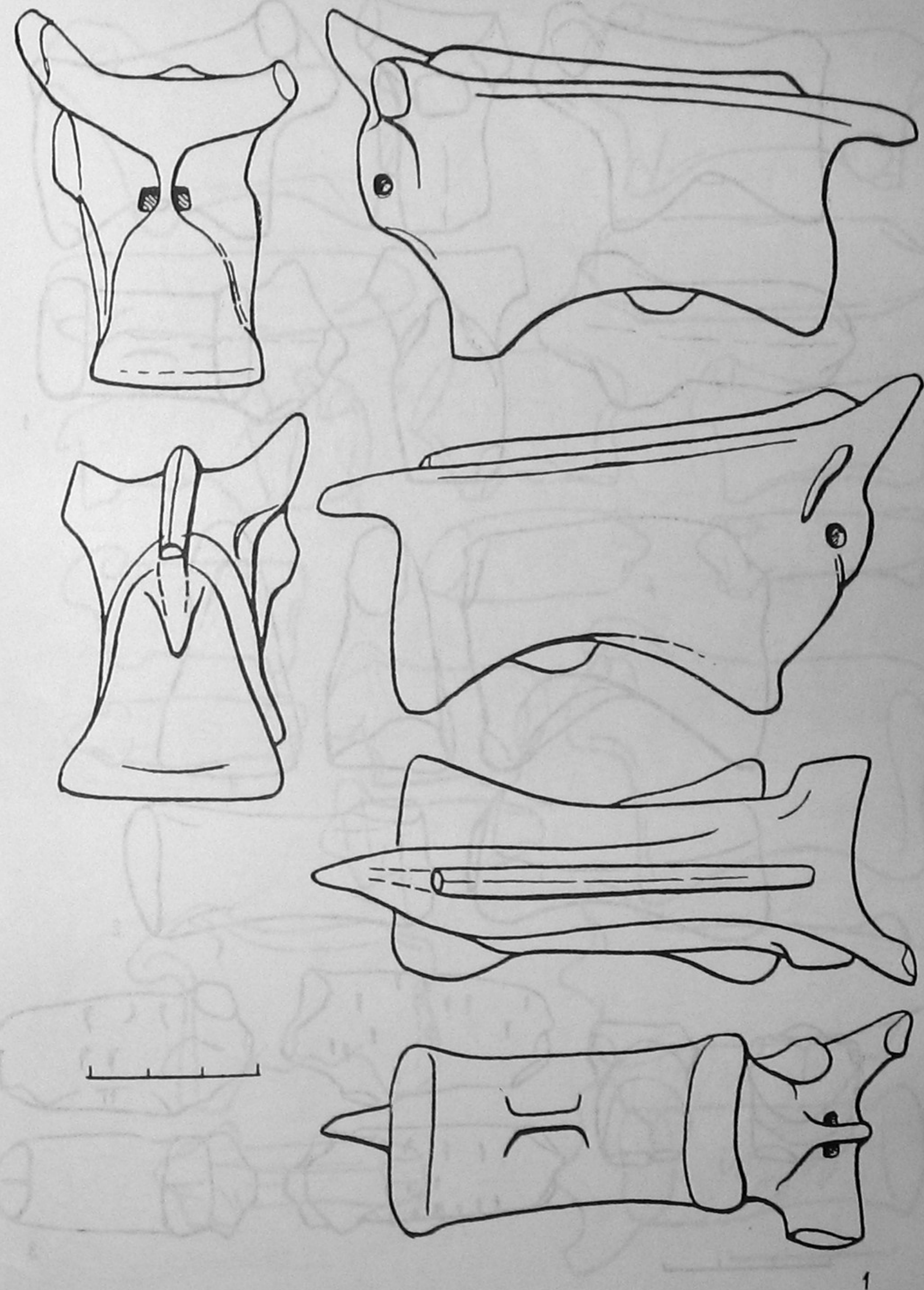

Рис. 17. Фигурка бовина/овида, «тип» 1 (группа II, вариант 1):
1 — Брынзены VIII (Кукутень В1)

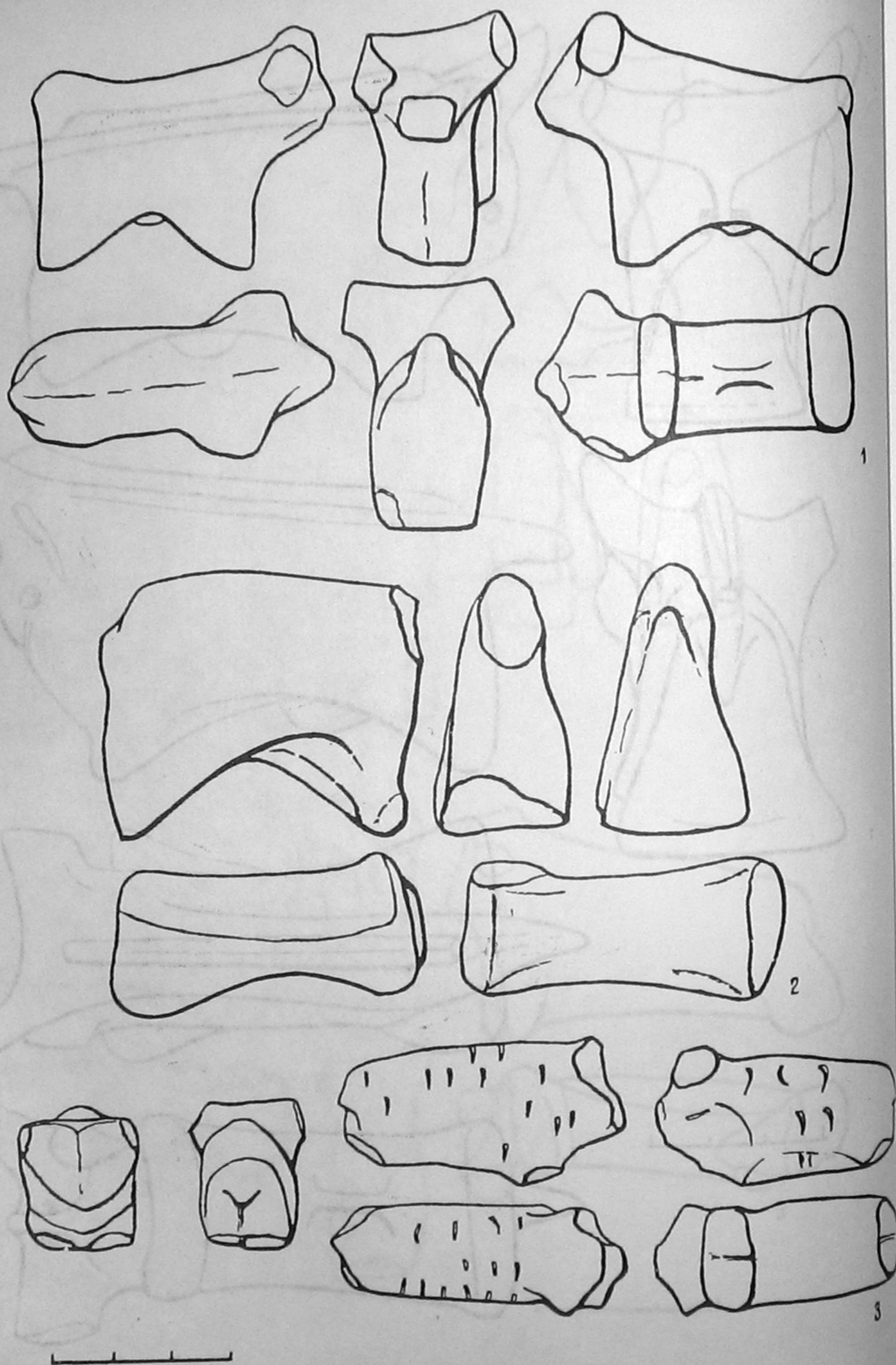

Рис. 18. Фигурки бовинов/овидов, «тип» 1 (группа II, вариант 1):
1, 2 — Брызены VIII; 3 — Мерешовка (Кукутень В1)

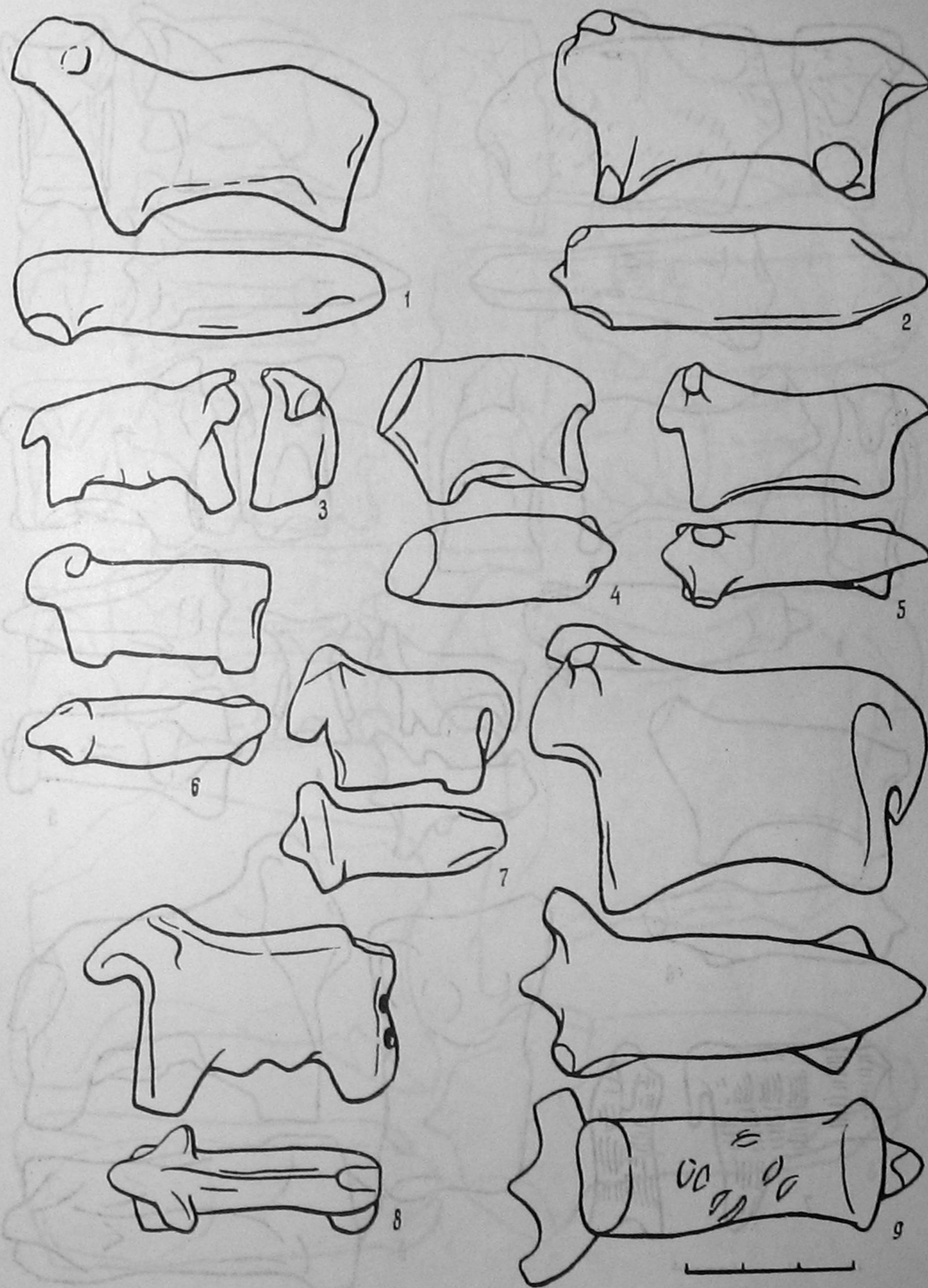

Рис. 19. Фигурки бовинов/овидов, «тип» 1 (группа II, вариант 1):
1, 2 — Незвиско III; 3 — Крипички (Кукутень В1); 4 — Поливанов Яр I (Кукутень В1-В3);
5, 7 — Магала (?); 6, 8, 9 — Магала (Кукутень В1)

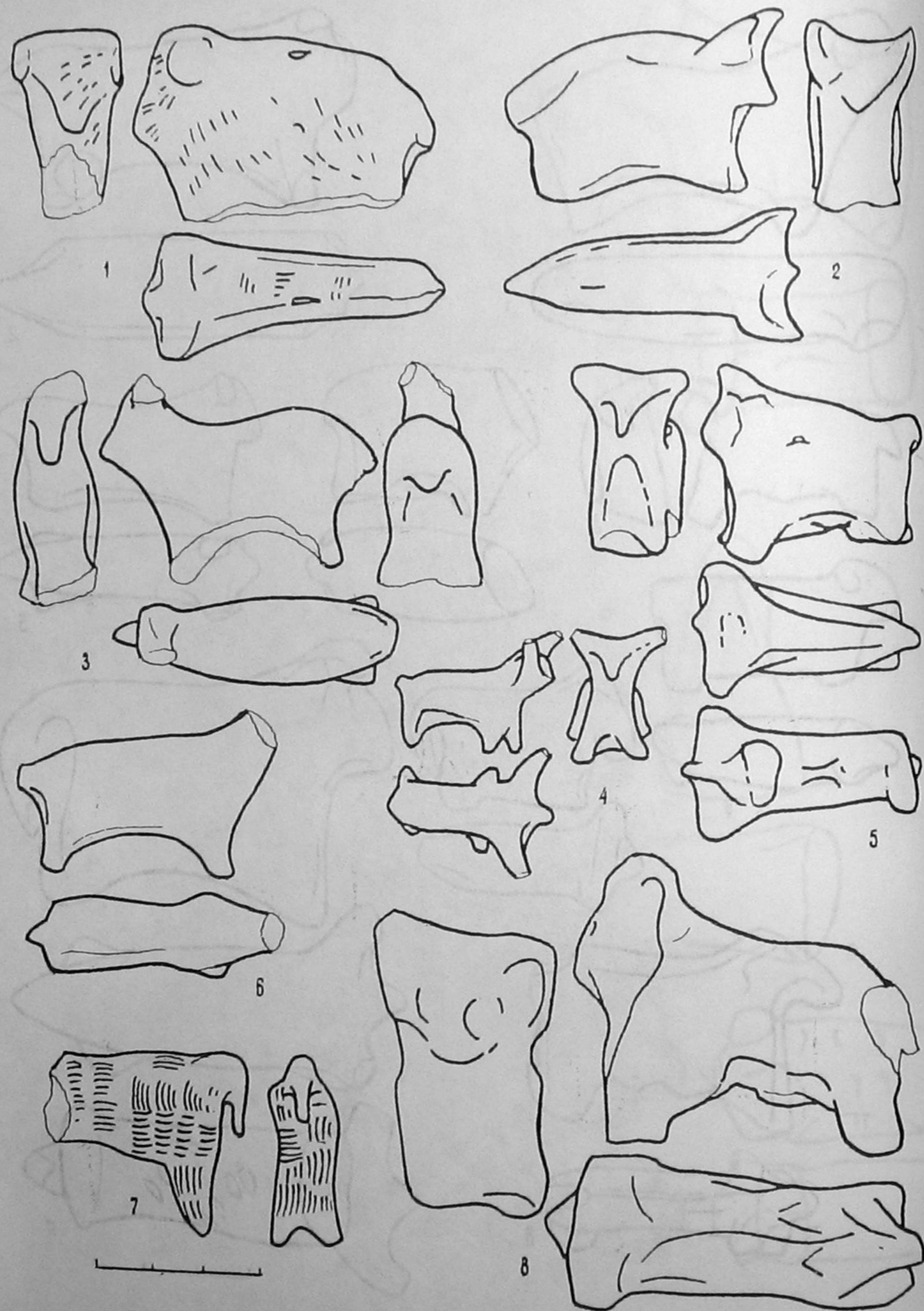

Рис. 20. Фигурки бовинов/овидов, «тип» 1 (группа II, вариант 1):
1-8 — Немиров (Кукутень В2)

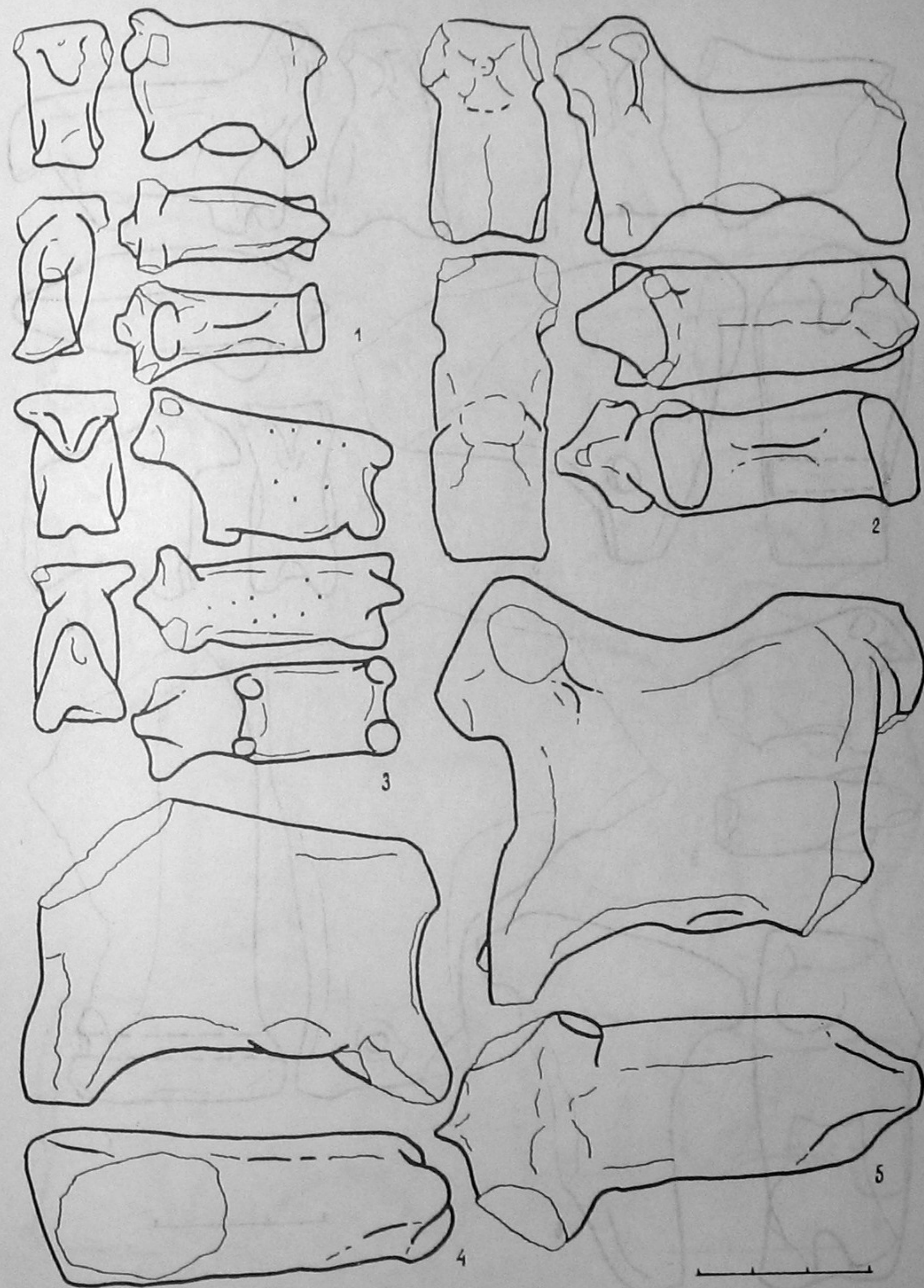
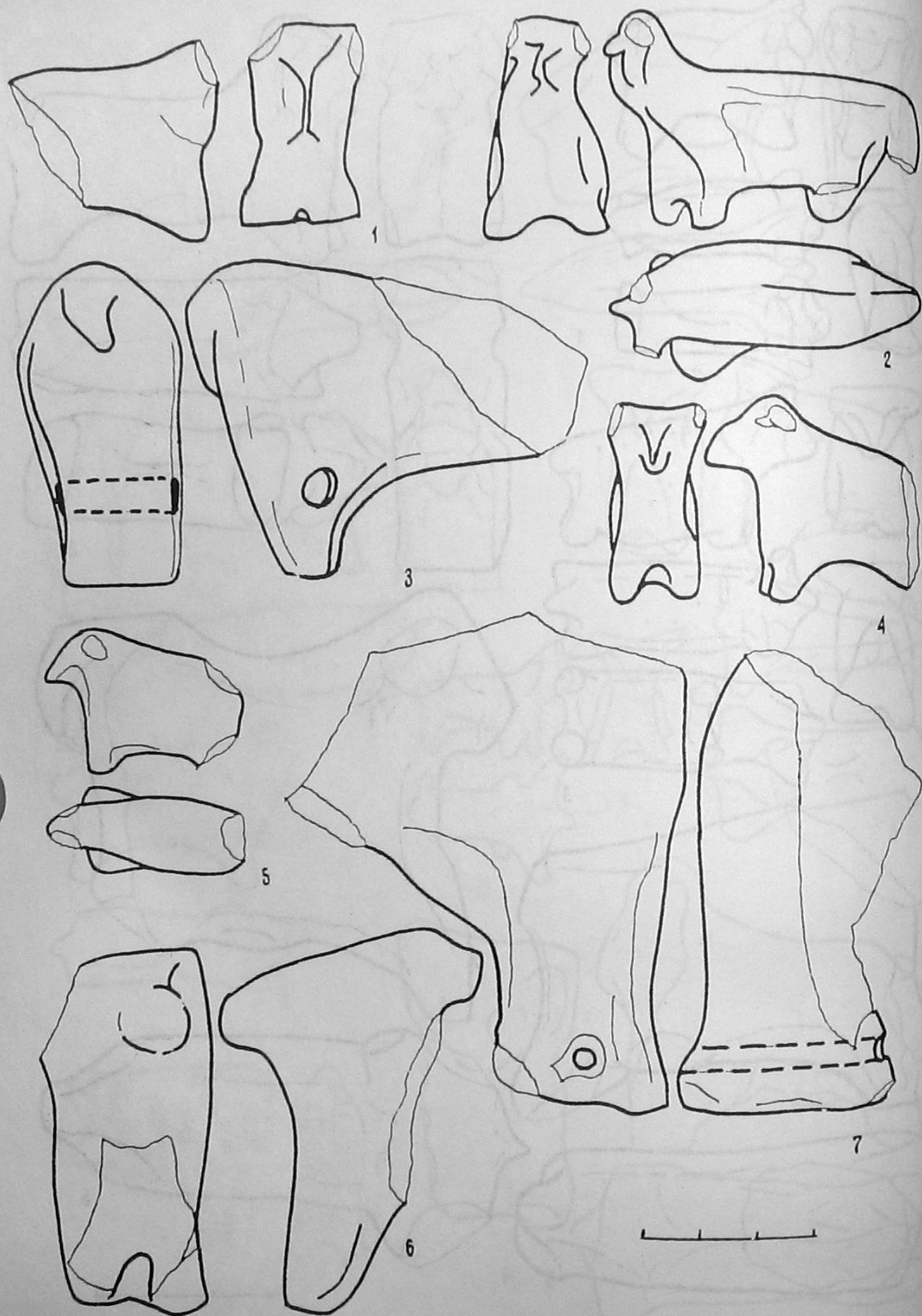
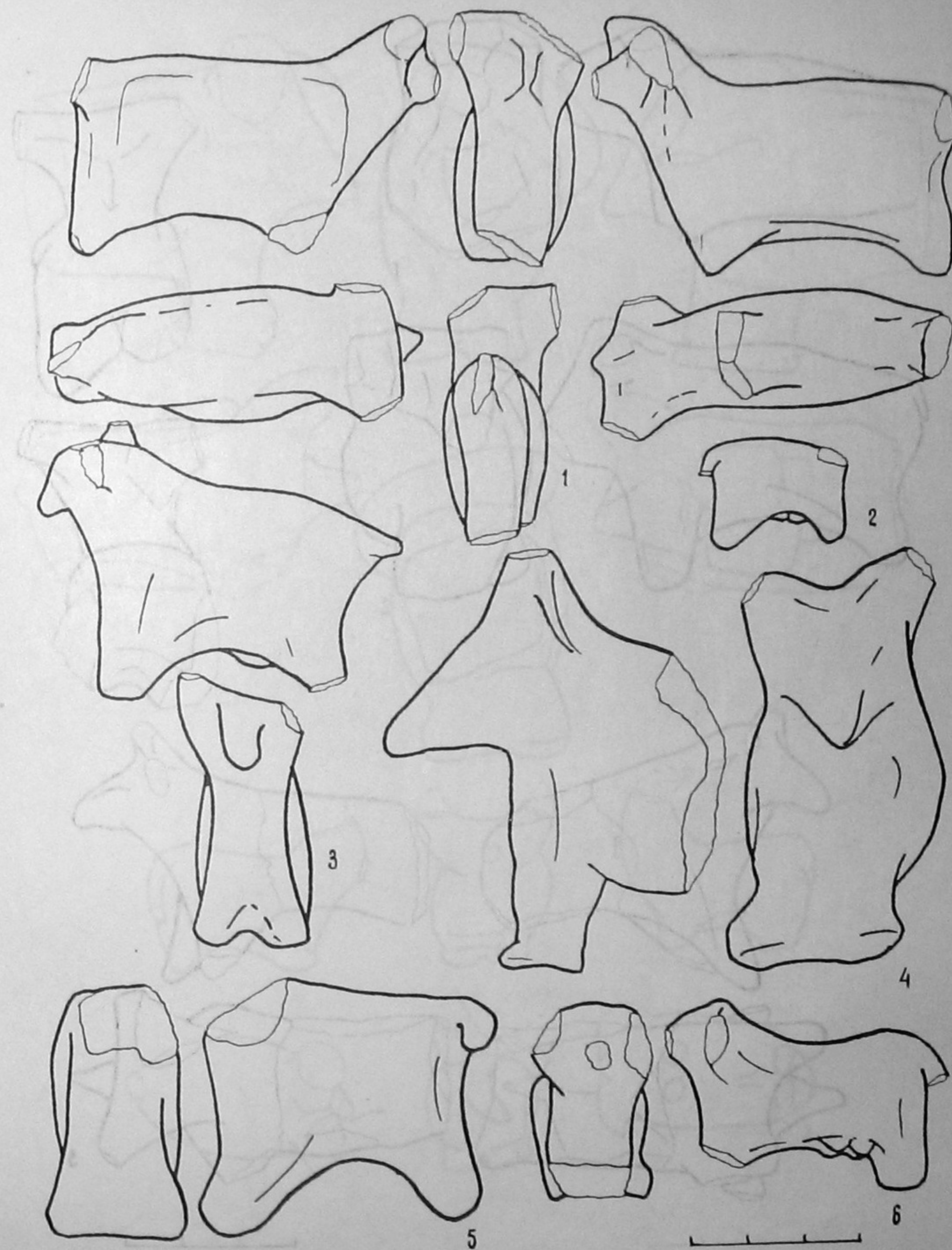

Рис. 21. Фигурки бовинов/овидов, «тип» 1 (группа II, вариант 1):
1 — Чичирковка; 2 — Тальянки; 3 — Майданецкое (Кукутень В2); 4 — Шипецы
(Кукутень В1); 5 — Старая Буда (Кукутень В2)

Рис. 22. Фигурки бовинов/овидов, «тип» 1 (группа II, вариант 1):
1 — Залецики (Кукутень АВ); 2 — Варваровка VIII (Кукутень ВЗ); 3, 4, 6, 7 — Кошиловцы (Триполье С1С2); 5 — Поливанов Яр I (Кукутень В1-В3)

Рис. 23. Фигурки бовинов/овидов, «тип» 1 (группа II, вариант 1):
1 — Незвиско (Червона Гора) (Кукутень В?); 2 — Коновка; 3 — Шипенцы (Кукутень В1);
4 — сборы Чуреа; 5, 6 — сборы Амброжиевича (без привязок). (3 — по Г. Чайлду; 4 — по Д. Попович, К. Симицук; 5, 6 — по Н. Берлеску)

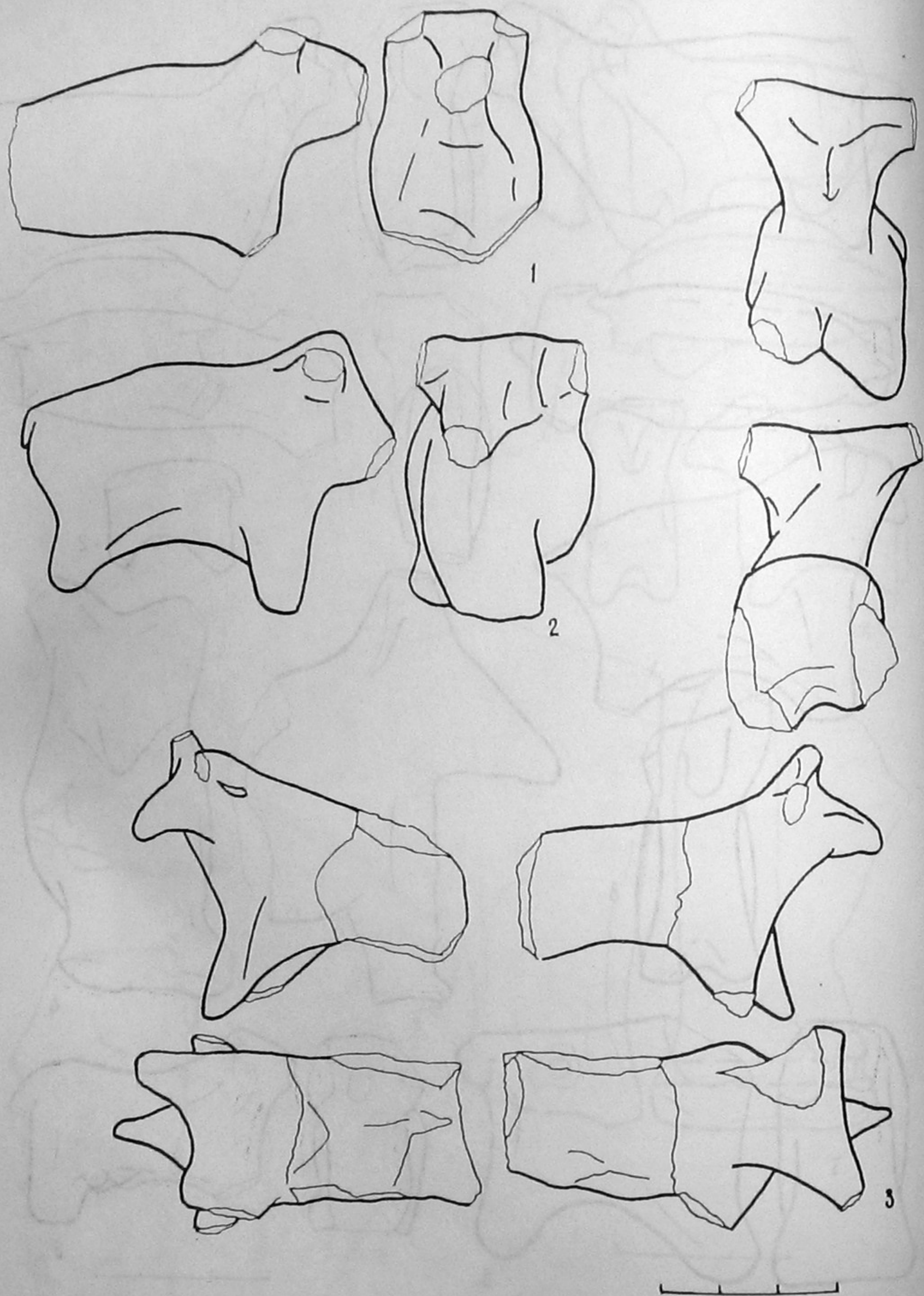

Рис. 24. Фигурки бовинов/овидов, «тип» 1 (группа II, вариант 2):
 1 — Дрегушень Ла Окоале (Кукутень АВ); 2 — Траян Дялул Фьиптынилор;
 3 — Яблона (Кукутень АВ2). (1 — по Н. Захария; 2 — по Х. Думитреску и В. Думитреску)

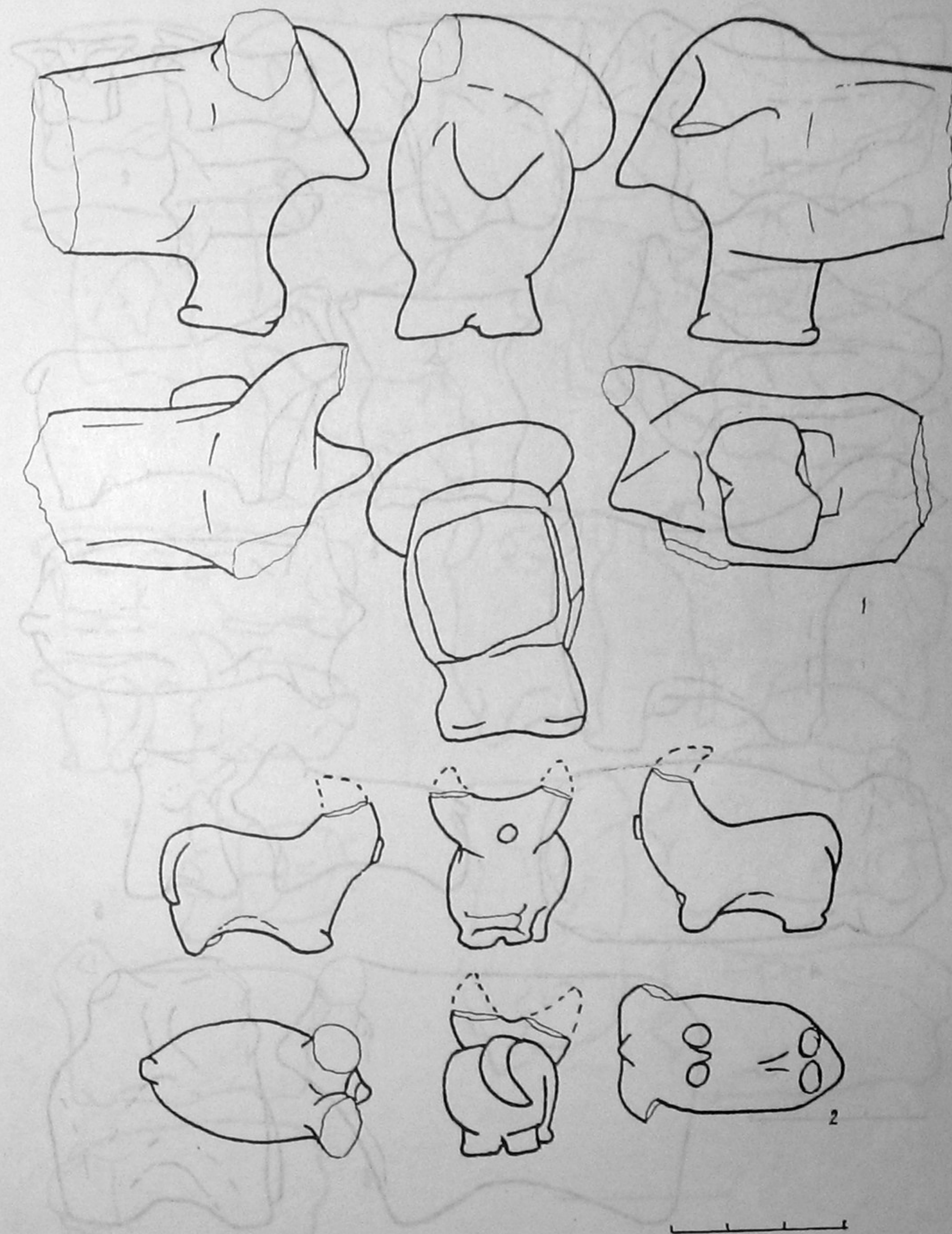

Рис. 25. Фигурки бовинов/овидов, «тип» 1 (группа II, вариант 2):
 1 — Мерешовка (Кукутень В1); 2 — Старые Каракушаны (без привязки)

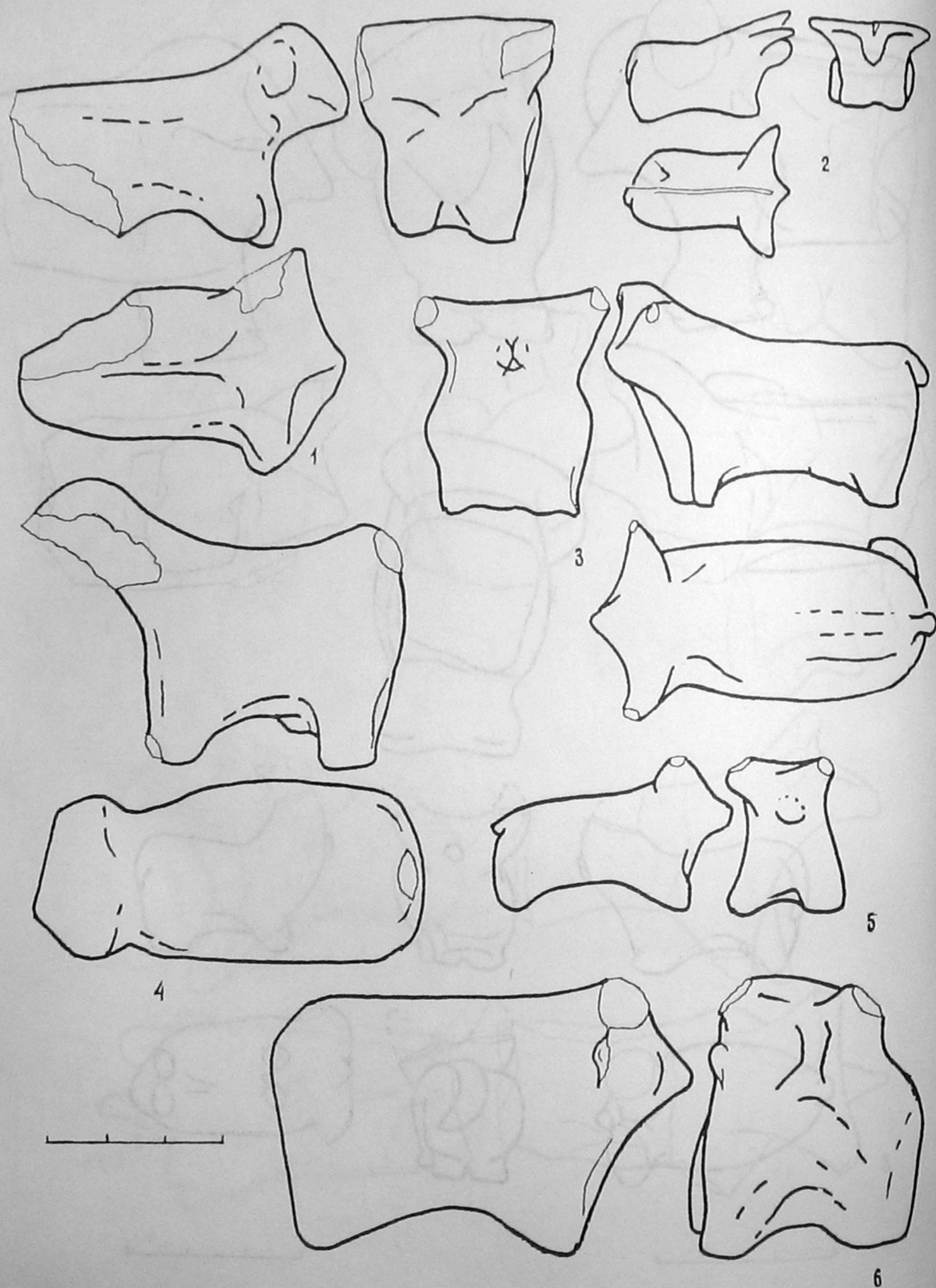

Рис. 26. Фигурки бовинов/овидов, «тип» 1 (группа II, вариант 2):
1 — Незвиско; 4 — Магала (Кукутень В1); 2, 3 — Петрелы, 5, 6 — Тальянки (Кукутень В2)

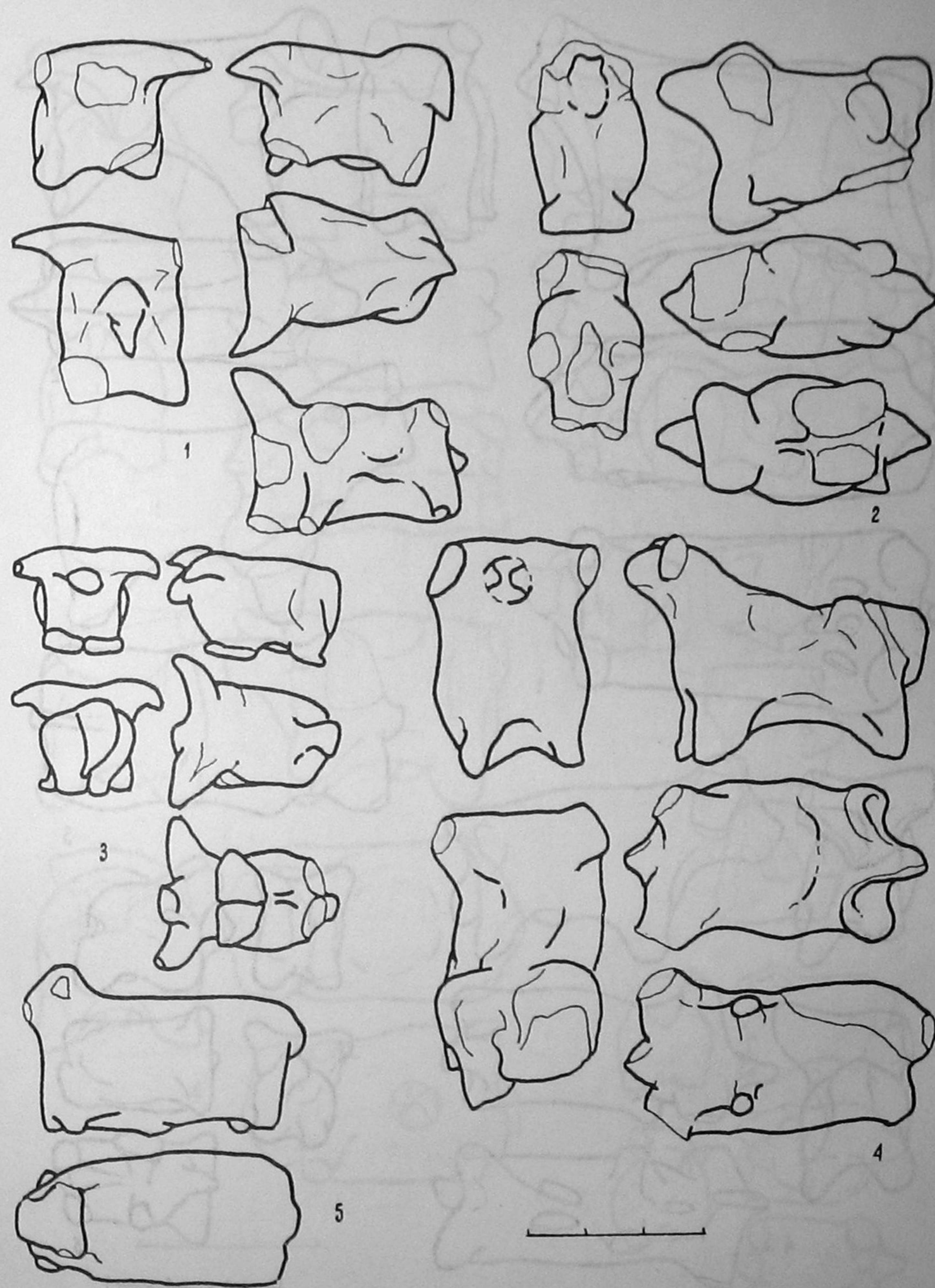

Рис. 27. Фигурки бовинов/овидов, «тип» 1 (группа II, вариант 2):
1-3 — Коновка (Кукутень В1); 4 — Липчаны (Кукутень В2); 5 — Синешты (без привязки)

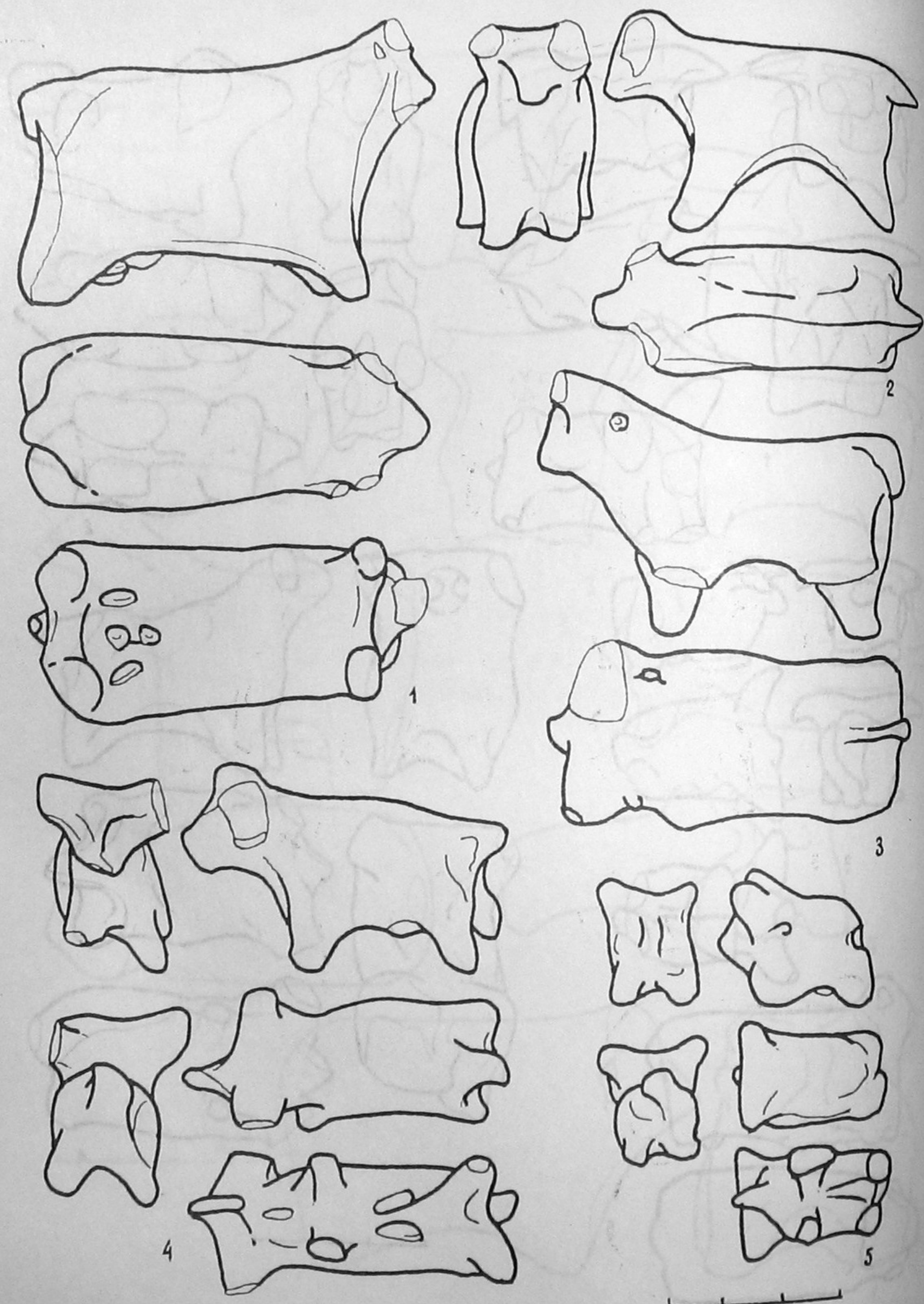

Рис. 28. Фигурки бовинов/овидов, «тип» 1 (группа II, вариант 2):
 1, 2 — Поливанов Яр I (Кукутень В1-В3); 3 — Старые Каракушаны (без привязки); 4, 5 —
 Майданецкое (Кукутень В2)

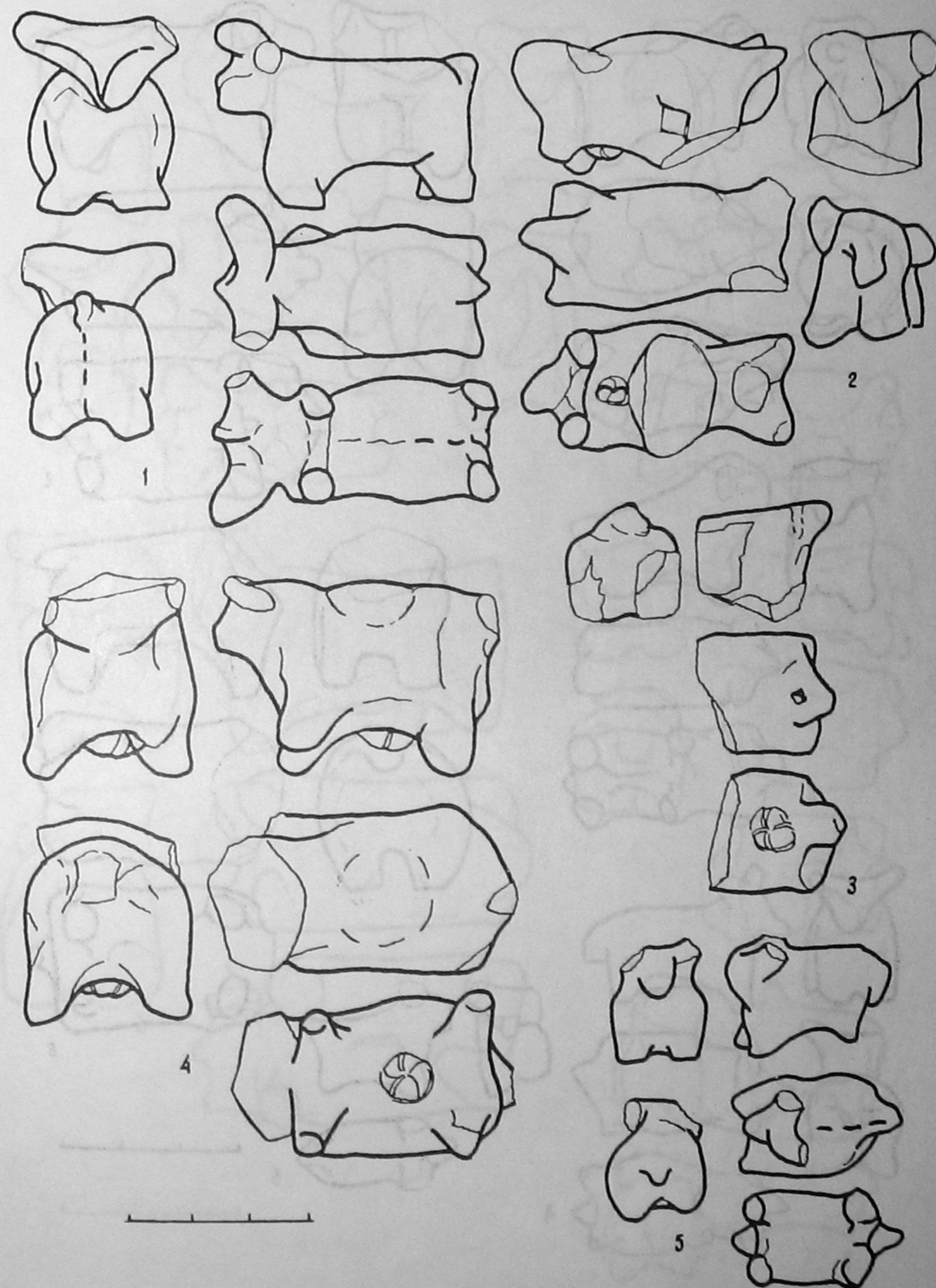

Рис. 29. Фигурки бовинов/овидов, «тип» 1 (группа II, вариант 2):
 1-5 — Майданецкое (Кукутень В2)

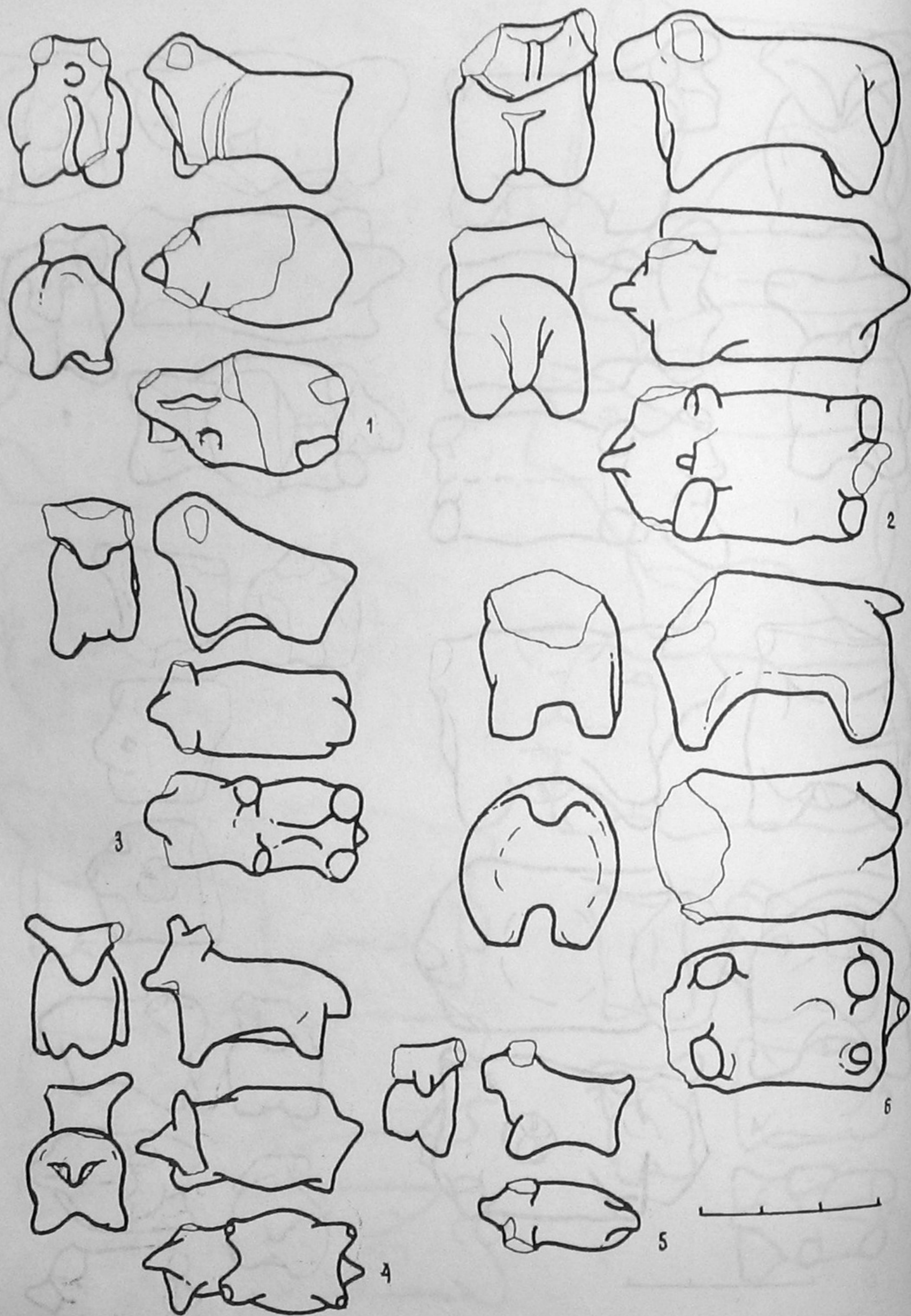

Рис. 30. Фигурки бовинов/овидов, «тип» 1 (группа II, вариант 2):
1-6 — Майданецкое (Кукутель В2)

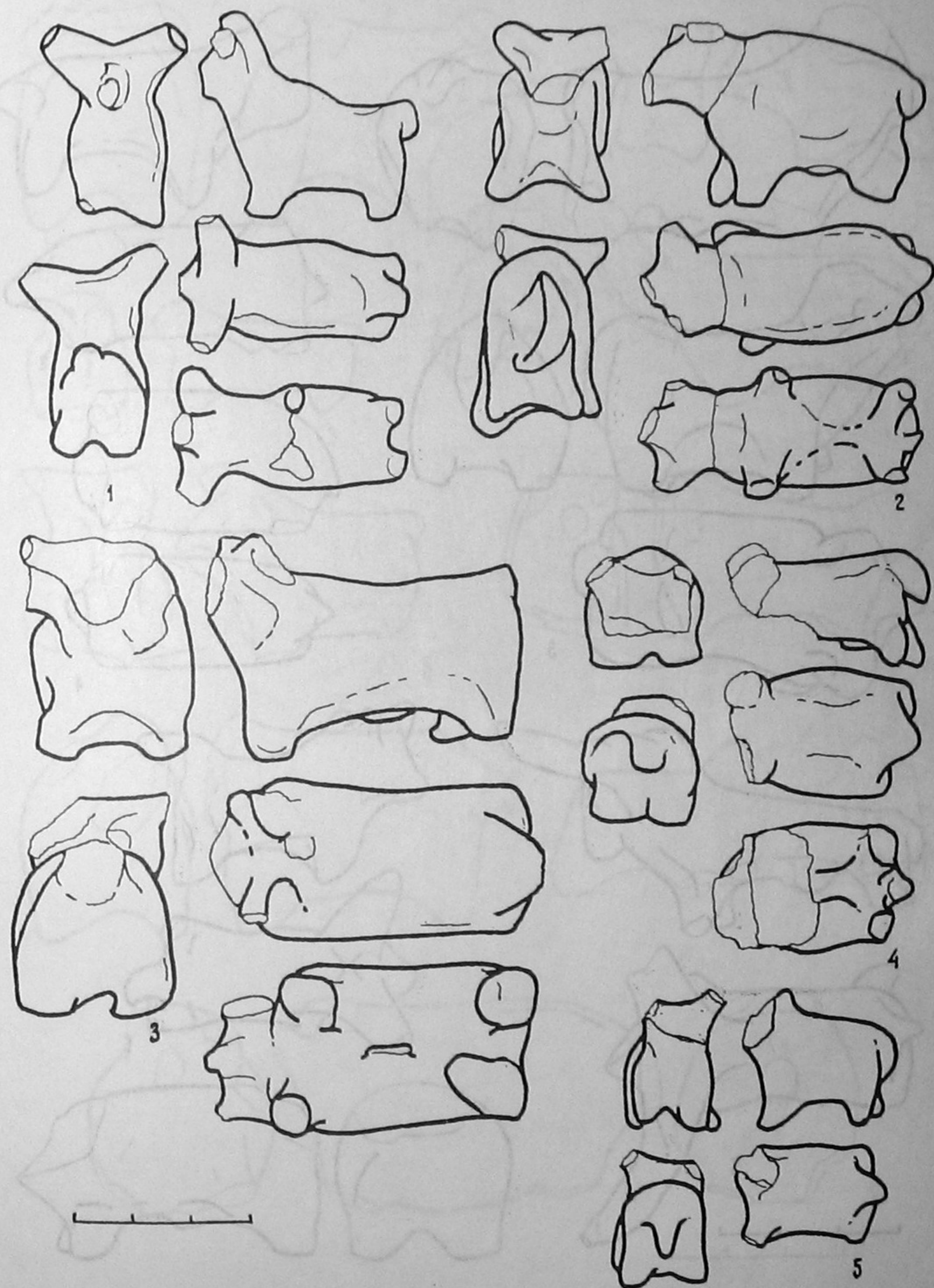

Рис. 31. Фигурки бовинов/овидов, «тип» 1 (группа II, вариант 2):
1-5 — Майданецкое (Кукутель В2)

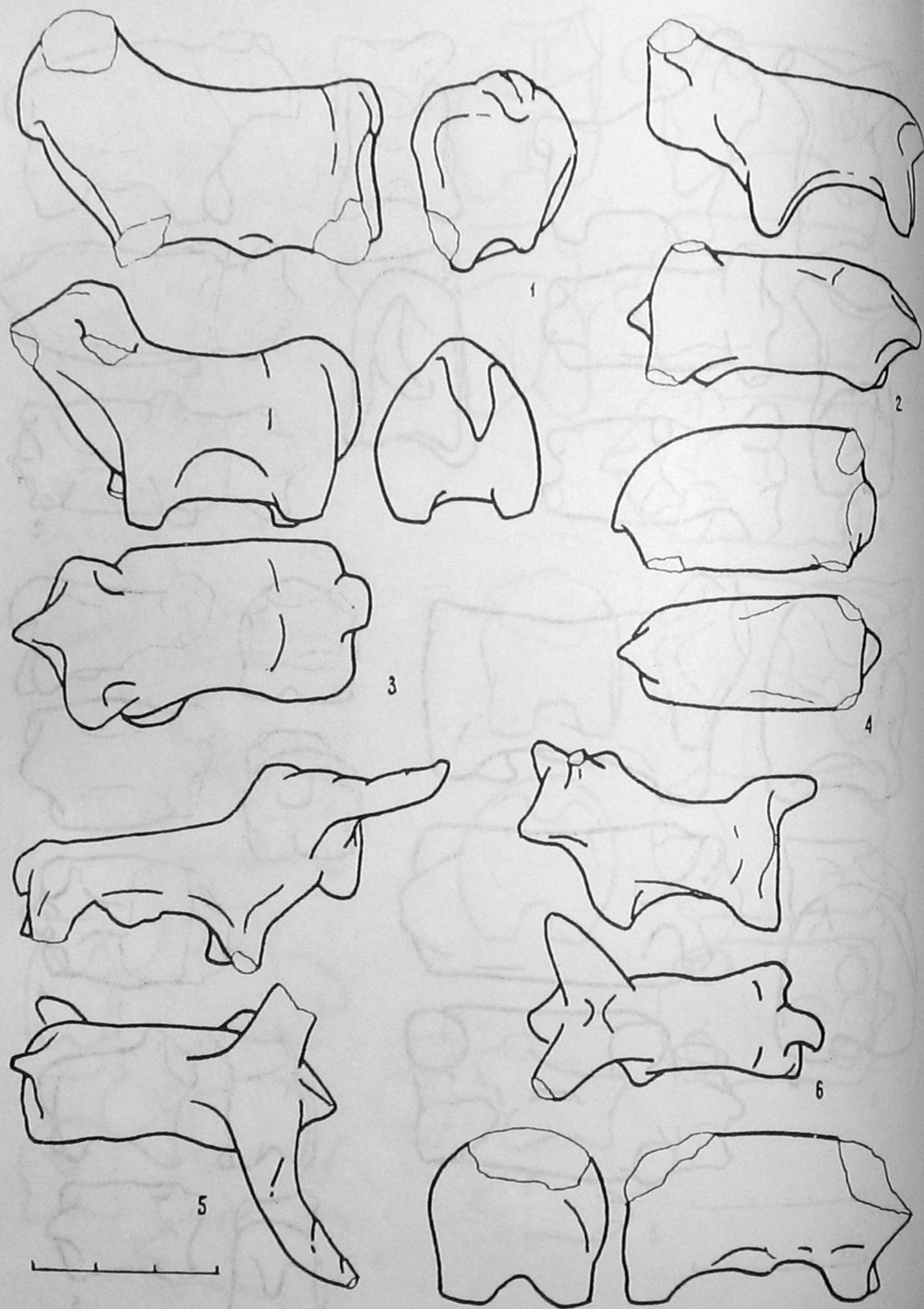

Рис. 32. Фигурки бовинов/овидов, «тип» 1 (группа II, вариант 2):
1-7 — Кошиловцы (Триполье С1С2)

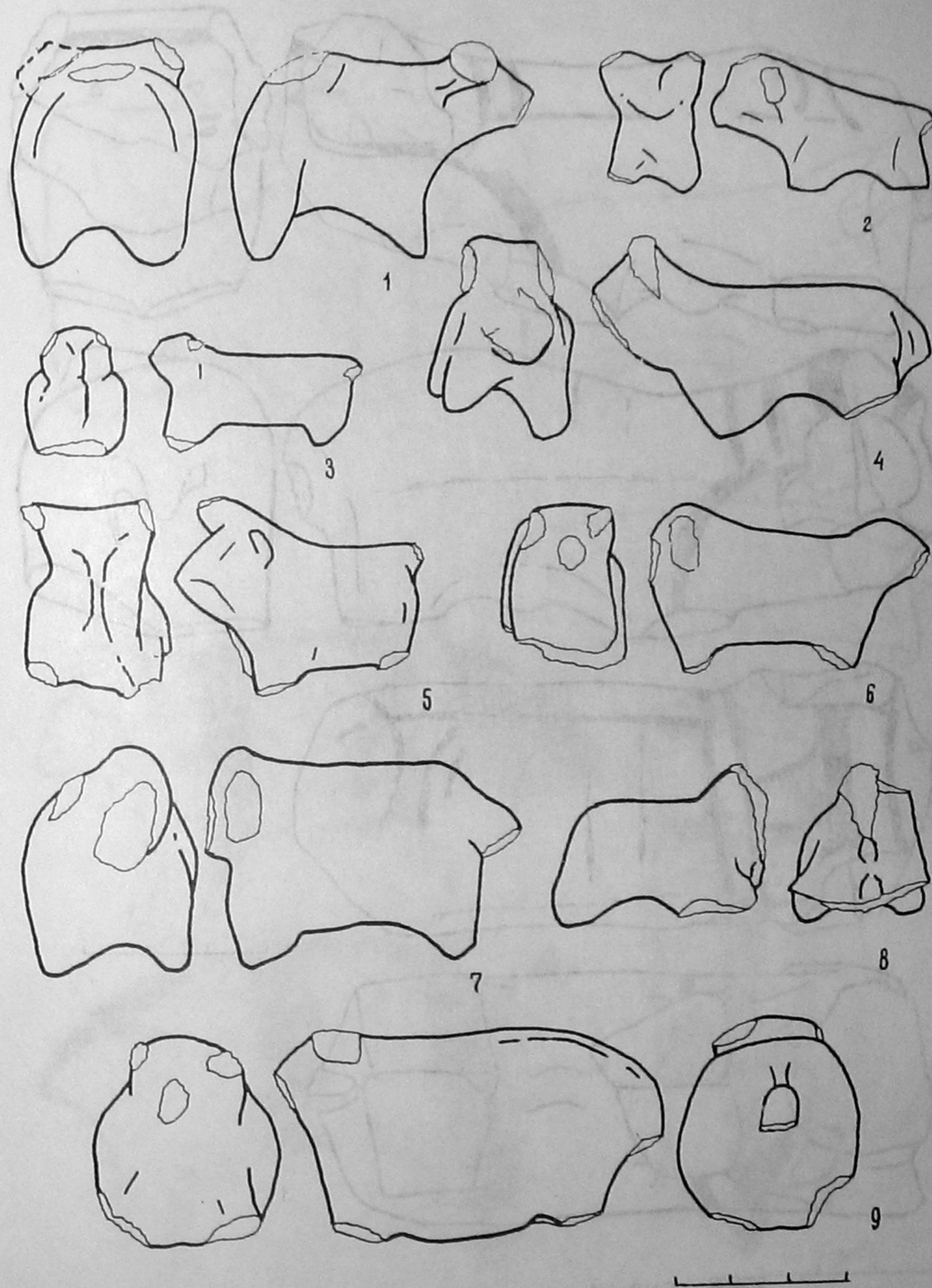
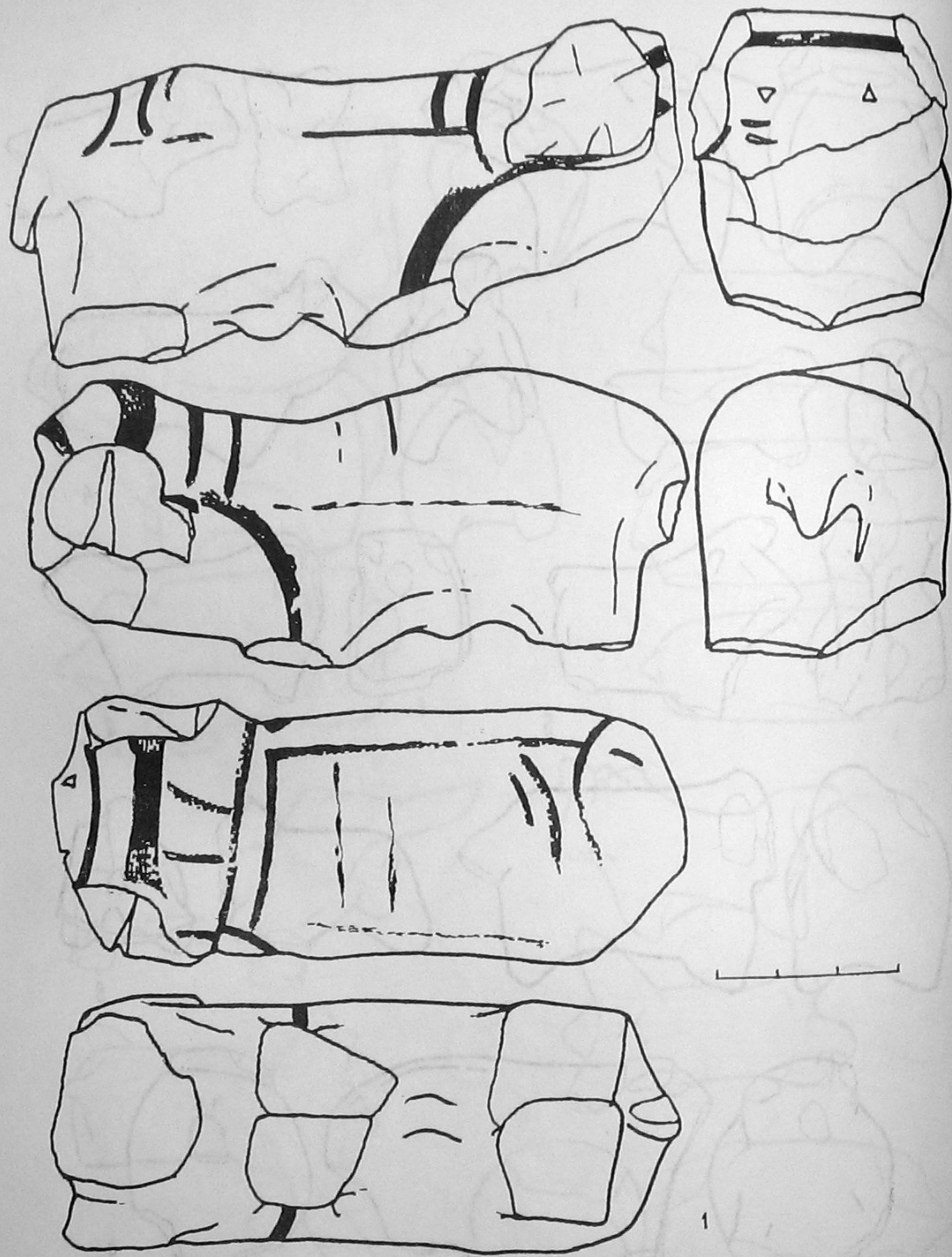
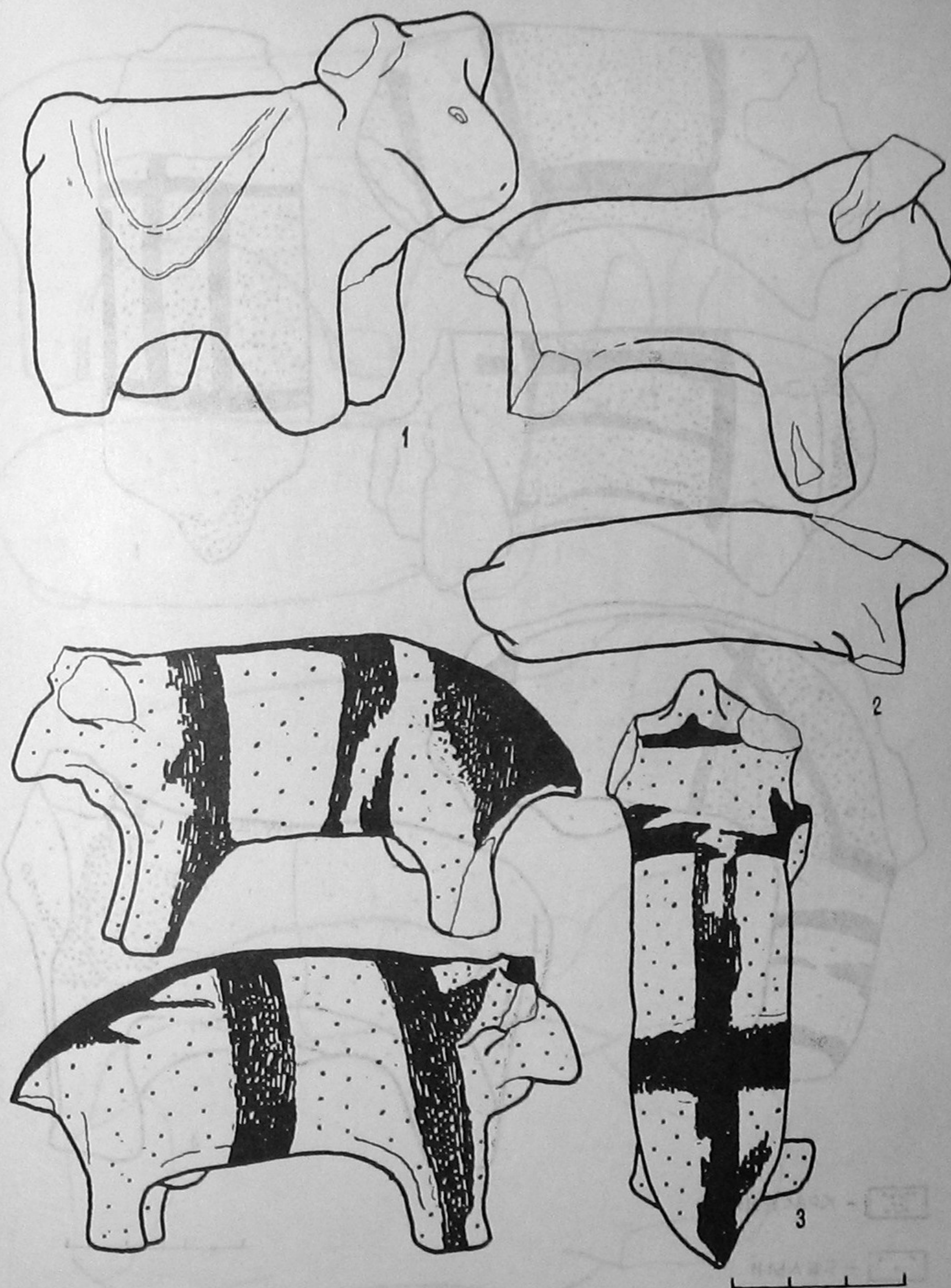

Рис. 33. Фигурки бовинов/овидов, «тип» 1 (группа II, вариант 2):
1 — Тыргу Окна-Подей (Кукутень В3); 2-6 — сборы Алброжиевича; 7-9 — сборы Чуреа
(без привязок). (1 — по Ч. Маташа, 2-6 — по Н. Берлеску, 7-9 — по Д. Попович, К. Симичук)

■ — БУРЫЙ

Рис. 34. Фигурка bovina, «тип» 1 (группа II, вариант 3):
1 — Чичиркозовка (Кукутень В2)

□ — БЕЛЫЙ
■ — БУРЫЙ

Рис. 35. Фигурки бовинов/овидов, «тип» 1 (группа II, вариант 3):
1 — Сушковка (Кукутень В2); 2, 3 — Кошиловцы (Триполье С1С2). (1 — по В. Козловской)

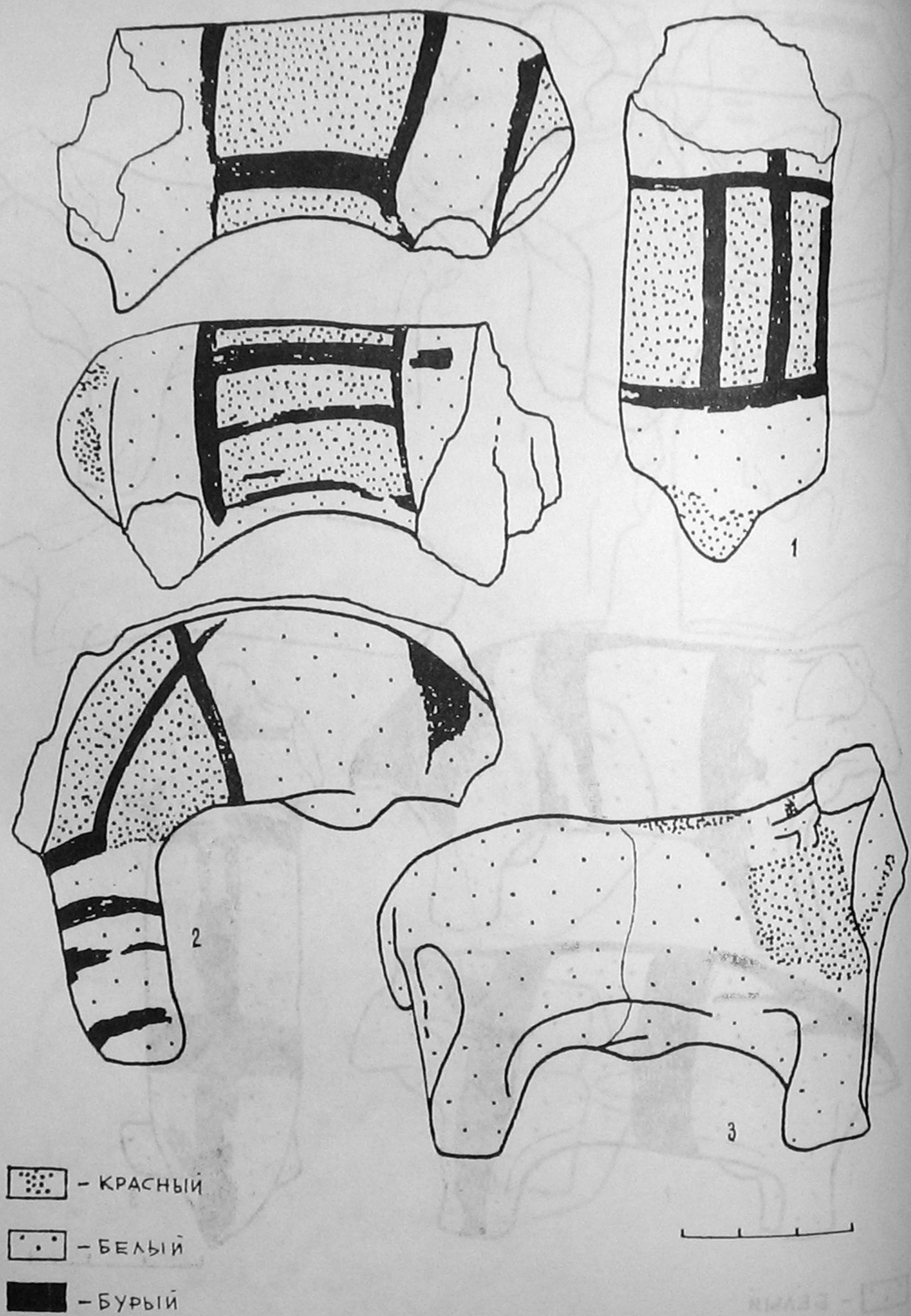

Рис. 36. Фигурки бовинов/овидов, «тип» 1 (группа II, вариант 3):
1-3 — Кошиловцы (Триполье С1С2)

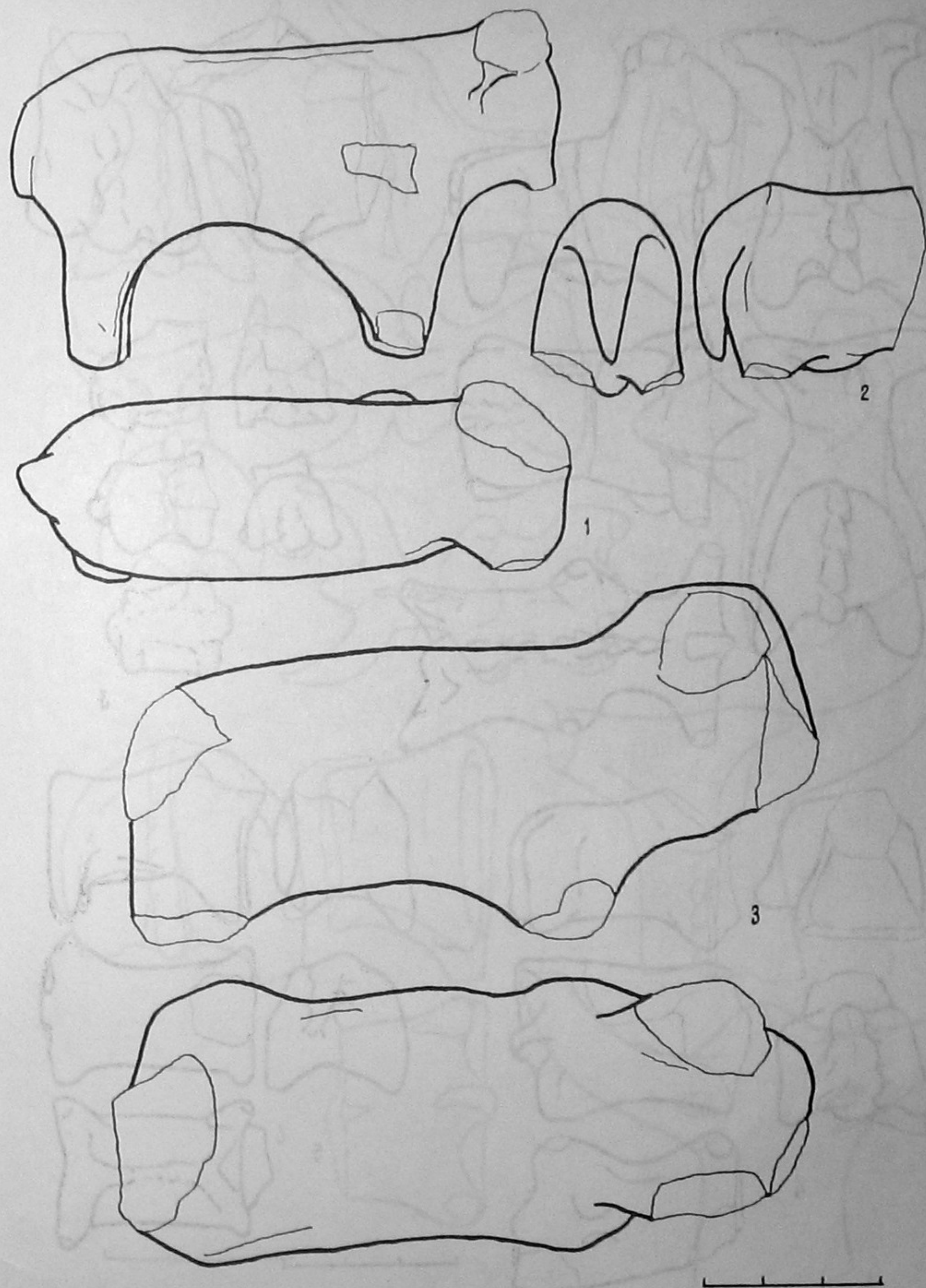

Рис. 37. Фигурки бовинов/овидов, «тип» 1 (группа II, вариант 3):
1-3 — Кошиловцы (Триполье С1С2)

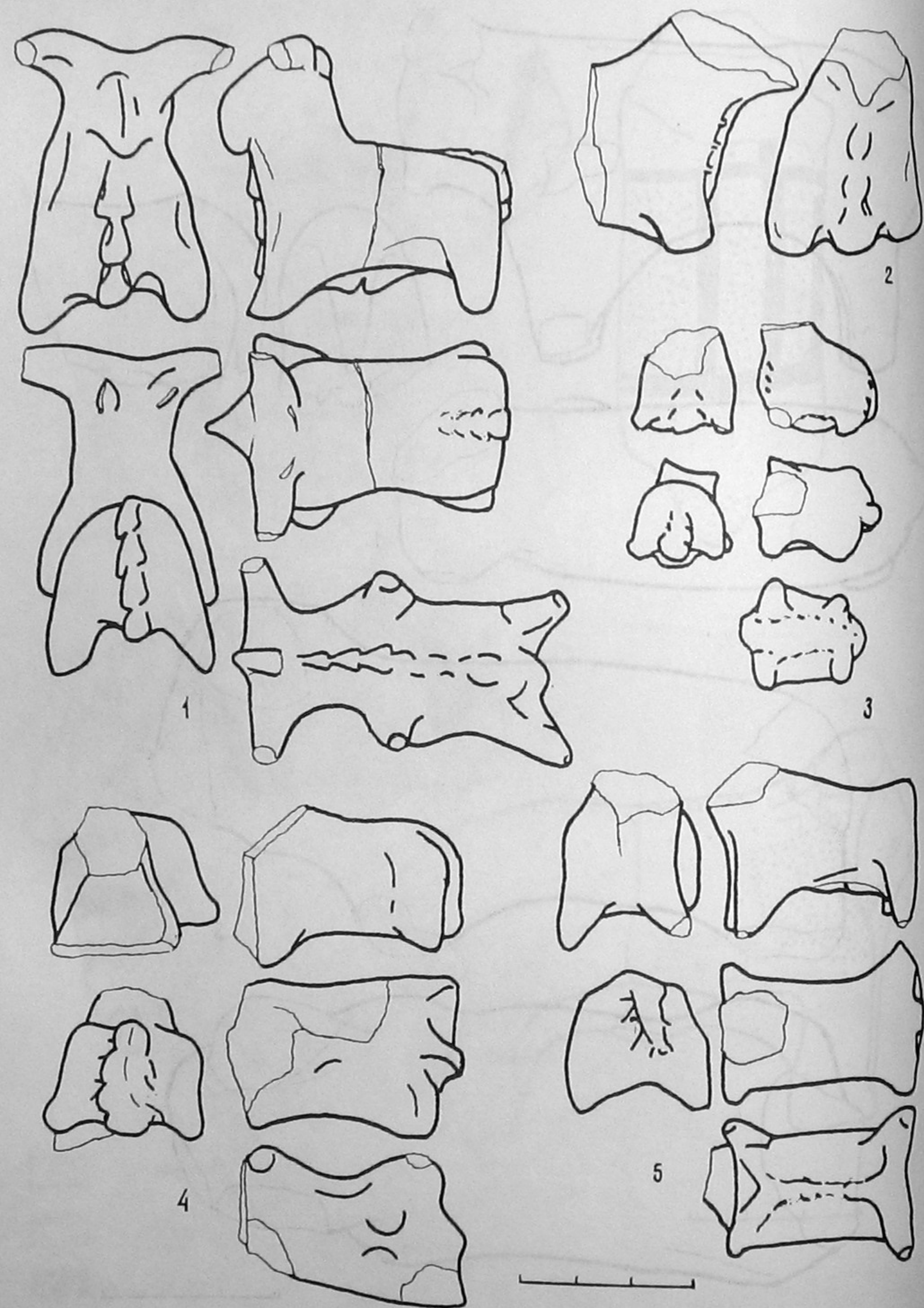

Рис. 38. Фигурки бовинов/овидов, «тип» 1 (группа II, вариант 4):
1-5 — Касеновка (Кукутень В3)

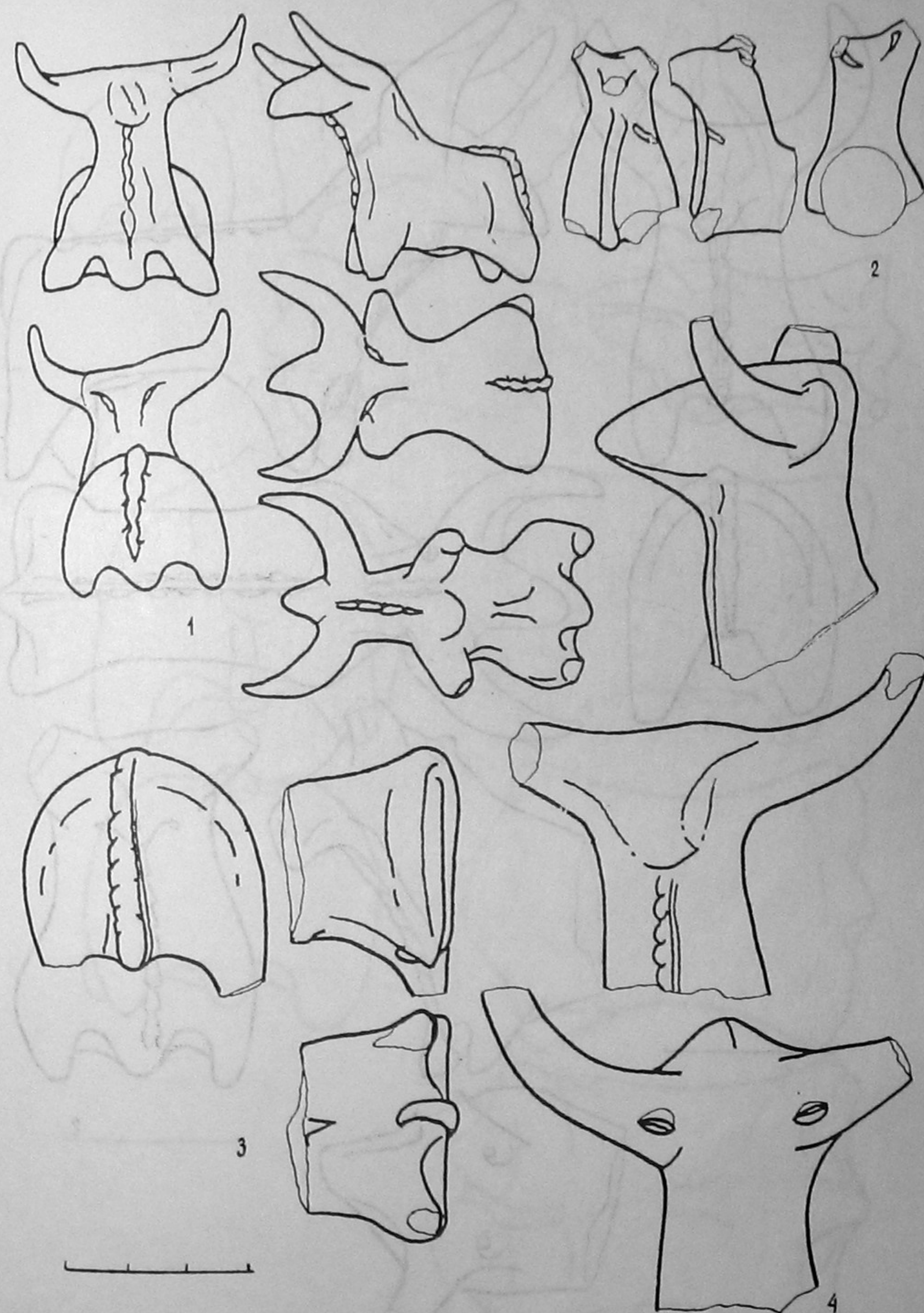

Рис. 39. Фигурки бовинов/овидов, «тип» 1 (группа II, вариант 4):
1, 2 — Касеновка (Кукутень В3); 3 — Кошиловцы; 4 — Трифауцы (Триполье С1С2)

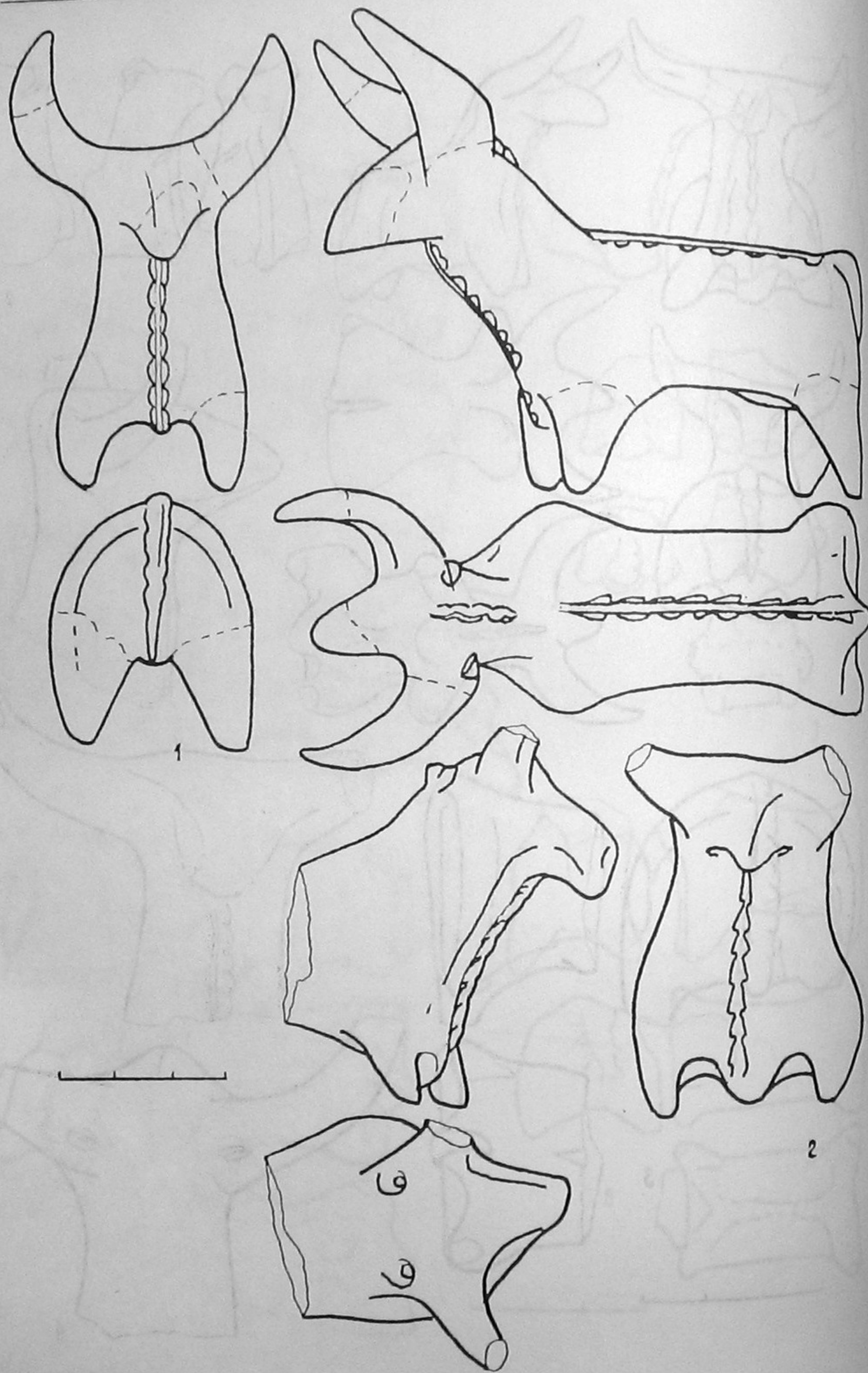

Рис. 40. Фигурки бовинов/овидов, «тип» 1 (группа II, вариант 4):
1, 2 — Трифауцы (Триполье С1С2)

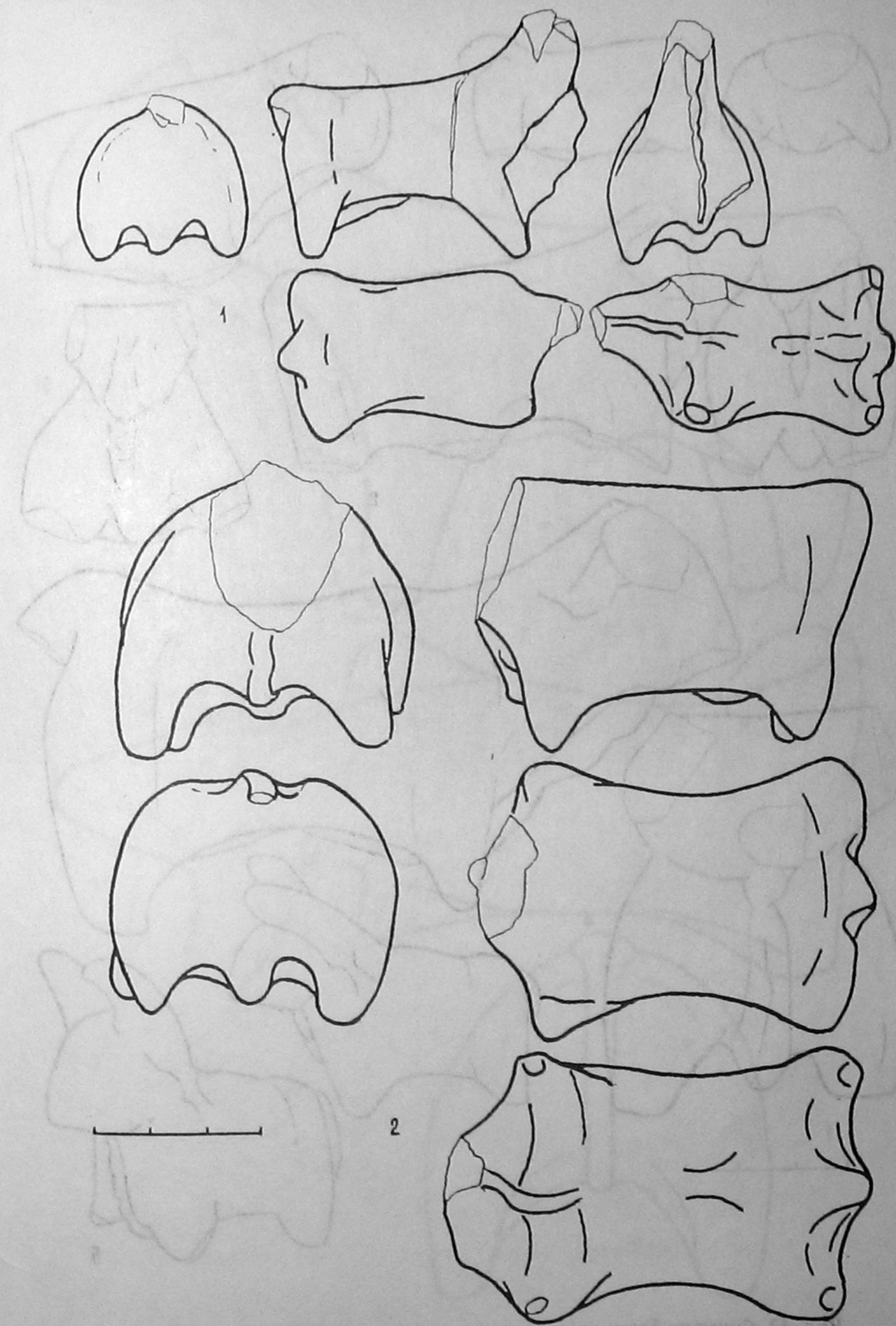
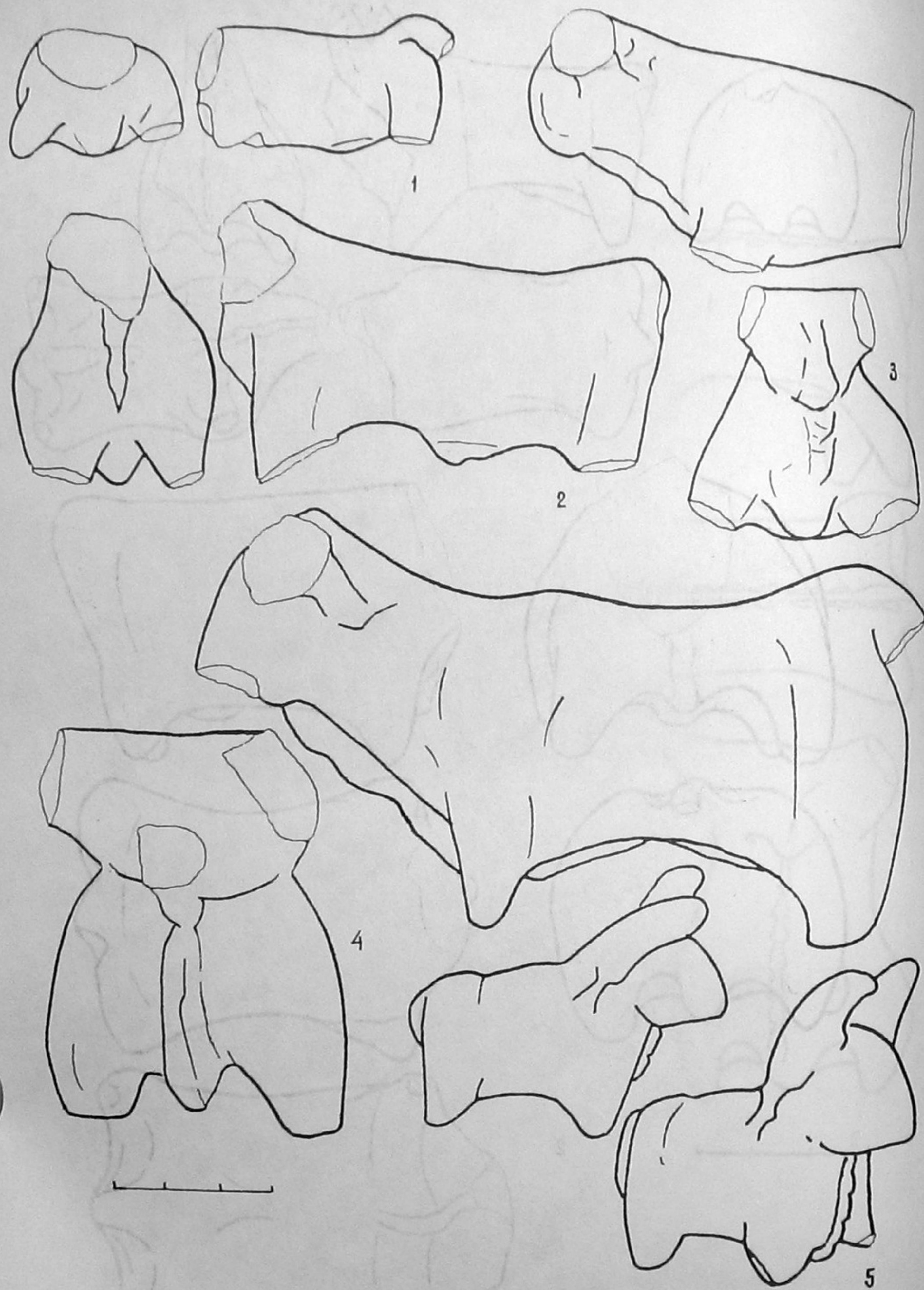
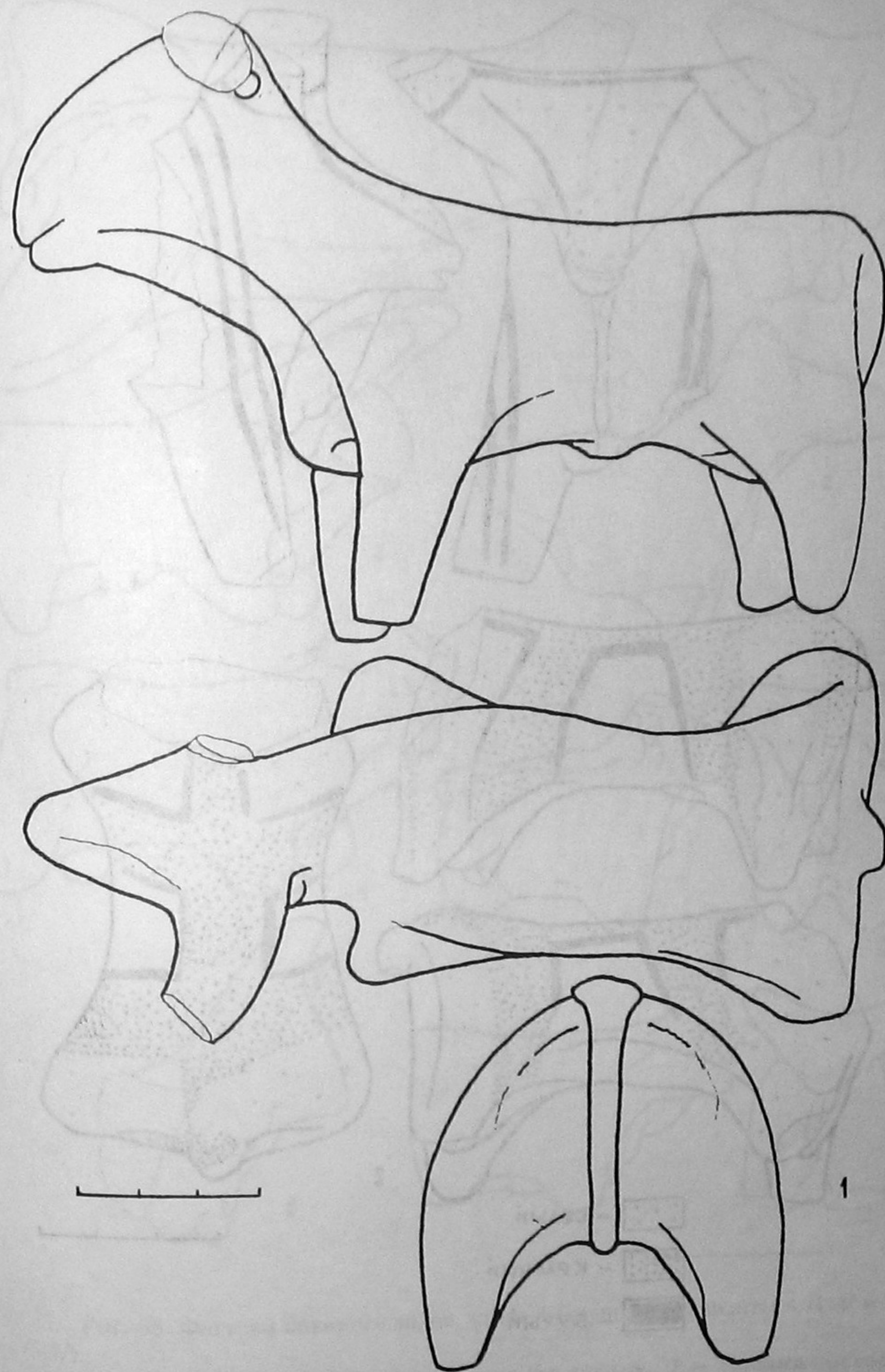

Рис. 41. Фигурки бовинов/овидов, «тип» 1 (группа II, вариант 4):
1, 2 — Крутобородицы (Кукутень В3)

Рис. 42. Фигурки бовинов/овидов, «тип» 1 (группа II, вариант 4):
 1, 2 — Кукутень; 3 — Молдова (без привязок); 4 — Валя-Лулулуй (Кукутень В3); 5 — Вила
 Яругска (без привязки). (1-3 — по Н. Берлеску; 4 — по М. Дину; 5 — по Д.М. Щербаковскому)

Рис. 43. Фигурки бовинов/овидов, «тип» 1 (группа II, вариант 4):
 1 — Старые Каракушаны (Триполье С1С2)

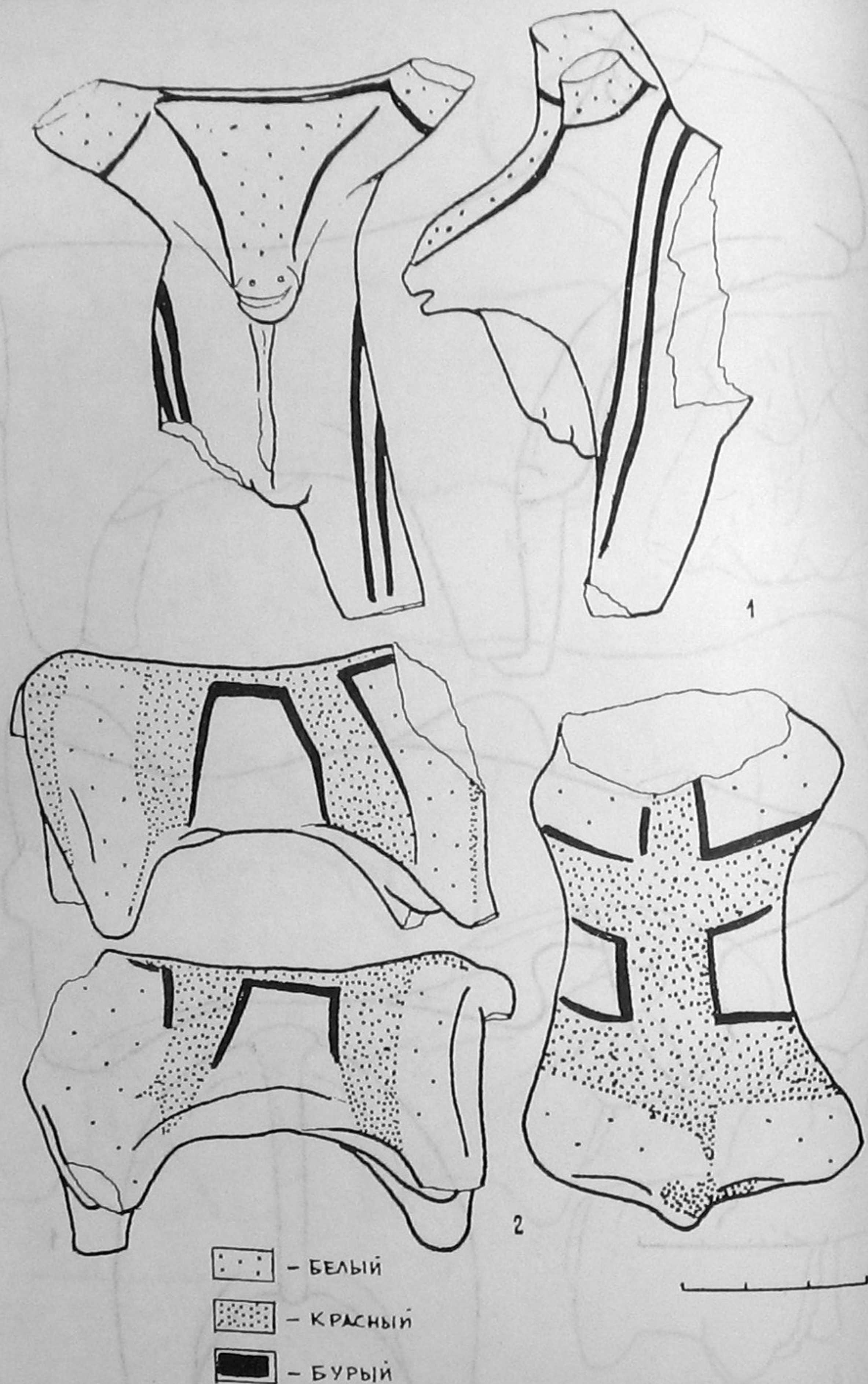

Рис. 44. Фигурки бовинов/овидов, «тип» I (группа II, вариант 4):
1, 2 — Кошиловцы (Триполье С1С2)

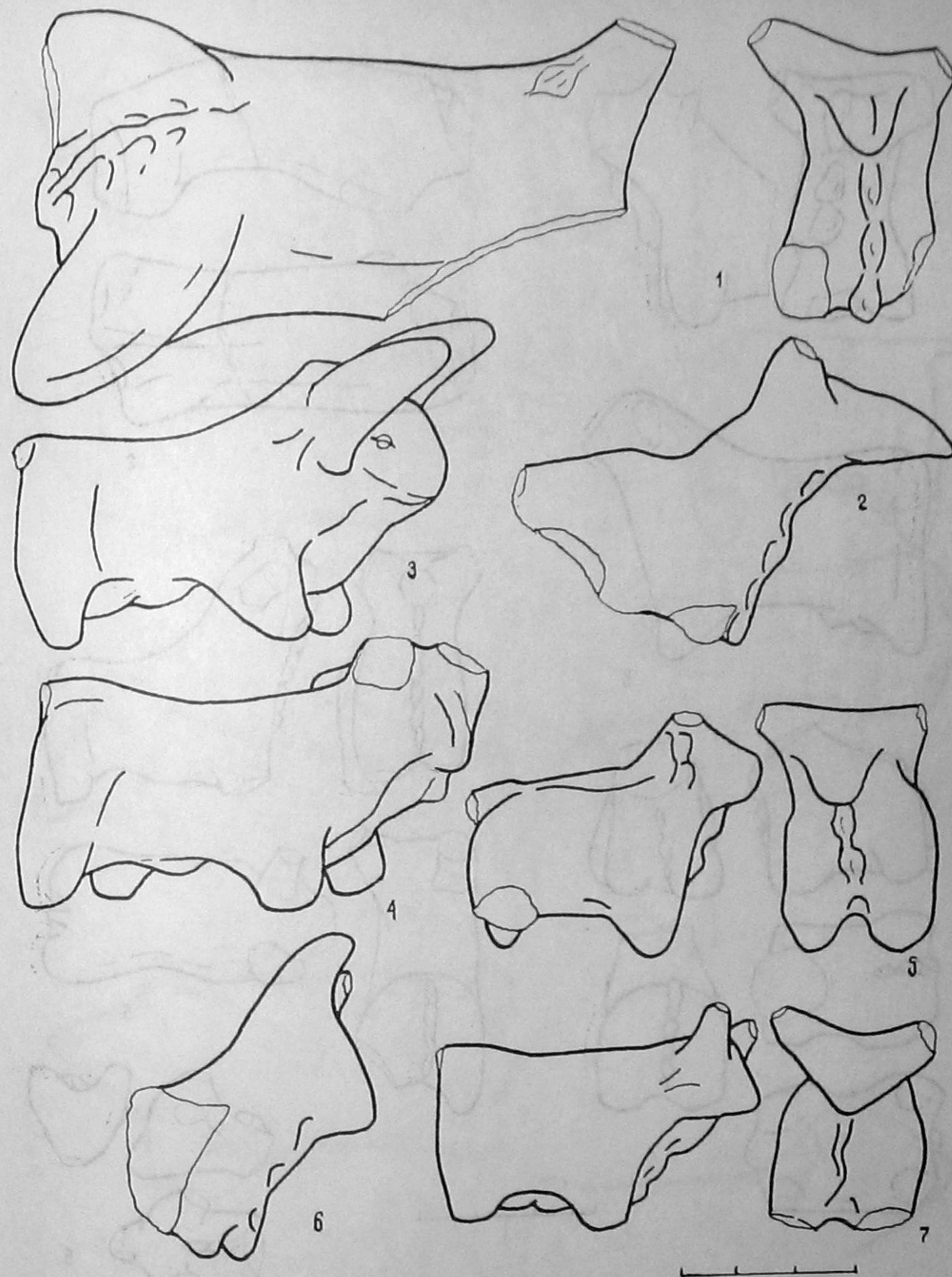

Рис. 45. Фигурки бовинов/овидов, «тип» I (группа II, варианты 4 /1-4/ и 4а /5-7/):

1 — Коновка (Триполье С1С2); 2 — Шипоте (без привязки); 3 — Бырлалешть-Стурза (Кукутень В2?); 4 — Фрумущика (Кукутень В3?); 5 — Майданецкое (Кукутень В2); 6 — Поднестровье (без привязки); 7 — Поливанов Яр I (Кукутень В1 - В3). (1, 5 — по Н.М. Шмаглию; 2 — по В. Чирика, М. Танасачи; 3 — по Н. Коман; 4 — по Ч. Маташа; 7 — по Т.А. Поповой)

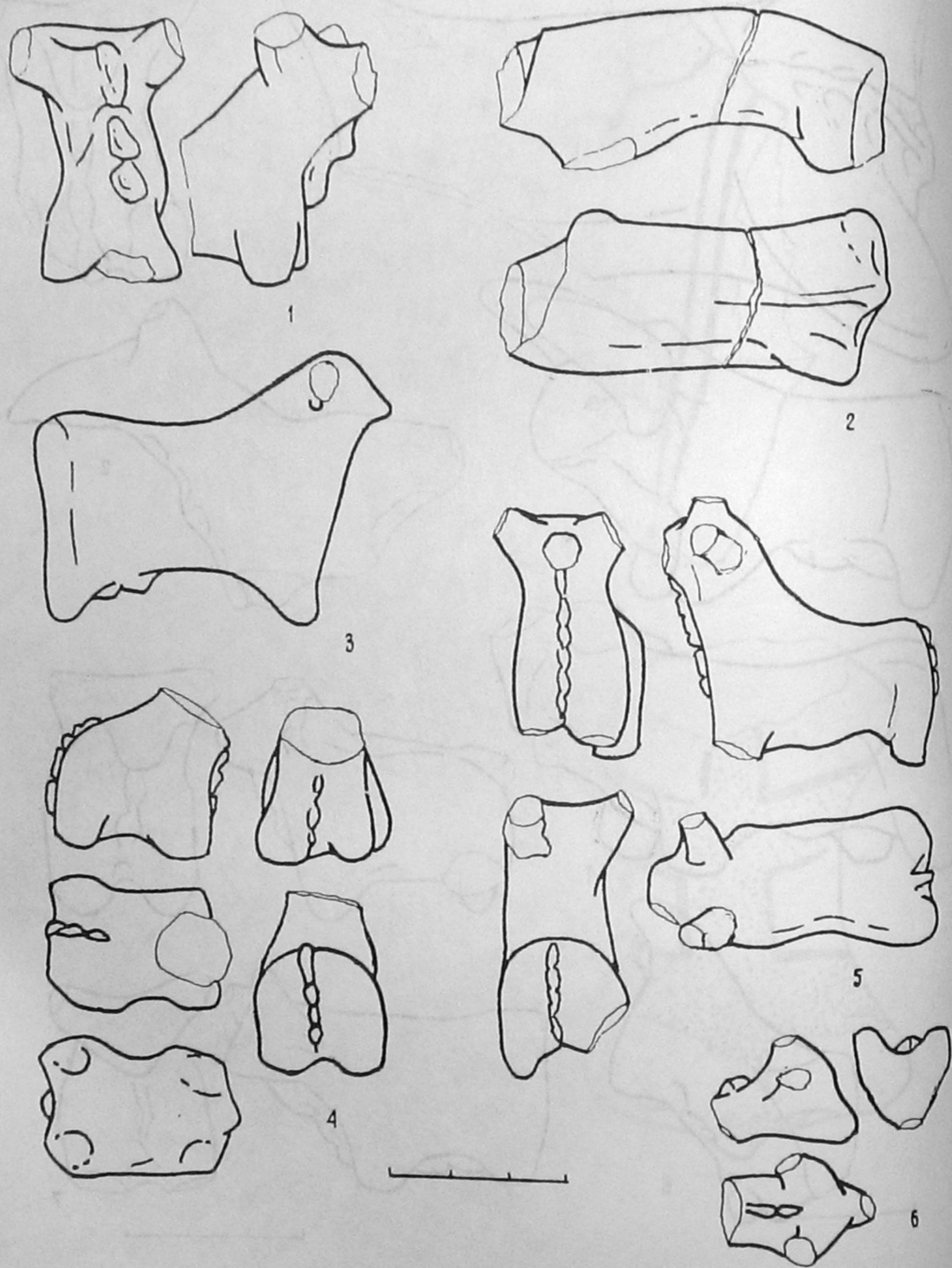

Рис. 46. Фигурки бовинов/овидов, «тип» 1 (группа II, вариант 4а):
1 — Тальянки (Кукутень В2); 2 — Поливанов Яр I-II (Кукутень В1В3); 3 — Катюшаны (без привязки); 4, 5 — Сандраки (Триполье С2); 6 — Сороки-Озеро (Кукутень В3). (3 — по Т.С. Пасек)

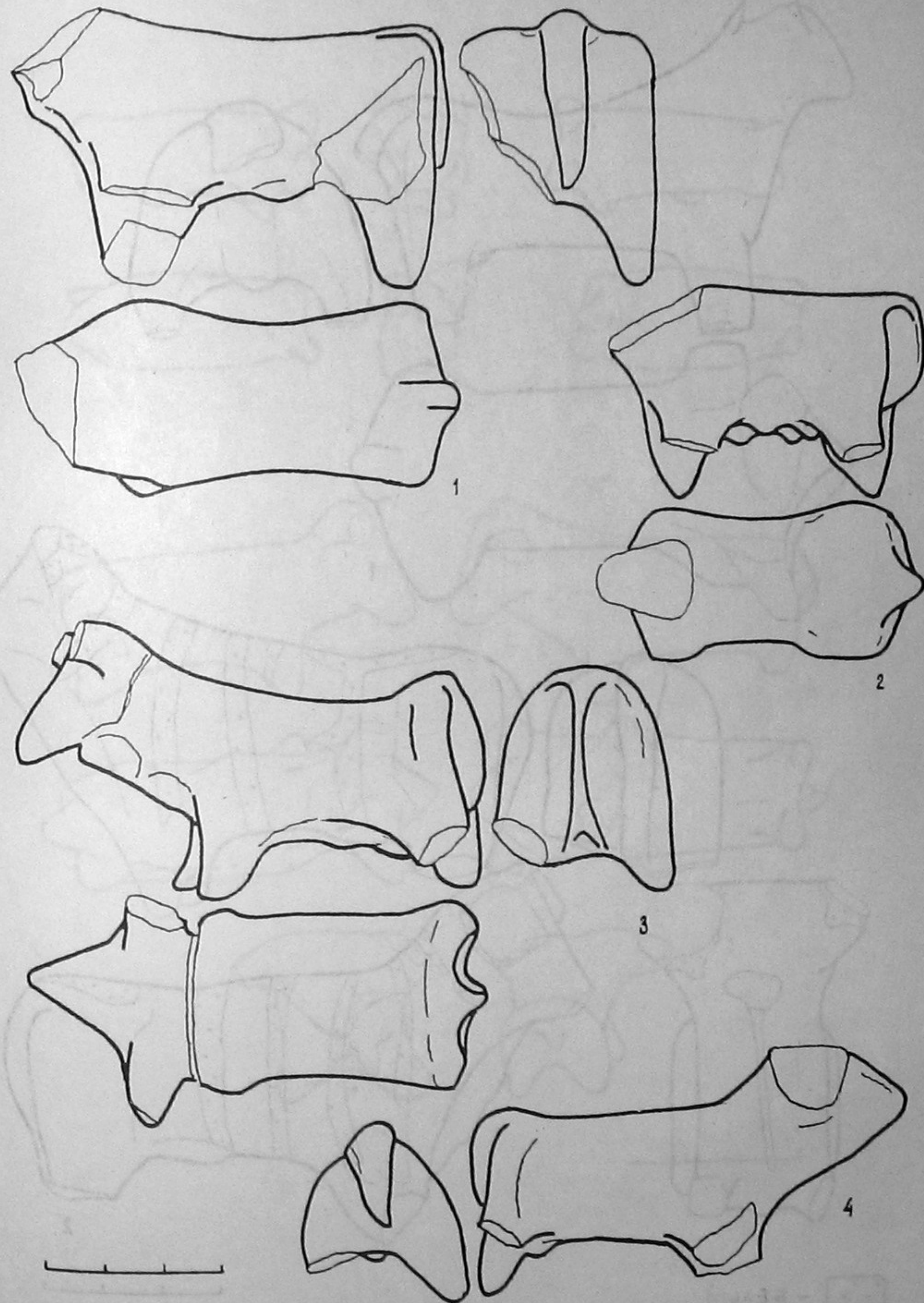

Рис. 47. Фигурки бовинов/овидов, «тип» 1 (группа II, вариант 4а):
1-4 — Кошиловцы (Триполье С1С2)

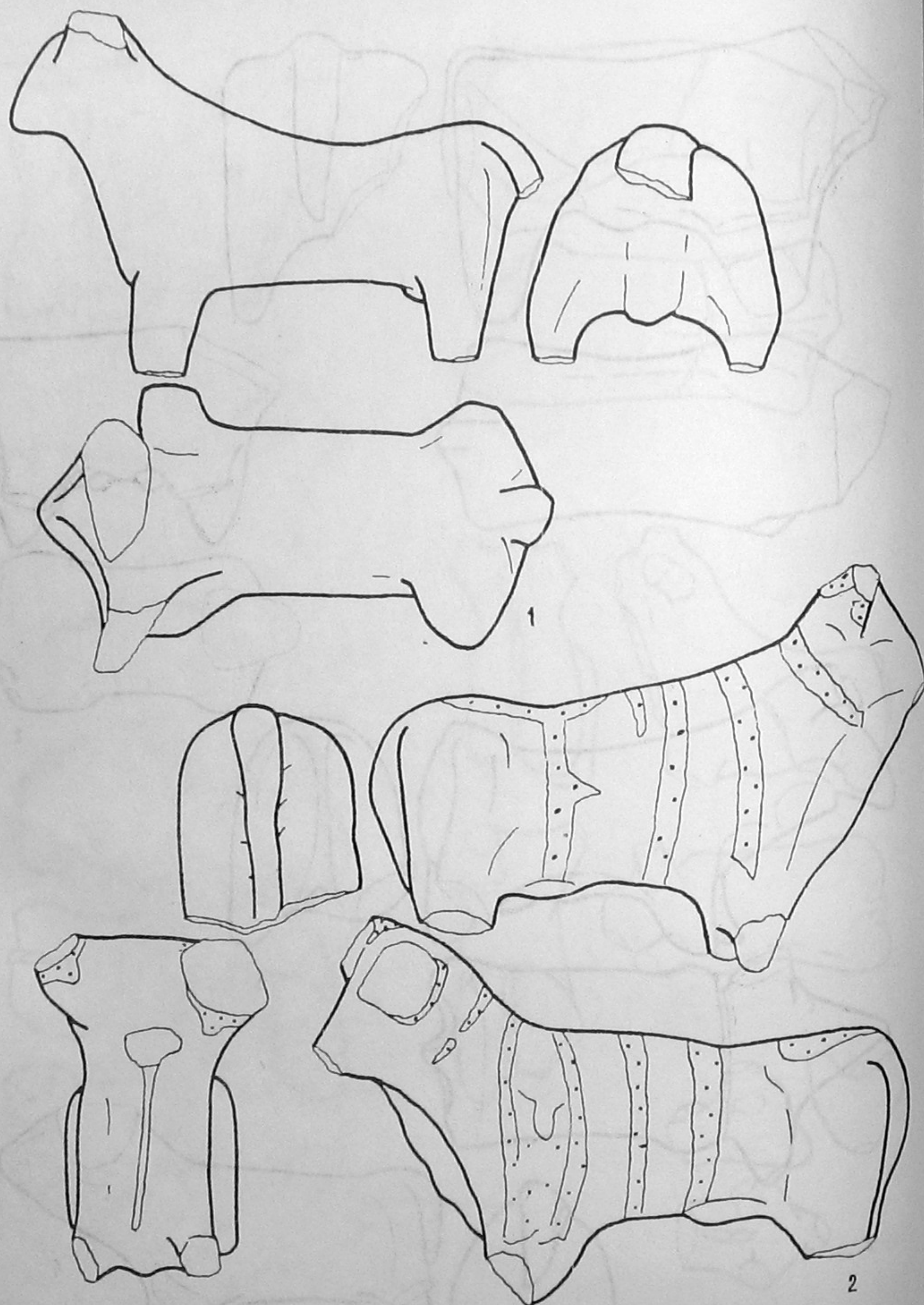

Рис. 48. Фигурки bovинов/овидов, «тип» 1 (группа II, вариант 4а):
1, 2 — Кошиловцы (Триполье С1С2)

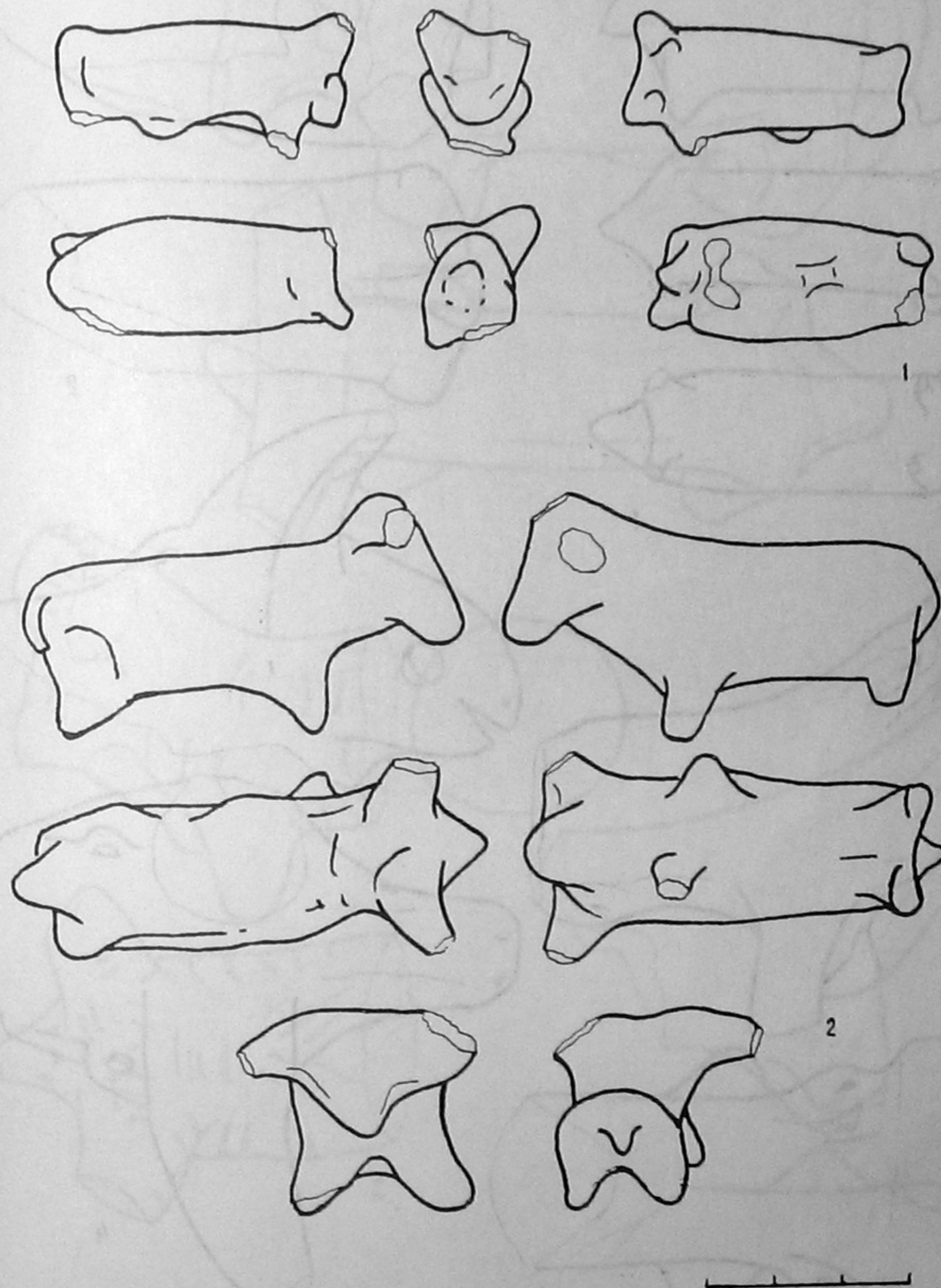

Рис. 49. Фигурки bovинов/овидов, «тип» 1 (группа II, вариант 5):
1 — Жоры (Кукутень АВ2); 2 — Варваровка I III (Кукутень В3)

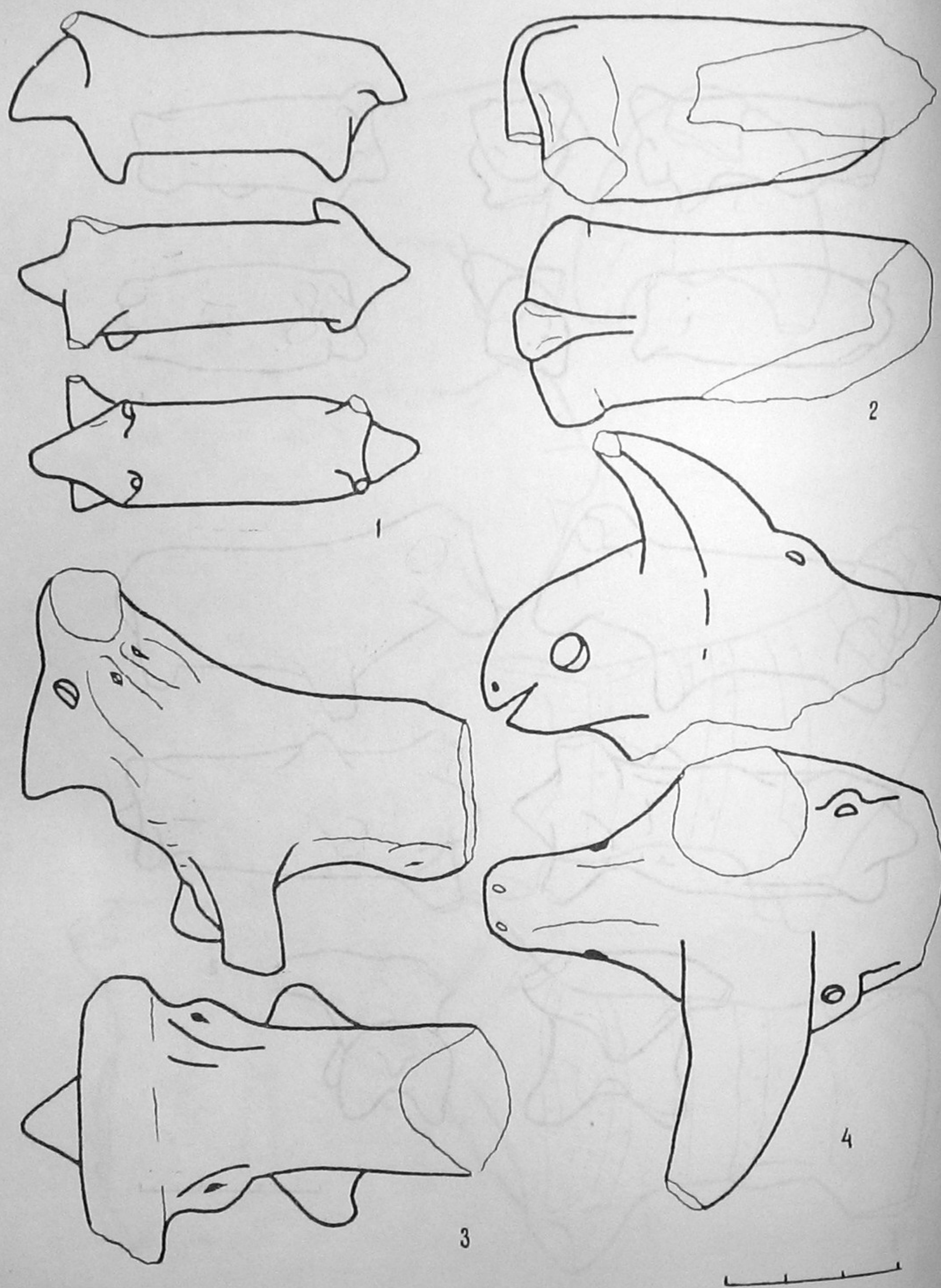

Рис. 50. Фигурки бовинов/овидов, «тип» 1 (группа II, вариант 5):
1 — Крутобородницы II; 2 — Варваровка VIII (Кукутень В3); 3 — Кошиловцы (Триполье С1С2); 4 — Синешты (без привязки)

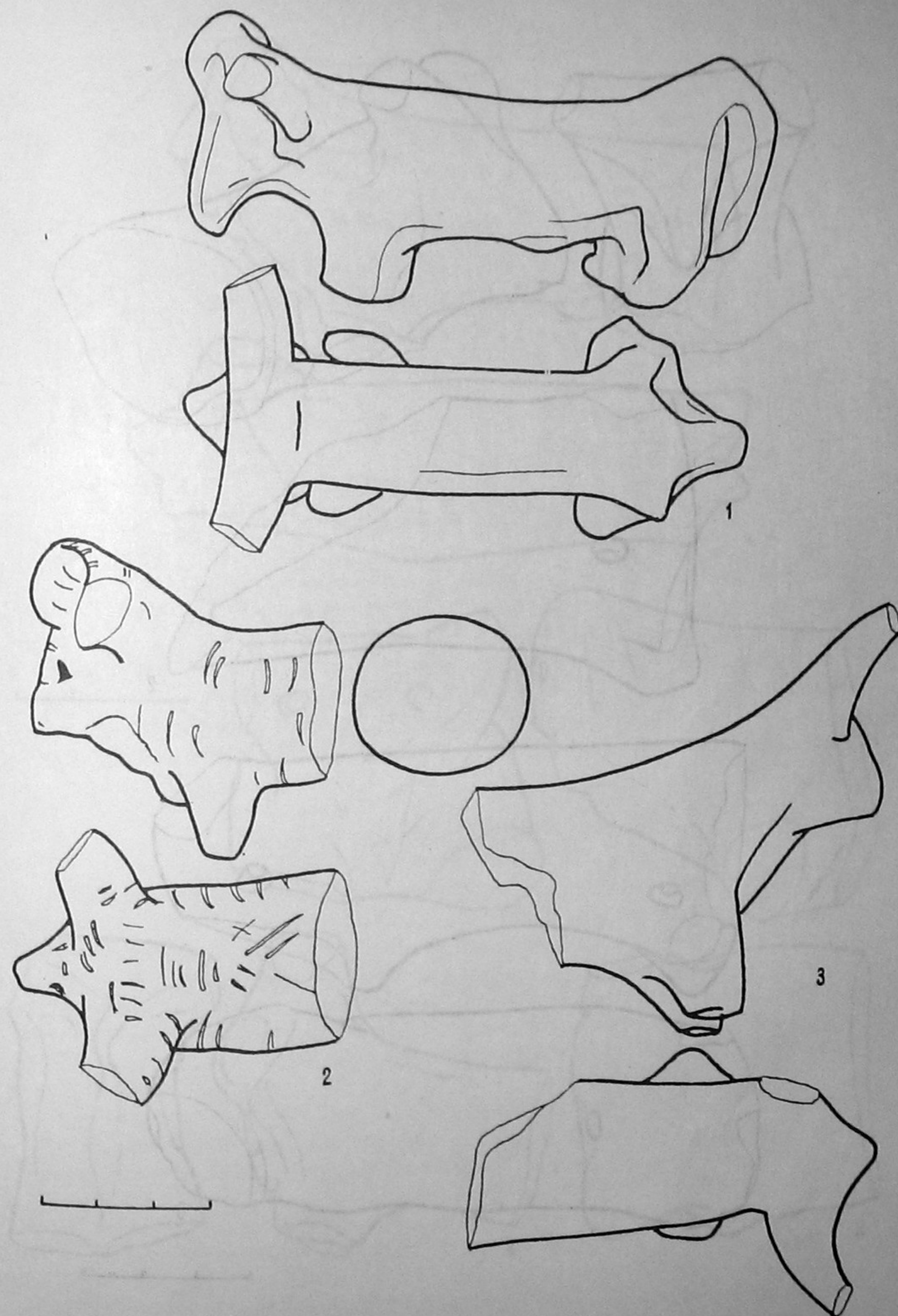

Рис. 51. Фигурки бовинов/овидов, «тип» 1 (группа II, вариант 5):
1-3 — Кошиловцы (Триполье С1С2)

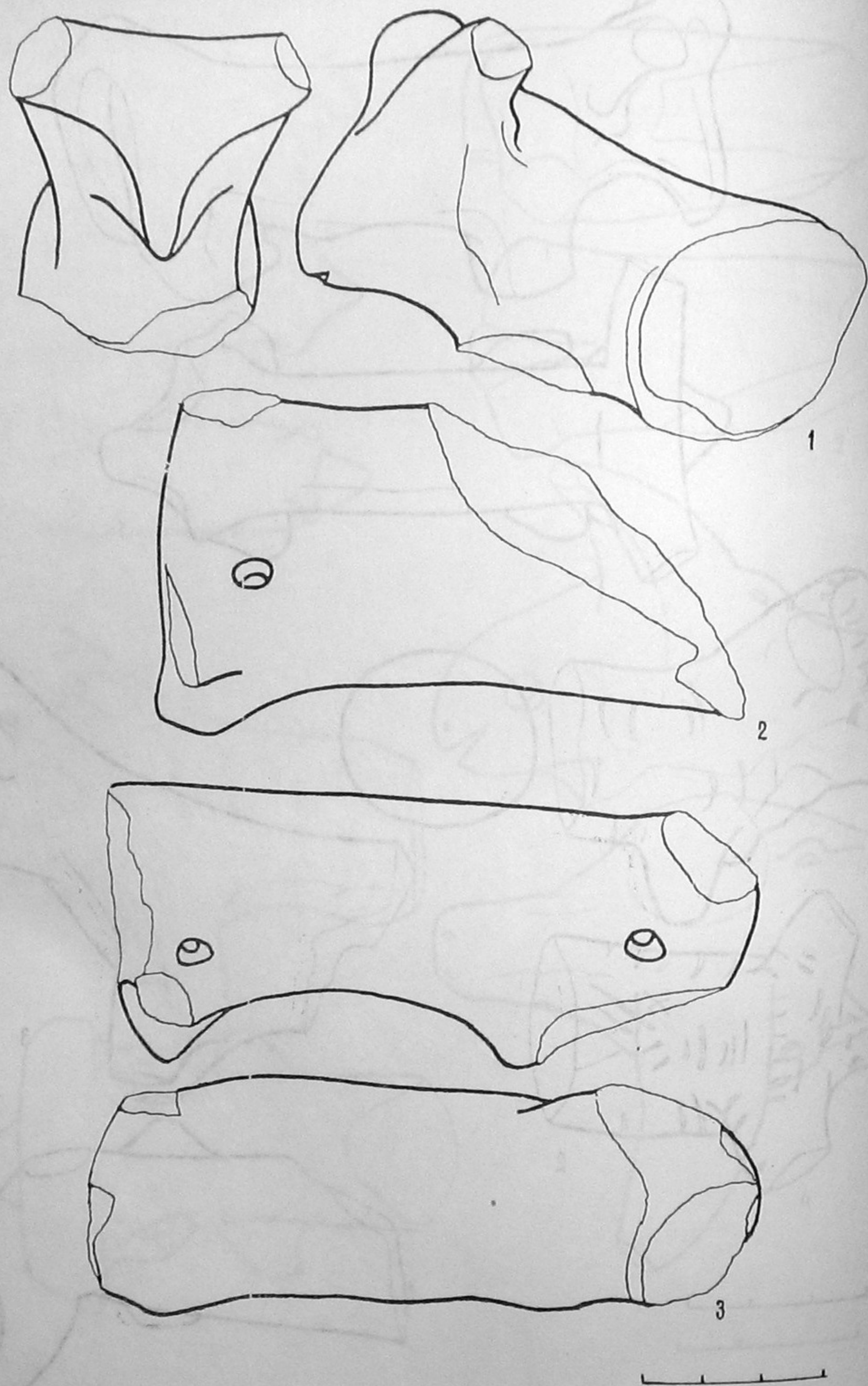

Рис. 52. Фигурки бовинов/овидов, «тип» 1 (группа II, вариант 5):
1-3 — Кошиловцы (Триполье С1С2)

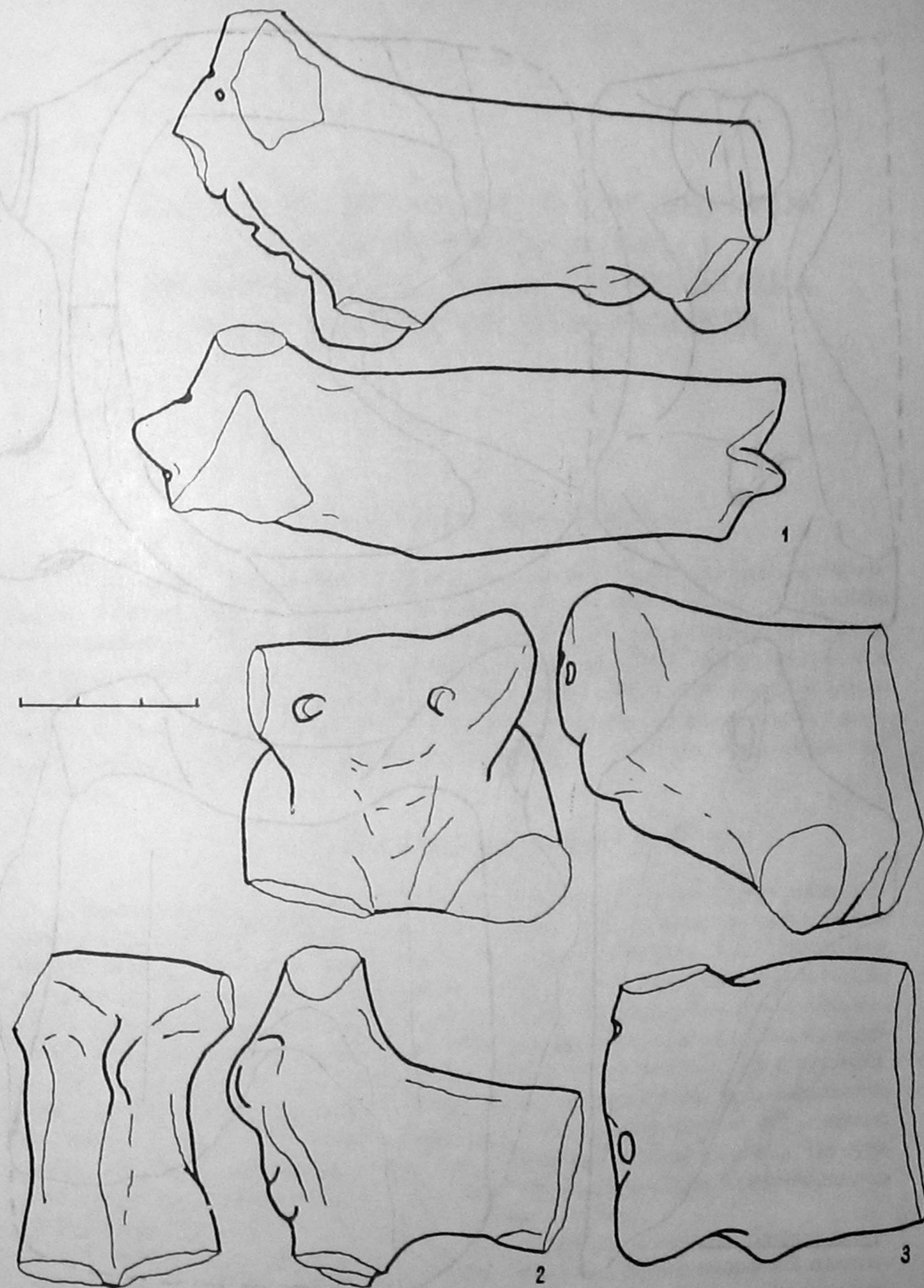
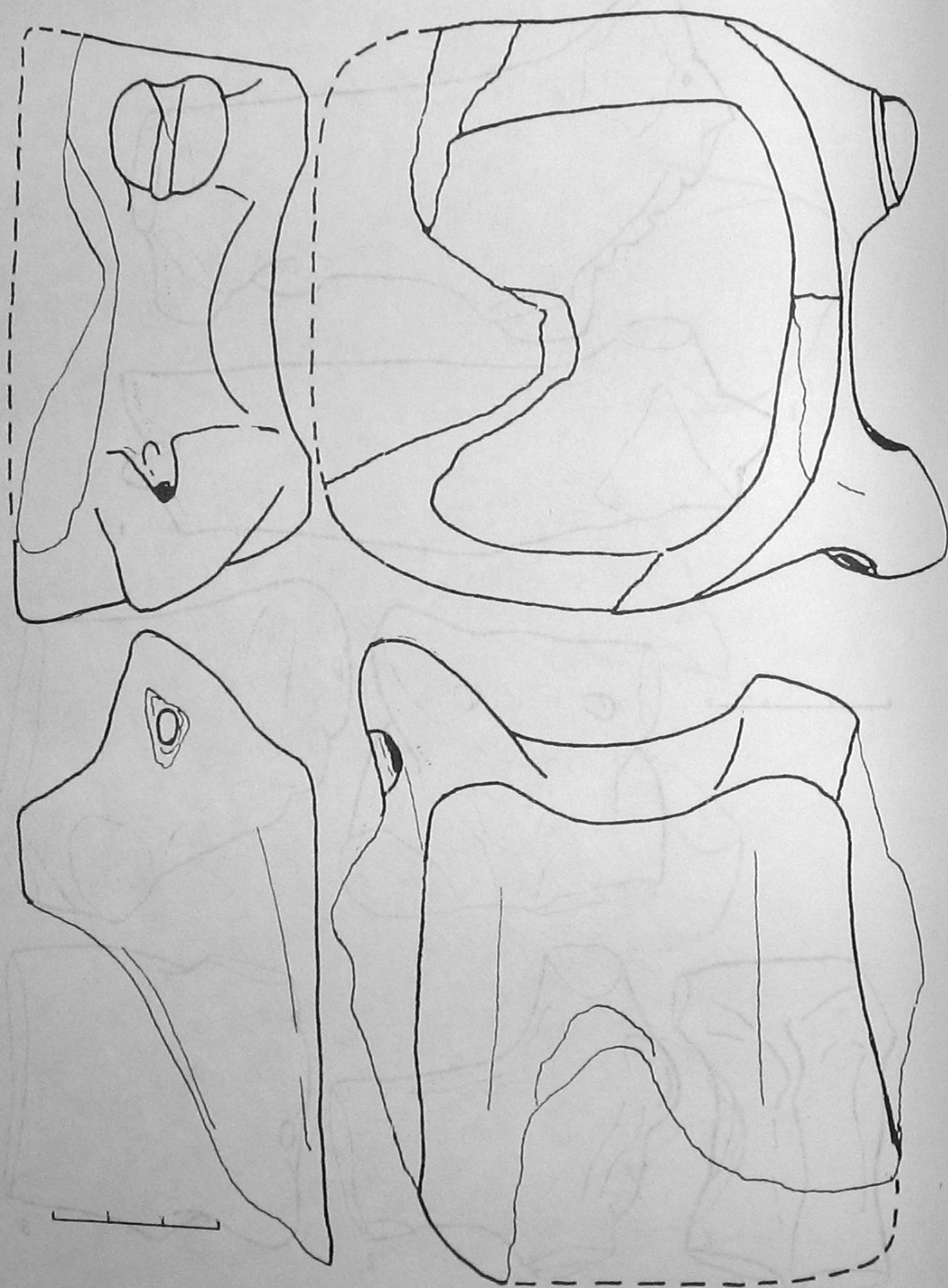

Рис. 53. Фигурки бовинов/овидов, «тип» 1 (группа II, вариант 5):
1-3 — Кошиловцы (Триполье С1С2)

1

Рис. 54. «Саночки»:
1 — Чичирказовка (Кукутень В2)

Глава 3. ТЕХНОЛОГИЯ, ДЕКОР ФИГУРОК БОВИНОВ/ОВИДОВ «ТИПА» 1, ИХ ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ГРУППИРОВКА И ОСОБЕННОСТИ ДЕФОРМАЦИИ

Технологические характеристики

Некоторые технологические приемы уже обсуждались при описании статей. Были отмечены хронологические особенности моделировки морды, ног, способы крепления рогов. Ниже рассматривается другая группа технологических признаков (формовочная масса, обжиг, принцип лепки, обработка поверхности). Все они в той или иной мере могут быть связаны с функцией и определенной знаковой нагрузкой фигурок, поэтому перечисленные характеристики (по возможности) даются для всего массива, а также для групп (I, II) и стилистических вариантов (1-5).

1. Формовочная масса статуэток и их обжиг

Формовочную массу глиняных изделий обычно исследуют под бинокулярным микроскопом по свежим сколам или шлифам. К сожалению, в большинстве фондовых хранений, где обрабатывались коллекции пластики, из-за отсутствия микроскопов приходилось пользоваться лупой, и были получены значительно менее информативные данные. Во многом это обуславливалось спецификой исследуемого материала и просто невозможностью делать сколы на вещах из музейного материала и просто невозможностью делать сколы на вещах из музейного материала и просто невозможностью делать сколы на вещах из музейного материала. Под микроскопом были просмотрены только две коллекции (25 статуэток). Еще для 150 фигурок особенности формовки и теста описаны при небольшом увеличении (под лупой). То есть на разном качественном уровне обследовано меньше половины массива, что, естественно, сказывается на результатах. По сути дела, приводимые ниже сведения о формовочной массе фигурок бовинов/овидов «типа» 1 оказались и далеки от полноты, и неравноценны.

В целом состав формовочной массы зооморфных статуэток близок полученному в результате наблюдений А.П. Погожевой над антропоморфной пластикой [Погожева А.П., 1973. С. 29; 1983. С. 116]. Большинство фигурок леплено из мелкоструктурной глины с примесями, характерными для посуды. В качестве отощителей встречаются: шамот разного размера, сухая глина, дресва, каолинит.

Обычна незначительная примесь песка. Есть статуэтки с большой примесью песка, видимо введенной искусственно.

Довольно часты в глине фигурок мелкие пустоты и даже пористость самой массы, диагностирующие выгоревшую органику. Хорошо известно, что тесту трипольских антропоморфных статуэток свойственны те же признаки (мелкие пустоты и пористость массы), которые считают следствием выгорания дробленого зерна либо муки, предположительно добавлявшихся в глину в ритуальных целях [Сильченко Т.Н., 1955. С. 149-154; Погожева А.П., 1973. С. 28; 1983. С. 116]. Последние исследования технологии кукутенско-трипольских сосудов показали, что подобные пустоты (пористость) характерны и для формовочной массы обычной бытовой посуды. Но для данного случая найдено и подтверждено экспериментально иное технологически оправданное объяснение. Установлено, что в гончарную глину добавлялся навоз, влияющий на жаростойкость изделий [Заец И.И., Сайко Э.В., 1986. С. 18; Гей И.А., 1986. С. 25]. На этом фоне гипотеза о ритуальном подмесе злаков в тесто пластики, кажется, теряет убедительность. Более вероятно, что все глиняные изделия, в том числе обе категории фигурок, лепились из гончарной глины без каких-либо специфических особенностей рецептуры. Ни в тесте, ни на поверхности фигурок бовинов/овидов «типа» I пока не обнаружены и следы зерен злаков.

Есть еще одна характеристика формовочной массы статуэток, которую обычно фиксируют, но не систематизируют. Это — ее цвет. Определенный импульс к упорядочению соответствующей информации о фигурках дали результаты анализа цвета формовочной массы значительной выборки трипольских сосудов из Старых Куконешт (Кукутень А4). Эта серия наблюдений документировала использование местными мастерами двух контрастных по цвету сортов глины — красной и белой, употреблявшихся как по отдельности, так и в нескольких комбинациях. Поскольку все закономерности были получены только для одного памятника, они интерпретированы как отражение процесса (и результатов) взаимодействия разных традиций гончарства [Гей И.А., 1986].

На свежих сколах под бинокулярным микроскопом легко отличается не-ожелезненная «белая» глина и ожелезненная «кирпично-красная». Хорошо видна также смесь двух глин (непромешанная, промешанная и подмес сухой того или другого цвета). Без микроскопа можно уверенно выделить только явные случаи — белую (серую) глину, непромешанную смесь двух глин, когда видны разводы одной из них в другой, и в некоторых случаях — подмес сухой. Трудно бывает отличить промешанную смесь от варьирующей по цвету (в зависимости от обжига) ожелезненной глины.

У статуэток бовинов/овидов «типа» I (обеих групп и всех стилистических вариантов) цвет глины, определяемый визуально, чаще всего варьирует от кремово-желтого до оранжевого. Темная красная глина употреблялась для их лепки сравнительно редко. Единичные предметы из нее относятся к вариантам 1-4 группы II. Кроме того, есть фигурки из белой глины и из смеси двух контрастных глин.

Из белой глины вылеплено довольно много статуэток группы I, а также вариантов 1, 2 группы II, происходящих с 15 разновременных памятников, хронологический разброс которых охватывает периоды от Кукутени А1 до Триполья С1С2. География их также широка — от бассейна Прута до Поднепровья.

Из смеси двух глин (явные случаи) сделано 18 фигурок, также относящихся к группе I и вариантам 1, 2 группы II. У статуэток группы I основной в смеси мо-

жет быть и белая, и красная глина. Зафиксирован подмес в основу сухой и жидкой красной глины, а белой — только жидкой. У фигурок вариантов 1 и 2 группы II основой смеси служила белая глина. Красная добавлялась в нее сухой и жидкой. Статуэтки из непромешанной смеси двух глин известны на восьми поселениях, шесть из которых находятся в долинах Прута и Днестра, два — в Буго-Днепровском районе. Пока время их бытования охватывает Кукутень А4-В3.

Не очень жесткая соотносимость цвета формовочной массы со стилистическим разделением статуэток отчасти может быть обусловлена недостатком информации. Ее не удалось выявить без микроскопа. Само же использование белой глины, красной глины и смеси двух глин для изготовления зооморфных фигурок явно фиксируется на разновременных и территориально удаленных друг от друга памятниках. Оно вряд ли отражает особые технологические традиции гончарства (географию и хронологию которых пришлось бы расширить до территории и времени бытования всей Кукутени-Триполья), но с большей вероятностью указывает на постоянную актуальность собственно цвета формовочной массы статуэток, его определенную знаковую нагрузку. Об этом же свидетельствует и сочетаемость перечисленных цветовых вариантов теста с некоторыми другими характеристиками фигурок (как будет показано ниже). Представляется, что по мере накопления информации данный вывод будет распространен и на многие другие изделия из глины, поскольку есть сведения об «охре» в тесте трипольских антропоморфных статуэток [Патокова Э.Ф., Петренко В.Г., Бурдо Н.Б., Полищук Л.Ю., 1989. С. 103], неоднократно на разных поселениях культуры отмечали и двухцветность теста посуды [Заец И.И., Сайко Э.В., 1986]. Подобная информация есть для пластики и сосудов некоторых памятников Гумельницы [Балабина В.И., 1996].

Все фигурки бовинов/овидов «типа» I обожжены. Их часто находят среди руин сгоревших трипольских построек в пятнах копоти и сажи, с неравномерно обожженной поверхностью. Без специального термического анализа нельзя установить, единственный это обжиг или вторичный. Есть несколько сплюснутых и смятых фигурок, которые либо обожжены не совсем просохшими (в пожаре?), либо являются производственным браком. Смятые фигурки из Василевки и Старых Дуруидор (оба памятника относятся к Кукутени А4) зафиксированы в развалах сожженных жилищ. На одной из них даже присутствуют отпечатки плоских кусочков дерева (рис. 55; 56. 1). Наиболее вероятен их обжиг в пожаре. Статуэтка из Майданецкого (Кукутень В2), найденная в скоплении пластики в углублении рядом с жилищем, может быть сочтена и производственным браком (рис. 57, 4). Сплюснутая фигурка из Дрегушень-Острова не имеет контекста (рис. 57, 3).

Пока единственным свидетельством специального обжига является находка в Трифауцах [Маркевич В.И., 1973. С. 9; Маркевич В.И., 1981. С. 157]. Там, в разрушенной современными работами гончарной печи (по предположению В.И. Маркевича), было найдено 38 статуэток стилистического варианта 4. Хотя обнаружение фигурок именно в печи — предположительно, их количество и серийность указывают на масштабы производства неэпизодического.

Изложенные сведения не приводят к однозначному выводу. Приходится равновероятно допускать существование и домашнего, и профессионального производства фигурок, а обжиг их возможен и в специальных печах, и в домашних, и в пожаре. Соотнести конкретные стилистические варианты с характером производства тоже не удастся, так как предметы, к ним относящиеся, варьируют

по размерам и тщательности обработки в пределах одного памятника. Но сам факт разделения фигурок на стилистические варианты и география последних говорят об очень широком распространении каждого стереотипа, возможно, посредством копируемых образцов.

2. Принцип лепки статуэток бовинов/овидов «типа» I

Принцип лепки зооморфных фигурок не всегда ясен. Он может быть выявлен случайно, благодаря «удачному» сколу, облому или характерным трещинам на поверхности предметов, но наиболее надежно документируется под микроскопом.

На основании разных способов фиксации (визуально, под лупой, в микроскоп) в массиве кукутенско-трипольской зооморфной пластики выделена значительная серия статуэток, туловища которых сделаны из продольных половин. Они относятся к нескольким «видам» и «типам». Это — 23 фигурки бовинов/овидов («тип» I), некоторые изображения коз, оленей («тип» I), птиц («типы» 3 и 8). Кроме того, известна группа безголовых статуэток «типа» I из Троянова (Триполье С2), на большинстве которых благодаря трещинам также заметна лепка из продольных половин. Пропорционально они близки стилистическим вариантам I и 5, морфологически обособлены, без знаков пола (рис. 58, 2-5). Фигурки бовинов/овидов «типа» I, лепленные из продольных половин, встречаются на всем протяжении культуры, присутствуют в группе I и вариантах 1, 2 группы II.

У статуэток, сделанных таким образом, в отдельных случаях зафиксировано штифтовое скрепление (рис. 56, 3), что свидетельствует о детальном сходстве конструирования определенных групп зооморфной и антропоморфной пластики Кукутени-Триполья.

Удалось выявить определенную взаимосвязь между рассматриваемым способом моделировки и цветом формовочной массы. Так, у некоторых фигурок, лепленных из двух половин, тесто оказалось белым или из смеси двух глин (в группе I — 4 экз., в варианте 1 группы II — 2 экз.). Но поистине ключевой для выявления смыслового согласия конструкции и цвета формовочной массы стала одна статуэтка варианта 2 (Сороки-Озеро, Кукутень В3), правая половина которой сделана из красной глины, а левая — из белой (рис. 56, 2).

Большинство фигурок из продольных половин не имеет знаков пола. Лишь на трех из них маркировка пола присутствует, и во всех трех случаях она мужская. Это обстоятельство делает весьма уязвимым предположение о парной женской персонификации лепленных так антропоморфных статуэток [Погожева А.П., 1983. С. 119]. Но несомненно справедлива высказывавшаяся мысль о подчеркнутым дуализме, заложенном в данном принципе конструирования [Погожева А.П., 1973. С. 31].

Можно выделить несколько преимущественно ранних фигурок, при изготовлении которых плоская лепешка глины складывалась продольно пополам, образуя туловище (рис. 11, 2; 13, 2). Возможно, в знаковом отношении такое моделирование близко вышеописанному.

На некоторых статуэтках вариантов 3, 4, 5 отмечен еще один способ моделировки: крупный желвак — основа туловища — покрыт толстым (4-8 мм) формирующим слоем глины, на который нанесен ангоб (1-2 мм).

3. Обработка поверхности статуэток бовинов/овидов «типа» I

Этот признак документирован плохо. Поверхность фигурок разрушается от пребывания в культурном слое, а после извлечения из земли ее часто уничтожает обработка кислотами, равно как и мытье жесткой щеткой.

Среди фигурок группы I, рассмотренных под микроскопом, не оказалось ни одной с сохранившейся поверхностью.

Среди статуэток вариантов 1 и 2 группы II встречаются экземпляры и с заглаженной, и с грубой поверхностью. На них отмечался ангоб цвета глины, фиксировалась окраска в красный цвет.

Фигурки вариантов 3 и 5 отделаны более тщательно. Заглаженность отмечена на большинстве из них, на некоторых сохранились и следы продольного лощения. Почти все статуэтки покрыты светлым ангобом (белым или кремовым), на котором в ряде случаев сохранилась роспись.

Среди фигурок варианта 4(4а) есть две группы, отличающиеся по характеру обработки поверхности. Первую из них образуют мелкие статуэтки. На них фиксировался ангоб цвета глины, либо отмечались следы окраски в красный цвет. Сюда вошли все фигурки разновидности (а) — с хвостами и подгрудками в виде косички — и относительно мелкие статуэтки разновидности (б) — с подгрудками в виде длинного широкого защепа и хвостами круглого сечения. Вторую группу образовали фигурки со следами светлого ангоба и росписи. Это — большинство крупных статуэток разновидности (б).

Несмотря на отрывочность имеющейся информации об обработке поверхности фигурок бовинов/овидов «типа» I, данный признак все же позволяет разделить их на две группы, отчетливо коррелирующие и с разделением по размеру (более подробно это будет показано ниже, при анализе длины статуэток):

у первой группы (варианты 1, 2, а также мелкие фигурки варианта 4/4а) поверхность грубая или заглаженная, покрыта ангобом цвета глины либо окрашена в красный цвет;

у второй группы (варианты 3, 5 и крупные фигурки варианта 4/4а) поверхность заглажена (подлощена), покрыта светлым ангобом и расписана.

4. Декор статуэток бовинов/овидов «типа» I

На трипольско-кукутенских фигурках бовинов/овидов встречено несколько способов орнаментации: ногтевые отпечатки, инкрустация, углубленный декор (накольчатый и прочерченный), роспись.

1. Ногтевые отпечатки частично или полностью покрывают несколько разновременных статуэток, относящихся к группе I (рис. 9, 6; 13, 1) и вариантам 1, 5 группы II (рис. 18, 3; 20, 7; 51, 2). Частые ногтевые отпечатки по всему туловищу выглядят как изображение шерсти, но иногда они присутствуют и на рогах, что не согласуется с зонами, покрытыми шерстью у реальных животных.

2. Инкрустация пока встречена на двух фигурках группы I, относящихся к Кукутени А4, из Друц 1 и Болбочи (рис. 15). В обоих случаях она присутствует у статуэток на лбу. На лбу фигурки из Болбочи прикреплены две миниатюрные медные пластинки, не образующие четкой геометрической фигуры. На лбу статуэтки из Друц сохранился след от выпавшей треугольной вставки, ориентированной вершиной вниз.

В ареале раннеземледельческих культур известны фигурки и налесты на сосудах, изображающие бовинов с треугольными знаками на лбу. Особенно близки описанному случаю зооморфные головки на сосуде из Штурово (Желиз) с прочерченными на лбу треугольниками [Pavúk J., 1981. Fig. 45, 46]. На энеолитических фигурках бовинов из Греции и Болгарии бывают похожие, но как бы укрупненные, знаки. Иногда орнаментальный треугольник занимает большую часть морды [Renfrew C., Gimbutas M., Elster E., 1986. Fig. 9. 71 (192)]. В Хаджиляре I одна из головок-налепов (в виде бовина) имеет почти правильную треугольную форму, дополнительно подчеркнутую охристой расписной треугольной «маской» [Mellaart J., 1970. Fig. 247]. Инкрустация на лбу фигурки из Друц I отдаленно напоминает и известные «лунообразные» вставки на некоторых предметах ближневосточной зооморфной металлопластики [Массон В.М., 1974. Рис. 10].

3. Накольчатая техника орнаментации представлена на нескольких статуэтках. У фигурки бовина из Шипенцев, относящейся к варианту 3 (Кукутень В1), наколами покрыта голова [Childe V.G., 1923. Fig. 1; Kandyba O., 1937. Fig. 90]. Исследователи трактовали эти наколы как шерсть. Г. Чайлд полагал, что статуэтка изображает льва с мощной гривой [Childe V.G., 1923. P. 281]. О. Кандыба считал ее зубром [Kandyba O., 1937. S. 116]. Сопоставление системы наколов на голове данной фигурки с росписью на ряде статуэток и зооморфных налепов приводит к еще одному объяснению, делающему ее менее обособленной и странной. У бовина из Шипенцев кольчатый декор покрывает и морду, и затылок, причем его границы на шее, как спереди, так и сзади, образуют четкие прямые линии, а по бокам (вокруг обломов рогов) они сделаны дугообразными. Создается впечатление, что сначала линией наколов был обозначен контур, позже заполненный ровными рядами таких же наколов. Сам же контур фигуры, заполненной наколами, более всего напоминает «наголовник-маску», убедительные аналогии которому есть в росписи. В частности, похожий (но цветной) «наголовник» изображен на налипной головке бовина из Хебешести [Dumitrescu V. et collaborateurs., 1954. Tabl. CXIII, 10]. Вообще же роспись фигурок и зооморфных налепов демонстрирует несколько вариантов «масок», частично или полностью закрывающих морду.

На статуэтке коровы (с отчетливо моделированным выменем) из Тырпешти (Кукутень А2) в кольчатой технике изображен контур овальной попоны (рис. 5, 2).

Сохранившаяся передняя половина фигурки из Хебешести (Кукутень А3) изображает животное в попоне и «налобнике». «Налобником» здесь и далее называется система из двух полос (на лбу и за рогами), возможно фиксирующих попоны спереди. Орнамент нанесен в следующем порядке: на лбу, под рогами, выполнена двойная дуга наколов, такая же полоса есть на затылке; оттуда несколько параллельных рядов наколов проведено по спине, крайние ряды, слегка закругляясь, заходят на бока; с ними соединяются ряды точек, спускающиеся по наружным сторонам передних ног (рис. 7, 7).

Есть случаи сомнительные, когда трудно определить, являются ли вообще имеющиеся наколы декором. Так, у статуэтки из Майданецкого (Кукутень В2), относящейся к стилистическому варианту 1 группы II, спина и левый бок покрыты тонкими легкими наколами (рис. 21, 3). Возможно, последние представляют собой вовсе не декор, а следы «магических действий», более явные формы которых будут рассматриваться ниже.

4. Прочерченный орнамент присутствует на двух статуэтках, относящихся к Кукутени В2. На одной из них, из Петрен (вариант 2), вдоль всей спины прочерчена осевая линия, уже рассмотренная как способ моделировки позвоночника, но можно ее понимать и как декор (рис. 26, 2). На второй фигурке, из Сушковки (вариант 3), двумя параллельными линиями изображена спускающаяся на бока попоны (рис. 35, 1).

5. Наибольшее число орнаментированных статуэток расписано. Следы росписи и более или менее ясная композиция сохранились на 10 предметах. Все они относятся к вариантам 3 и 4(4а) группы II, хронологически распределяются от Кукутени В2 до Триполья С1С2. Следует отметить, что на антропоморфных фигурках этой же культуры роспись фиксируется значительно раньше — в Кукутени А3.

Прежде всего остановимся на цветовых комбинациях росписи. На статуэтках бовинов/овидов «типа» I встречено четыре варианта сочетания цветов:

а) на большинстве фигурок (5 экз.) фон светлый (кремовый или чисто белый), роспись выполнена одной краской — красной или бурой,

б) на трех фигурках фон такой же светлый, а роспись сделана в два цвета — контур обведен тонкой бурой полосой, пространство в его пределах окрашено в яркий красный цвет;

в) одна фигурка имеет белую роспись на оранжевом фоне;

г) одна — комбинацию бурой и белой росписи на кремовом фоне.

Исследованию состава трипольских красителей была посвящена очень давняя работа И.П. Красникова [1931], который установил, что краской белого цвета служил каолинит; красную разных оттенков получали из охры, темно-бурую делали из болотной руды, содержащей марганец. Было также выяснено, что из-за термического режима обжига трипольской посуды красный и белый пигменты, нанесенные на поверхность изделий до обжига, должны были разрушаться быстрее, чем бурый. Данный вывод позволяет допускать, что в некоторых случаях сохранившаяся бурая роспись могла быть на статуэтке не единственной. Роспись же, нанесенная после обжига, вообще держится плохо.

Из-за разной сохранности красочного слоя на фигурках схему их декора пришлось восстанавливать — сначала соотносить фрагменты росписи в пределах определенных зон, а потом увязывать более или менее ясные участки друг с другом.

У большинства экземпляров роспись сохранилась на спине и боках. На спине обычно изображено подобие овальной или прямоугольной попоны, покрывающей также бока и (в нескольких случаях) хвост (рис. 34, 36, 1, 2; 44, 2; 48, 2). На середине попоны (или просто на спине) бывает нарисована продольная «осевая» линия (рис. 35, 3; 44, 2; 48, 2). По бокам спускаются одна или две полосы, напоминающие подпруги (рис. 35, 3; 36, 1, 2; 44, 2; 48, 2). На двух статуэтках видны полосы, похожие на подхвостные ремни, прикрепленные к заднему краю попоны (рис. 34; 36, 2).

По наружным сторонам передних ног у нескольких фигурок проведены вертикальные полосы. Они напоминают свободно висящий повод (так как бывают соединены с попонами и «налобником»), но могут им и не являться (рис. 34; 35, 3; 44, 1; 48, 2). На задних ногах одной фигурки сохранились ряды горизонтальных колец (рис. 36, 2).

На шее отмечено два варианта росписи. У одной статуэтки нарисован ошейник (спереди он не сомкнут, возможно из-за сохранности) (рис. 48, 2). У

других фигурок сзади на шее присутствует горизонтальная полоса, параллельная краю попоны (рис. 35, 3; 36, 3). В одном случае она соединена при помощи поперечных полос с «налобником» (рис. 34).

На головах изображены конструкции, называемые здесь «налобниками» и «масками». Как уже отмечено, «налобник» бывает соединен с попоной (рис. 34). Неясные следы полос на морде этой же фигурки могут указывать и на присутствие недоуздки. В выборке есть статуэтка, морда которой покрыта подтреугольной «маской», укрепленной за основания рогов кольцами (рис. 44, 1). Подобные кольца на основаниях и нижней части рогов (таков уровень сохранности) бывают и не связаны с «масками» (рис. 48, 2).

Суммируя изложенное, получаем своего рода упрощенную схему росписи бовинов/овидов «типа» I, многие подробности которой пока не удастся восстановить. Фигурки животных изображены в попонах, возможно фиксированных подпругами, подхвостными ремнями, «налобниками». Почти на всех попонах подчеркнута «осевая» линия. На передних ногах снаружи нарисованы вертикальные полосы, на задних ногах и рогах — горизонтальные кольца. Голова может быть покрыта «маской» подтреугольной формы. Не исключено, что у некоторых фигурок был изображен недоуздок.

Нетрудно заметить, что рассмотренные выше статуэтки с накольчатым, прочерченным орнаментом и инкрустацией декорированы в рамках этой же схемы (попона, «наголовник-маска», «налобник», вертикальные полосы на передних ногах), но не всегда воспроизводят ее полностью. Возможно изображение только попоны или только «осевой» линии на спине, «наголовника-маски» или треугольника на лбу.

Описанная схема декора характерна для многих фигурок бовинов/овидов, принадлежащих другим раннеземледельческим культурам юго-востока Европы, Восточного Средиземноморья. Она, кстати как и в Кукутени-Триполье, бывает выполнена в различной технике.

На расписной энеолитической фигурке бовина из Платукампоса изображена продольно полосатая попона, причем ее центральная, «осевая», полоса выделена контрастным цветом. Передний край попоны прикреплен к ошейнику. На голове присутствует «маска» также с отмеченной «осевой» линией. На сохранившихся передних ногах бовина нарисованы ряды колец [Theocharis D. et al., 1973. Fig. 99]. Попона, треугольная «маска», подпруги, вертикальные полосы на передних и задних ногах выполнены наколами на фигурке бовина из Караново VI [Georgiev G.I., 1961. Fig. 56, 3]. В рамках этой же схемы расписаны статуэтки эпохи бронзы с Крита [Bossert H.Th., 1923. Fig. 116].

На мордах многих фрагментированных фигурок с винчанских и гумельницких памятников изображены треугольные «маски», укрепленные за основания рогов (они встречаются на бовинах и овидах) [Георгиев Г., Ангелов Н., 1952. Рис. 171; Nestor I., 1933. Fig. 5, 1; Gimbutas M., 1974. Fig. 235].

Известны фрагментированные статуэтки и наклепные головки бовинов в «масках» с «осевой» линией либо просто проведенной на морде «осевой» линией [Васић М. 1936. Т. III. Ст. 280; Theocharis D. et al., 1973. Fig. 186].

Очевидную близость данной схеме обнаруживает орнаментация некоторых зооморфных сосудов. На раннем винчанском сосуде из Беле Брдо, изображающем бовина, двойным рядом наклепных валиков с насечками моделирована попона с «осевой» линией и ошейник [НЦБ, 1968. Рис. 74]. На сосуде из Кошиловцев (Триполье С1С2) в виде четвероногого животного с двумя рогатыми, частично

отбитыми, головами (либо оленей [Щербаківський Д.М., 1926], либо бовинов [Hadaczek S., 1914; Cehak H., 1933]) росписью изображена попона с продольной «осевой» линией. Эта линия проведена по шву на самом сосуде, состоящем из продольных половин. Попона соединена с (неясными теперь) конструкциями на головах. По передним и задним ногам странного животного проведены вертикальные полосы [Hadaczek S., 1914. Tabl. XVI, 1].

Таким образом, достаточно устойчивая схема декора фигурок бовинов/овидов фиксируется не только в Кукутени-Триполье, но в значительно более широком ареале и на нескольких категориях зооморфных изображений — статуэтках, зооморфных сосудах, налечах. Известные в литературе интерпретации росписи фигурок сводятся к трем вариантам. Ее воспринимают как упряжь [Кравец В.П., 1951. С. 130], как украшение [Cehak H., 1933. С. 195], либо допускают, что часть статуэток — в чепраках, а часть — в упряжи [Маевський К.К., 1945. С. 21].

Если роспись изображает упряжь, то ее элементы должны согласовываться с существующими реконструкциями древнейшей бычьей запряжки, которая, как полагают, вплоть до античности была только дышловой и парной [Кожин П.М., 1985. С. 170]. Но как раз для такой запряжки почти все отмеченные элементы декора кажутся излишними (кроме недоуздки, присутствующих у быков на золотой чаше из Хасанлу и при дышловой запряжке).

Поэтому более вероятно, что роспись на фигурках — это именно их украшение в рамках определенной схемы, известной во всем раннеземледельческом ареале Европы. Как было показано, в эту схему входят и устойчивые детали (кольца на рогах), и взаимозаменяемые (продольные полосы и кольца на ногах), и такие, вариации которых допускают парциальность (попону с «осевой» линией может заменять просто «осевая» линия на спине, «маску» с подчеркнутым треугольником — просто треугольник или «осевая» линия на морде). Подобный декор можно рассматривать как специфическое (маркирующее) украшение, при котором изображения на одних зонах (или частях тела) фигурок включают устойчивые знаки (полные либо редуцированные), а на других — допускают их ограниченную вариацию. Предлагаемое прочтение декора на статуэтках подтверждает и хорошо известная традиция украшать реальных животных, в частности бовинов. Кое-где она сохранялась вплоть до нового времени. Путешественники в Индию описывали особые системы украшения для коров и быков [Салтыков А.Д., 1985. С. 57]. В Германии еще в конце прошлого века коровам, возвращавшимся с летних пастбищ, надевали сложные маски.

Все статуэтки «типа» I, отмеченные декором в рамках единой схемы, по-видимому, должны составлять и функционально обособленную группу.

Функциональная группировка фигурок бовинов/овидов «типа» I

На основании внешней маркировки (декор, функционально оправданные отверстия) среди статуэток бовинов/овидов уже удалось выделить две «функционально» обособленные группы. Обе они оказались известными и широко распространенными не только в Кукутени-Триполье, но и в других раннеземледельческих культурах Европы.

Первую группу составили фигурки со сквозными горизонтальными отверстиями, предположительно предназначенными для крепления дополнительных конструкций. Такие статуэтки можно было «запрягать» или «водить на поводу». Эта «функциональная» группа получила обозначение «Г».

Вторую группу образовали «украшенные» фигурки, орнаментированные в разной технике, но в рамках единой схемы. Данная совокупность названа группой «В».

В третью «функциональную» группу объединены фигурки, умышленно деформированные сырыми и несущие на себе следы действий, напоминающих ведовство. Они обозначены как группа «Б». Пока их в массиве всего две. Статуэтку из Кошиловцев (Триполье С1С2) из-за сохранности трудно отнести к какому-либо стилистическому варианту. На ее боку, моклоках и хвосте тонким острием сделаны насечки. В середину бока нанесена серия ударов, образующих «рану» (рис. 57, 2). Другая фигурка, из Тальянков (Кукутень В2), стилистически близка варианту 2, но поскольку у нее отбита голова, даже принадлежность к описываемому «виду» остается проблематичной. Этой фигурке двумя разными остриями (круглым и четырехгранным) по сырой глине нанесено 23 удара — в бока, шею, спину, брюхо. На правом боку и в паху фиксируются серии ударов в определенные точки (рис. 57, 1).

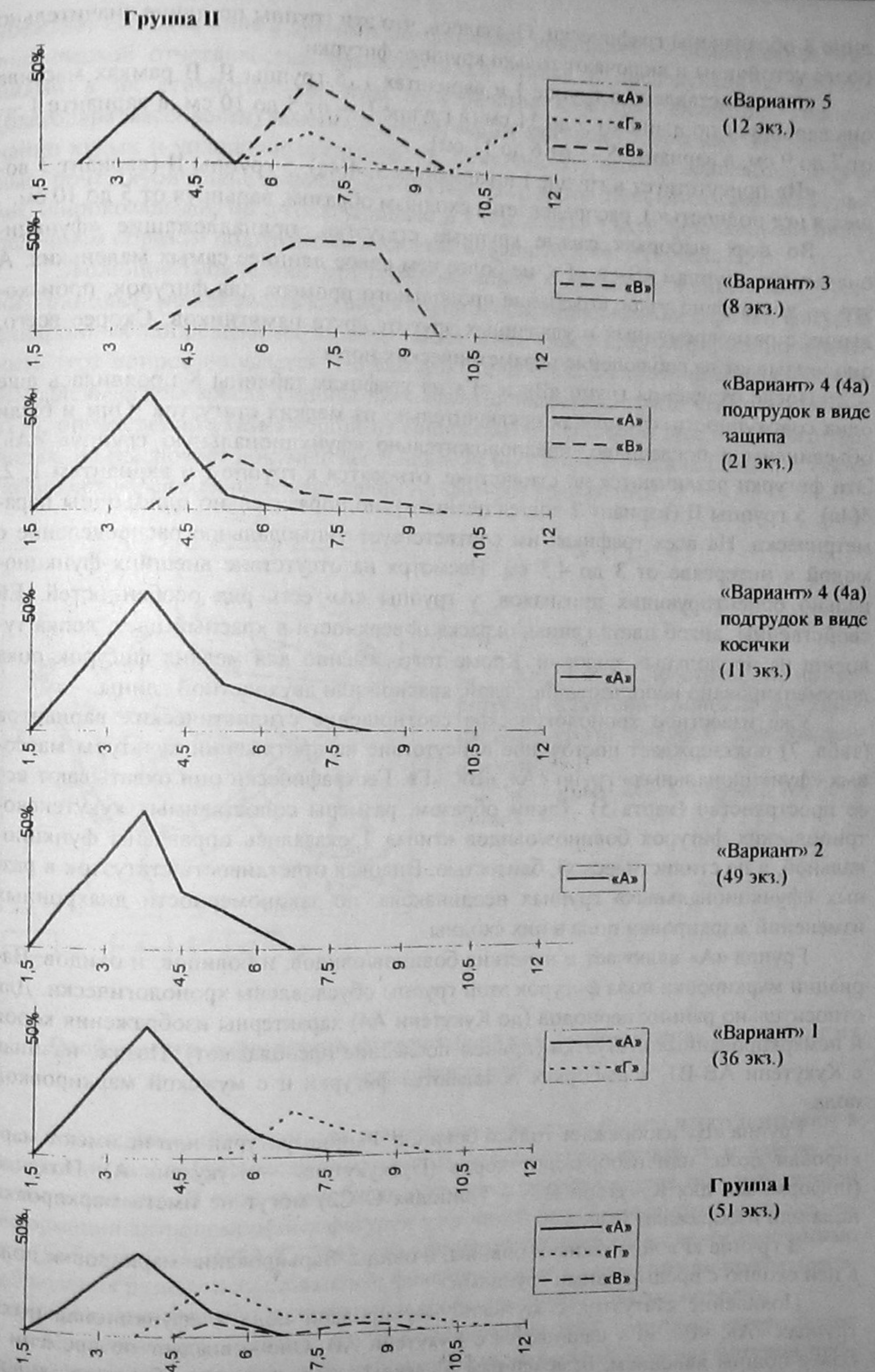
Четвертая, предположительно «функциональная» группа, получившая название группы «А», была выделена при анализе размеров статуэток.

Для оценки абсолютных размеров избран один, но наиболее удобный промер фигурок — их длина от груди до хвоста. На гистограммах в таблице 8 отражены особенности распределения этого параметра для группы I и всех стилистических вариантов группы II.

В пределах массива длина статуэток колеблется от 1,5 до 11 см. Однако максимальную зафиксированную длину целых экземпляров нельзя считать предельной, поскольку величина голов и рогов среди невозстановимых фрагментов из разных коллекций позволяет допускать существование значительно более крупной скульптуры. Накладные рога из Шипенцев с прогнутым основанием длиной 5,3 см могли бы принадлежать фигурке с продольным промером от 13 до 15 см (рис. 3, 11), некоторые рога — статуэткам до 20 см длиной (рис. 1, 16). Рога из Кошиловцев с основанием 10,4 см и прилепной рог со штифтовым отверстием из Поливанова Яра подошли бы фигурам размером с небольшую собаку (рис. 2, 6; 3, 12). Столь крупная глиняная зооморфная скульптура пока на европейских древнеземледельческих памятниках не известна. И само наличие ее может подвергаться сомнению. Фрагменты антропоморфного облика подобного размера относят именно к круглой скульптуре [Galović R., 1966; Погожева А.П., 1983. С. 11], однако для всех слишком крупных (для фигурок) деталей не стоит исключать и иной принадлежности, как-то: алтарям, очень большим (и редко сохраняющимся) сосудам и т. д.

Распределение длины целых статуэток в группе I и большинстве стилистических вариантов группы II полимодально или со значительным эксцессом (табл. 8). Группа I и варианты 1, 4 (4а), 5 группы II варьируют по длине от 1,5 до 9-11 см. Параметрически отчетливо на графиках выделились два варианта — 2 и 3. Вариант 2 состоит только из мелких фигурок. Он имеет унимодальное распределение. Мода приходится на интервал 3-4,5 см. В варианте 3, наоборот, только крупные статуэтки, от 5 до 9 см.

Иными словами, стилистическое разделение фигурок бовинов/овидов («типа» 1 в целом не нашло соответствия в их варьировании по размеру, а подтвердилось лишь у вариантов 2 и 3. Поэтому было проверено варьирование длины у уже выделенных «функциональных» групп статуэток «В» и «Г». Они в таб-

Таблица 8. Вариабельность длины целых фигурок бовинов/овидов «типа» I в соответствии с их стилистической и функциональной группировкой

лице 8 обозначены графически. Оказалось, что эти группы по длине значительно более устойчивы и включают только крупные фигурки.

«Г» представлена в группе I и вариантах 1, 5 группы II. В рамках массива она варьирует по длине от 5 до 11 см (в группе I — от 5 до 10 см, в варианте 1 — от 7 до 9 см, в варианте 5 — от 6 до 11 см).

«В» присутствует в группе I и вариантах 3, 4(4а), 5 группы II (вариант 3 вошел в нее полностью), распределяется сходным образом, варьируя от 5 до 10 см.

Во всех выборках самые крупные статуэтки, принадлежащие «функциональным» группам «В» и «Г», не более чем вдвое длиннее самых маленьких. А это — достаточно узкое колебание продольного промера для фигурок, происходящих с разновременных и удаленных друг от друга памятников. Скорее всего, оно указывает на соблюдение параметрических норм.

После отделения групп «В» и «Г» на графиках таблицы 8 проявилась еще одна совокупность, состоящая исключительно из мелких статуэток. Они и были объединены в последнюю, предположительно «функциональную группу» «А». Эти фигурки различаются по стилистике, относятся к группе I и вариантам 1, 2, 4(4а), 5 группы II (вариант 2 вошел целиком), но поразительно однородны параметрически. На всех графиках им соответствует унимодальное распределение с модой в интервале от 3 до 4,5 см. Несмотря на отсутствие внешних функционально ориентирующих признаков, у группы «А» есть ряд особенностей. Ей свойственны: ангоб цвета глины, окраска поверхности в красный цвет, лепка туловищ из продольных половин. Кроме того, именно для мелких фигурок пока документировано использование белой, красной или двухцветной глины.

Уже известное хронологическое соотношение стилистических вариантов (табл. 7) подтверждает постоянное присутствие на протяжении культуры массовых «функциональных» групп «А», «В», «Г». Географически они охватывают все ее пространство (карта 5). Таким образом, размеры сопоставимых кукутениско-трипольских фигурок бовинов/овидов «типа» I оказались оправданы функциональной, а не стилистической, близостью. Видовая отчетливость статуэток в разных «функциональных» группах неодинакова, но закономерности диахронных изменений маркировки пола в них сходны.

Группа «А» включает и нечетких бовинов/овидов, и бовинов, и овидов. Вариации маркировки пола фигурок этой группы обусловлены хронологически. Для относительно ранних периодов (до Кукутени А4) характерны изображения коров и немаркированные статуэтки (причем последние преобладают). Позже, начиная с Кукутени АВ-В1, в выборках появляются фигурки и с мужской маркировкой пола.

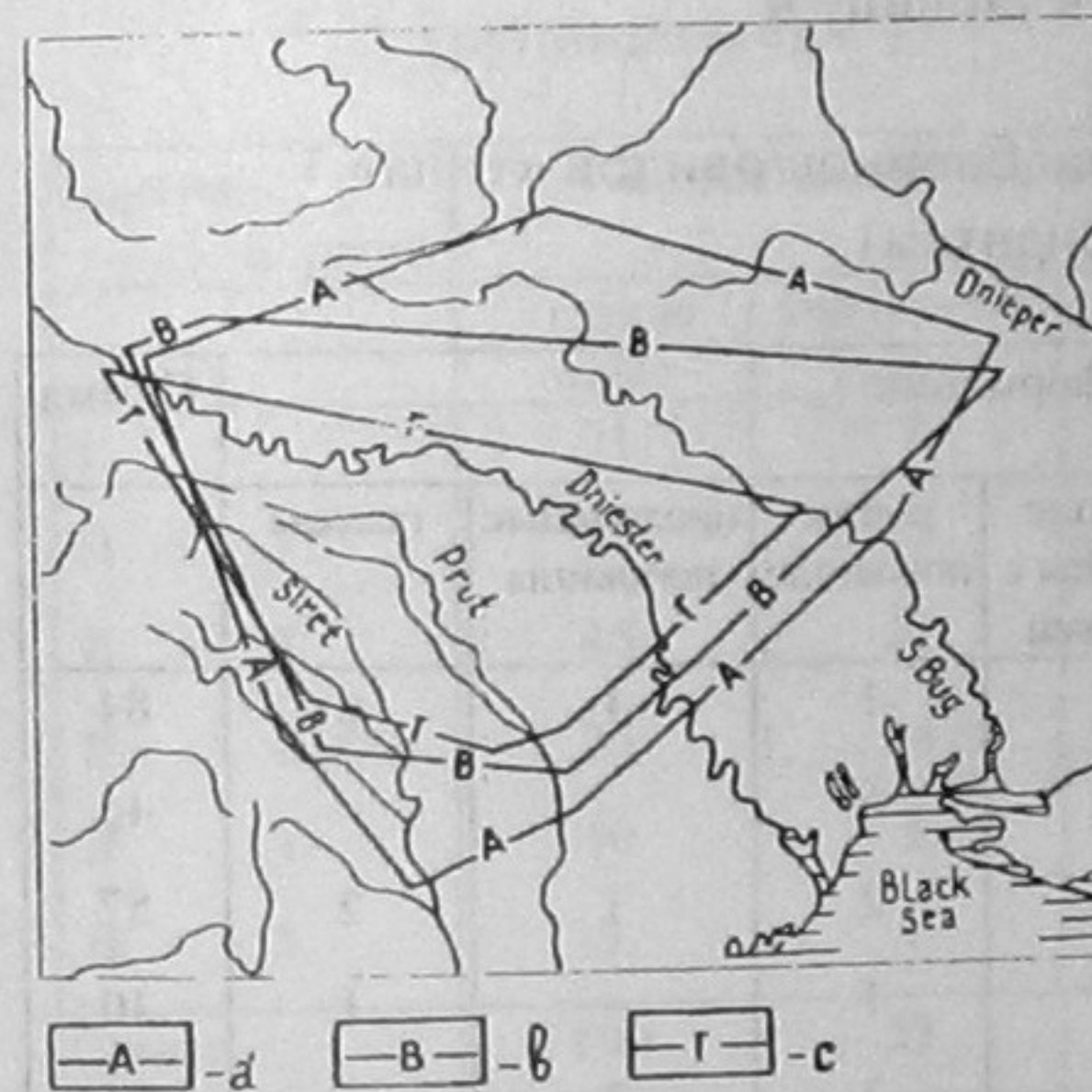
Группа «В» изображает только бовинов. Ранние фигурки или не имеют маркировки пола, или изображают коров (Прекукутень — Кукутень А). Поздние (информация для Кукутени В2 — Триполья С1С2) могут не иметь маркировки пола или изображают быков.

В группе «Г» возможны и бовины, и овиды. Варьирование маркировки пола в ней сходно с предыдущими группами.

Появление статуэток с мужской маркировкой пола в «функциональных» группах «А», «В», «Г» начинается с Кукутени АВ. Оно совпадает по времени с более общим явлением, отмеченным в главе I, — ростом доли бовинов/овидов «типа» I в выборках зооморфной пластики, — и объясняет его причину. Кроме того, само расширение вариативности маркировки пола может свидетельствовать о каких-то изменениях в символике фигурок данного «вида/типа». В этом

убеждает его сочетание с другими синхронными новациями — появившейся стилистической отчетливостью бовинов/овидов «типа» I, последующими изменениями в их стилистике на всем пространстве культуры. Особенно хорошо (благодаря массовости) заметна трансформация фигурок группы «А». Из чрезвычайно худых и уплощенных (вариант 1, Кукутень В1) они превращаются в тучные, почти кубические (вариант 2, Кукутень В2), далее становятся широкогрудыми, широкозадными, но с тонкой талией и с обязательно моделированными определенным образом подгрудками и хвостами (вариант 4/4а, Кукутень В3).

Эволюция типических черт бовинов/овидов, выявленная в пластике Кукутени-Триполья, может иметь какие-то корни в особенностях моделировки фигурок синхронных сопредельных культур. Пока из-за недостатка информации прояснить этот вопрос не удастся. Но сам факт широкого распространения в древнеземледельческом ареале Европы двух «функциональных» групп статуэток («В» и «Г»), определенно указывающий на единообразие культовой практики в его границах, не исключает документирования искомым стилистических связей, а также позволяет надеяться на обнаружение тут фигурок группы «А».

Карта 5. Распространение на территории Кукутени-Триполья функциональных групп фигурок бовинов/овидов «типа» I
a — группа «А»; b — группа «В»; c — группа «Г»

Особенности деформации фигурок бовинов/овидов «типа» I в связи с их использованием

Зооморфные статуэтки, как и антропоморфные, довольно часто попадают в коллекции давно фрагментированными. В большинстве случаев те и другие лишены контекста. В свое время было высказано предположение об умышленной деформации антропоморфных фигурок в процессе (или в результате) использования [Бибииков С.Н., 1953. С. 268], что как будто подтверждают многочисленные наблюдения разных исследователей, фиксировавших на памятниках преимущественно фрагментированные статуэтки, и особенно часто — битые пополам.

Представляется, однако, что для обоснования этой гипотезы нужен более тонкий анализ и контекста, и самого материала, поскольку обычно фигурки происходят не из закрытых комплексов, а из слоя. Бьются они по соединительным швам и в самых тонких местах. Видимо, наиболее корректно осветила бы проблему статистическая оценка целостности типологизированной пластики.

В массиве зооморфных фигурок — значительно меньшем, чем составляют антропоморфные, — лишь статуэтки бовинов/овидов «типа» I образуют выборку, достаточную для постановки такой задачи. Среди них есть как целые экземпляры, так и по-разному деформированные — фигурки без голов, их передние половины с головами и без голов, задние половины, продольные половины, отдельные головы. Чтобы оценить степень случайности всех перечисленных разновидностей деформации, имеющиеся данные были систематизированы. Особенности деформации статуэток оценивались с привлечением разных серий:

- по группам (I, II) и стилистическим вариантам;
  - согласно функциональной группировке фигурок («А», «В», «Г»);
  - с включением предметов, не вошедших в функциональные группы и стилистические варианты;
  - с привлечением серии фигурок, неопределимых из-за сохранности.
- Серии (в) и (г) составили дефектную группу.

Сначала было рассмотрено соотношение целых фигурок и всех встреченных в выборке разновидностей их деформации. Для этого материал представлен по группам и стилистическим вариантам (а), а также привлечена дефектная группа (серии в и г). Результаты подсчетов сведены в таблицу 9.

Таблица 9. Особенности деформации фигурок бовинов/овидов «типа» I (по группам и стилистическим вариантам)

Группа Вариант	Характер деформации							Сумма
	целые	целые без голов	передние половины без голов	передние половины с головами	задние половины	продольные половины	головы	
I —	64	6	—	6	1	1	6	84
II 1	28	9	—	2	6	—	—	45
II 2	42	6	2	2	2	1	2	57
II 4	18	11	2	7	1	—	1	40
(4а)	8	1	—	—	3	2	—	14
II 3	4	1	—	5	2	—	1	13
II 5								
Сумма	164	34	4	22	15	4	10	253
Дефектная группа	47	42	5	4	11	7	18	134
Общая сумма	211	76	9	26	26	11	28	387

Как мы видим, для выборки в целом и большинства рассмотренных серий характерно преобладание целых предметов (исключение составили вариант 5, где выборка мала, и дефектная группа). То есть соотношение встреченных способов деформации выглядит случайным и не отражает какой-либо системы. Это, однако, может не только указывать на ее отсутствие, но и свидетельствовать о неправильной группировке материала.

Если допустить, что фигурки были разбиты определенным образом, то наиболее вероятны две схемы такой процедуры — битье пополам и отбивание голов.

Любые их осложнения, скорее всего, случайны (на это, в частности, указывает малочисленность передних половин фигурок без головы). Случайны, видимо, и продольные разломы по шву. Для проверки гипотезы выборка была перегруппирована и разделена на условно целые предметы, безголовые и битые пополам.

Совокупность условно целых составили фигурки с головой + передние половины с головой + продольные половины с головой.

Безголовые — это фигурки без головы + передние половины без головы + задние половины + продольные половины без головы.

Битые пополам — передние половины с головой и без головы + задние половины.

Во всех случаях избыточная деформация признана случайной. Перегруппированный таким образом материал представлен в таблице 10 по стилистическим вариантам (а), «функциональным» группам (б) и с привлечением дефектных серий (в, г). Данные приведены в абсолютных значениях и в виде соотношений.

Таблица 10. Соотношение условно целых и битых по-разному фигурок бовинов/овидов «типа» I (согласно стилистической и функциональной группировке)

Группа Вариант	В абсолютных значениях			В виде отношения		
	Условно целые	Фигурки без головы	Битые пополам	Условно целые	Фигурки без головы	Битые пополам
I —	71	7	7	1	0,1	0,1
II 1	30	15	8	1	0,5	0,3
II 2	45	12	6	1	0,27	0,13
II 4 (4а)	25	14	10	1	0,56	0,4
II 3	10	4	3	1	0,4	0,3
II 5	9	1	7	1	0,11	0,8
Сумма	190	53	41	1	0,29	0,22
Дефектная группа	53	58	20	1	1	0,34
«А»	137	29	15	1	0,21	0,11
Функц. гр. «В»	23	15	11	1	0,65	0,47
«Г»	17	3	4	1	0,17	0,23
Сумма	177	47	30	1	0,26	0,17
Дефектная группа	71	64	31	1	0,94	0,44
Общая сумма	248	111	61	1	0,45	0,25

Проведенная проверка показала, что и при такой группировке во всей выборке, а также в отдельных стилистических вариантах и «функциональных» группах «А», «В», «Г», преобладают условно целые статуэтки. В дефектных сериях соотношение условно целых и безголовых примерно равно. Фигурки, битые пополам, всюду сравнительно редки.

Итак, на основании статистической оценки следует признать, что большинство деформированных статуэток бовинов/овидов «типа» I было разбито случай-

но, а не умышленно. Иными словами, процедура их использования не включала акта преднамеренного уничтожения. Есть только одна совокупность, на которую пока данный вывод нельзя распространить, — это редкие фигурки группы «Б» (со следами «ведовства»). Они в таблицах 9, 10 представлены не были.

***

В главах 2 и 3 по-разному систематизировалась одна и та же выборка фигурок бовинов/овидов «типа» 1. Поэтому необходимо определить позицию полученных групп по отношению к классификации зооморфной пластики (табл. 2) и соотнести их друг с другом.

Оба варианта систематизации соответствуют автономному (типологическому) уровню классификации и соотносятся как искусственная типология (стилистическая) и естественная (функциональная). А их сочетание позволило рассматривать исследуемый материал в разных плоскостях.

Стилистическая типология, опирающаяся на морфологию и пропорции, дала представление об эволюции облика фигурок конкретной культуры и отобразила локальное явление, которое может не иметь аналогий вовсе или перекликаться с сопредельными культурами в каких-то звеньях (что предстоит проверить в будущем).

Функциональная, построенная на некоторых морфологических характеристиках, данных о технологии, декоре и абсолютных размерах, позволила разделить те же фигурки на группы в соответствии с их возможным назначением. Она, как оказалось, привела к выявлению закономерностей регионального уровня, свойственных широкому кругу раннеземледельческих культур Европы.

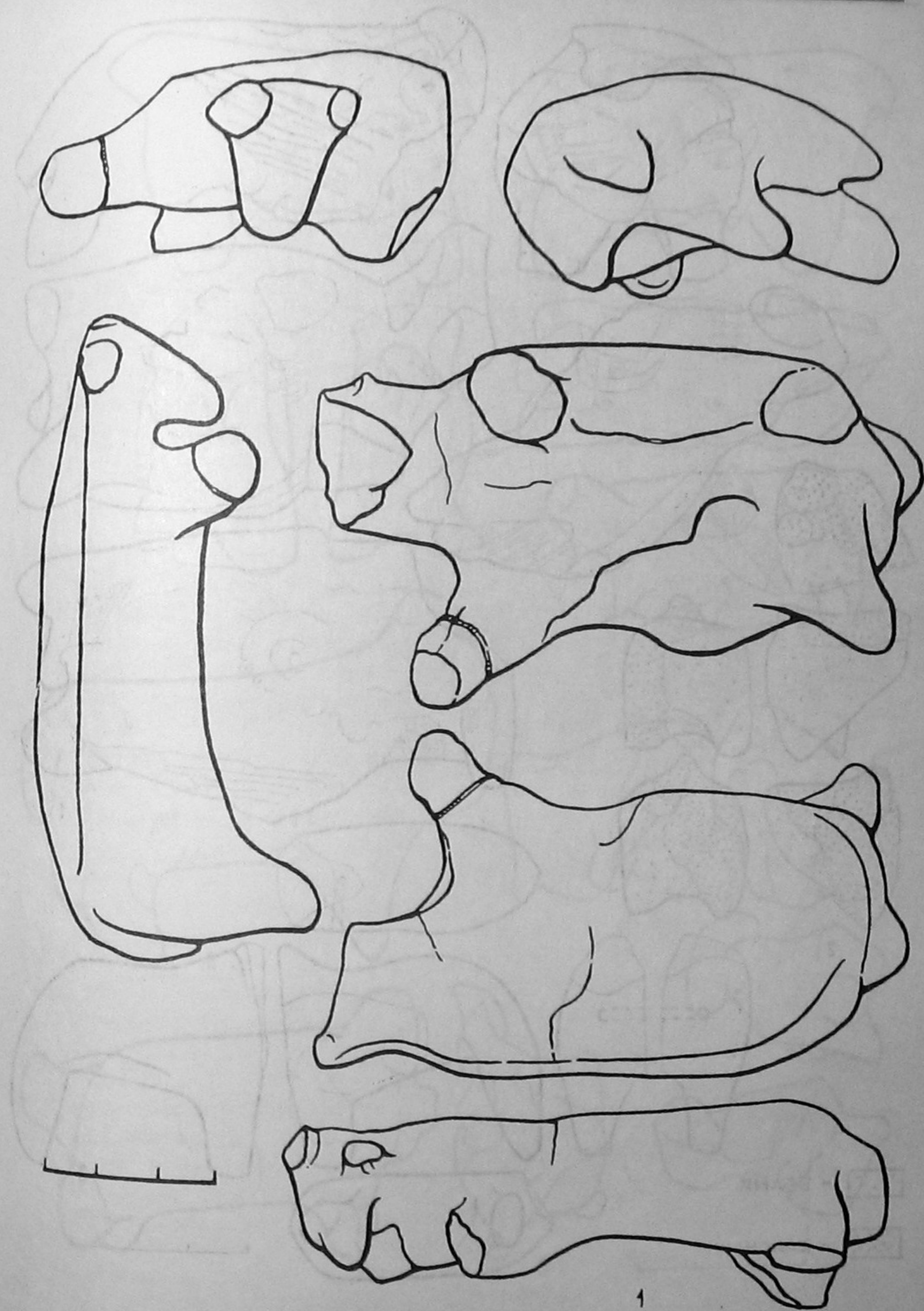

Рис. 55. Смятая фигурка, деформированная до обжига.
1 — Старые Дуриидоры (Кукутень А4)

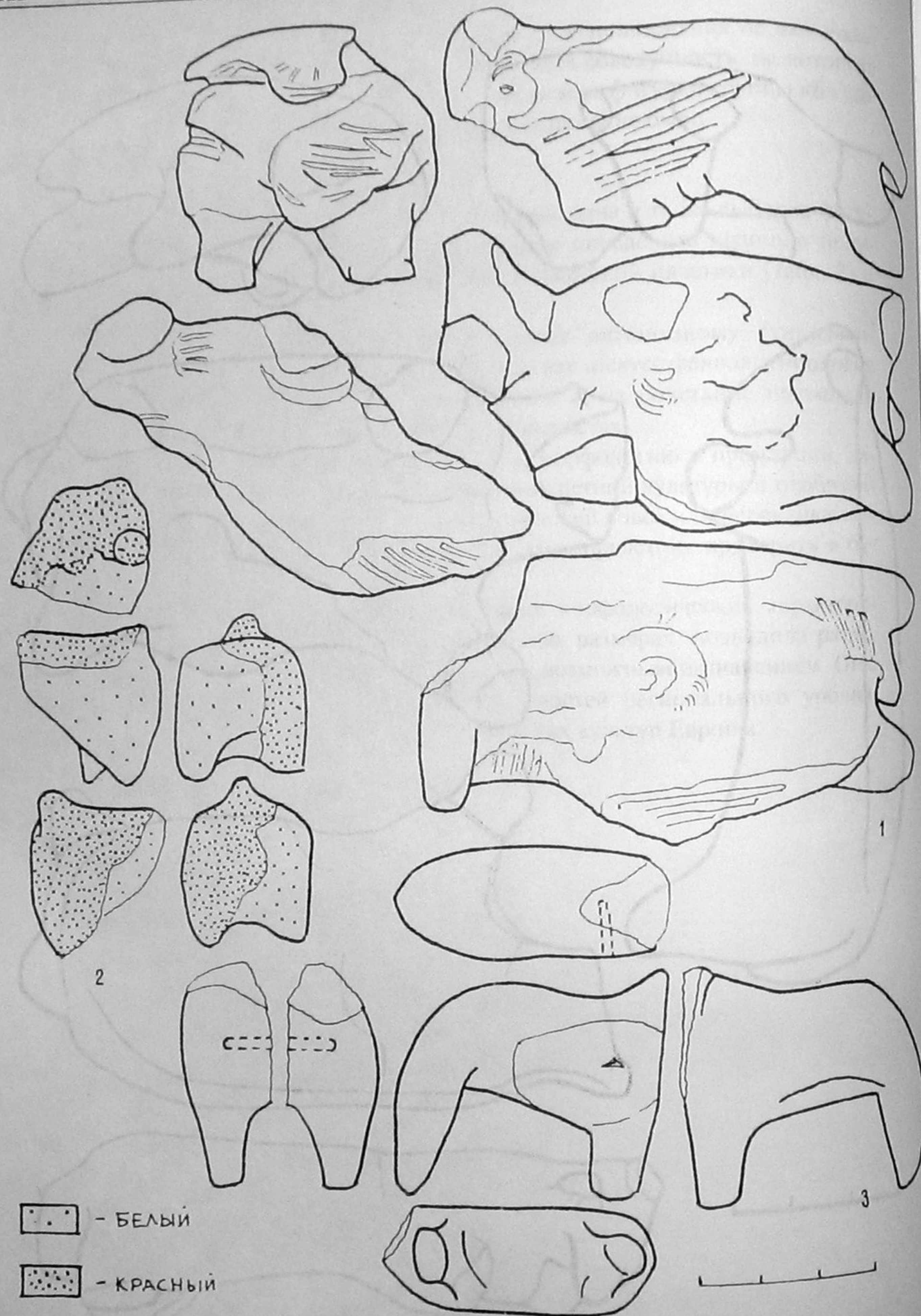

Рис. 56. Смятая фигурка, деформированная до обжига (1), и статуэтки, сделанные из продольных половин (2 — из двухцветной глины, 3 — со штифтовым соединением):

1, 3 — Старые Дуруидоры (Кукутень А4); 2 — Сороки-Озеро (Кукутень В3)

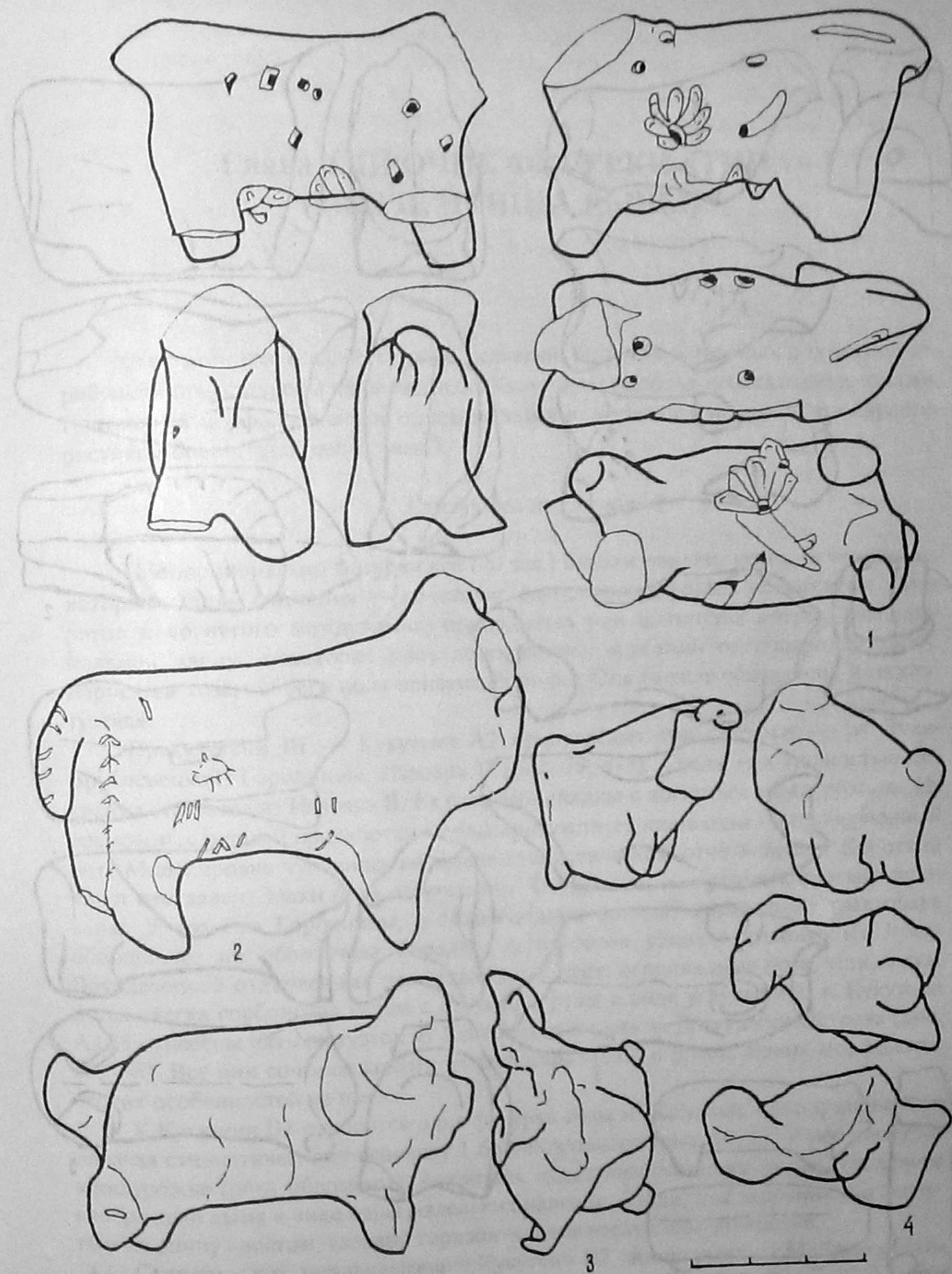

Рис. 57. Фигурки, деформированные до обжига: со следами действий, напоминающих «ведовство» (1, 2), смятые (3, 4):

1 — Тальянки (Кукутень В2); 2 — Кошиловцы (Триполье С1С2); 3 — Дрезушень (Кукутень А4); 4 — Майданецкое (Кукутень В2). (3 — по Л. Кришмару)

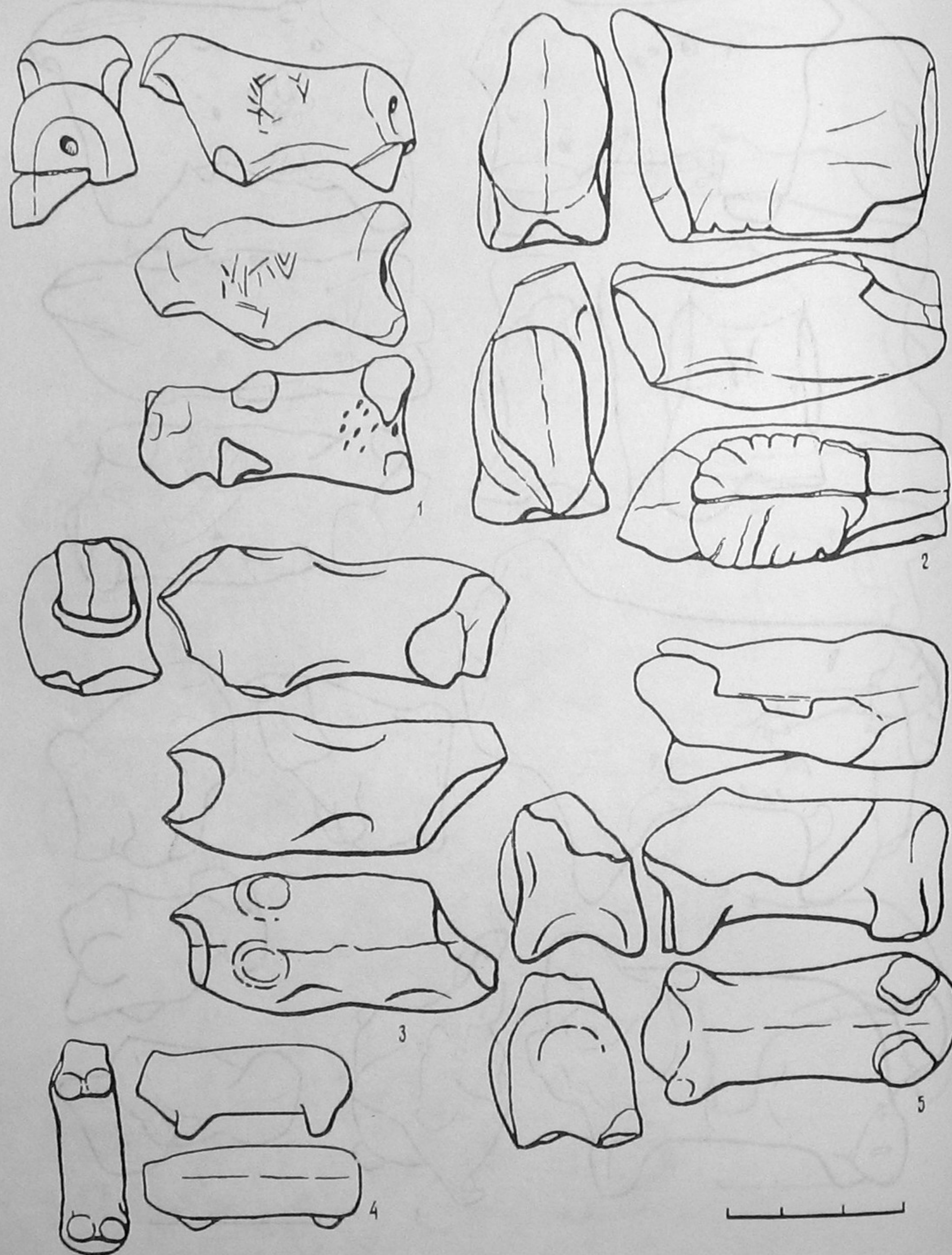

Рис. 58. Фрагментированные статуэтки «типа» 1:
1 — Кошиловцы (Триполье С1С2); 2-5 — Троянов (Триполье С2)

Глава 4. ПРОЧИЕ ФИГУРКИ «ТИПА» 1 (ЗВЕРИ, ПТИЦЫ, РЫБЫ)

Статуэтки коз, оленей, свиней, медведей, безрогих животных с нечеткой атрибуцией представлены на памятниках Кукутени-Триполья небольшими сериями. Поэтому их морфологическое описание заметно уступает в подробности характеристикам бовинов/овидов «типа» 1.

Статуэтки коз «типа» 1

Пропорционально фигурки коз (20 экз.) близки овидам, но их отличают некоторые детали сложения — сочетание серповидной формы повернутых назад рогов и вогнутого междурожья, приподнятая или вытянутая вперед шея нормальной длины, некоторая выпуклость спины, короткий отставленный хвост. Взрослым козам обоего пола присуща борода. Она бывает обозначена и на статуэтках.

Прекукутени III — Кукутени А2 принадлежат три фигурки — из Луки-Врублевецкой, Городницы, Извоара II (рис. 59, 1-3). Среди них полностью сохранна статуэтка из Извоара II. Ее рога серповидны с вогнутым междурожьем. Из возможных деталей проработки морды присутствует лишь одна — прочерченный рот. Моделировка туловища не имеет стилистической отчетливости. Короткий хвост отставлен. Знаки пола отсутствуют. Остальные два предмета фрагментированы. У козы из Городницы, с обломанными рогами, морда тоже трактована обобщенно, но обозначена борода. А наиболее раннюю головку из Луки-Врублевецкой отличает как раз детализация черт: серповидные рога, уши, вытянутая слегка горбоносая морда с глазами и ртом в виде углублений. К Кукутени А3А4 отнесены пять статуэток из Хебешести и одна из Дрегушени-Острова (рис. 59, 4-8). Все они сочтены козами из-за формы голов и рогов. Ярких морфологических особенностей не имеют.

К Кукутени В1 относится одна фигурка козы из Коновки, пропорционально близкая стилистическому варианту 1 бовинов/овидов (рис. 59, 9). У нее вогнутое междурожье (рога обломаны), вытянутая недетализированная морда. На брюхе изображено вымя в виде пары маленьких налепов. Сзади, под задраным и загнутым на спину хвостом, сделано горизонтальное неглубокое отверстие.

Статуэтки коз, принадлежащие Кукутени В2, происходят из Майданецкого, Стены (рис. 59, 10; 60, 1-2), Шипенцев [Маевский К.К., 1945. Табл. XXX, 410; Kandyba O., 1937. Fig. 88], Сушковки [Козловська В., 1926. Рис. 4. С. 57] и Чичир-Козовки. Фигурки из Майданецкого близки стилистическим вариантам 1 и 2. На груди, спине и боках у них даже присутствуют характерные уплощенности. Мор-

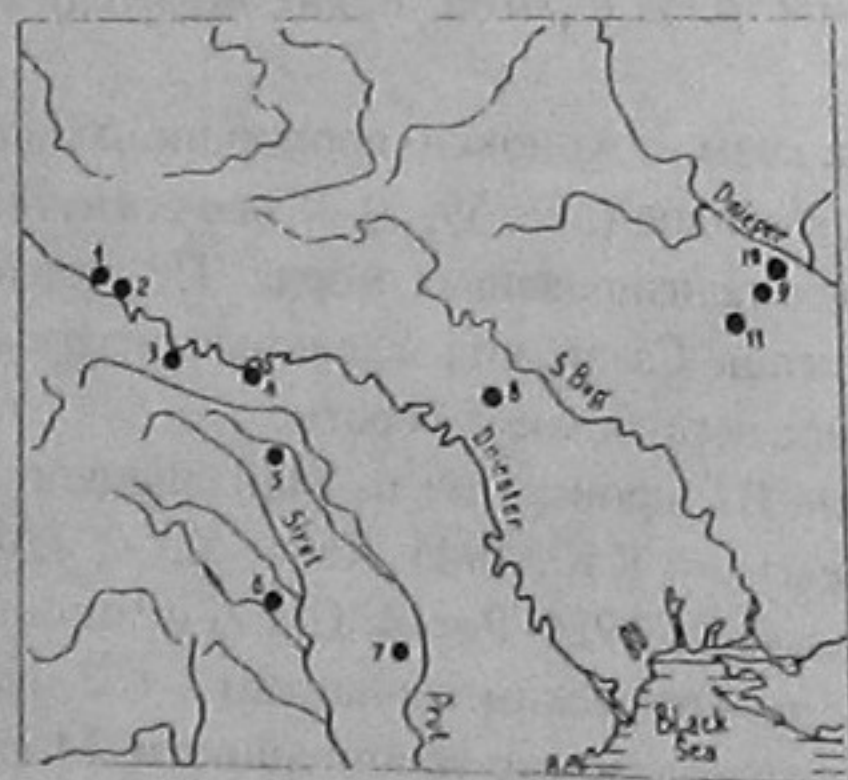

ды этих статуэток трактованы обобщенно, знаков пола у них нет. Фигурка из Стены, также близкая варианту 1, имеет серповидные рога, моделированную зашипую морду, глаза в виде сквозного отверстия, выпуклую спину, короткий отставленный хвост. Под хвостом сделано неглубокое горизонтальное отверстие. Фрагментированная статуэтка из Шипенцев (без головы) равновероятно может быть отнесена к козам или овцам и пропорционально близка стилистическому варианту 2. На брюхе у нее изображено вымя с двумя сосцами. Фигурки из Сушковки и Чичиркозовки близки стилистическому варианту 2, изображают козлов с бородками и отчетливыми знаками пола.

К Триполью С1С2 относятся четыре предмета из Кошиловцев (рис. 60, 3-6). Две целые статуэтки пропорционально близки варианту 2. У них вогнутое между дурожье, конические недетализированные морды. У обеих изображено вымя. От третьей фрагментированной фигурки сохранилась голова с очень подробной проработкой деталей — узкой мордой, глазами и ноздрями в виде наколов, прорезанным ртом и подобием бороды.

Моделировка известной сейчас серии статуэток коз несомненно близка синхронным фигуркам бовинов/овидов. Сходны с ними и технологические характеристики. Большинство коз вылеплено из мелкоструктурной глины с примесью шамота. В тесте одной статуэтки отмечена примесь навоза. Все фигурки обожжены. Их цвет варьирует от кремового до розовато-бежевого. Светлый ангоб отмечен только на одном предмете — тщательно проработанной головке из Кошиловцев. На ней же сохранились следы росписи (на затылке и на шее сзади присутствуют следы красной краски). Одна статуэтка (из Майданецкого) леплена из продольных половин. Длина целых фигурок коз колеблется от 2,4 до 5,6 см.

Статуэтки коз распространены по всей территории Кукутени-Триполья (карта 6) и во все ее периоды. Известны также фигурки и среди материалов других раннеземледельческих культур Европы. Они есть на памятниках раннего неолита Болгарии, Винчи, Младшей линейно-ленточной керамики, Гумельницы, Лендзела (и Моравской расписной керамики), Петрешти [Nestor I., 1933. Fig. 6, 4; Васић M. 1936. Т. III. Стр. 604; Rosetti D., 1938. Tabl. 27, 2; Kalicz N., 1970. Fig. 54; Podborzský V., 1985. Tabl. 124, 2, 3; 125, 1, 3-5; 126, 5, 7; 133, 3; 147, 1, 2, 5, 10; 149, 1, 2, 4, 5; Николов В., Григорова К., Сиракова Е., 1991. Обр. 4, 3; Paul I., 1995. Pl. VIII]. Отметим, что несомненные изображения коз присутствуют даже на столь ранних памятниках, как Бейда и Джармо [Braidwood R.F., Howe B., Reed C.A., 1960. Tabl. 16, 1; Cauvin J., 1978. Fig. 21].

Карта 6. Присутствие фигурок коз «типа» 1 на памятниках Кукутени-Триполья

1 — Кошиловцы; 2 — Городница; 3 — Коновка; 4 — Лука-Врублевская; 5 — Дрегушень-Остров; 6 — Извоар; 7 — Хебешешть; 8 — Стена; 9 — Майданецкое; 10 — Чичиркозовка; 11 — Сушковка

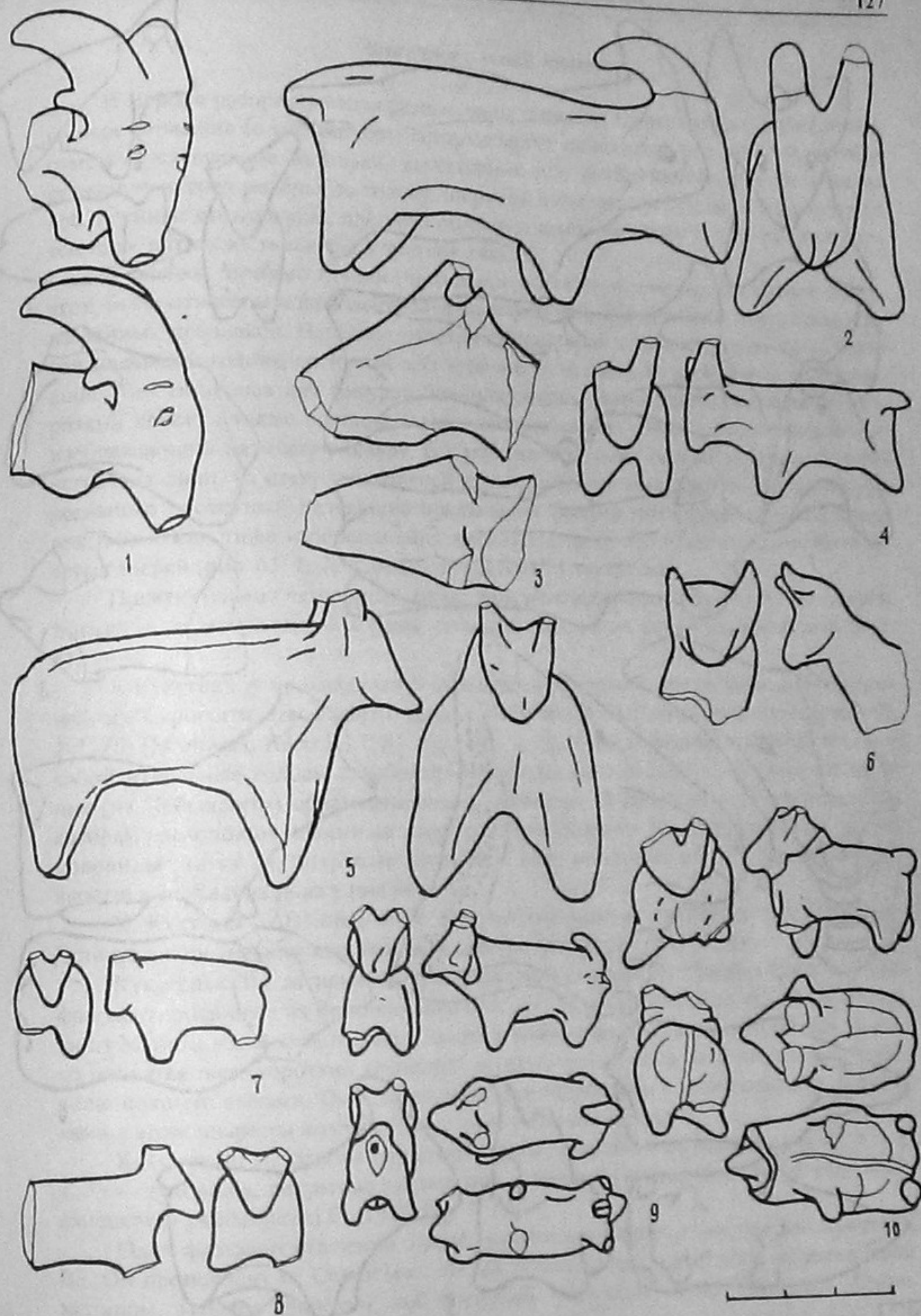

Рис. 59. Фигурки коз «типа» 1:

1 — Лука-Врублевская (Прекукутень III); 2 — Извоар II; 3 — Городница; 4-7 — Хебешешть; 8 — Дрегушень-Остров (Кукутень А); 9 — Коновка (Кукутень В1); 10 — Майданецкое (Кукутень В2). (1 — по С. Н. Бибикову; 2 — по Р. Вульпе; 4-7 — по В. Думитреску; 8 — по А. Кришмару)

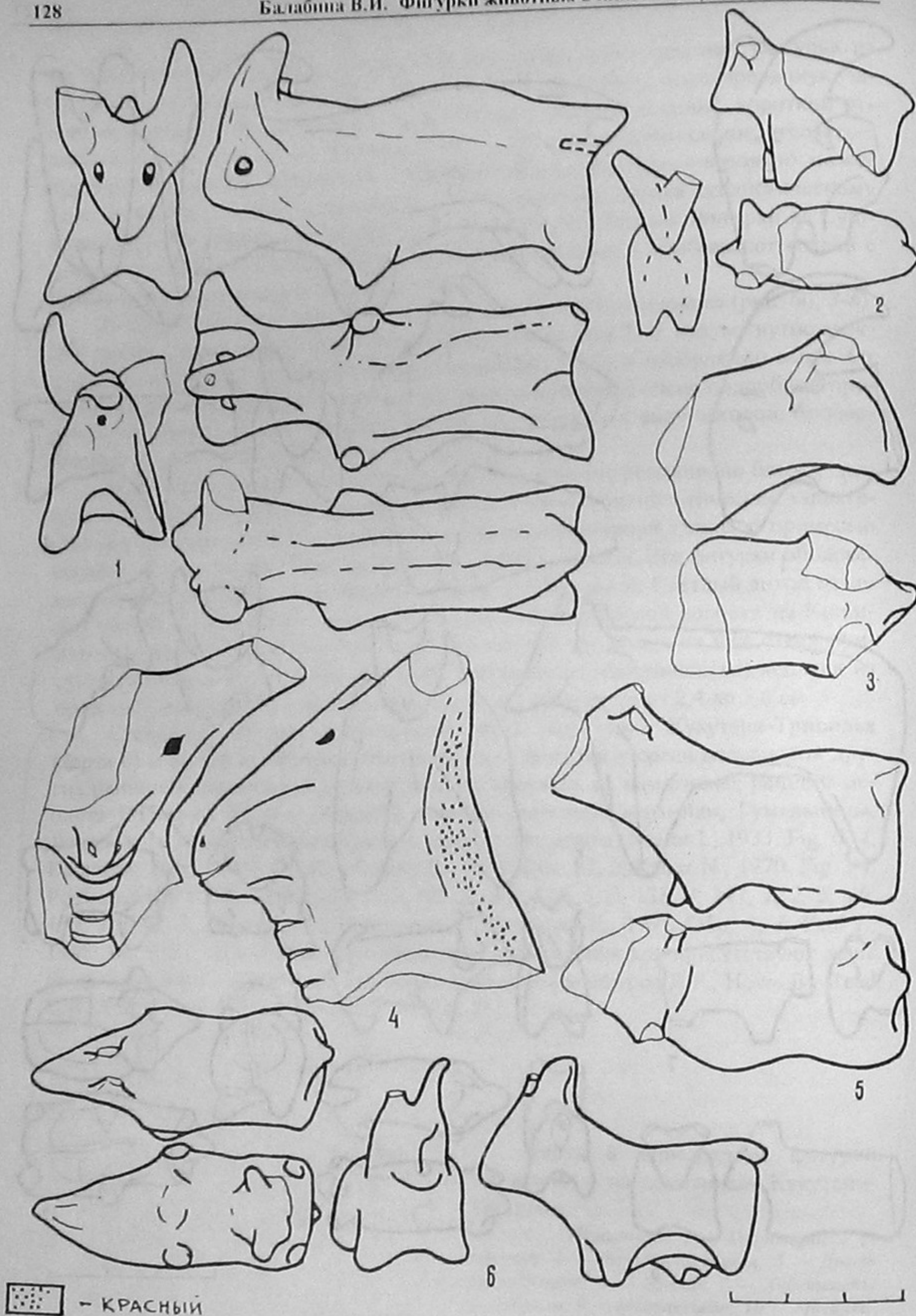

Рис. 60. Фигурки коз «типа» I:

1 — Стена; 2 — Майданецкое (Кукутень В2); 3-6 — Кошиловцы (Триполье С1С2)

Фигурки оленей «типа» I

В Европе распространены разные виды оленьих. Ориентируясь на их обобщенное описание (с учетом черт, которые могут проявиться в пластике), можно отметить следующие признаки, характерные для изображений оленей: сильно суженную вперед маленькую голову, широкий затылок, вогнутый между глазами лоб, крупные стоячие уши, длинную стройную шею, широкую грудь, продолговатое тело, пятнистость шкуры, короткий хвост.

К оленям, помимо немногочисленных достаточно очевидных целых статуэток, были отнесены и фрагментированные фигурки, обладающие некоторыми из названных признаков. Наиболее отчетливо проявились такие из них, как суженная маленькая голова, вогнутый лоб, стоячие уши, длинная шея, вытянутое туловище (без типичных для фигурок бовинов/овидов элементов моделировки), короткий хвост, а также сплошной орнамент из мелких ямок, предположительно изображающий пятнистую шкуру. В Кукутени-Триполье подобная орнаментация встречена лишь на статуэтках оленей и, видимо, соответствует «окрасу» шкуры реального прототипа. Редчайшие исключения фиксируются среди ранних фигурок, возможно тоже изображающих пятнистых (рис. 75, 6) или пятнисто-полосатых зверей (рис. 63, 1, 2). К оленям отнесена 21 статуэтка.

Прекукутенью датируется одна фрагментированная фигурка из Ларга-Жижия — голова с узкой мордой, стоячими ушами на очень длинной шее (рис. 61, 1).

К Кукутени А принадлежат 9 фрагментов статуэток предположительно оленей: из Тырпешти, Хебешешти, Друц 1, Плугари и Бырлалешти-Стурза (рис. 61, 2-7, 10) [Marinescu-Bîlcu S., 1981. Fig. 196, 5, 6]. Четыре фрагмента представляют собой отдельные головы с небольшими ушами на длинной шее. Некоторые из них (из Хебешешти) орнаментированы наколами. В свое время они показались авторам раскопок похожими на жирафов. Присутствуют также туловища и задние половины статуэток, покрытые декором в виде ямок-наколов и с коротенькими хвостиками. Знаков пола у них нет.

К Кукутени АВ относится фрагментированная статуэтка из Кукутени-Четецуэ с коротеньким хвостиком, покрытая наколами (рис. 61, 8).

Кукутенью В1 датируются три статуэтки — целая из Магалы (рис. 62, 1) и фрагментированные из Ворошиловки (рис. 61, 9) и Бодаков (рис. 62, 3). У фигурки из Магалы маленькая голова с намеченными ушами и глазами, длинная, высоко поднятая шея, короткий торчащий хвостик, знаки пола не изображены, туловище покрыто ямками. Остальные статуэтки безголовы, с коротенькими хвостиками и тоже покрыты ямками. Знаки пола у них отсутствуют.

К Кукутени В2 относятся четыре фрагментированных предмета (рис. 62, 2, 4, 5) — туловища, покрытые ямками или наколами (из Липкан, Сушковки, Майданецкого) [Ambrojievici C., 1933. Fig. 3, 12].

Один фрагмент статуэтки, предположительно оленя, известен для Кукутени В3. Он происходит из Сорок (рис. 62, 6). Узкая морда животного моделирована защипом, затылок широкий, лоб вогнутый, уши (или рога) обломаны. Очень длинная шея высоко поднята.

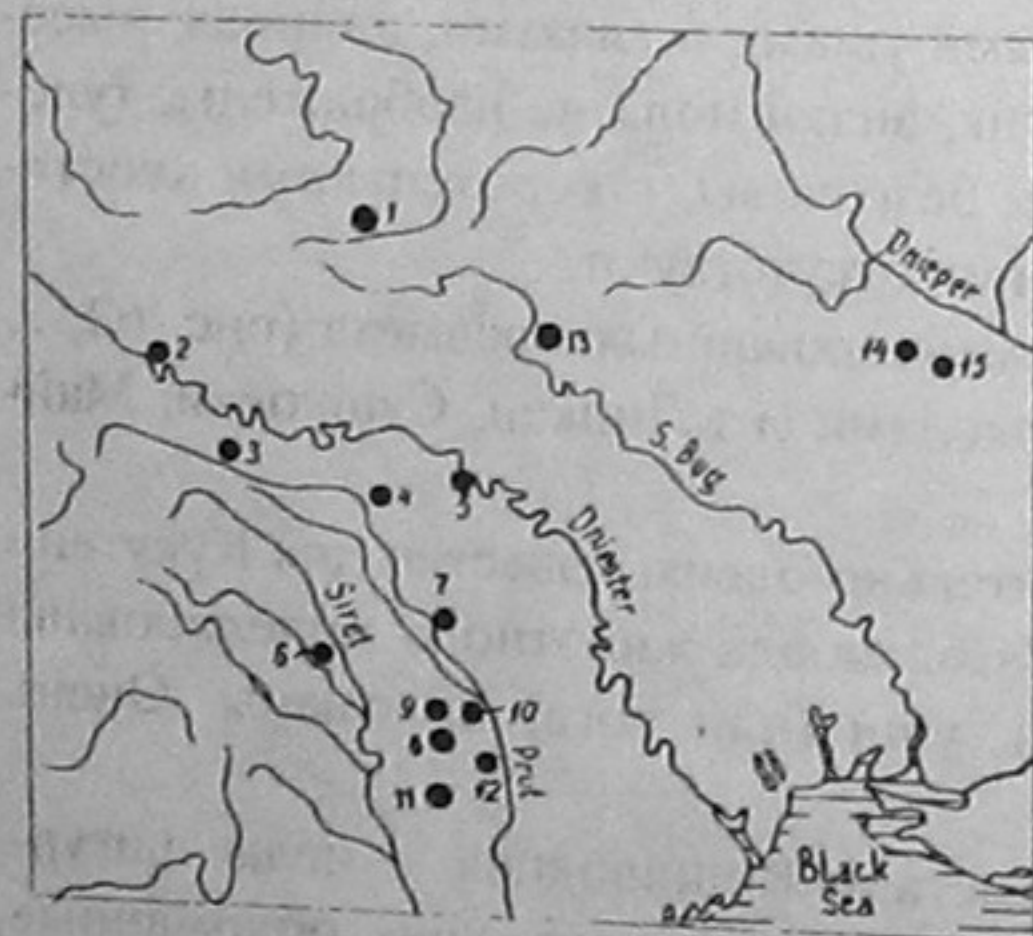
Триполью С1С2 принадлежат два предмета из Кошиловцев — целая фигурка и рог (рис. 62, 7, 8). У фигурки длинная шея, узкая морда, уши, обломанные рога. Она полностью покрыта орнаментом из ямок-наколов. Знаки пола не изображены.

Таким образом, статуэтки, сочтенные оленями, отличается устойчивая орнаментация ямками-наколами, отсутствие знаков пола и в большинстве случаев — рогов. Эти признаки, а также допущение, что ямки-наколы действительно изображают пятна на шкуре, позволяют попробовать отождествить данную серию с конкретными представителями оленей. Сейчас в Юго-Восточной Европе распространены три вида оленей — благородный олень, косуля, лань. Благородному оленю и косуле пятнистость свойственна только в молодости, а всем взрослым ланям — летом. В остеологических коллекциях трипольских памятников известны кости благородного оленя и косули, но лань там пока не зафиксирована [Бибилова В.И., 1963. Приложения 8-9]. Соотнесение этих данных с отмеченными особенностями многих фигурок (отсутствием рогов и знаков пола) позволяет допускать, что рассматриваемая серия изображает в основном молодых особей (оленят) благородного оленя или косули.

Моделировка статуэток не имеет стилистической отчетливости. Их формовочная масса состоит из мелкоструктурной глины с примесью шамота, реже песка. Фигурки обожжены, цвет их варьирует от кремового до бежевого. На двух предметах (из Майданецкого) заметны следы лепки из продольных половин. Длина статуэток колеблется от 3 до 6 см.

Фигурки оленей (оленят) известны на всем протяжении Кукутени-Триполья и распространены по всей ее территории (карта 7). Среди опубликованных материалов других раннеземледельческих культур Европы тоже встречаются целые и фрагментированные статуэтки оленят без рогов, иногда у них ямками-наколами изображена и пятнистая шкура. Такие фигурки есть на некоторых старчевских памятниках [Karmanski S., 1977. Tabl. IV, 2], на ряде винчанских поселений [Васић М. 1936. Т. III. Сл. 603; Lazarovici Ch., 1979. Pl. XXI, б], в Тиссе [Kalicz N., Raczky P., 1987. Fig. 46], на лендьелских, гумельницких и фессалийских памятниках [Andrieşescu L., 1924. Pl. XXXIV, 19; Dumitrescu V., 1933a. Fig. 21, 8; Podborzský V., 1985. Tabl. 130, 6; 147, 3; Renfrew C., Gimbutas M., Elster E., 1986. Fig. 9. 174 (93)].

Примечательно, что распространенные в том же ареале сосуль-олени, а также многочисленные рельефные и графические изображения этого животного на туловах сосуль, обычно представляют взрослых оленей-самцов с ветвистыми рогами.

Карта 7. Присутствие фигурок оленей «типа» 1 на памятниках Кукутени-Триполья

1 — Бодаки; 2 — Кошиловцы; 3 — Магала; 4 — Липканы; 5 — Сороки V; 6 — Тырпешть; 7 — Друцы I; 8 — Хебешешть; 9 — Ларга-Жижия; 10 — Кукутень; 11 — Бырлалешть-Стурза; 12 — Плугарь; 13 — Ворошиловка; 14 — Сушковка; 15 — Майданецкое

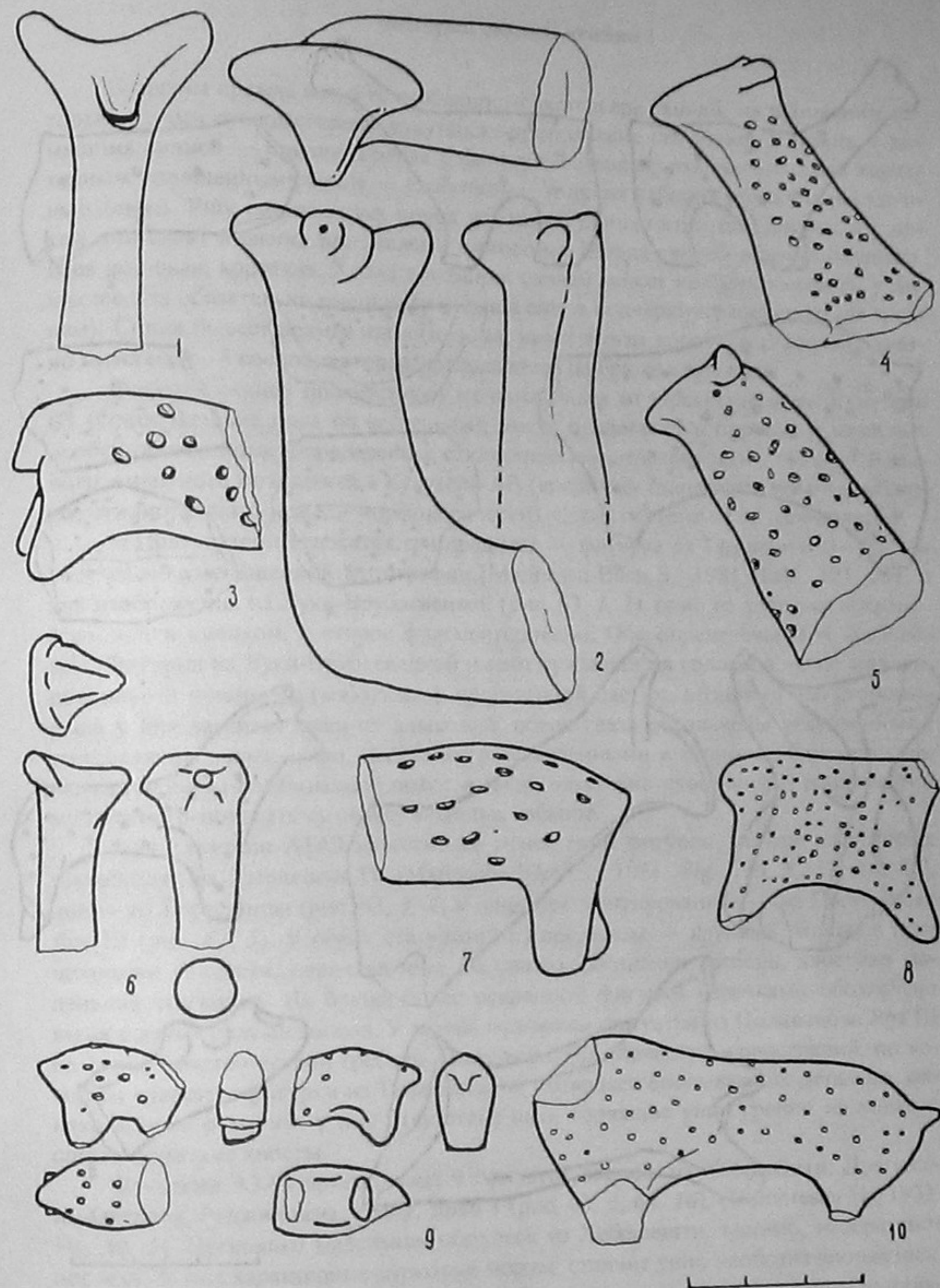

Рис. 61. Фрагментированные фигурки оленей «типа» 1:
1 — Ларга-Жижия (Прекукутень); 2 — Тырпешть (Кукутень А1); 3-5 — Хебешешть (Кукутень А3); 6 — Друцы I (Кукутень А4); 7 — Плугарь (Кукутень А); 8 — Кукутень-Четецуз (Кукутень АВ); 9 — Ворошиловка (Кукутень В1); 10 — Бырлалешть-Стурза (Кукутень А?). (1, 2 — по С. Маринеску-Былку; 3-5 — по В. Думитреску; 7 — по В. Чирика, М. Танасачи; 8 — по Г. Шмидту; 10 — по Н. Коман)

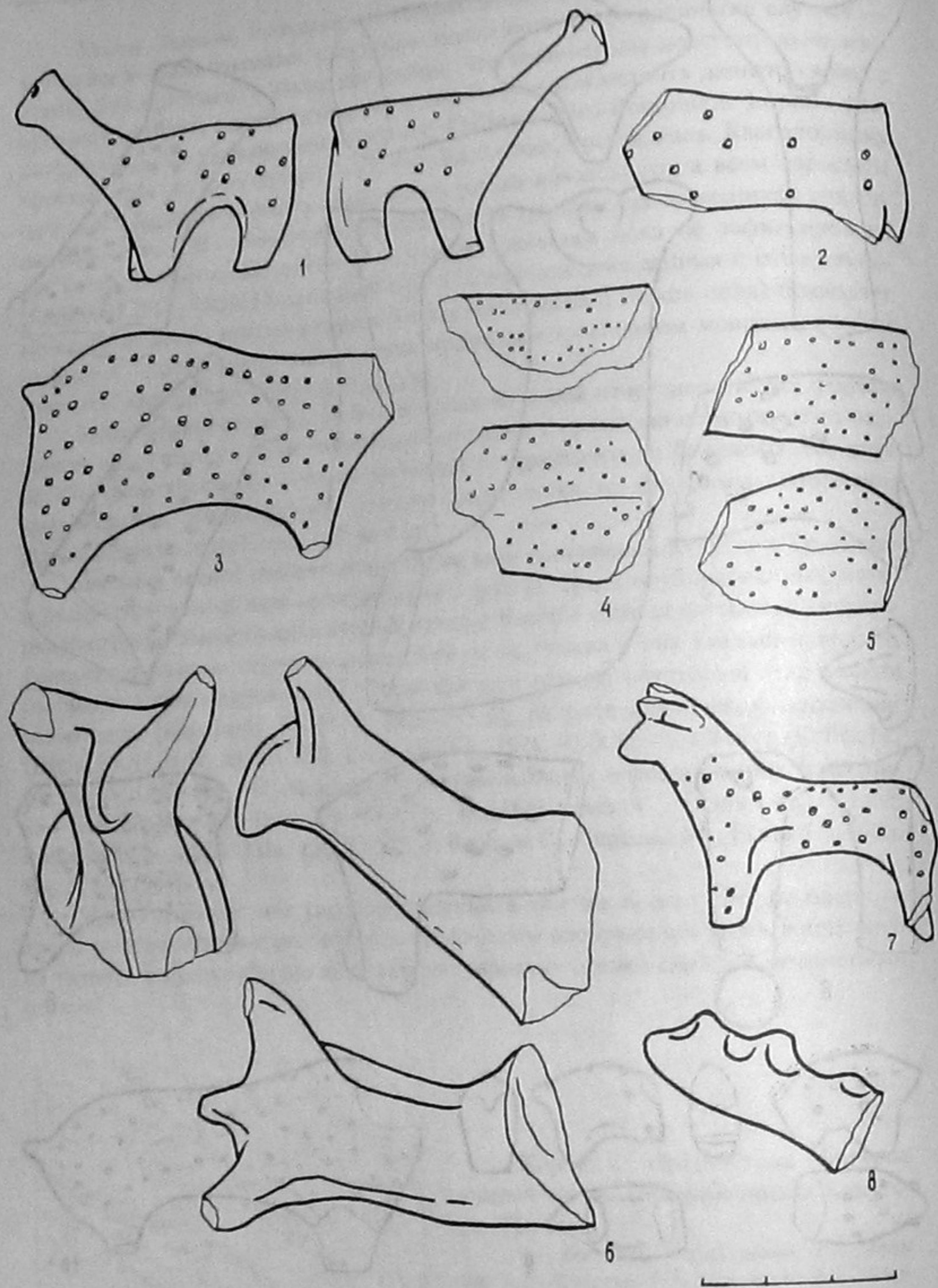

Рис. 62. Целые и фрагментированные фигурки оленей «типа» I:
 1 — Магала (Кукутень В1); 2 — Сушковка (Кукутень В2); 3 — Бодаки (Кукутень В1); 4, 5 — Майданецкое (Кукутень В2); 6 — Сороки V; 7, 8 — Кошиловцы (Триполье С1С2). (2, 3 — по Т.С. Пассек; 7 — по К. Маевскому)

Фигурки свиней «типа» I

Отметим прежде всего те особенности экстерьера свиней, на основании которых с ними отождествлены кукутенско-трипольские статуэтки. У диких и домашних свиней — крупная голова с вытянутой мордой, оканчивающейся характерным уплощенным рылом — «хоботком». У диких кабанов обязательны крупные клыки. Уши современных пород домашней свиньи опущены вперед, а у диких они стоят и слегка расставлены в стороны. Морда свиней обычно опущена. Шея широкая, короткая. Холка домашних свиней может не быть высокой, у диких же она обязательно высокая (у кабанов еще и подчеркнута щетинистым гребнем). Спина бывает прямая или выпуклая, хвост всегда короткий. У самок заметно вымя из 6—8 сосцов, которые расположены на брюхе в два ряда.

Фигурки свиней присутствуют на памятниках от Прекукутени до Кукутени В1 (более поздние пока не встречены), могут представлять поросят и взрослых особей обоего пола. Определенная стилистическая отчетливость у статуэток данного животного появляется в Кукутени АВ (когда они становятся узнаваемы скорее стилистически, нежели морфологически). Серия состоит из 32 экземпляров.

К Прекукутени относятся три предмета — фигурка из Тырпешти II—III, известная по уменьшенной фотографии [Marinescu-Bîlcu S., 1981. Tabl. 101, 25], и два изображения из Луки-Врублевецкой (рис. 63, 1, 2), одно из которых сохранилось почти целиком, а второе фрагментировано. Оба определены В.И. Бибиковой. Фигурки из Луки-Врублевецкой имеют сужающиеся головы с четко моделированными пяточками (хоботками), прорезанной пастью, ноздрями. По сторонам рыла у них заметны ямки от клыков. У обеих глаза обозначены углублениями, уши сделаны маленькими, несколько расставленными в стороны. Статуэтки орнаментированы комбинацией полос и ямок, возможно отвечающей естественному пятнисто-полосатому окрасу молодых кабанов.

Для Кукутени А1А2 известно не менее семи фигурок, четыре из которых происходят из Тырпешти IV [Marinescu-Bîlcu S., 1981. Fig. 196, 8, 12, 14, 15], две — из Городницы (рис. 63, 3, 4) и одна фрагментированная — из Поливанова Яра III (рис. 63, 5). У обеих статуэток из Городницы — крупные головы с опущенными мордами, короткие шеи, на спинах обозначен гребень, хвостики маленькие торчащие. На брюхе более сохранной фигурки насечками обозначено вымя с двумя рядами сосцов. У задней половины статуэтки из Поливанова Яра III на спине заметен четкий гребень, хвост короткий. Качество иллюстраций, по которым известны фигурки из Тырпешти, не позволяет описывать их детально, однако можно отметить у них отсутствие шеи, торчащие уши, гребни на холке и спине, короткие хвосты.

Кукутени А3А4 принадлежат 9 статуэток свиней: из Хебешести, Дрегушени-Острова, Руджиноазы, Редиу, Друц I (рис. 63, 6, 64, 16), [Dumitrescu H., 1933. Fig. 30, 5]. Несколько маленьких статуэток из Хебешести, видимо, изображают поросят. У них характерные курносые морды, стоячие уши, необозначенные шеи, выпуклые спины и короткие хвостики. У более крупных фигурок головы вытянутой формы опущены (в нескольких случаях четко изображен пяточок), уши стоячие, шеи короткие или необозначенные. Спина бывает прямая или выпуклая с подчеркнутым гребнем, хвосты короткие. На статуэтке из Хебешести зашипом обозначен penis. У фигурки из Друц I изображено вымя с двумя рядами сосцов.

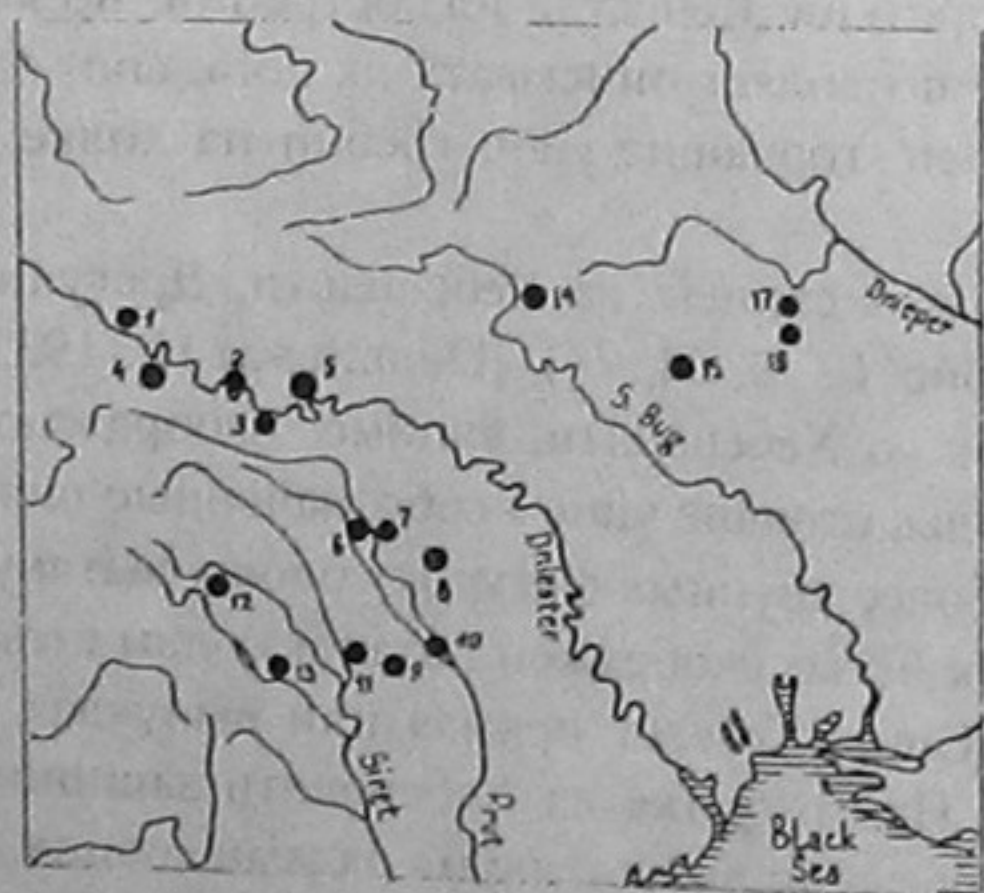
К Кукутени АВ относятся 9 статуэток: из Пенежково, Хорьковки, Веселого Кута, Кадиевцев (ур. Бавки), Яблони I и Фрумушки (рис. 64, 7-11, 65, 1-4). Большинство этих фигурок обладает определенным стилистическим сходством — у них опущенная морда и хвост почти на одном уровне завершают дугообразную линию спины с гребнем по краю, а бока несколько уплощены. Различается моделировка деталей (форма морды, ушей, наличие или отсутствие глаз). Морда бывает длинной и относительно короткой, с отчетливым пятчком и нет. Уши возможны выпуклые (расставленные либо опущенные) или в виде вмятин справа и слева на голове.

Для Кукутени В1 пока известны три фигурки — одна из Ворошиловки и две из Раковца (рис. 65, 5, 6). Они уплощены и стилистически очень близки фигуркам времени Кукутень АВ (особенно статуэтка из Ворошиловки). У свиной из Раковца под хвостом сделано горизонтальное отверстие.

Все статуэтки свиной леплены из мелкоструктурной глины и обожжены. В тесте отмечена примесь шамота, дресвы, песка. На одном предмете сохранился ангоб цвета глины. Длина фигурок колеблется от 2 до 6 см (большинство экземпляров имеет длину в пределах 3-4,5 см).

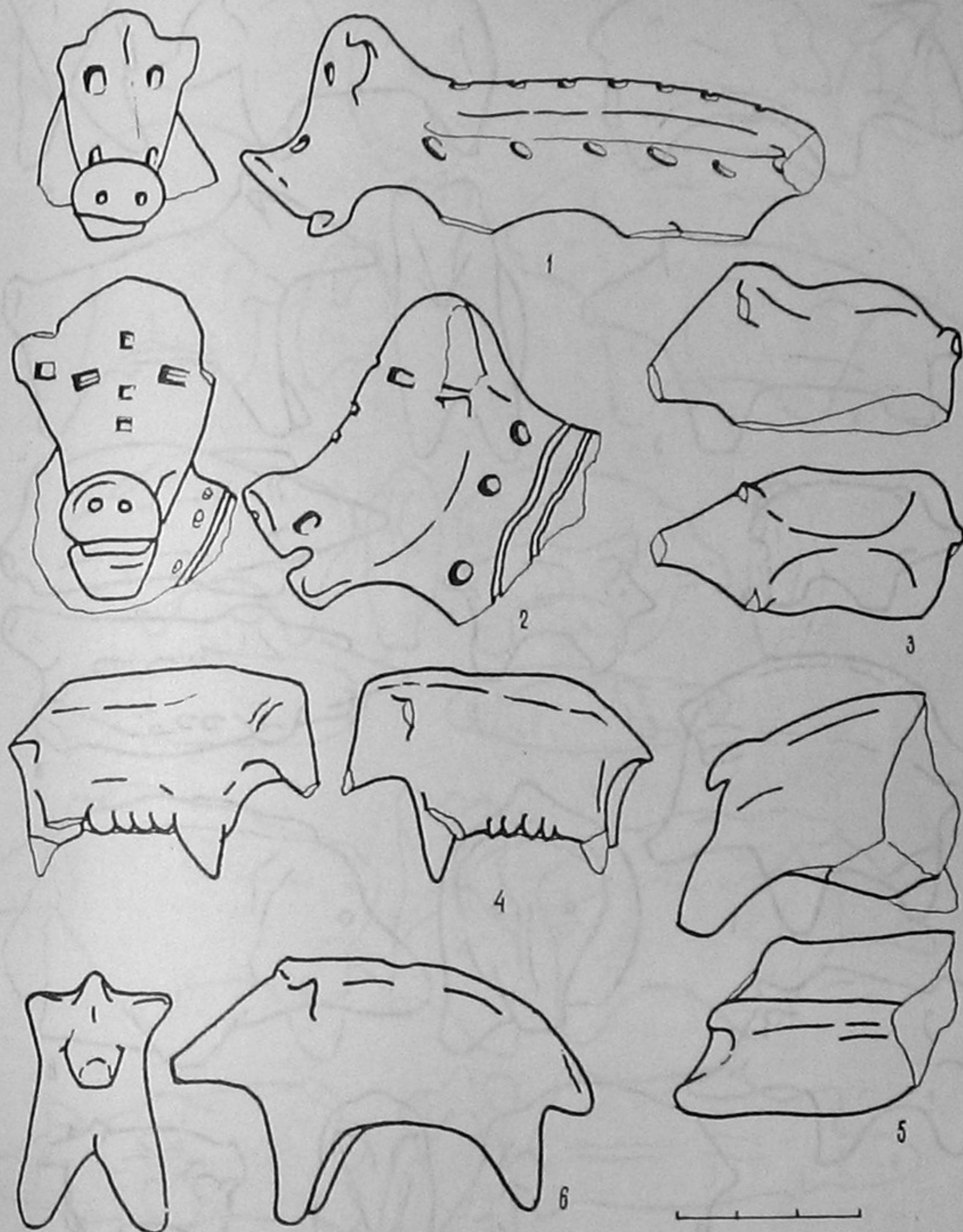
Географическое распространение статуэток свиной охватывает всю территорию Кукутени-Триполья (карта 8). На относительно ранних памятниках (пока до Кукутени АВ2) присутствуют не только фигурки свиной, но и детали сосудов в виде этого животного [Маркевич В.И., 1970. Рис. 15, 6; Berlescu N., 1964. Pl. XXXIII, 2; Coman G., 1980. Fig. 99, 7; Nițu A., Mantu M., 1987. Fig. 1, 2].

Изображения свиной широко распространены в раннеземледельческом ареале Европы. Одна из самых ранних статуэток найдена в Неа Марки (Протосекло [Gimbutas M., 1974. Fig. 215]). Серия фигурок свиной известна в Винче В2-С [Васић М. 1936. Т. III. Стр. 609-612]. Есть статуэтка свиной в Херпай I [Kalicz N., Raczky P., 1987. Fig. 45]. Многочисленны фигурки свиной на гумельницких поселениях [Чилингировъ А., 1920. Табл. VIII, 78; Andrieșescu L., 1924. Pl. XXXIV, 15; Dumitrescu V., 1924. Fig. 9, 9; 173, 5; Dumitrescu V., 1933a. Fig. 21, 2; Ștefan Gh., 1925. Fig. 40, 7, 10, 13; Gimbutas M., 1989. Fig. 400]. Встречены они в Тиссе и Лендьеле [Podborzský V., 1985. Tabl. 131, 5]. На раннеземледельческих памятниках также присутствуют налепы на сосудах в виде голов свиной, сосуды и крышки в форме этого животного [Dumitrescu V., 1925. Fig. 68, 8; Kalicz N., Makay J., 1977. Taf. 4, 8; Gimbutas M., 1989. Fig. 226].

Карта 8. Присутствие фигурок свиной «типа» 1 на памятниках Кукутени-Триполья

1 — Городница; 2 — Поливанов Яр; 3 — Лука-Врублевская; 4 — Раковец; 5 — Кадиевцы (Бавки); 6 — Дрегушень; 7 — Друцы I; 8 — Яблоня; 9 — Хебешешть; 10 — Редю; 11 — Руджипоаза; 12 — Тырлешть; 13 — Фрумушка; 14 — Ворошиловка; 15 — Пенежково; 16 — Хорьковка; 17 — Веселый Кут

Рис. 63. Фигурки свиной «типа» 1:

1, 2 — Лука-Врублевская (Прекукутень III); 3, 4 — Городница; 5 — Поливанов Яр III (Кукутень А1); 6 — Редю (Кукутень А). (1, 2 — по С.Н. Бибикову, 6 — по В. Чирика, М. Танасачи)

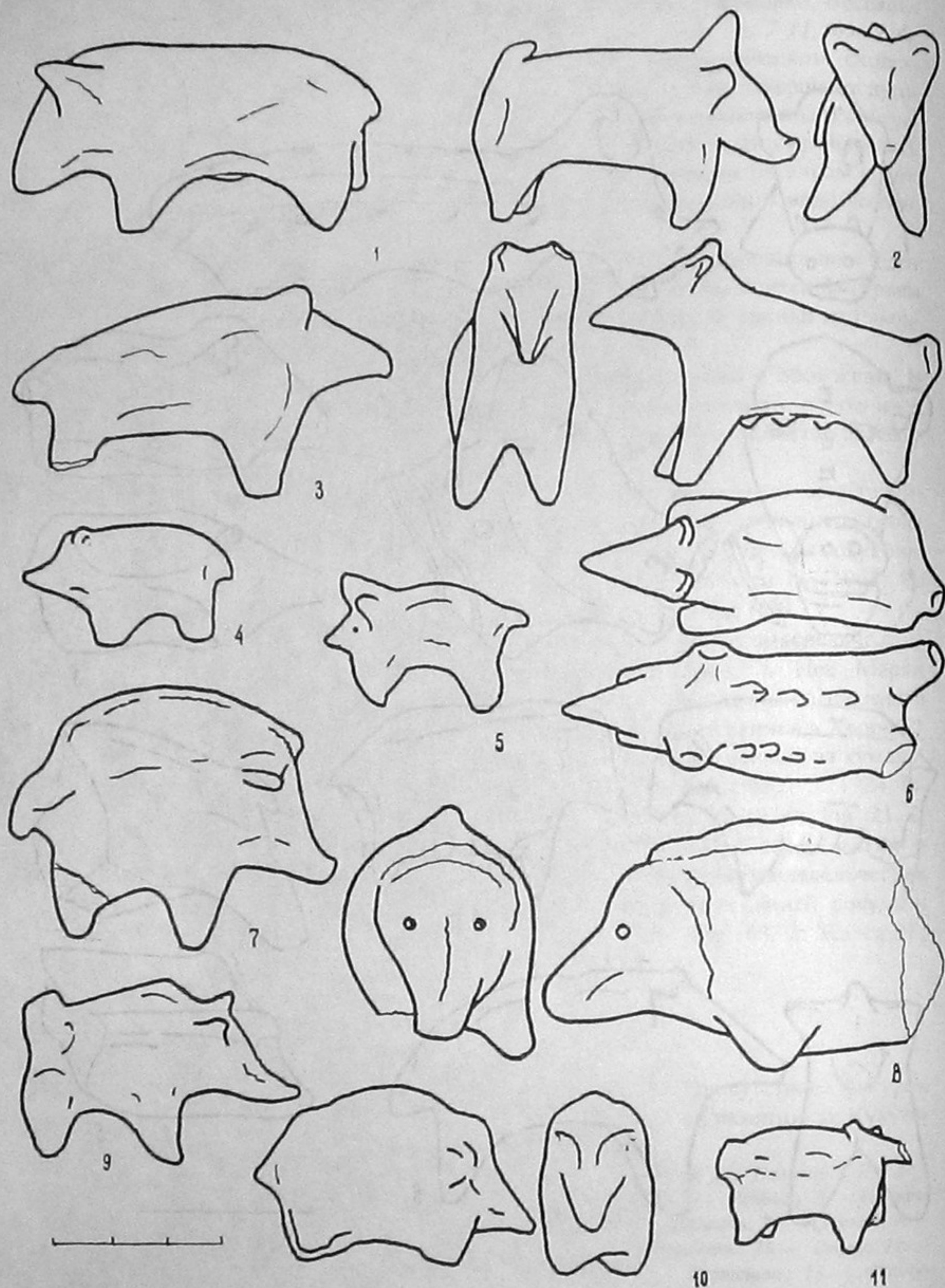

Рис. 64. Фигурки свиней «типа» 1:

1, 3-5 — Лебешеть (Кукутень А3); 2 — Дрегушень-Остров; 6 — Друцы 1 (Кукутень А4); 7, 8 — Пенезково; 9, 10 — Хорьковка (Кукутень АВ2); 11 — Кадиевцы (Бавки) (Кукутень АВ). (1, 3-5 — по В. Думитреску; 2 — по А. Кришмару; 7, 8 — по М. Химнеру; 9, 10 — по Е.В. Цвек; 11 — по М. Я. Рудинскому)

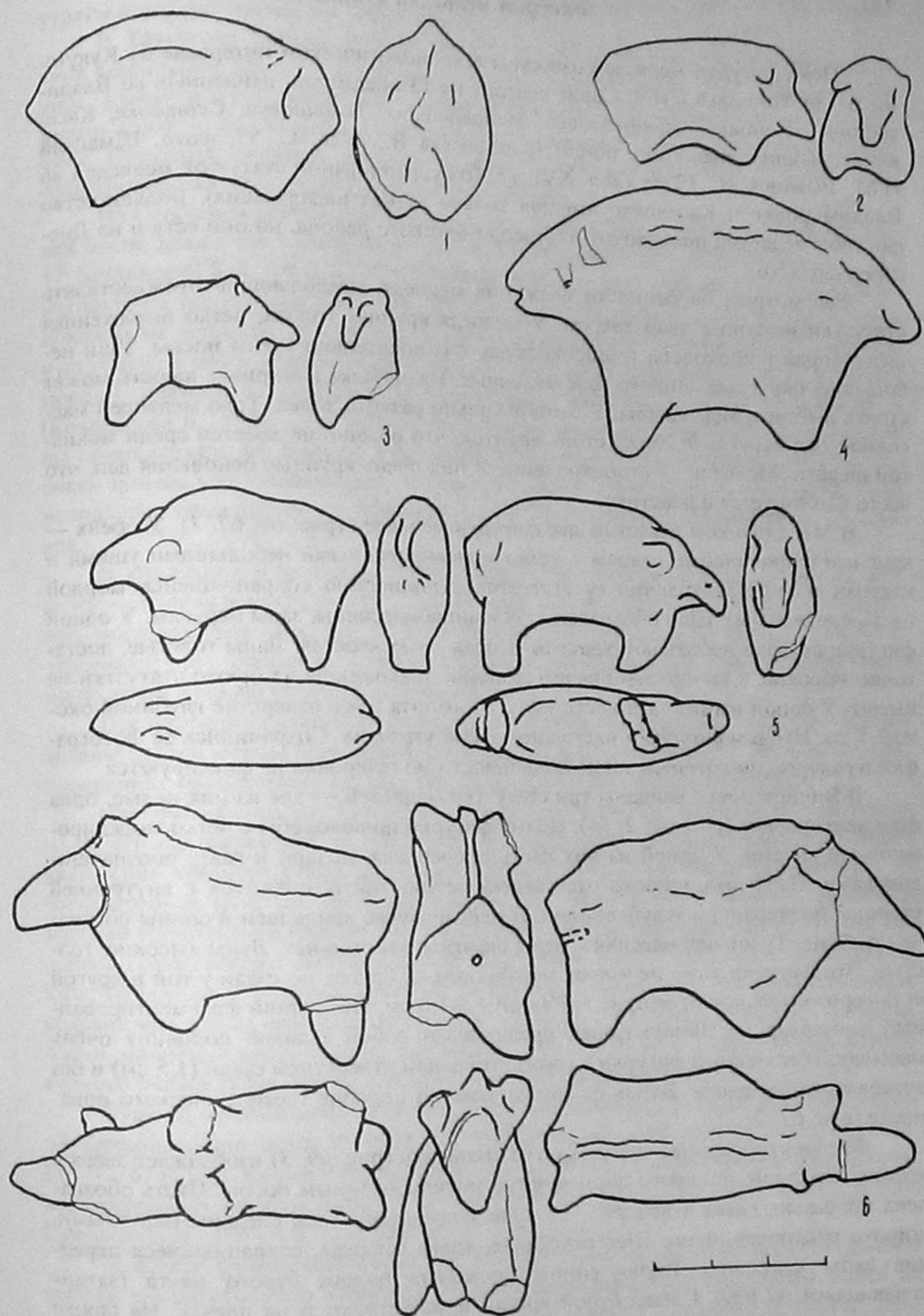

Рис. 65. Фигурки свиней «типа» 1:

1, 2 — Веселый Куп; 3 — Яблоня (Кукутень АВ2); 4 — Фрумшика (Кукутень АВ?); 5 — Ворошиловка; 6 — Раковец (Кукутень В1). (1, 2 — по Е.В. Цвек; 3 — по И.А. Борзьяк; 4 — по Ч. Маташа)

Фигурки медведей «типа» I

Пока фигурки медведей известны в хронологическом интервале от Кукутени В1 до Триполья С1С2. Серия состоит из 13 предметов, найденных во Владимировке, Коновке, Чичиркозовке, Майданецком, Томашовке, Сушковке, Касеновке, Кошиловцах (рис. 66-69) [Козловська В., 1926. С. 57, фото; Шмаглий Н.М., Рыжов С.Н., 1975. Табл. XVI, 11] (о существовании статуэток медведей во Владимировке и Касеновке имеется только устная информация). Большинство фигурок медведей происходит из Днепро-Бугского района, но они есть и на Днестре (карта 9).

Рассмотрим особенности сложения медведя, позволяющие отождествлять статуэтки именно с этим зверем. У медведя крупная голова, четко выраженная шея. Морда широколобая и широкоскула, с относительно узким носом. Уши небольшие, округлые, широко расставленные. На затылке и загривке шерсть может стоять дыбом в виде гребня. У самцов сильно развита холка. Тело медведей массивное, зад округлый. Хвост столь короток, что обычно не заметен среди мохнатой шерсти. Медведи — стопоходящие. У них очень крупные основания лап, что часто фиксируется в пластике.

В Майданецком известны две фигурки медведей (рис. 66; 67, 1). У обеих — крупные широколобые головы с четко моделированными небольшими ушами и глазами в виде углублений (у статуэтки с полностью сохранившейся мордой пасть прочерчена). Шеи обозначены, туловища массивны, зад округлы. У одной фигурки показан небольшой хвостик, вторая — бесхвостая. Лапы толстые, достаточно высокие, с загнутыми вперед стопами. Знаков пола на брюхе статуэтки не имеют. У одной из них сзади есть узкое горизонтальное отверстие глубиной около 1,5 см. Вторая фигурка в настоящее время утрачена. Сохранились ее фотографии в ракурсе, по которым такие подробности моделировки не фиксируются.

В Чичиркозовке найдены три статуэтки медведей — две из них целые, одна фрагментирована (рис. 67, 2; 68). Целые фигурки широколобые с четко моделированными носами. У одной из них пасть прочерчена, ноздри и глаза обозначены наколами. Округлые, широко расставленные уши обеих статуэток с внутренней стороны подчеркнуты углублениями. В одном случае вдоль шеи и спины обозначен гребень. Туловища массивны, зад округлы, хвостов нет. Лапы высокие, толстые. Эти фигурки тоже не имеют знаков пола на брюхе, но сзади у той и другой есть горизонтальное отверстие глубиной 1,5-1,6 см. Последний фрагментированный экземпляр из Чичиркозовки представляет собой заднюю половину очень массивной бесхвостой фигурки с горизонтальным отверстием сзади (1,5 см) и без знаков пола на брюхе. Вдоль ее спины заметно подобие геометрического орнамента (рис. 67, 2).

Фрагментированная статуэтка из Томашовки (рис. 69, 3) изображает зверя с крупной головой, широким лбом и четко моделированным носом. Пасть обозначена прорезью, глаза и ноздри — в виде углублений. Уши сделаны округлыми, широко расставленными. Шея отчетлива, холка высокая, сохранившиеся передние лапы массивны. Вдоль спины проведена полоса бурого цвета (заканчивающаяся на лбу). Следы бурой краски присутствуют и на плечах. На брюхе фигурки заметна продольная выпуклость, которую автор раскопок трактовал как знак пола (видимо, мужского). Но не исключено, что эта выпуклость образовалась при протыкании горизонтального отверстия сзади. Тогда она — тоже ре-

зультат женской, а не мужской маркировки. К сожалению, из-за очень давней утраты статуэтки проверить этого нельзя.

В Тальянках найдена голова медведя со следами поперечного крепления типа «шпильки». Морда моделирована очень подробно: округлые расставленные уши, длинный отчетливый нос; ноздри, обозначенные полукруглыми углублениями, глаза — круглыми; в приоткрытой пасти даже виден слегка выступающий язык. Округлый широкий затылок окрашен красной краской. На уровне ушей сохранились неясные пятна бурой краски (рис. 69, 1).

Из Сушковки происходит зооморфная головка, найденная и атрибутированная очень давно. Ее традиционно считают лошадиной [Козловська В., 1926. С. 57; Богаевский Б.А., 1937. С. 232]. За семьдесят лет, прошедших со времени этой находки, на территории Кукутени-Триполья больше не обнаруживали статуэток, похожих на лошадей. Данное изображение представляет собой довольно массивную голову с небольшими широко расставленными ушами, широкой удлиненной мордой, глазами и ноздрями, обозначенными наколами, прочерченным ртом [Козловська В., 1926. С. 57, фото]. С большей вероятностью такая голова могла бы принадлежать не лошади, а медведю, поскольку по моделировке деталей она очень близка уже описанным фигуркам медведей с нескольких расположенных неподалеку памятников — Майданецкого, Чичиркозовки, Томашовки, Тальянков.

В коллекции Кошиловцев присутствуют фрагменты от двух статуэток медведей — голова и лапа (рис. 69, 2, 4). Голова, как и у прочих изображений медведей, моделирована подробно (обозначенные углублениями ноздри и глаза, прочерченный рот). Широкая, загнутая вперед лапа снабжена поперечными насечками по краю, видимо обозначающими когти.

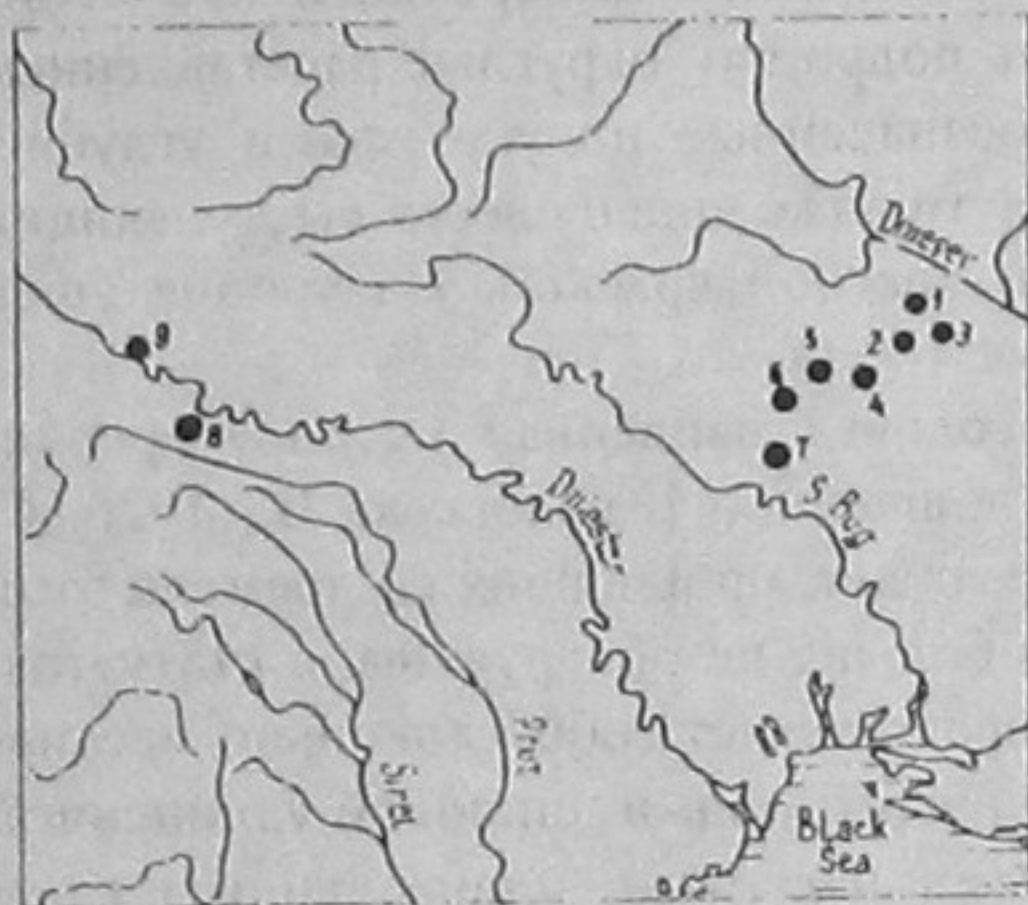
Все описанные статуэтки медведей массивны. У большинства из них проработаны детали морды (рот, ноздри, глаза). На всех экземплярах, доступных рассмотрению, присутствует маркировка пола, и, видимо, всюду она женская.

Фигурки обожжены. Цвет теста варьирует от светло-розового до оранжевого. В его состав входят шамот и песок. Одна статуэтка (из Тальянков) имеет включения красного цвета — подмес красной глины (?). На сломе фигурки из Чичиркозовки (рис. 67, 2) заметен принцип моделировки туловища, больше в массиве трипольской пластики не встреченный. Оно было скатано из тонкой лепешки и представляет собой слоистый «струдель». Поверхность некоторых статуэток заглажена и покрыта светлым ангобом (Кошиловцы). На трех предметах сохранились следы красноватого ангоба. Орнамент и роспись отмечают затылок, плечи, «ремень» вдоль спины, что может соответствовать акцентировке естественного окраса зверя. Длина фигурок медведей колеблется от 5,5 до 10 см.

Судя по публикациям, статуэтки медведей известны и за пределами Кукутени-Триполья [Dumitrescu V., 1968. Fig. 56; Renfrew C., Gimbutas M., Elster E., 1986. Fig. 9. 161 (217)]. Кроме того, кажутся похожими на медвежьи головы некоторых миксаморфных фигурок (старчевских, винчанских) [Васић М. 1936. Т. III. Ст. 584; Гарашанин Д., 1968. Ст. 21; Срејовић Д., 1968. Ст. 7].

В ареале раннеземледельческих культур Европы широко распространены сосуды в виде стоящего медведя с отверстием в спине (или раструбом-чашей на спине). Они фиксируются с раннего неолита (в Данило, Караново II, Винче, Лендзеле, Кукутени-Триполье) [Childe V.G., 1923. Fig. 23; Majewski K., 1938. Fig. 15; Novotny B., 1958. Tabl. XLI, 3; Gimbutas M., 1974. Fig. 80, 81; Karmanski S., 1977. Tabl. XVI, 3; Dumitrescu V., 1979. Fig. 186; Pavúk J., 1981. Fig. 26-27]. Встречаются

и крышки сосудов в виде верхней половины или головы медведя [Rosetti D., 1938. Taf. 27, 3; Kalicz N., 1970. Fig. 56, 57].

Карта 9. Присутствие фигурок медведей «типа» 1 на памятниках Кукутени-Триполья

1 — Чичиркозовка; 2 — Майданецкое;
3 — Томашовка; 4 — Тальянки; 5 — Сушковка;
6 — Касеновка; 7 — Владимировка; 8 — Кошловка; 9 — Кошиловцы

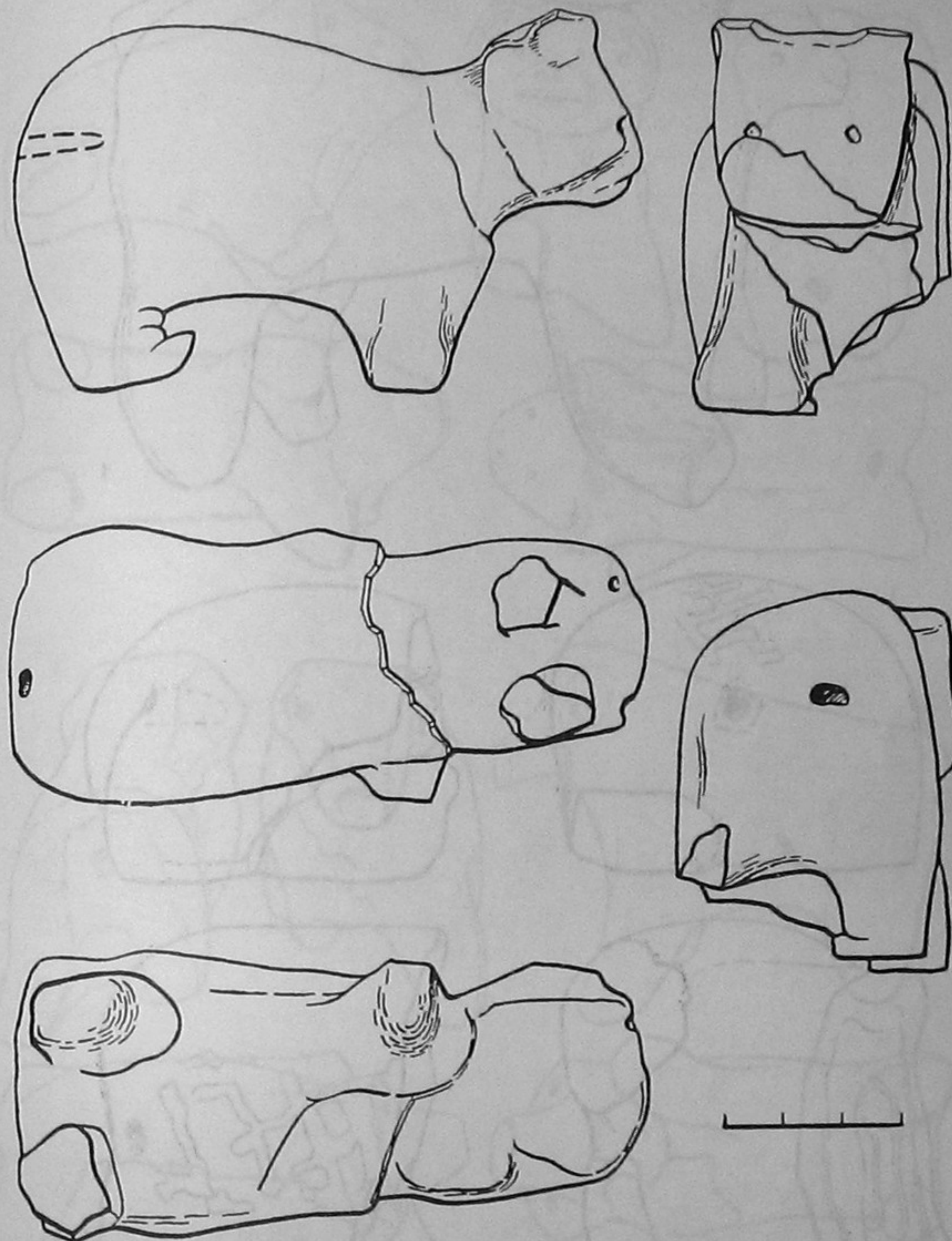
Фигурки безрогих животных, определяемые приблизительно (с нечеткой атрибуцией)

Эта серия в видовом отношении неоднородна, включает безрогие статуэтки, атрибутируемые менее надежно, чем изображения свиней, оленей, медведей (и к ним не относящиеся). В массиве пластики таких фигурок оказалось 70. Среди них, по некоторому сходству с определенными зверями, либо повторению каких-то морфологических особенностей, либо по размерам, можно выделить несколько групп изображений, обладающих общими признаками. В серии различаются: комолые «овцы» (24 экз.), комолые «бовины» (5 экз.), «собаки» (7 экз.), неясные, возможно дикие, звери (13 экз.), мелкие фигурки (9 экз.). Малочисленность выделенных групп свидетельствует об относительной редкости даже правильно угаданных «видов».

1. Комолые «овцы» (рис. 70-72). Исследованиями палеозоологов доказано присутствие на энеолитических памятниках Юго-Восточной Европы комолых самок овец [Бибилова В.И., 1953. С. 446; Цалкин В.И., 1970. С. 170; Bökönyű S., 1974. С. 167; Иванов С., Василев В., 1975. С. 300; Василев В., 1981. С. 73; Василев В., 1985. С. 139]. Фигурки отнесены к овцам по некоторым особенностям моделировки (форма головы, отсутствие рогов и мужской маркировки пола, специфическое обозначение рта углублением или отверстием, короткие хвосты). Иногда встречаются характерные для овец признаки суягности (раздутые бока и плоское брюхо). Предполагаемые «овцы» известны на всем протяжении культуры, регионально не локализируются (карта 10).

Прекукутенские статуэтки из Ларга-Жижия и Луки-Врублевецкой (последняя определена В.И. Бибиловой) имеют характерные для овец постановку головы, форму морды и ушей (рис. 70, 1, 3), присущие и более поздним изображениям, отнесенным к овцам, — из Извоара II (Кукутень А1А2), Трушешти (Кукутень А3) (рис. 70, 2, 4), Друц 1 (Кукутень А4) (рис. 71, 3), Кошиловцев (Триполье С1С2) (рис. 70, 6). Целые экземпляры имеют коротенькие хвостики. У некоторых заметны признаки суягности (рис. 70, 5; 71, 3).

Еще одну группу предположительно «овец» отличает моделировка рта в виде углубления. Так бывает изображен рот у сравнительно реалистичных статуэток

Рис. 66. Фигурка медведя «типа» 1: Майданецкое (Кукутень В2)

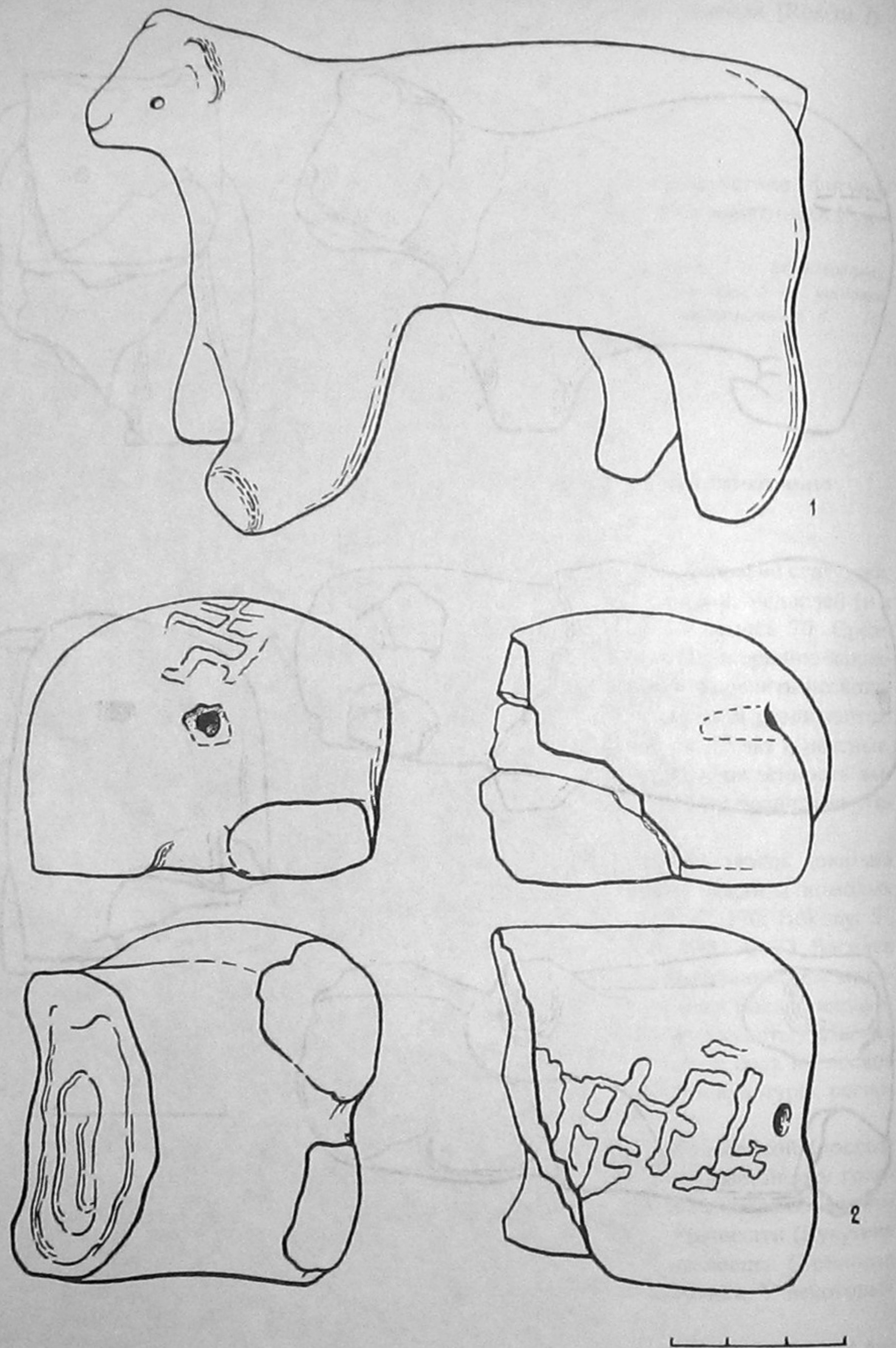

Рис. 67. Фигурки медведей «типа» 1:
1 — Майдаецков; 2 — Чичиркозовка (Кукутень В2). (1 — по Н.М. Шмаглию)

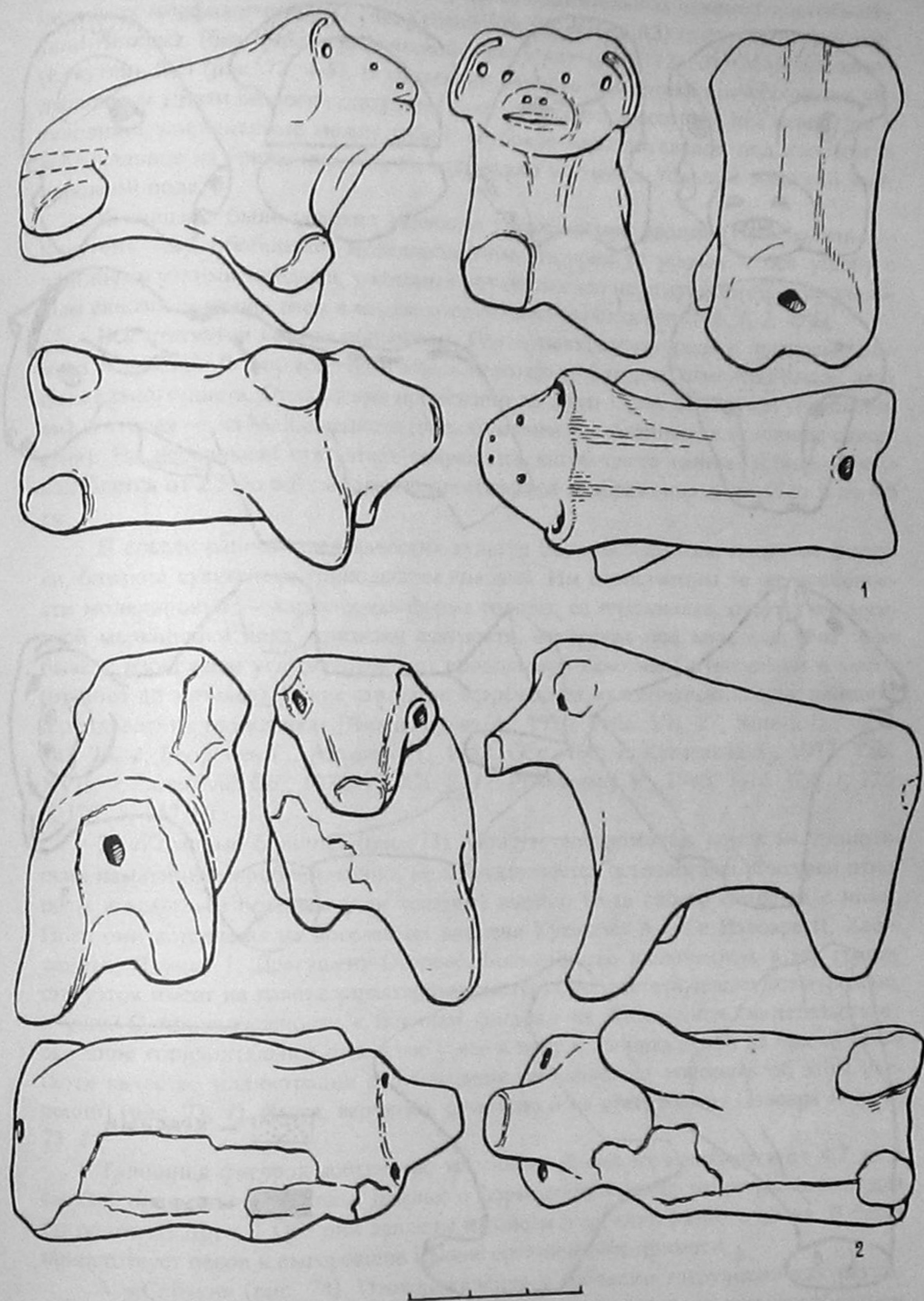

Рис. 68. Фигурки медведей «типа» 1:
1, 2 — Чичиркозовка (Кукутень В2)

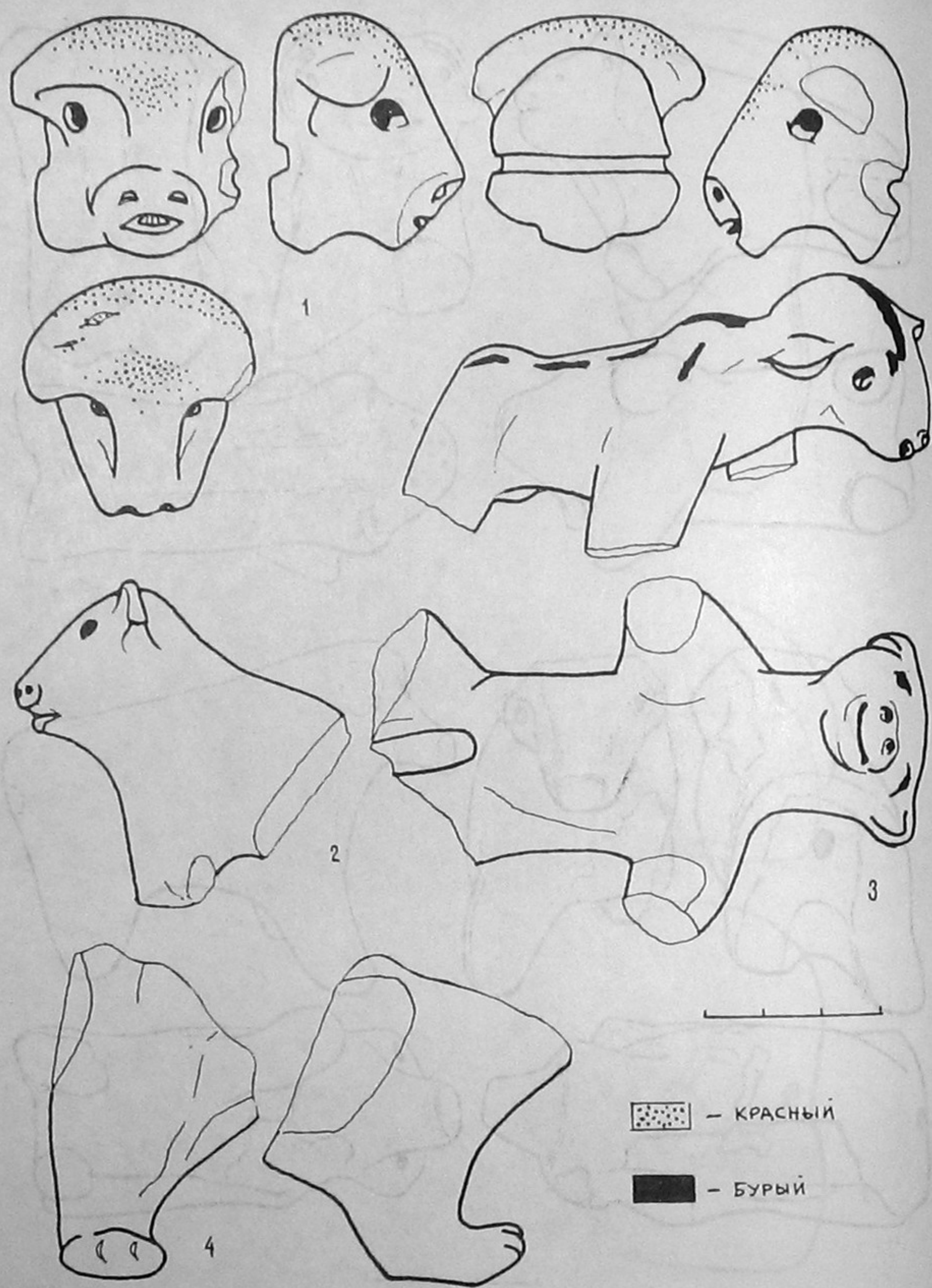

Рис. 69. Фигурки медведей «типа» I:
1 — Тальянки (Кукутень B2); 2, 4 — Кошиловцы (Триполье C1C2); 3 — Томашовка (Кукутень B2). (3 — по П.П. Куринному)

(рис. 71, 3). Повторяется эта деталь и у более сомнительных «овец» (не столь отчетливых морфологически) — из Хебешести (Кукутень A3) (рис. 72, 1, 2), Кукутени-Четецуэ (без стратиграфической привязки) (рис. 72, 3), Майданецкого (Кукутень B2) (рис. 72, 4-8). В коллекции данного памятника рот обозначен углублением у пяти безрогих статуэток, одна из которых имеет еще два отверстия в туловище, соединенные между собой: глубокое горизонтальное под хвостом и вертикальное на брюхе (рис. 72, 6), что можно увязывать только с женской маркировкой пола.

К «овцам» были условно отнесены также четыре ранние (Прекукутень — Кукутень A2), обобщенно моделированные фигурки (с ушами и без ушей) с длинными узкими мордами, у которых рот обозначен не углублением, а продольным сквозным отверстием в морде — от носа до затылка (рис. 71, 1, 2, 4, 5).

Все статуэтки «овец» обожжены. Глина мелкоструктурная с примесью шмота и дресвы. В формовочной массе некоторых фигурок отмечена смесь двух глин разного цвета. Одна из них происходит из Друц 1 (рот обозначен углублением), а вторая — из Майданецкого (рот обозначен углублением, в туловище отверстия). На нескольких статуэтках сохранился ангоб цвета глины. Длина «овец» колеблется от 2,5 до 6,8 см, однако преобладают изображения длиной от 3 до 4,5 см.

В ареале раннеземледельческих культур Европы известны комолые фигурки, близкие кукутенско-трипольским «овцам». Им свойственны те же особенности моделировки — характерная форма головы, ее постановка, отсутствие мужской маркировки пола, признаки суягности, отверстия под хвостами. Рот тоже бывает изображен углублением или продольным сквозным отверстием в морде (от носа до затылка). Такие статуэтки встречаются на винчанских, гумельницких и лендельских памятниках [Чилингировъ А., 1920. Табл. VII, 27; Rosetti D., 1938. Taf. 26, 2; Георгиев Г., Ангелов Н., 1952. Обр. 169, 1; Karmanski S., 1977. Tabl. XVII, 2; Lazarović Ch., 1979. Pl. XX. F, 11; Podborzský V., 1985. Tabl. 124, 1; 126, 6; 127, 5; 147, 9].

2. «Комолые boviny» (рис. 73). Присутствие комолых коров на трипольских памятниках проблематично, но не исключается остеологами. Фигурки отнесены к комолым bovinaм (или телятам) именно из-за своего сходства с ними. Пока они встречены на поселениях времени Кукутени А — в Извоаре II, Хебешести, Друцах 1, Дрегушени-Острове. Большинство включенных в эту группу статуэток имеет на голове характерные выступы, соответствующие междурожью, и уши. О принадлежности к bovinaм фигурки из Хебешести свидетельствует сквозное горизонтальное отверстие у нее в носу и изображенное на брюхе вымя (хотя качество иллюстрации в публикации не позволяет говорить об этом уверенно) (рис. 73, 1). Вымя, вероятно, отмечено и на статуэтке из Извоара II (рис. 73, 2).

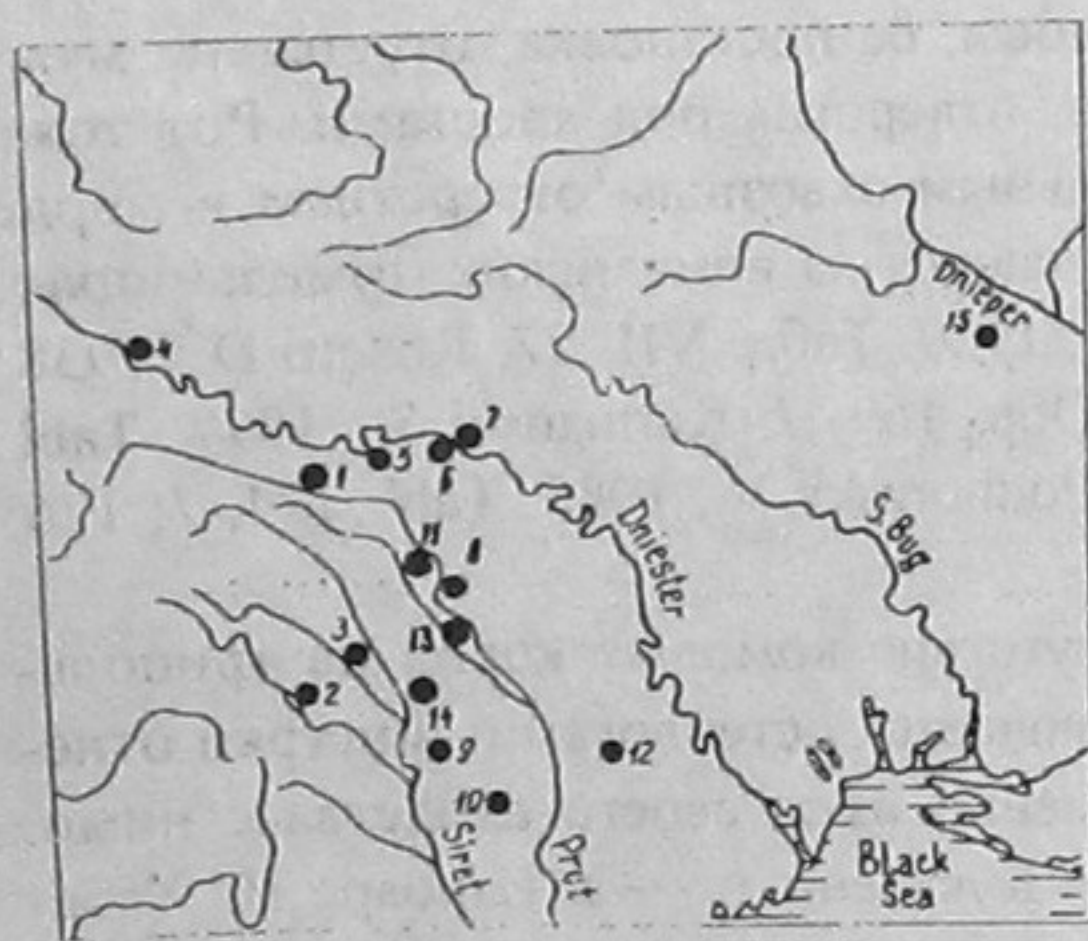
Туловища фигурок достаточно массивны. Длина их колеблется от 4,7 до 6 см. Все предметы обожжены. Данные о формовочной массе известны только для статуэток из Друц 1. Обе они леплены из смеси двух глин разного цвета. В тесте присутствует песок и выгоревшие мелкие органические примеси.

3. «Собаки» (рис. 74). Отождествление с собаками затруднено как скупостью информации об их экстерьере в неолите — энеолите, так и многообразием современных пород. Как известно, по остеологическим данным экстерьер собак установить очень трудно. Иногда удается восстановить лишь их общее сложение (примерные пропорции) [Chete V., Mateesco C., 1971]. Не очень убедительными

кажутся попытки различения пород собак по изображениям на трипольских расписных сосудах [Богаевский Б.А., 1937. С. 183, 184; Маркевич В.И., 1981. С. 144], поскольку нет уверенности, что во всех случаях изображены именно собаки.

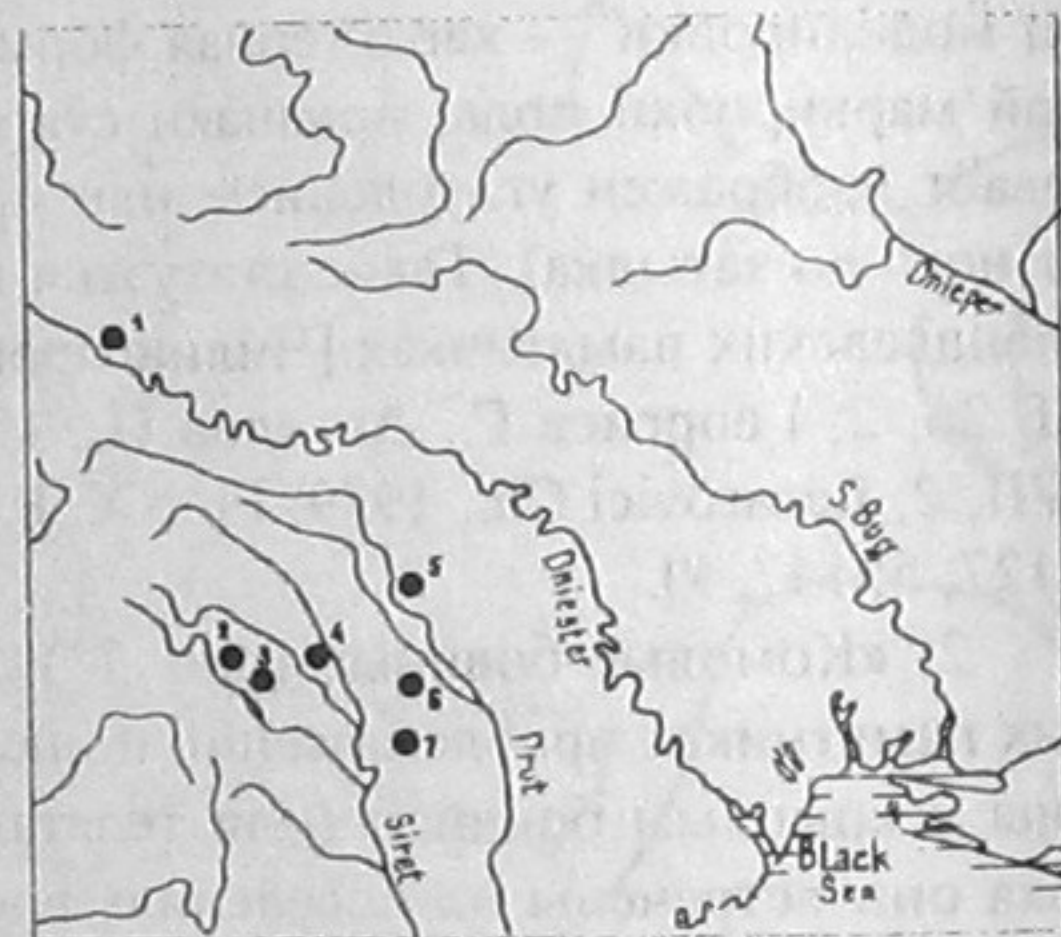
Немногие кукутенско-трипольские статуэтки, которые можно отнести к «собакам», в целом близки предметам, определяемым как «овцы». Но у них обязательно тощие, втянутые бока и бывает отмечен пенис. Таковы фигурки из Тырпешти, Друц 1 (рис. 74, 1-3), Трушешти [Dumitrescu V., 1979. Fig. 182] с мордами, моделированными зацепом, стоячими и полустоячими ушами, короткими широкими шеями, короткими торчащими хвостами. Подобные «собаки» (но в очень плохих иллюстрациях) есть в Руджиноазе и Извоаре [Dumitrescu H., 1933. Fig. 30, 8, 12; Vulpe R., 1957. Fig. 237, 1]. У «собаки» из Фрумушики (без стратиграфической привязки) хвост средней длины отставлен горизонтально (рис. 74, 4). Возможно, догообразную собаку с длинной шеей и на высоких ногах представляет фигурка из Кошиловцев (рис. 74, 5).

Статуэтки «собак» обожжены. Данные о составе формовочной массы есть только для двух предметов из Друц 1 (глина мелкоструктурная с примесью шамота, навоза). Одна из этих фигурок леплена из двухцветной глины. Длина статуэток колеблется от 3 до 4,5 см («собака» из Кошиловцев имеет длину 6 см). Фигурки «собак» пока фиксируются в западном ареале культуры (карта 11), но хронологической специфики не имеют.

Карта 10. Присутствие фигурок предположительно «овец» «типа» I на памятниках Кукутени-Триполья

1 — Шипенцы; 2 — Извоар; 3 — Тырпешти; 4 — Кошиловцы; 5 — Лука-Врублевская; 6 — Поливанов Яр; 7 — Бернашевка; 8 — Друцы; 9 — Кукутень; 10 — Хебешести; 11 — Трушешти; 12 — Новые Русеши; 13 — Ларга-Жижия; 14 — Пойнешти; 15 — Майданецкое

Карта 11. Присутствие фигурок предположительно «собак» «типа» I на памятниках Кукутени-Триполья

1 — Кошиловцы; 2 — Фрумушика; 3 — Извоар; 4 — Тырпешти; 5 — Друцы; 6 — Трушешти; 7 — Руджиноаза

4. Неясные, возможно дикие, звери. В этой группе изображений можно отметить фигурку из Хебешести (Кукутень А3), очень похожую на лисицу (рис. 75, 4), с длинной мордой, стоячими ушами, длинным телом на низких лапах и от-

ставленным, достаточно широким в средней части хвостом. Отчетливые фигурки лис иногда встречаются и на гумельницких памятниках [Berciu D., 1961. Fig. 279].

Четыре разновременные статуэтки, происходящие из Новых Русешт В (Кукутень А1), Хебешести (Кукутень А3), Василевки (Кукутень А4), Пенежково (Кукутень АВ), морфологически сходны (рис. 75, 1, 3, 5, 7), но пока не удается установить, что за животное они изображают. Все они массивны, с крупной головой на толстой шее, вытянутой, заостренной, но не детализированной мордой, едва намеченными или отсутствующими ушами. Спина может быть выпуклой и прямой, бока округлы, хвостики короткие, лапы низкие. У одной из них на брюхе изображен ромб.

В равной мере трудно судить о видовой принадлежности вполне сохранных фигурок из Тырпешти (Кукутень А2), Хебешести (Кукутень А3), Яблони, Кадиевцев (Кукутень АВ) (рис. 75, 2, 6, 8-10) и многих фрагментированных изображений из разных коллекций (рис. 58; 75, 11; 77-82).

5. Мелкие, небрежно выполненные фигурки объединены на основании малого продольного размера, не превышающего 3 см (рис. 76). Все они с короткими хвостиками и без знаков пола. Такие статуэтки встречены на разновременных памятниках. Они леплены из мелкоструктурной глины с примесью шамота и песка. В нескольких случаях формовочная масса состояла из смеси двух глин разного цвета. Фигурки бывают окрашены в красный цвет. Возможно, они изображают молодняк разных животных.

Фигурки птиц «типа» I

Фигурки птиц (12 экз.) пока известны на относительно ранних памятниках (от Прекукутени до Кукутени А3) и распространены в западном ареале культуры (карта 12). Все они изображают стоящих птиц на столбчатой ножке с круглым расширяющимся основанием. У большинства экземпляров крылья сложены (рис. 83, 2-7; 84, 1-4).

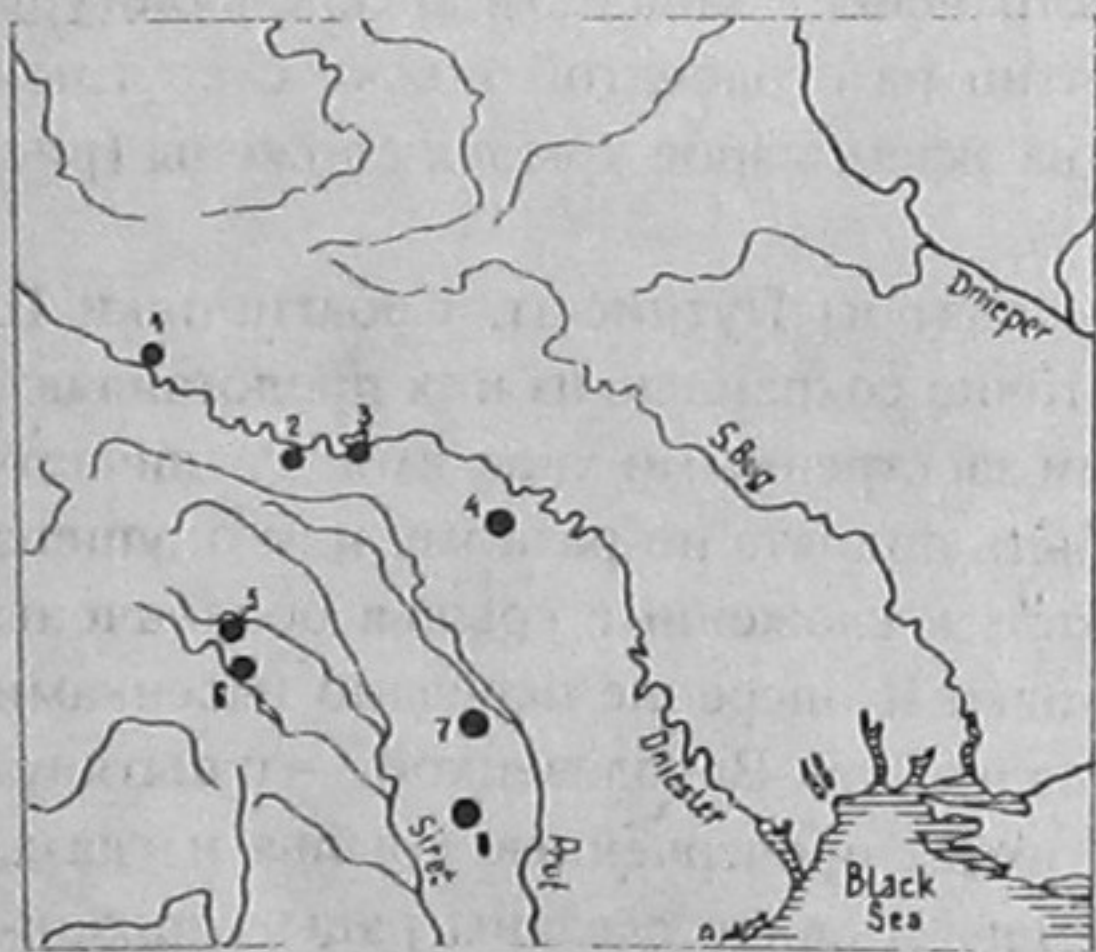
Прекукутенские статуэтки птиц происходят из Путинешт, Сабатиновки II, Берново-Луки и Луки-Врублевской. Достаточно сохранные из них представляют птиц со сложенными крыльями и короткими заостренными хвостами. Различается только положение шеи, которая может быть поднята по-разному или опущена (рис. 83, 2, 4-6). У фигурки из Путинешт киль и сложенные крылья обозначены налестками (рис. 83, 4). У птицы из Сабатиновки II оперение передано насечками (рис. 83, 2). Полностью сохранившаяся птица из Луки-Врублевской — с вытянутой вперед шеей и опущенной головой — имеет прочерченные крылья и глаза, обозначенные сквозным отверстием. На ее шее и спине сделаны ряды горизонтальных насечек. Два ряда прочерченных прерывистых линий нанесены и на столбчатую ножку (рис. 83, 5).

Фигурки птиц, относящиеся к Кукутени А, найдены в Городнице, Тырпешти, Хебешести и Бырлалешти-Стурза. Утраченная статуэтка из Городницы [Маевский К.К., 1945. Табл. XXV, 322] представляет стоящую птицу со сложенными крыльями, коротким хвостом и высоко поднятой головой на прогнутой шее. Проработки деталей и орнамента на фигурке, видимо, нет. Очень близки прекукутенской схеме птицы из Хебешести и Бырлалешти-Стурза (рис. 83, 7; 84, 2). На статуэтке из Бырлалешти-Стурза сохранилась роспись красного цвета — продольные полосы на спине, следы краски спереди на шее и на столбчатой ножке. Единственная кукутенская фигурка с распростертыми крыльями происходит

из Тырпешти IV (рис. 84, 1). Голова ее не сохранилась, но шея несомненно поднята. Хвост этой птицы, более длинный, чем у прочих изображений, отставлен и опущен. Моделировка крыльев сближает ее с гумельницкими статуэтками птиц, для которых обычны распростертые крылья и очень редки сложенные. Две нестратифицированные фигурки птиц известны во Фрумушике (рис. 84, 3, 4). Они изображают стоящих птиц с поднятой головой, сложенными крыльями и опущенными хвостами. У одной из них в шее сделано сквозное горизонтальное отверстие. Вторая расписана красно-белыми полосами. Морфологически птицы из Фрумушики сходны со статуэтками из Хебешести и Бырлалешти-Стурза. Поскольку на памятниках, синхронных более поздним горизонтам Фрумушики (Кукутень АВ и ВЗ), фигурки птиц пока не встречены, наиболее вероятно их принадлежность к Фрумушике I (Кукутень А1). Высота статуэток птиц колеблется от 3 до 6 см, все они обожжены. Данных о составе формовочной массы и обработке поверхности пока нет.

Статуэтки птиц обычны среди материалов раннеземледельческих культур. Они есть в Винче, Лендьеле, Гумельнице и Алдени-Стойкани [Чилингиоровъ А., 1920. Табл. VII, 79; Dumitrescu V., 1925. Fig. 68, 11; Ștefan Gh., 1925. Fig. 40, 15, 41, 22; Васић М., 1936. Т. III. Стр. 614; Nestor I., 1933. Fig. 6, 9; Миков В., Джембазов Н., 1960. Обр. 71, а; Калудова И., 1966. Рис. 8, е; Marinescu-Bîlcu S., Ionescu B., 1968. Pl. XXI, 5, 10; Dragomir I.T., 1977. Fig. 15, 2; Coman G., 1980. Fig. 99, 6; Fol A., Katincarov R., Lichardus J., Bertemes F., Iliev I., 1989. Abb. 23].

В Кукутени-Триполье и ряде других культур Европы распространены птицы-погремушки («тип» 8 принятой классификации), птицы-«фишки» («тип» 2) и сосуды в виде птиц или с наклепными деталями такой формы.

Карта 12. Присутствие фигурок птиц «типа» 1 на памятниках Кукутени-Триполья

1 - Городница; 2 - Берново-Лука; 3 - Лука-Врублевецкая; 4 - Путинешты; 5 - Тырпешть; 6 - Фрумушика; 7 - Бырлалешть-Стурза; 8 - Хебешешть

Фигурки рыб «типа» 1

Единственная трипольская фигурка рыбы найдена на поселении Веселый Кут (Кукутень АВ). Ей придана характерная форма с отчетливо выделенными спинным и боковыми плавниками, широким раздвоенным хвостовым плавником (рис. 83, 1). Длина статуэтки 6,2 см. В ареале раннеземледельческих культур Юго-Восточной Европы изображения рыб сравнительно редки. Однако можно отметить, что существуют и фигурки, и сосуды такой формы [НЦБ, 1968. Илл. 113; Тодорова Х., 1975. Табл. 85, 5].

***

Среди рассмотренных статуэток «типа» 1 есть «классы/виды», изображающие только диких представителей фауны (медведей, оленей, лис, птиц и рыб). Некоторые фигурки в равной мере могут соответствовать диким и домашним формам (свиньям, бовинам). Прототипы некоторых статуэток привнесены в Еврых уже domesticiрованными (козы, овцы). Существует и серия пока нечитаемых изображений.

Поскольку козы, свиньи, «овцы» оказались сходны по размерам с бовинами/овидами функциональной разновидности «А», да и стилистически изменялись так же, нельзя исключать их возможной контекстной взаимосвязи.

Маркировка пола и возрастная градация статуэток дают более четкую дефиницию некоторым образам и, как кажется, убедительно препятствуют их соотношению с какой-либо символикой хозяйства и промысла: фигурки медведей, имеющие только женскую маркировку, изображают взрослых медведиц (как и сосуды-медведи в тех случаях, когда это удалось проверить); статуэтки оленей «типа» 1, видимо, соответствуют пятнистым оленям.

У ряда «видов» «типа» 1 (бовинов, овидов, свиней) возможна любая маркировка пола, изображение взрослых особей и молодняка, а фигурки коз представляют взрослых особей (обоих полов или без маркировки). Пока, из-за малочисленности серий, трудно оценивать подобную информацию однозначно. Допустимы два варианта ее прочтения: для первого существенной оказывается именно тонкая половозрастная дефиниция статуэток, а второй подразумевает восприятие их носителями культуры на уровне «видов».

Как было показано, большинство отчетливых «видов» «типа» 1 фиксируется на протяжении Кукутени-Триполья и по всей ее территории, что позволяет говорить о постоянстве набора зооморфных образов, актуальных для носителей данной культуры.

Широкое распространение воплощений этих же «видов» животных в пластике и на керамике многих других неолитических и энеолитических культур Европы уже явно свидетельствует об общности представлений, связанных с ними, в пределах всего раннеземледельческого ареала. Это могла быть целая система зооморфных символов, которую атрибутированные статуэтки «типа» 1 отразили лишь частично.

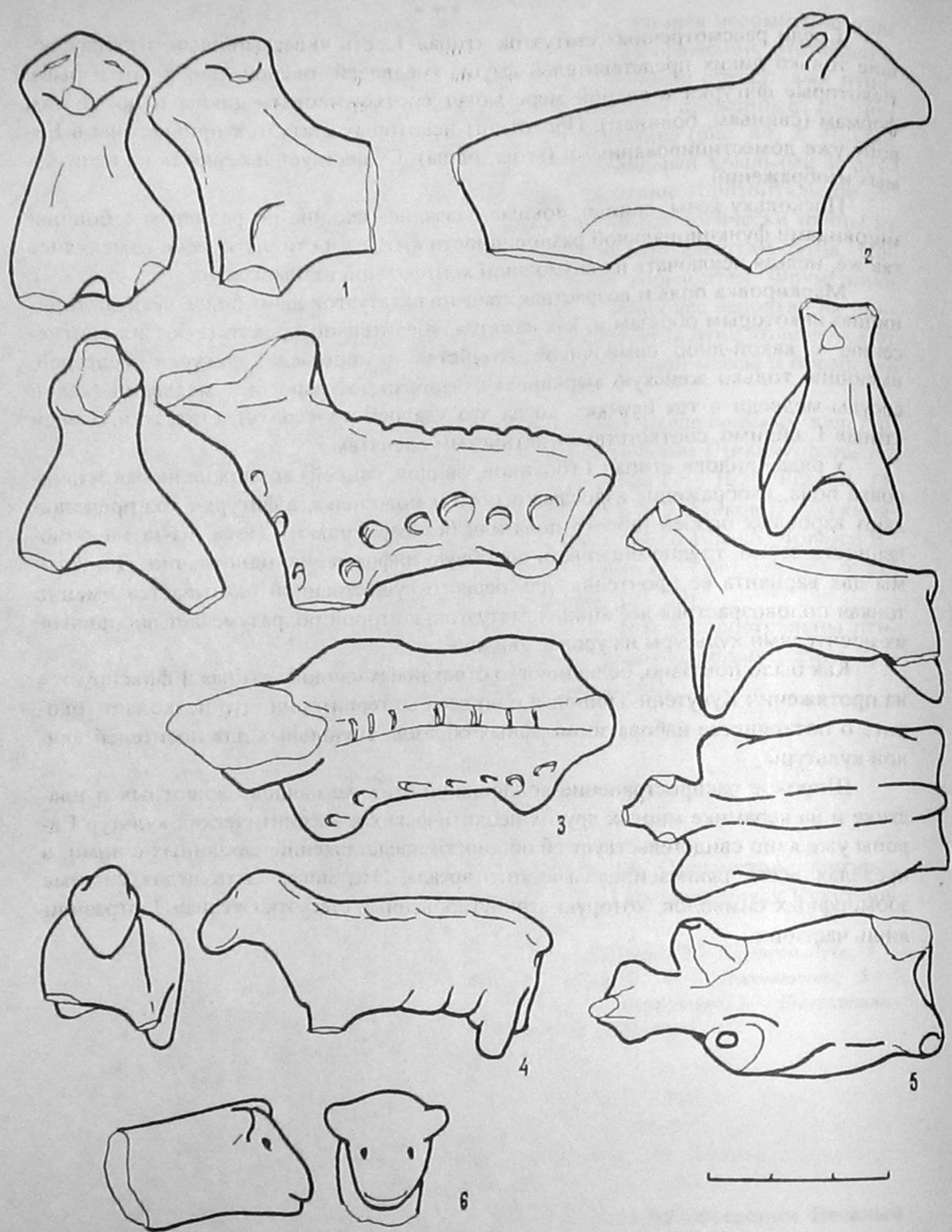

Рис. 70. Безрогие фигурки «типа» 1, предположительно «овцы»:
 1 — Ларга-Жижия (Прекукутень); 2 — Извоар II (Кукутень А1А2); 3 — Лука-Врублевская (Прекукутень); 4 — Трушесть (Кукутень А3); 5 — Друцы I (Кукутень А4); 6 — Кошиловцы (Триполье С1С2). (1, 4 — по М. Петреску-Дымбовице; 2 — по Р. Вульпе; 3 — по С.Н. Бибикову)

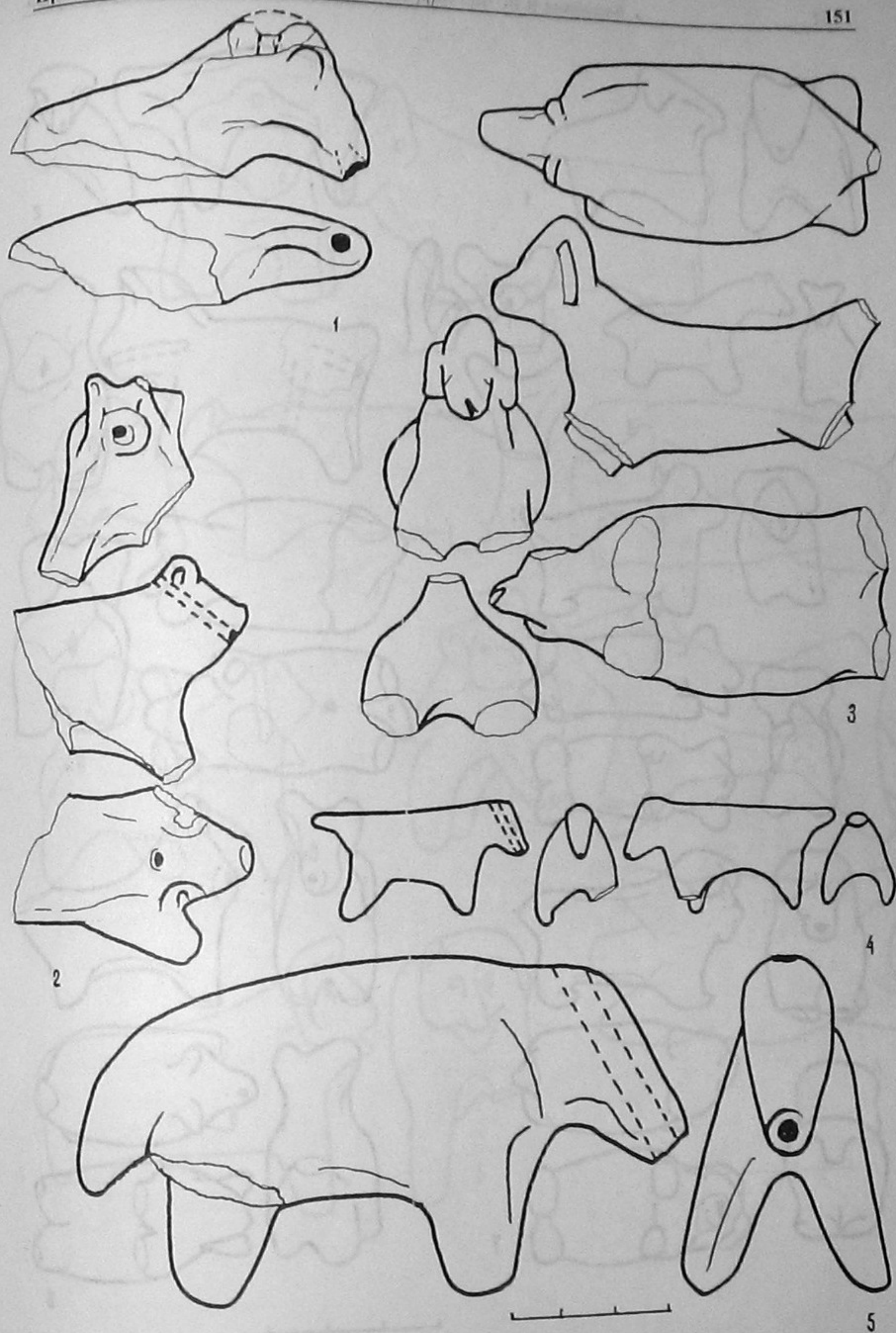

Рис. 71. Безрогие фигурки «типа» 1, предположительно «овцы»:
 1 — Бернашевка (Прекукутень); 2 — Новые Русешты (Кукутень А2); 3 — Друцы I (Кукутень А4); 4 — Поливанов Яр III (Кукутень А2); 5 — Тырпешть (Прекукутень). (1 — по В.Г. Збеновичу; 4 — по Т.А. Поповой; 5 — по С. Маринеску)

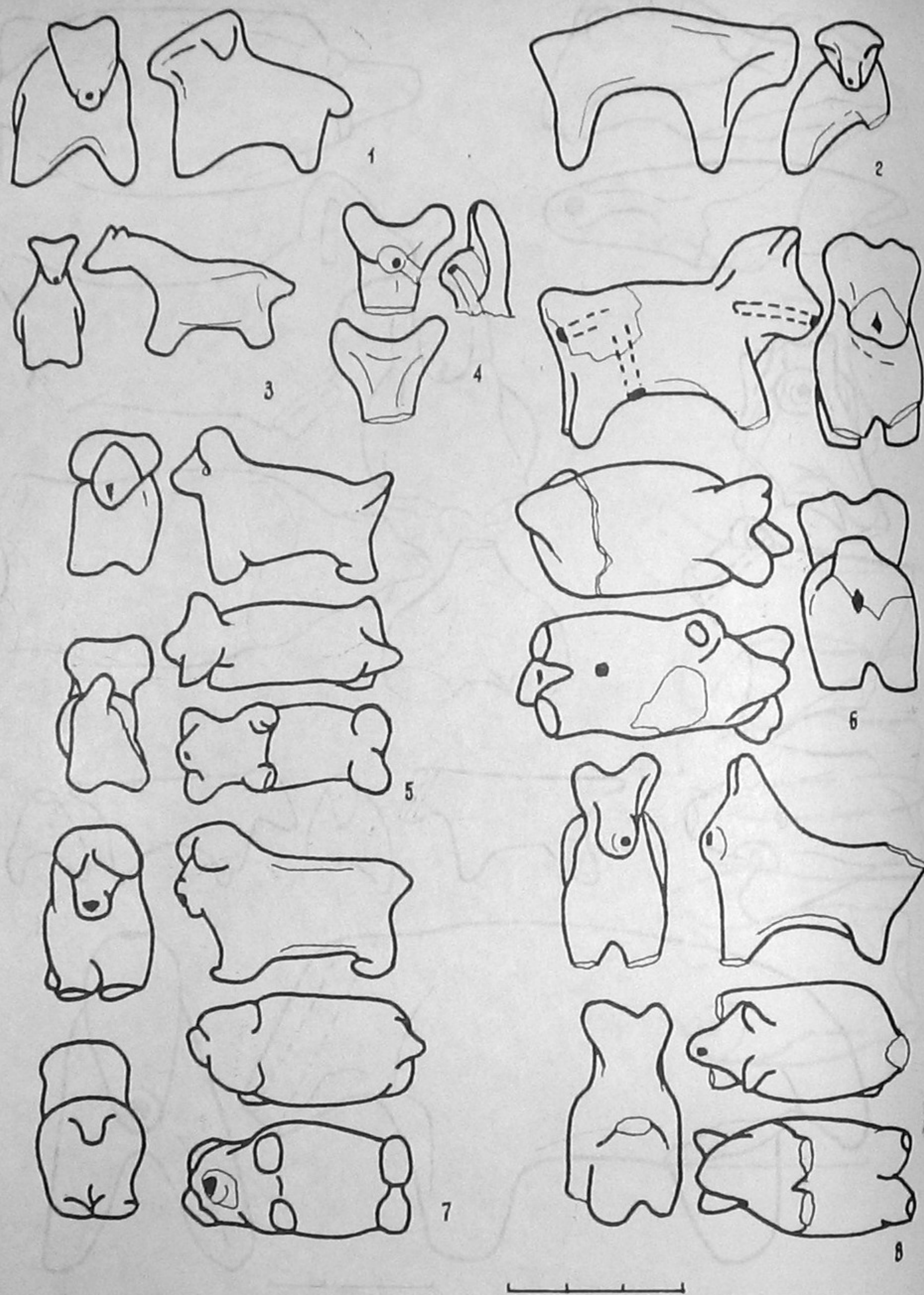

Рис. 72. Безрогие фигурки «типа» 1, предположительно «овцы»:
1, 2 — Хебешешть (Кукутень А3); 3 — Кукутень (без привязки); 4-8 — Майданецкое (Кукутень В2). (1, 2 — по В. Думитреску; 3 — по Г. Шмидту)

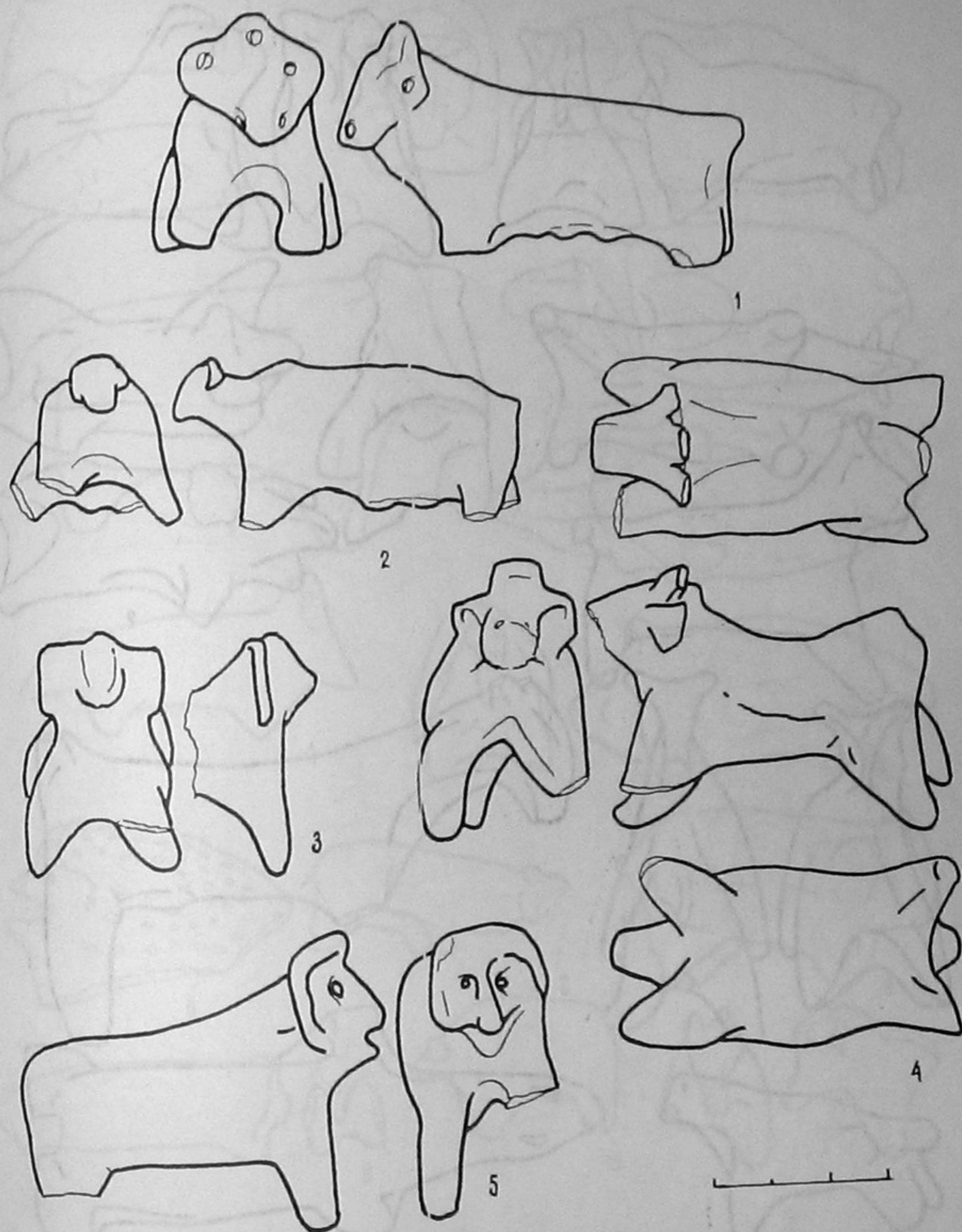

Рис. 73. Безрогие фигурки «типа» 1, предположительно «комолые boviny»:
1 — Хебешешть (Кукутень А3); 2 — Изеоар II (Кукутень А1А2); 3, 4 — Друцы I; 5 — Дрезушень-Остров (Кукутень А4). (1 — по В. Думитреску; 2 — по Р. Вульпе; 5 — по А. Кришмару)

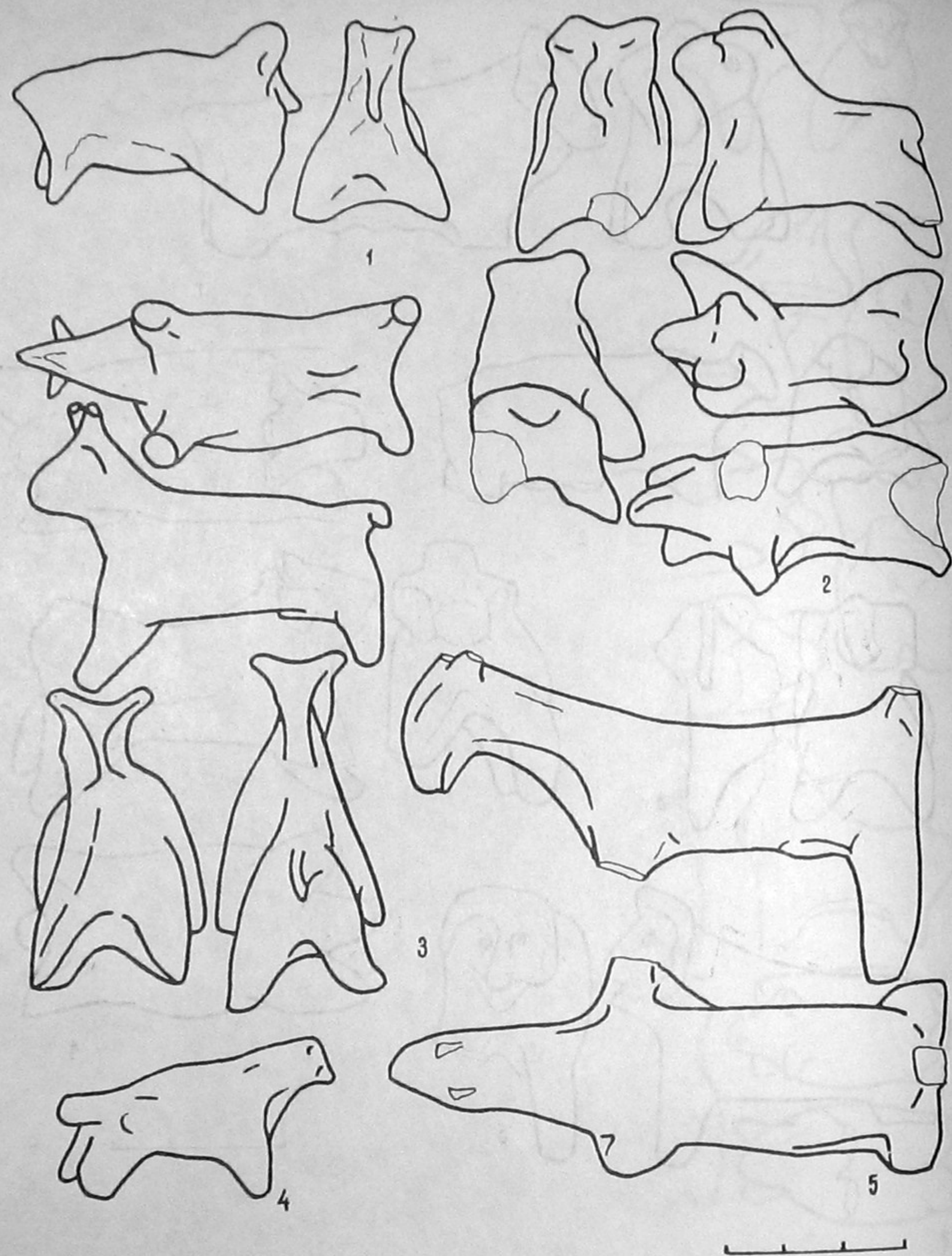

Рис. 74. Безрогие фигурки «типа» 1, предположительно «собаки»:

1 — Тырпешть (Кукутень А1); 2, 3 — Друцы 1 (Кукутень А4); 4 — Фрумушика (без привязки); 5 — Кошиловцы (Триполье С1С2). (1 — по С. Маринеску-Былку; 4 — по Ч. Маташа)

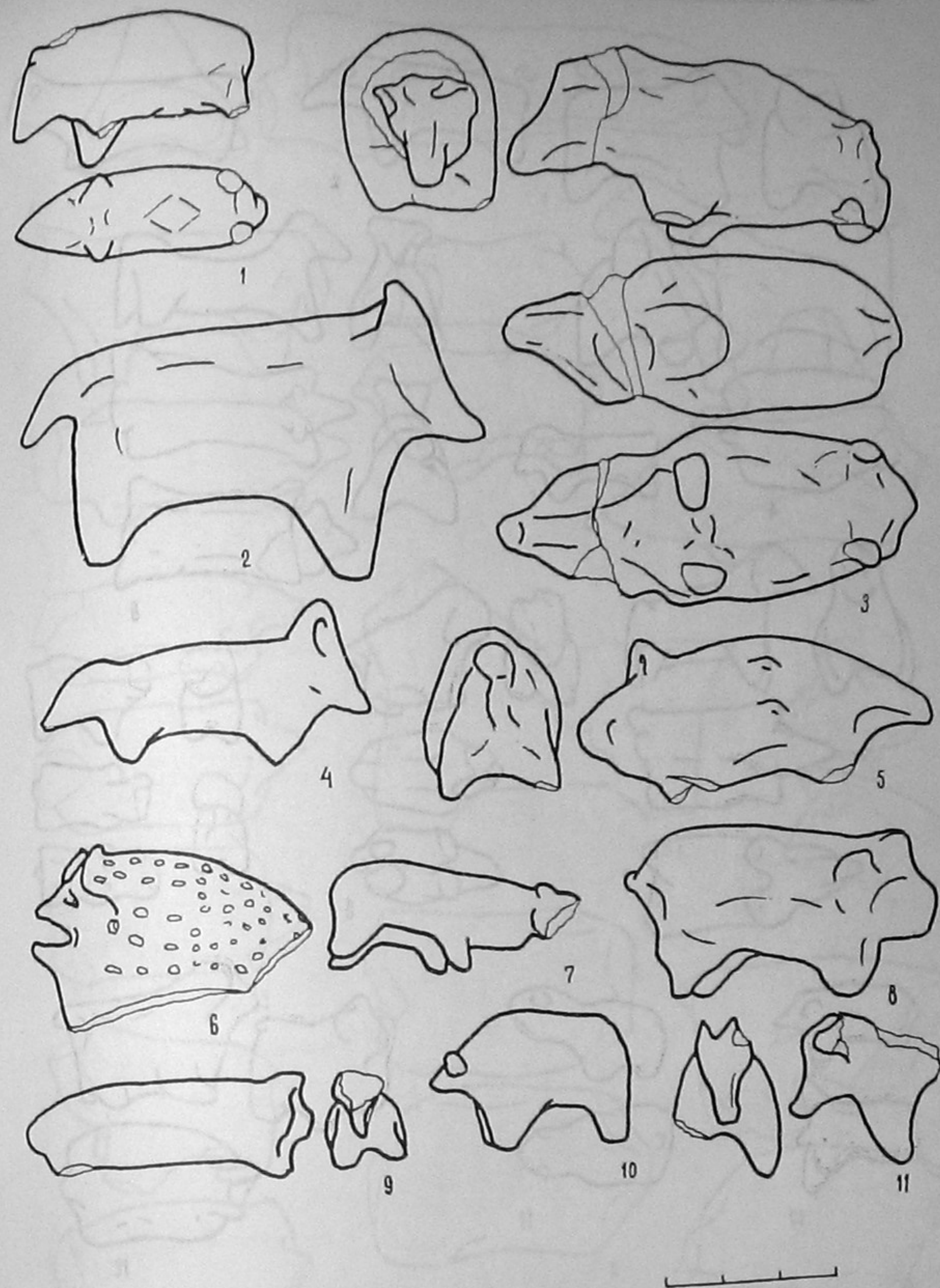

Рис. 75. Безрогие фигурки «типа» 1. Неясные, возможно дикие, звери:

1 — Новые Русешты (Кукутень А1); 2, 4, 5 — Хебешешть (Кукутень АВ2); 3 — Василевка (Кукутень А4); 6 — Тырпешть (Кукутень А1); 7 — Пенежсково (Кукутень АВ); 8 — Кадиевцы (Кукутень АВ); 9 — Яблони (Кукутень АВ2); 10 — Музей в Фелтичени, 11 — Музей в Яссах (без привязки). (2, 4, 5 — по В. Думитреску; 6 — по С. Маринеску-Былку; 7 — по М. Химнеру; 8 — по М. Я. Рудинскому; 9 — по И.А. Борзьяк; 10 — по Д. Попович, К. Симичук; 11 — по Н. Берлеску)

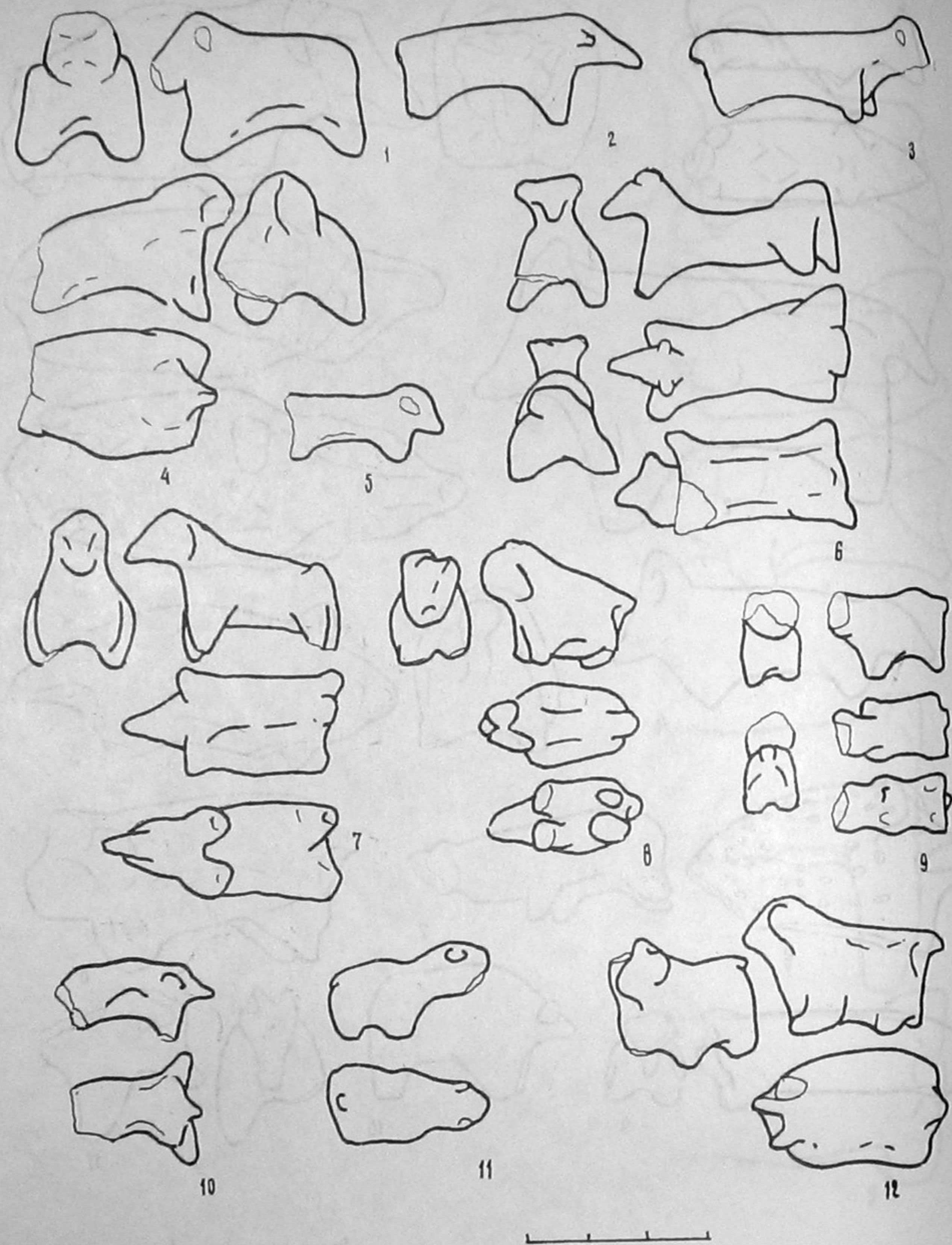

Рис. 76. Мелкие безрогие фигурки «типа» 1:

1-3, 5 — Хебешешть (Кукутень А3); 4, 6, 7 — Друцы 1 (Кукутень А4); 8, 9 — Майданецкое (Кукутень В2); 10 — Поливанов Яр (без привязки); 11, 12 — Кошиловцы (Триполье С1С2). (1-3, 5 — по В. Думитреску)

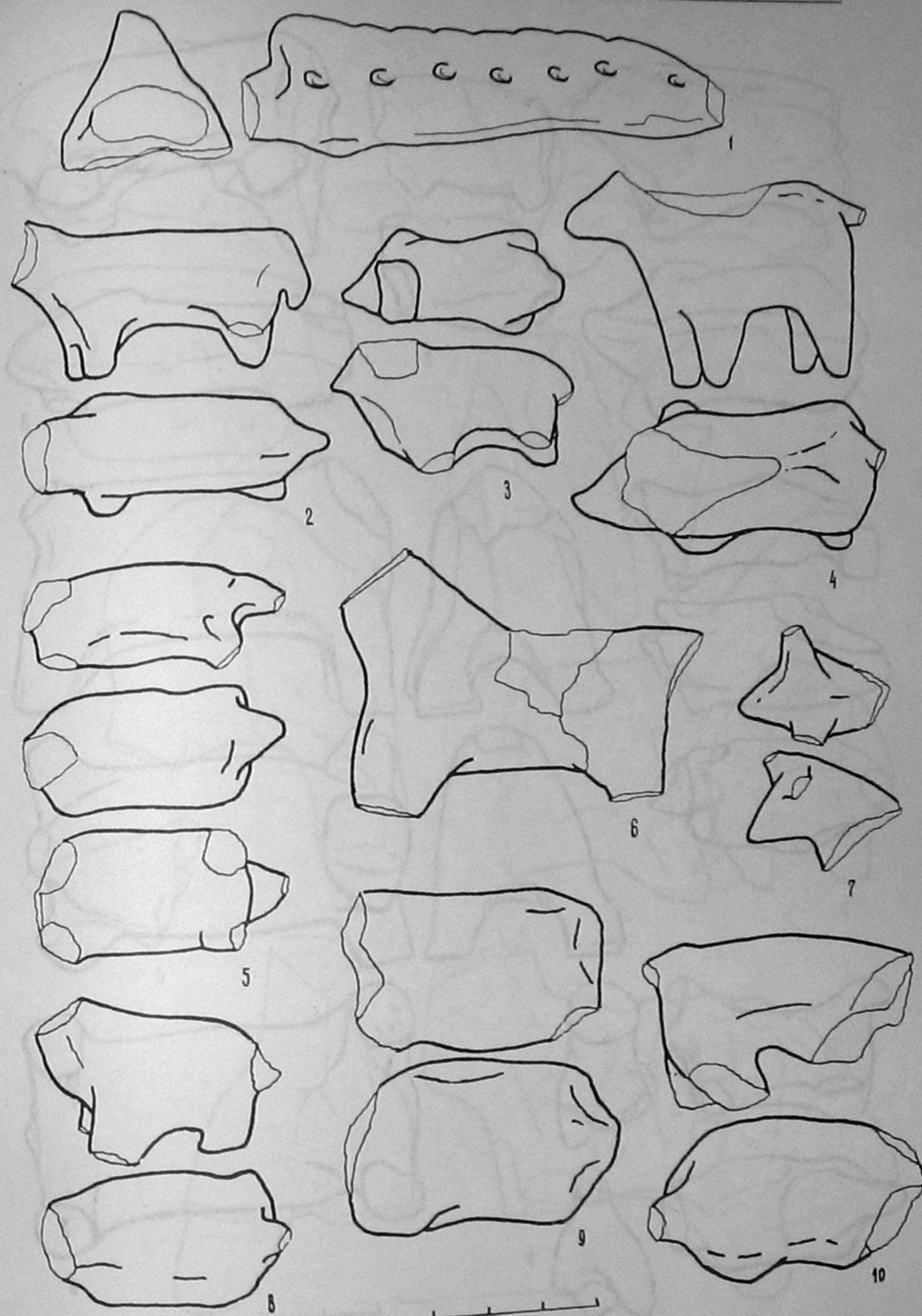

Рис. 77. Фрагментированные фигурки «типа» 1:

1 — Лука-Врублевская; 2 — Новые Русешты А (Прекукутень III); 3, 4 — Городница; 5 — Новые Русешты В; 6 — Гемвар; 7-10 — Поливанов Яр III (Кукутень А1А2). (1 — по С. Н. Бибикову; 6 — по З. Шекели)

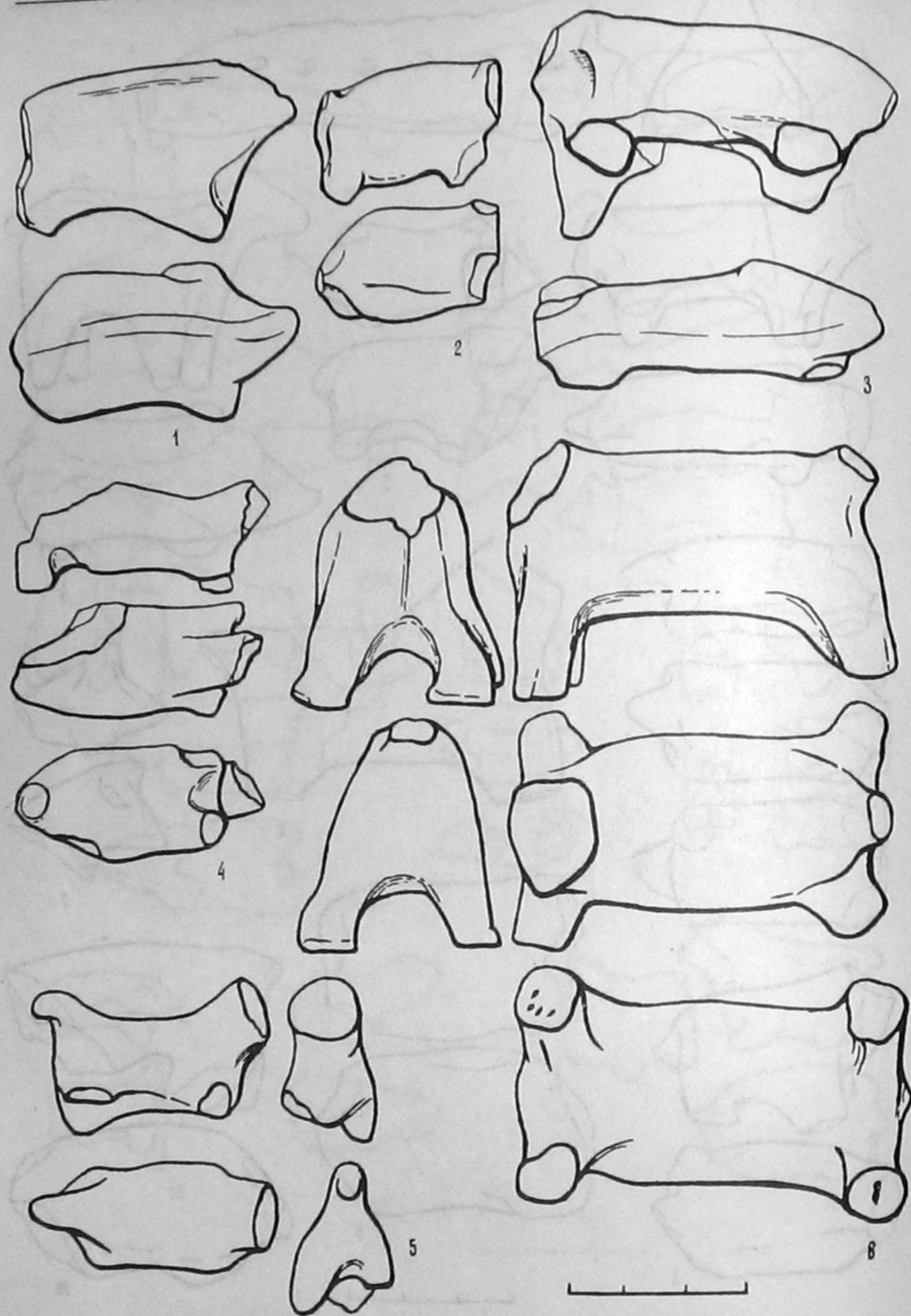

Рис. 78. Фрагментированные фигурки «типа» 1:
1-3 — Поливанов Яр III (Кукутень А2); 4-6 — Друцы I (Кукутень А4)

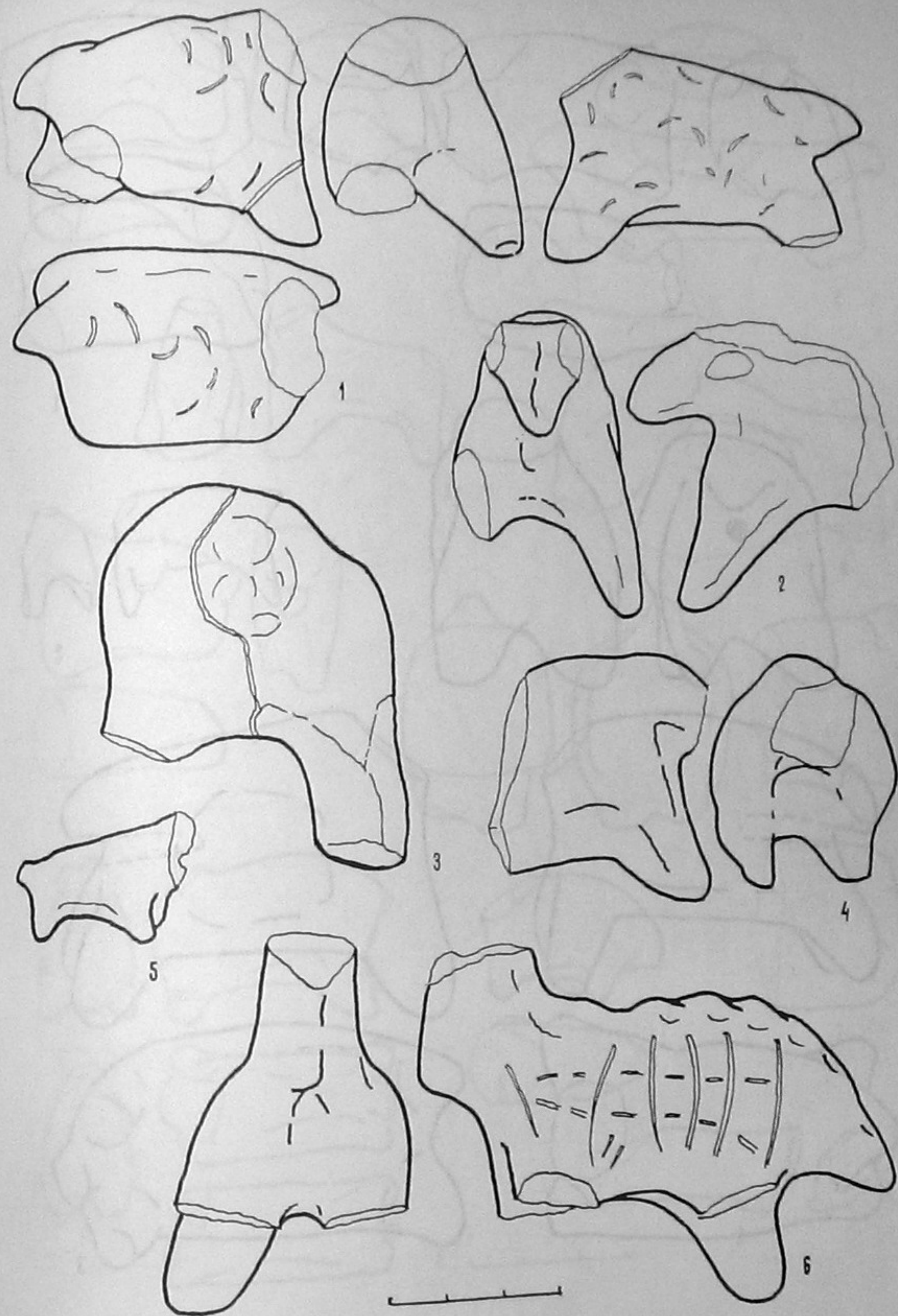

Рис. 79. Фрагментированные фигурки «типа» 1:
1, 3 — Друцы I; 2, 4 — Пойнешть; 5 — Хебешешть; 6 — Тырнешть (Кукутень А). (2, 4 — по Р. Вульпе; 5 — по В. Думитреску; 6 — по С. Маринеску-Былку)

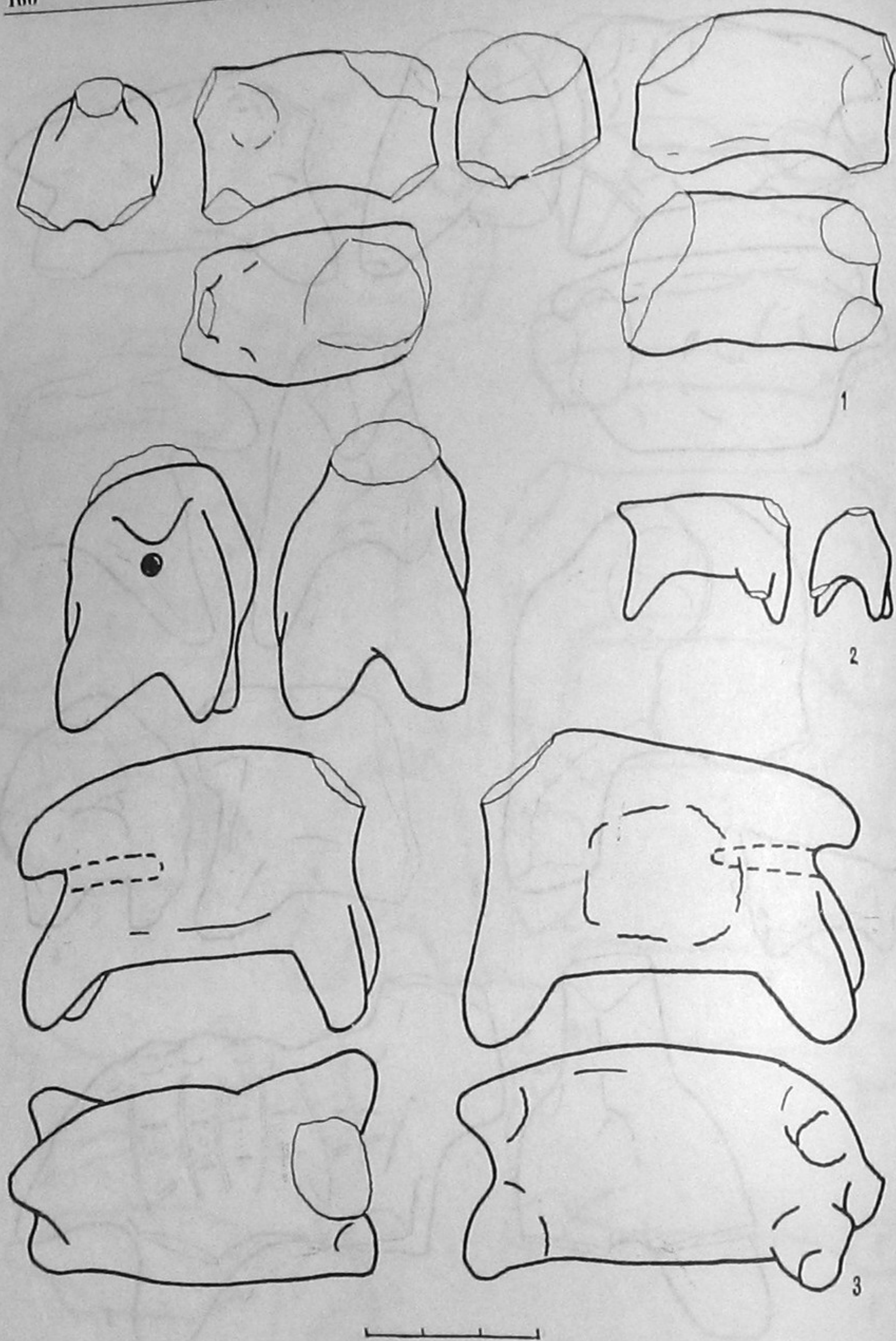

Рис. 80. Фрагментированные фигурки «типа» 1:

1 — Старые Дуруидоры; 2 — Вэлтень; 3 — Гура-Кайнарулуй (Кукутень А). (2 — по Д. Коман)

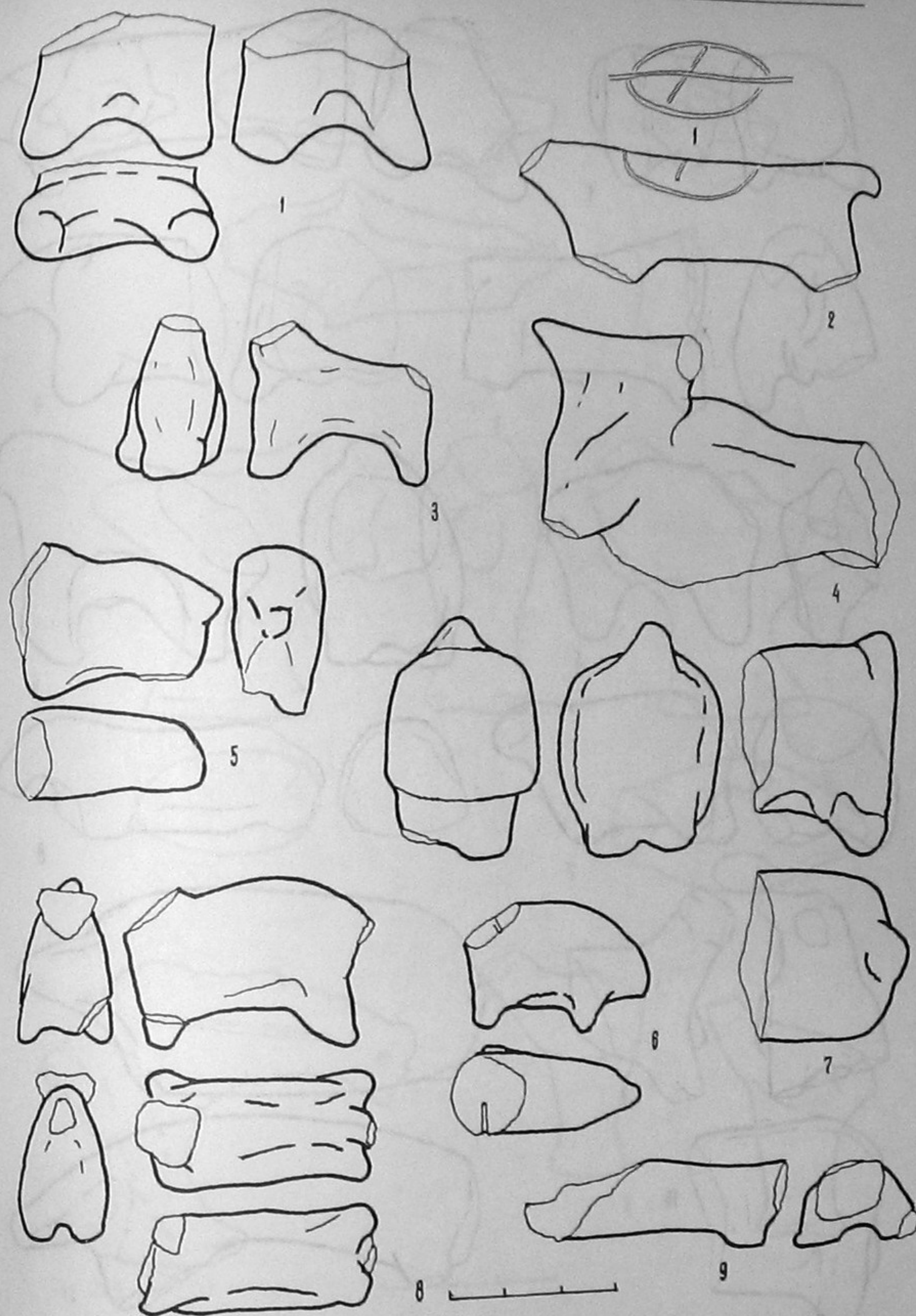

Рис. 81. Фрагментированные фигурки «типа» 1:

1 — Яблona; 2 — Оргошешть; 3 — Кукутень-Четецуэ; 4 — Негрешть (Кукутень АВ); 5 — Коновка (Кукутень В1); 6 — Немиров; 7 — Главан I; 8, 9 — Тальянки (Кукутень В2). (2, 4 — по Д. Коман; 3 — по Н. Берлеску)

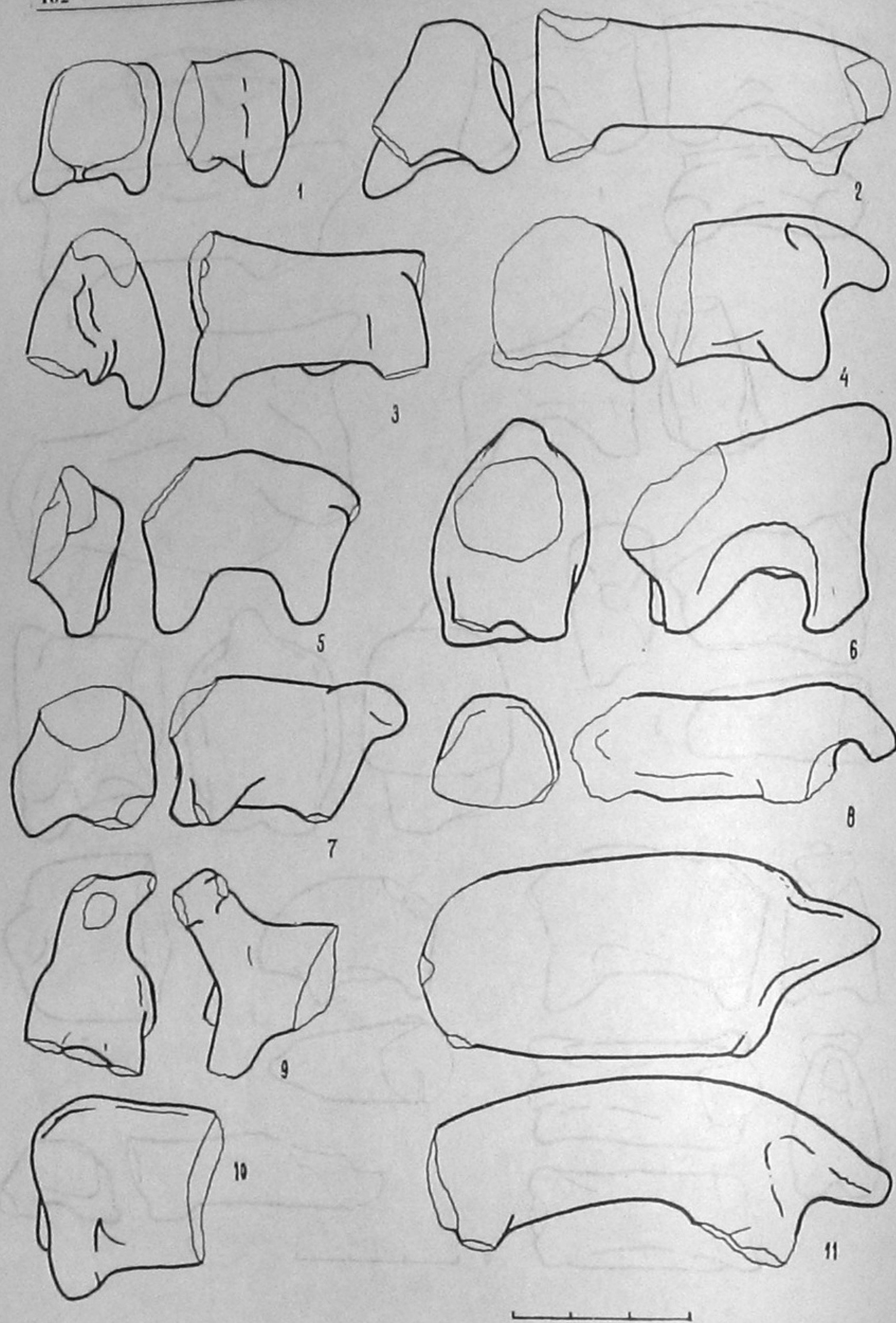

Рис. 82. Фрагментированные фигурки «типа» 1 (беспаспортные):

1-9 — Музей в Яссах; 10 — Музей в Фелтичени; 11 — Музей в Кишеневе. (1-9 — по Н. Берлеску; 10 — по Д. Попович, К. Симичук)

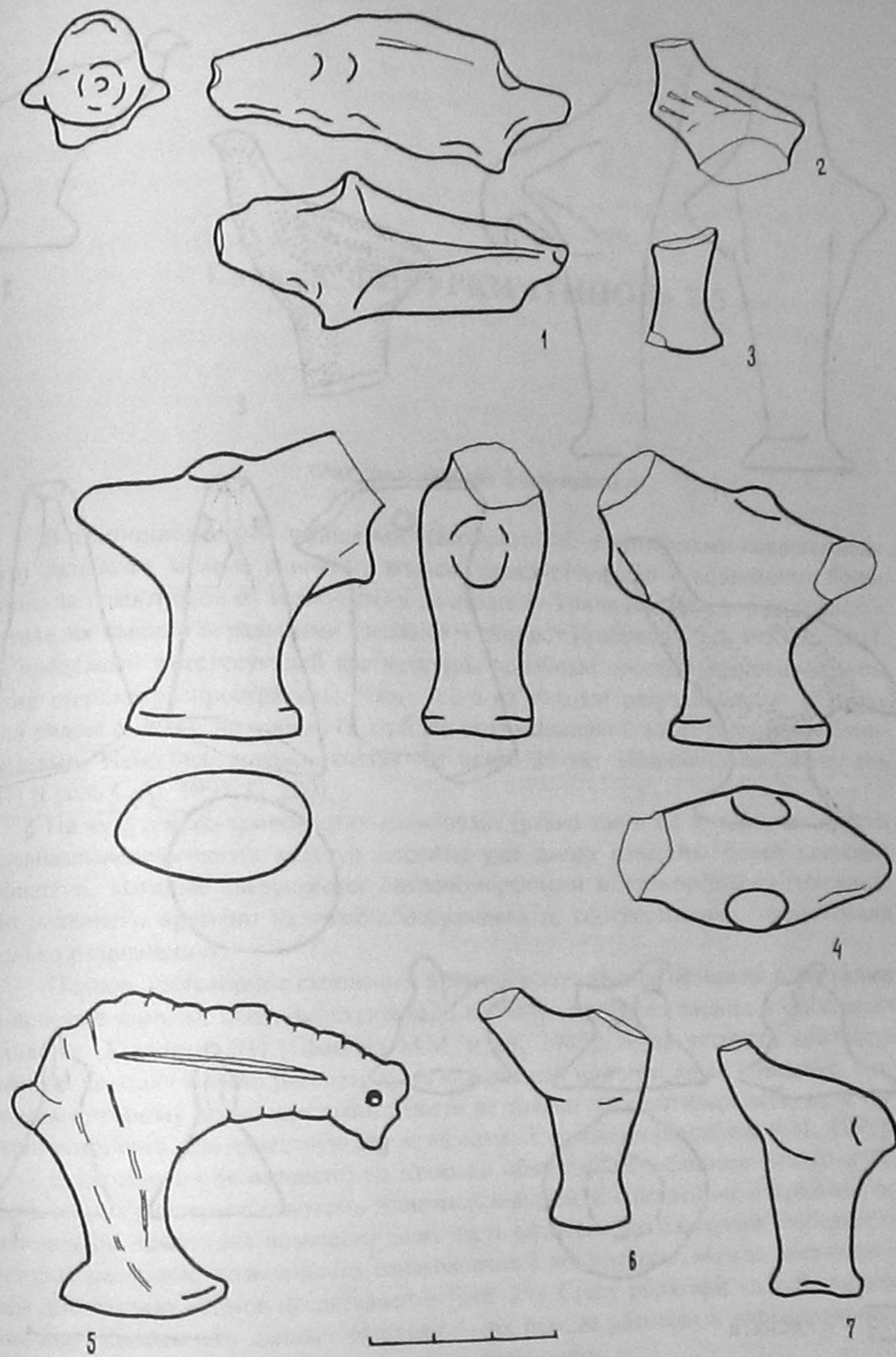

Рис. 83. Фигурки «типа» 1 (1 — рыба, 2-7 — птицы):

1 — Веселай Кут (Кукутень АВ); 2, 3 — Сабатиновка II; 4 — Путинешты; 5 — Лука-Врублевецкая; 6 — Берново-Лука (Прекукутень III); 7 — Хебешешть (Кукутень АЗ). (1 — по Е.В. Цвек; 2, 3 — по В.М. Даниленко; М.Л. Макаревичу; 5 — по С.П. Бибикову; 6 — по Т.С. Пассек; 7 — по В. Думитреску)

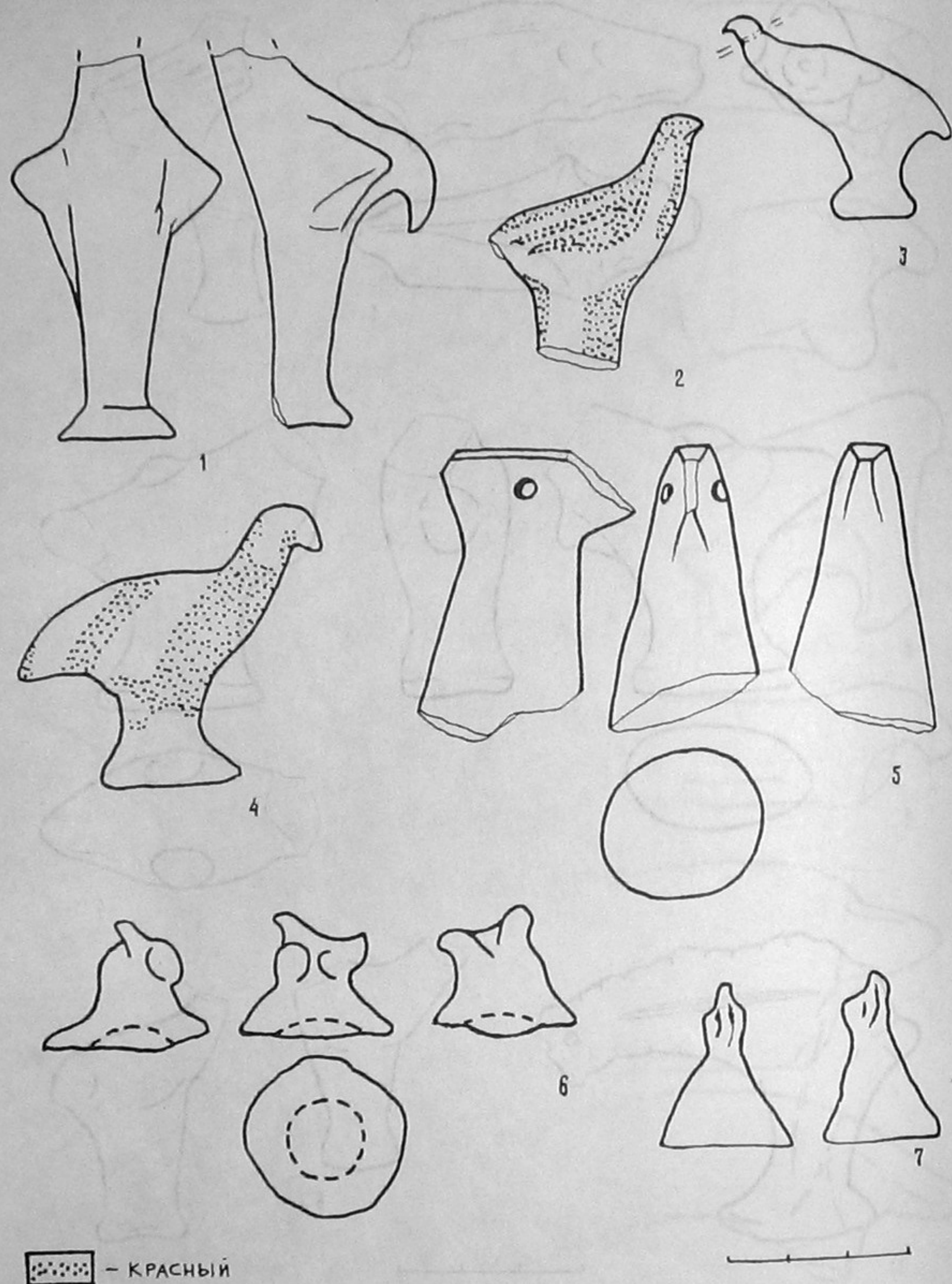

Рис. 84. Фигурки «типов» 1 (1-4 — птицы) и 2 (5-7):

1 — Тырпешть; 2 — Бырлалешть-Стурза; 3, 4 — Фрумушика; 5 — Друцы 1; 6 — Старые Дуруидоры; 7 — Трушешть (Кукутень А). (1 — по С. Маринеску-Былку; 2 — по Д. Коман; 3, 4 — по Ч. Маташа; 7 — по М. Петреску-Дымбовица)

Глава 5. ФИГУРКИ «ТИПОВ» 2-8

Фигурки «типа» 2 («фишки»)

В триполиеведении «фишками» (ассоциативно с атрибутами современных игр) называют мелкие глиняные конусы, присутствующие в коллекциях большинства памятников от Прекукутени до позднего Триполья. Некоторые исследователи их именно игральными фишками и считают [Бибииков С.Н., 1953. С. 201]. За пределами интересующей нас культуры подобные простые «фишки»-конусы тоже широко распространены. Чаще всего их находят разрозненно — в домах или рядом с ними, но иногда (в этой же околожилищной зоне) фиксируют скоплениями. Наиболее крупное составляет около 20 экз. (Ворошиловка, Кукутень В1) [Гусев С.А., 1995. С. 220].

На кукутенско-трипольских памятниках (равно как и на поселениях других древнеземледельческих культур Европы) уже давно известны более сложные «фишки», которые завершаются антропоморфными и зооморфными головами. До недавнего времени их тоже обнаруживали и, соответственно, публиковали только разрозненно.

Первое достоверное скопление, в котором сочетались «фишки» с головами и простые конусы, было зафиксировано на полу одного из жилищ в поселении Коновка (Кукутень В1) [Шмаглей М.М. и др., 1985]. Из-за четкости контекста данную находку можно рассматривать как полный или неполный комплект, благодаря которому появилась возможность не только систематизировать, но и интерпретировать всю известную серию «фишек» с головами [Балабина В.И., 1997].

В скоплении (комплекте) из Коновки общее число «фишек» близко к 40. Семь из них сделаны с головами животных и людей. К сожалению, в публикацию материалов памятника помещена лишь часть «фишек», но благодаря любезности авторов раскопок, позволивших ознакомиться с комплексом, можно составить о нем достаточно полное представление (рис. 85). Сразу обратили на себя внимание две особенности данных «фишек» — их разные размеры и варьирование у них цвета формовочной массы и окраски поверхности.

1. Самыми крупными оказались две «фишки» с головами баранов (рис. 85, 2, 5). Диаметры их оснований — 4 и 5 см, высота (измерялась до затылка) 3 и 4,5 см. Рога баранов моделированы вытягиванием. Они разведены в стороны и опу-

шены, концы же повернуты вперед. Морды сделаны посредством вертикального зажима. Обе «фишки» вылеплены из белой глины и окрашены в красный цвет.

2. Следующую группу образовали четыре «фишки» меньшего размера с головами бовинов, оленя и условно антропоморфной. Диаметры их оснований около 2,5 см, а высота — 1,6-1,8 см.

«Фишка» с головой оленя увенчана ветвистыми рогами; ее длинная морда моделирована вытягиванием, рот прочерчен (рис. 85, б). Из-за отсутствия сколов цвет теста неясен. Поверхность же окрашена в красный цвет.

У «фишек» с головами бовинов конические морды и небольшие прямые рога, расставленные под некоторым углом. Морда и рога одной из них моделированы вытягиванием, у второй морда прилепная, рога вытянутые (рис. 85, 1, 3). У этой пары цвета теста и поверхности перекрестно различаются: у одной тесто белое, а облицовка красная, у второй — наоборот.

Лицо «фишки» с антропоморфной (?) головой моделировано зажимом (рис. 85, 4). Она вылеплена из белой глины и облицована красной.

3. Последнюю размерную группу составляют еще одна антропоморфная «фишка» и все простые «фишки»-конусы, имеющие диаметр основания около 1,5 см и высоту 1,6 см. Сведения об этой группе почерпнуты из публикации, где, к сожалению, отсутствует информация о цвете формовочной массы и поверхности фигурок [Шмаглій М.М. и др., 1985]. У антропоморфной «фишки» выделены голова (нос моделирован зажимом) и руки в виде выступов (рис. 85, 7).

В комплекте из Коновки впервые и для трипольской пластики, и для всего раннеземледельческого ареала Европы фиксируется сочетание разновеликих зооморфных и антропоморфных образов. Как оказалось, каждая последующая группа «фишек» почти в полтора раза мельче предыдущей. Столь отчетливая их дифференциация может соответствовать значимости «персонажей». Тогда особенно любопытно, что у двух самых крупных «фишек» головы баранов (а не бовинов и не антропоморфные).

Если комплект сохранился полностью, отметим в нем наличие одиночных персонажей (олень-самец) и парных (бараны, бовины, антропоморфные). Антропоморфные «фишки» и бараны составляют отчетливо разновеликие пары. Пара бовинов одного размера, но оппозиционна по цвету поверхности и формовочной массы. Поскольку цветовая маркировка, видимо, бинарна у всех «фишек» с головами, возможна подобная оппозиционность и у антропоморфной пары.

Наличие в комплекте двух «фишек» в виде баранов не только определенно указывает на возможность их парных изображений для рассматриваемой культуры, но и впервые это документирует (в той же мере, например, как для культуры воронковидных кубков) [Bábel I.T., 1982 a, б].

В данном комплекте примечателен единый размер (ранг?) оленя и двух бовинов, повторяющих комбинацию тех же персонажей на знаменитом бронзовом штандарте из Аладжи-Хююка [Yakar J., 1985. Pl. XVI, 1]. Сама «фишка»-олень представляет взрослого самца (а не олененка). Она образно сопоставима с многочисленными фигурами самцов-олений, воспроизводившимися носителями разных древнеземледельческих культур в декоре посуды и даже в виде сосудов.

Для Кукутени-Триполья известно еще несколько «фишек» с зооморфными и антропоморфными головами. Оценка их размеров из-за разрозненности не имеет смысла. Но бинарность цветовой маркировки (при визуальном знакомстве) встречена и среди них.

Из Старых Дуруидор (Кукутень А4) происходит «фишка» с головой бовина. Ее морда моделирована зажимом, рога — вытягиванием (рис. 84, б). Эта «фишка» со слегка вогнутым основанием, диаметром 2,8 см и высотой (до затылка) 1,8 см, вылеплена из смеси красной и белой глины.

Коническая «фишка» с птицеобразной головой есть в Друцах 1 (Кукутень А4). Голова моделирована условно: затылок заострен, темя узкое, плоское. Глаза изображены сквозным горизонтальным отверстием. Клюв отбит (рис. 84, 5). Диаметр основания — около 2,5 см, высота «фишки» — 4,5 см. Она вылеплена из белой глины с добавлением сухой красной.

Две «фишки» с головами найдены в Трушешти (Кукутень А2). Одна из них антропоморфна (лицо моделировано зажимом), высотой 2,9 см при диаметре основания 2,2 см (рис. 84, 7). Вторая, более крупная, фрагментированная, имела зооморфную рогатую голову (олень? бовина?) [Nițu A., 1972. Fig. 18, 4].

Предмет, в равной мере напоминающий и «фишку» с птичьей или антропоморфной головой и вогнутым основанием, и крышечку миниатюрного сосудика, присутствует во Фрумушике (Кукутень А2) [Matașa C., 1946. Fig. 31]. Диаметр ее основания — 2,7 см, высота — 2,5 см.

В Хебешешти (Кукутень А4) известно несколько мелких схематических антропоморфных статуэток, похожих на «фишки», у которых моделировано только лицо [Dumitrescu V. et al., 1954. Fig. 37, 2, 3, 5].

Среди опубликованных материалов других раннеземледельческих культур Европы тоже встречаются конические «фишки» с головами и без них.

Особенно многочисленны антропоморфные. Они есть на поселениях, относящихся к Старчеву-Кришу и раннему неолиту Болгарии [Arandjelović-Garašanin D., 1954. Sl. 12; Galović R., 1968. Pl. 13, 4; НЦБ, кат. 41; Николов В., Григорова К., Сиракова Е., 1991. Обр. 4, и], на винчанских, гумельницких и лендельских памятниках [Васић М., 1936. Т. II. Сл. 183, 188; Гарашанин Д., 1968. Сл. 8; Marinescu-Bîlcu S., Ionescu V., 1968. Pl. XVI, 1; Karmanski S., 1977. Tabl. 1, 2; Lazarović Ch., 1979. Pl. XX. G. 1, 1. 4; XXI. G. 4; Трбуховић М., Васильевич М., 1983. Табл. XII, 6; Podborzský V., 1985. Tabl. VII, 1; Gimbutas M., 1989. Fig. 422, 2]. Иногда проскальзывают сообщения об их парности [Николов В. и др., 1991]. Фигурки, похожие на антропоморфные «фишки», демонстрирует пластика III горизонта Ситагри [Renfrew C., Gimbutas M., Elster E., 1986. Fig. 9. 46 (127), 118 (115), 133 (226)]. На половине из перечисленных «фишек» обозначены признаки женского либо мужского пола.

Зооморфные «фишки» с головами бовинов, баранов, птицы, самки оленя (или олененка), неясных безрогих зверей зафиксированы на ряде винчанских поселений, в Градешнице, Ситагри, Дrame и даже на некоторых памятниках эпохи бронзы [Васић М., 1936. Т. II. Табл. LIV. Сл. 190; Comșa E., 1969. Fig. 24, 1, 2; Николов Б., 1970. Обр. 15, г; Николов Б., 1974. Обр. 36; Tasić N., 1973. Tabl. XXVI, 89; Dumitrescu V., 1974. Fig. 397; Lazarović Ch., 1979. Pl. XX. F. 1, G. 8; Renfrew C. et al., 1986. Fig. 9. 170 (95); Fol A. et al., 1989. Taf. 13, 4]. «Фишка» с головой оленя и вогнутым основанием (или крышка миниатюрного сосудика) происходит из XVI горизонта Голямо Делчево [Тодорова Х., 1975. Табл. 103, 9].

Число возможных сопоставлений значительно возрастет, если привлечь известные на многих европейских неолитических и энеолитических памятниках мелкие фигурки на столбчатом основании, названные в классификации Х. Тодоровой идолами-бюстами [Тодорова Х., 1980. С. 58]. Они бывают антропоморфны и зооморфны [Васић М., 1936. Сл. 182, 183, 186, 189; Marinescu-Bîlcu S., Ionescu

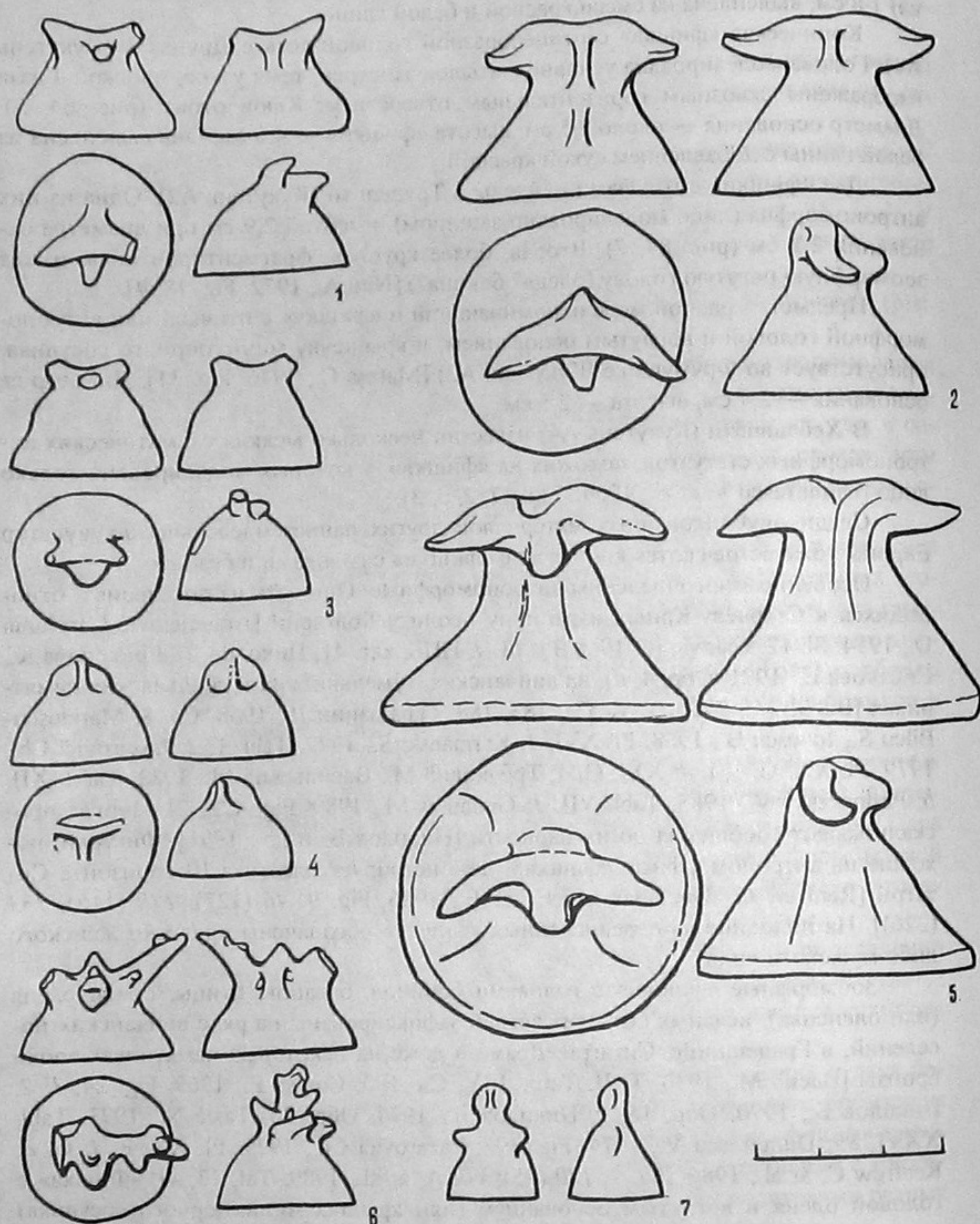

Рис. 85. Фигурки «типа» 2 — «фишки»:

1-7 — комплект из Коновки

В., 1968. Pl. XVI, 2; Тодорова Х., 1975. Табл. 73, 4; Тодорова Х., 1980. Рис. 5, 1, 2, 4, 8; 10, 4, 7; Вайсов И., 1984. Табл. 15, 5; Fol A. at al., 1989. Taf. 13, 4]. На морфологическую близость этих фигурок и конических «фишек» с головами обратил внимание еще М. Васич [Васић М., 1936. Т. II. С. 93].

Несмотря на явные информационные лакуны, уже сейчас ясно, что по отдельности все персонажи из коновского комплекта представлены однотипной пластикой в разных древнеземледельческих культурах Юго-Восточной Европы. Более того, список зооморфных образов по разрозненным «фишкам» оказался шире («фишки»-птицы, неясные безрогие звери, самка оленя или олененок), что позволяет допускать и варьирование подобных наборов.

Фигурки «типа» 3 (без морды)

«Тип» 3 объединил рогатые статуэтки с условно трактованной головой. У них вместо морды плоское место. Впервые для рассматриваемой культуры данный «тип» был выделен Т.А. Поповой в Поливановом Яре [Попова Т.А., 1970. С. 9]. Позднее оказалось, что такие фигурки встречаются в выборках пластики почти на всем протяжении Кукутени-Триполья (пока они не известны только для Прекукутени) и не имеют локальной специфики (карта 13) [Балабина В.И., Гирнык И.П., 1988]. В настоящее время серия составляет 30 экземпляров.

К Кукутени А относятся 13 статуэток, найденных в Тырпешти IV (Кукутень А1), Поливановом Яре III (Кукутень А2), Хебешести (Кукутень А3) и Друцах I (Кукутень А4). Эти фигурки морфологически столь же неотчетливы, как и синхронная им группа бовинов/овидов «типа» 1 (рис. 86; 87, 1, 2). У всех изображений из-за специфической моделировки головы отсутствует шея. Прямые рога леплены вытягиванием одновременно с передними ногами. Грудь обычно уплощена, подгрудки отсутствуют. У большинства экземпляров холка низкая (лишь в двух случаях она подчеркнута зацепом, отмечающим и позвоночник). Линия спины прямая или слегка выпуклая. Бока округлые; моклоки отмечены небольшими вмятинами справа и слева от торчащего хвоста. Брюхо бывает плоское и подтянутое. Коротенькие раздельные ноги лепились вытягиванием. Знаков пола на фигурках нет.

Кукутени АВ принадлежит одна статуэтка из Солончен II, которую трудно описать из-за качества иллюстрации [Мовша Т.Г., 1960].

Кукутенью В1 датируется фигурка из Брынзен VIII, пропорционально близкая варианту 1 группы II бовинов/овидов «типа» 1 (рис. 87, 3). Ее передние ноги, грудь и разведенные в стороны рога составляют единую плоскость, шеи нет. Грудь плоская, узкая, без подгрудка. Холка высокая, линия спины прямая. Позвоночник не обозначен. Бока плоские, параллельные, зад прямой. Недлинный хвост отставлен и опущен. Брюхо подтянутое без маркировки пола. Парно сдвоенные ноги леплены вытягиванием.

К Кукутени В2 относятся 12 статуэток «типа» 3 — из Немирова, Дрегушени (Симеон-Русу), Брынзен IV, Чичиркозовки, Сухостава, Переможенцев. Они близки стилистическим вариантам 1 и 2 (рис. 88, 1-5) [Dumitrescu V., 19336. Fig. 23, 1, 2, 4-6; Маркевич В.И., 1981. Рис. 12, 3; Балабина В.И., Гирнык И.П., 1988. Рис. 1, 5]. Рога статуэток либо составляют единую плоскость с грудью и передними ногами, либо несколько наклонены вперед. Для большинства экземпляров по уровню сохранности их можно описать как прямые, возможно разведенные в стороны. У фигурок нет шеи. Грудь плоская без подгрудка. Холка бывает отмечена или

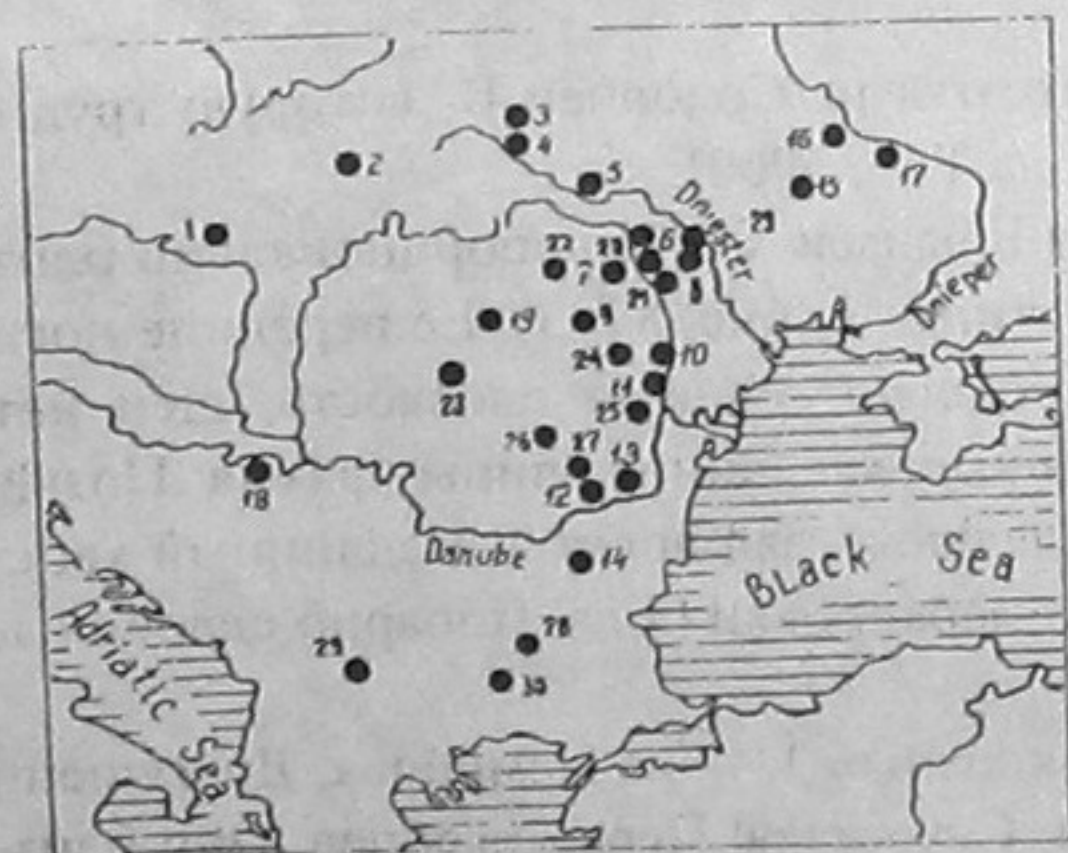
нет. Линия спины встречена прямая и выпуклая. Бока возможны плоские и слегка вмятые, а зад — прямой и приподнятый. Хвосты у всех статуэток короткие торчащие. Брюхо бывает прямое и подтянутое. В одном случае присутствует мужская маркировка пола. Ноги леплены вытягиванием попарно, могут быть раздвоены внизу. В туловище фигурки из Немирова сделано сквозное отверстие, идущее наискось от правого «плеча» к левой передней ноге (рис. 88, 4).

Единственная фигурка, относящаяся к Триполью С1С2, происходит из Кошиловцев. Она близка стилистическому варианту 2 (рис. 88, 6). У этой статуэтки на плоском участке, соответствующем морде, прочерчен рот. Рога отбиты. Шей нет. Туловище широкое с прямой спиной, плоскими параллельными боками, плоским брюхом (без маркировки пола).

Некоторые фигурки не имеют точной хронологической привязки. Одна из них, из Поливанова Яра 1 (Кукутень В1-3), близка варианту 2 (рис. 87, 4) и очень похожа на описанную фигурку из Кошиловцев (у нее также прочерчен рот, а на затылке сделана пара симметричных ногтевых углублений). Две беспаспортные статуэтки с территории Молдовы (по публикации Н. Берлеску) близки стилистическому варианту 1 (рис. 87, 5, 6). Фигурка из музея в Фелтичени по ряду деталей напоминает вариант 4(4а) (рис. 88, 7).

Все рассмотренные статуэтки «типа» 3 пропорционально и морфологически близки синхронным фигуркам бовинов/овидов «типа» 1. Обращает на себя внимание некоторая упрощенность их моделировки, редкость маркировки пола, которая бывает только мужской.

Данные о технологии известны лишь для части фигурок. Состав формовочной массы тот же, что у статуэток бовинов/овидов «типа» 1: мелкоструктурная глина с примесями шамота, дресвы, песка. В четырех случаях зафиксирована смесь двух глин разного цвета (фигурки из Поливанова Яра III, Друц 1, Чичирковки). Одна статуэтка леплена из продольных половинок (Брынзены VIII). На некоторых предметах сохранился ангоб цвета глины. Поверхность в большинстве случаев обработана небрежно. Длина фигурок колеблется от 2 до 5 см, но преобладают экземпляры длиной 3-4,5 см.

Карта 13. Фигурки «типа» 3 на раннеземледельческих памятниках Центральной и Юго-Восточной Европы

1 — Цидружице; 2 — Цифер-Пац; 3 — Сухостава; 4 — Кошиловцы; 5 — Поливанов Яр; 6 — Солончены; 7 — Дрегушень (Симеон Русу); 8 — Друцы; 9 — Тырпешть; 10 — Периешь; 11 — Сучава; 12 — Султана; 13 — Гумельница; 14 — Овчарово; 15 — Немиров; 16 — Переможенцы; 17 — Чичирковка; 18 — Бенска Бара; 19 — Гура Бачулуй; 20 — Брынзены IV; 21 — Брынзены VIII; 22 — Костешть; 23 — Окна Сибиулуй; 24 — Хебешешть; 25 — Бонцешть; 26 — Малаешть; 27 — Видра; 28 — Юнаците; 29 — Гладнице код Грачанице; 30 — Ситагри

Статуэтки без морды, выделенные как «тип» 3, широко распространены в раннеземледельческом ареале Европы на протяжении неолита и энеолита (карта 13). Самые ранние происходят из древнейших неолитических горизонтов в Гура

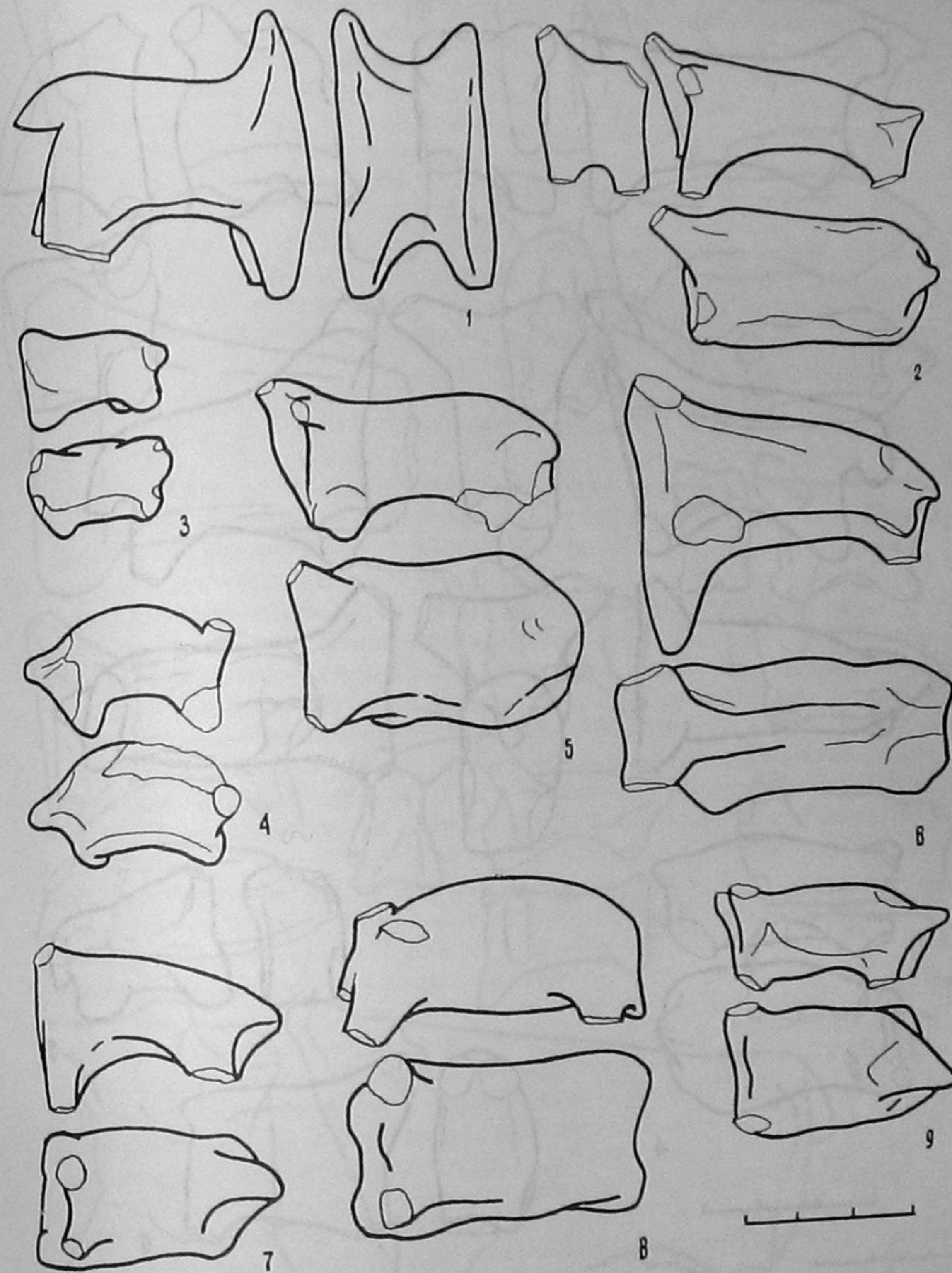

Рис. 86. Фигурки бовинов/овидов «типа» 3: 1 — Тырпешть; 2-9 — Поливанов Яр III (Кукутень А1А2). (1 — по С. Маринеску-Былку)

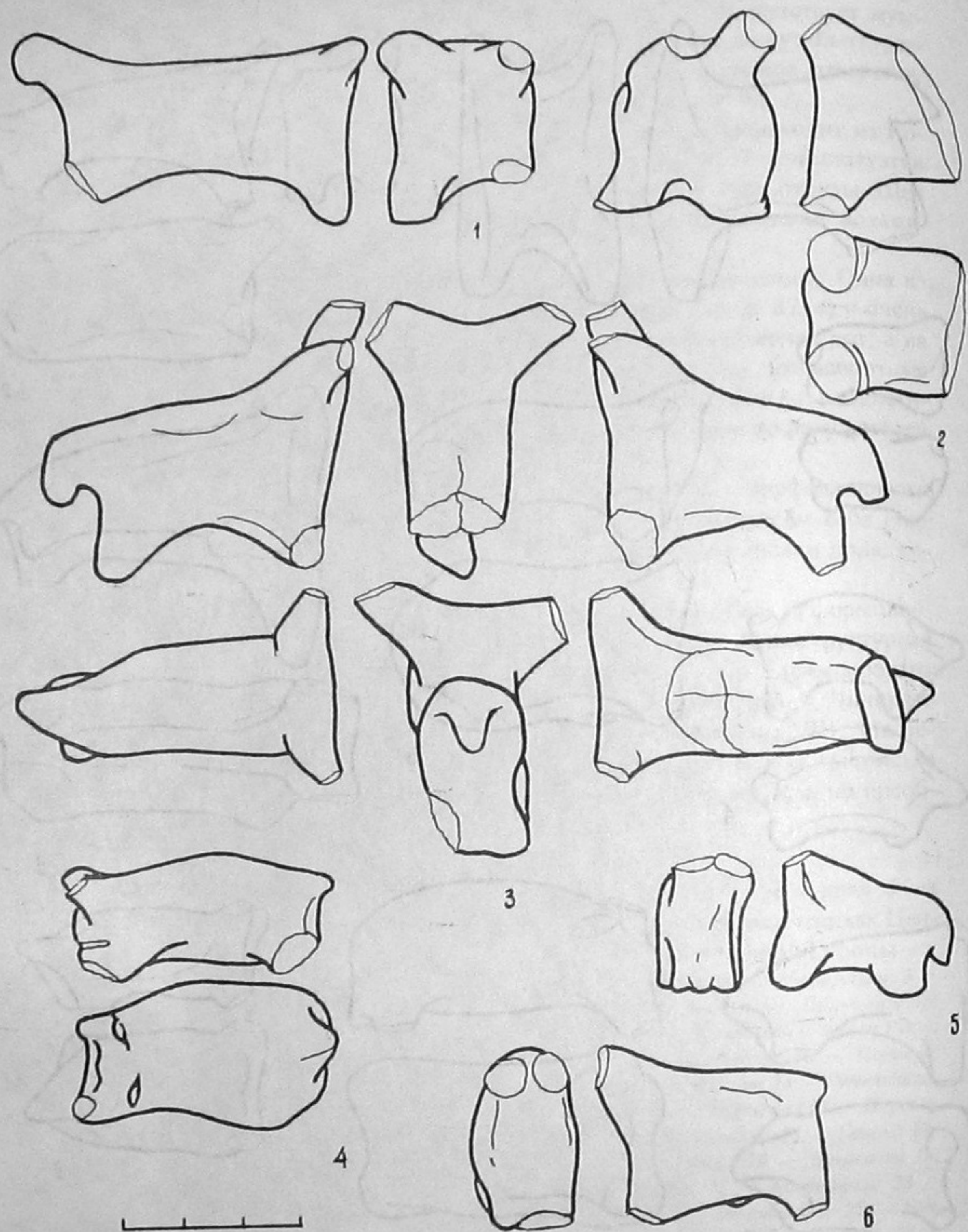

Рис. 87. Фигурки бовинов/овидов «типа» 3:

1 — Хебешешть (Кукутень А3); 2 — Друцы 1 (Кукутень А4); 3 — Брынзены VIII (Кукутень В1); 4 — Поливанов Яр I (Кукутень В); 5, 6 — неизвестные пункты на территории Молдовы. (1 — по В. Думитреску; 5, 6 — по Н. Берлеску)

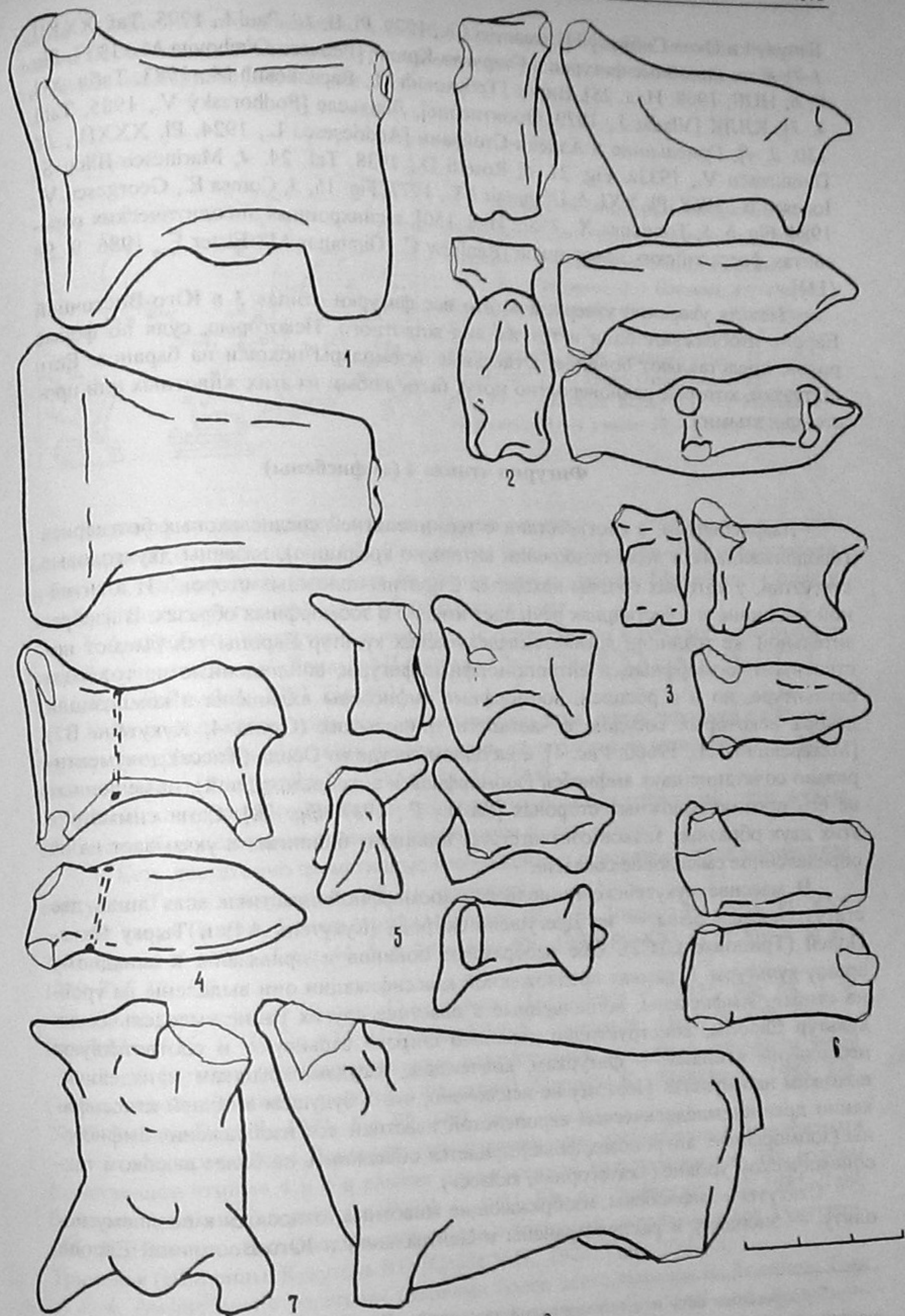

Рис. 88. Фигурки бовинов/овидов «типа» 3:

1 — Сухостав; 2 — Переможенцы; 3, 4 — Немиров; 5 — Чичирковозка (Кукутень В2); 6 — Кошиловцы (Триполье С1С2); 7 — неизвестный пункт в Северной Молдове. (7 — по Д. Попович, К. Симичук)

Бачулуй и Окна Сибнулуй [Lazarovici Ch., 1979. Pl. II, 10; Paul I., 1995. Taf. XXXII, 1-4]. Есть подобные фигурки в Старчево-Крише [Petrescu-Dîmbovița M., 1957. Fig. 8, 6; НЦБ, 1968. Илл. 28], Винче [Трбуховић М., Васильевич М., 1983. Табл. XII, 4, 7], КЛЛК [Vladár J., 1979. Фронтиспис], Лендьеле [Podborzský V., 1985. Tabl. 130, 3, 4], Гумельнице и Алдени-Стойкани [Andrișescu L., 1924. Pl. XXXIV, 14; Dumitrescu V., 1933a. Fig. 21, 6; Rosetti D., 1938. Taf. 24, 4; Marinescu-Bîlcu S., Ionescu B., 1968. Pl. XXI, 6; Dragomir I.T., 1977. Fig. 15, 3; Comșa E., Georgescu V., 1984. Fig. 6, 5; Тодорова Х., 1986. Илл. 150], в синхронных энеолитических горизонтах фессалийских памятников [Renfrew C., Gimbutas M., Elster E., 1986. 9. S4 (11)].

Нельзя уверенно утверждать, что все фигурки «типа» 3 в Юго-Восточной Европе изображают один и тот же вид животного. Некоторые, судя по форме рогов, представляют бовинов. Отдельные экземпляры похожи на баранов. Есть статуэтки, которые равновероятно могут быть любым из этих животных или просто «рогатыми».

Фигурки «типа» 4 (амфисбены)

Амфисбенами, в соответствии с терминологией средневековых bestiариев (продолжающих в этом отношении античную традицию), названы двухголовые статуэтки, у которых головы находятся с противоположных сторон*. И в античной традиции, и в bestiариях речь идет именно о зооморфных образах. В изобразительной же традиции древнеземледельческих культур Европы так бывают построены и зооморфные, и антропоморфные фигуры, воплощенные не только в скульптуре, но и в росписи. Зооморфные амфисбены включены в композиции декора некоторых сосудов, в частности трипольских (Стена 4, Кукутень В2) [Макаревич М.Л., 1960б. Рис. 4], а на одном сосуде из Осода (Тисса) документировано сочетание двух амфисбен (зооморфной и антропоморфной), помещенных на его противоположных сторонах [Raszky P., 1987. Fig. 28]. Сама симметрия этих двух образных знаков соответствует принципу билингвы и указывает на их определенное смысловое согласие.

В массиве кукутениско-трипольской зооморфной пластики есть лишь две статуэтки-амфисбены — из Дрегушени-Острова (Кукутень А4) и Тыргу Окна-Подей (Триполье С1С2). Обе изображают бовинов и привязаны к западному ареалу культуры. В рамках предложенной классификации они выделены на уровне «типа». Амфисбены, воплощенные в пластике других раннеземледельческих культур Европы, конструктивно довольно широко варьируют и соответствуют нескольким «типам» — фигуркам, ковчезцам, сосудам, крышкам и изделиям, похожим на амулеты. Поэтому не исключено, что в будущем в общей классификации древнеземледельческой европейской пластики все изображения-амфисбены (зооморфные, антропоморфные) придется объединить на более высоком таксономическом уровне («категория», «класс»).

Статуэтки-амфисбены, изображающие животных, относятся к позднему неолиту — энеолиту и распространены в Центральной и Юго-Восточной Европе

* Амфисбены есть и в зоологической таксономии. Так называется семейство кольчатых ящериц-двуходок (Amphisbaenidae) и род собственно двуходок (Amphisbaena), состоящий из 27 видов. Двуходки могут ползти и головой, и хвостом вперед [Брэм А., 1931. С. 531].

(карта 14). Беглый обзор известных (опубликованных) амфисбен помогает определить место немногочисленных трипольских фигурок, выделенных как «тип» 4, в этой весьма вариабельной серии.

Карта 14. Фигурки-амфисбены на раннеземледельческих памятниках Центральной и Юго-Восточной Европы

1 — Сантовка; 2 — Баньца; 3 — Винча; 4 — Црквиц; 5 — Дикилиташ; 6 — Карботаш; 7 — Юнаците; 8 — Коджадермен; 9 — Гумельница; 10 — Дрегушени-Остров; 11 — Весте-Магор; 12 — Тыргу Окна-Подей; 13 — Видра; 14 — Бенска Бара; 15 — Тешетице-Куйовице; 16 — Султан; 17 — Голямо Делчево

Зооморфные амфисбены можно условно разделить на стоящих на круглом основании (I) и четвероногих (II). Те и другие бывают со сквозными отверстиями и без них, что, видимо, указывает на разное использование. Маркировка пола у зооморфных статуэток-амфисбен обычно отсутствует.

I. Амфисбены на круглом основании (с отверстиями и без них) изображают зверей с ушами (Винча, Лендьел) [Lazarovici Ch., 1979. Pl. XXI. A, 4; D, 1; E, 3, 6, 9, 11; F, 8, 9; Pavúk J., 1981. Fig. 66].

В Лендьеле, кроме того, есть небольшие крышки, очень похожие на данную группу фигурок-амфисбен. Они завершаются двухголовыми животными (с рогами или ушами) [Podborzský V., 1985. Tabl. 141-144].

II. У четвероногих амфисбен (с отверстиями и без отверстий) при весьма обобщенной моделировке туловищ различается форма голов.

1. Есть достаточно схематичные изображения с головами в виде конических выступов. Такие выступы могут быть направлены:

а) вверх (Винча, Гумельница) [Marinescu-Bîlcu S., Ionescu B., 1968. Pl. XXI, 2; Тодорова Х., 1975. Табл. 44, 5, 8; Lazarovici Ch., 1979. Pl. XXI. H, 5; Fol A. at al., 1989. Taf. 12, 10].

б) вперед и вверх (Винча, Гумельница) [Dumitrescu V., 1925. Fig. 68, 3, 9; Васильевич М., 1936. Т. III. Сл. 636; Marinescu-Bîlcu S., Ionescu B., 1968. Pl. XXI, 8].

2. У фигурок возможны условно реалистичные головы с подобием ушей (Тисса, энеолитические памятники Фессалии) [Hegedüs K., Makkay J., 1987. Fig. 29; Theocharis D. at al., 1973. Fig. 97, 240].

3. На памятниках Лендьела есть четвероногие амфисбены с ковчезцами (сочетающие «типы» 4 и 6 в рамках предложенной классификации). Их головы бывают с ушами (?) и рогаые [Pavúk J., 1981. Fig. 63; Podborzský V., 1985. Tabl. 135, 1]. Известен один сосудик-амфисбена с рогаыми головами и для Кукутени-Триполья (Шипенцы, Кукутень В1) [Childe V.G., 1923. Tabl. XVI, 1].

4. Амфисбены с рогаыми головами более всего похожи на бовинов. Они бывают: а) без морд (как «тип» 3), б) с мордами (как «тип» 1) (Винча, Гумельница) [Когоšес J., 1968. Tabl. LVI; Радунчева А., 1971. Обр. 2, 3].

Именно к этой последней разновидности (4, 6) должны относиться и кукутенско-трипольские амфисбены «типа» 4 (рис. 89, 1, 2). У фигурки из Дрегушени-Острова (рис. 89, 1) обе головы подтреугольны, с коническими недетализированными мордами. Рога обломаны. Шен обозначены перехватами. Спина выпуклая, позвоночник отмечен защипом, бока втянутые, брюхо плоское, знаков пола нет. Длина (от груди до груди) составляет 3 см. У статуэтки из Тыргу Окна-Подей, опубликованной менее подробно, можно отметить моделировку обеих морд посредством защипа и отсутствие знаков пола (рис. 89, 2). Ее длина 2,8 см.

Даже с учетом определенной неполноты информации очевидно, что образное разнообразие зооморфных амфисбен сводимо примерно к трем персонажам — рогатому (похожему на бовина), зверю с ушами и стилизованному «существу» с головами-выступами. Конструктивно изображения варьируют: представляют собой фигурки (I; II, 1, 4), предметы, похожие на амулеты (I; II, 2, 3), ковчежцы (II, 3), крышки сосудов (I).

Фигурка «типа» 5 (горизонтально уплощенная)

Единственная статуэтка «типа» 5 (бовин) происходит из Бернашевки, относится к Прекукутени II (рис. 89, 3). Изображение одновременно плоское и двухстороннее. Морда не имеет четкой формы. Рога повернуты вперед, видны в профиль один над другим (как при наклоне головы в сторону). Передние и задние ноги моделированы попарно и тоже видны в профиль. Спина прямая. Оба бока плоские, симметричные. На них вмятинами обозначены мочки. Зад приподнятый. Хвост едва намечен. Брюхо подтянутое. Знаков пола нет. Фигурка обожжена, ее длина 3,3 см. Формовочная масса состоит из мелкоструктурной глины бежевого цвета с добавлением шамота. Прямые аналогии данной статуэтке пока не известны. Можно упомянуть лишь амфисбену из Весте-Магор, моделированную столь же уплощенно, но одновременно и двустороннюю [Hegedüs K., Makray J., 1987. Fig. 29].

«Тип» 6 (статуэтки-ковчежцы)

У фигурок «типа» 6 на спинах есть небольшие емкости, либо прикрепленные сверху, либо представляющие собой углубления прямо в спинах. Статуэтки-ковчежцы изображают только рогатых животных — бовинов, баранов и бовинов/овидов. Имеющаяся их серия невелика (14 экз.). Воспроизводились фигурки «типа» 6 на всем протяжении культуры. Локальной специфики они не имеют (карта 15).

Ковчежцы, относящиеся к Прекукутени, известны в Бернашевке, Александровке и Луке-Врублевецкой. Они изображают бовинов или неразличимых бовинов/овидов (рис. 89, 4, 5, 7). У статуэток из Александровки и Луки-Врублевецкой углубления сделаны в спинах. Емкости глубиной 1,5 см занимают всю их поверхность и имеют маленькие закраины. У фигурки из Бернашевки ковчежец с вертикальными бортиками (их высоту из-за сохранности установить нельзя) прикреплен сверху и тоже занимает всю спину. Морда сохранилась только у статуэтки из Александровки. Она подтреугольной формы, моделирована достаточно обобщенно. Короткие прямые рога расставлены почти горизонтально. Шеи у всех фигурок отсутствуют, грудь и бока моделированы небрежно, хвосты короткие.

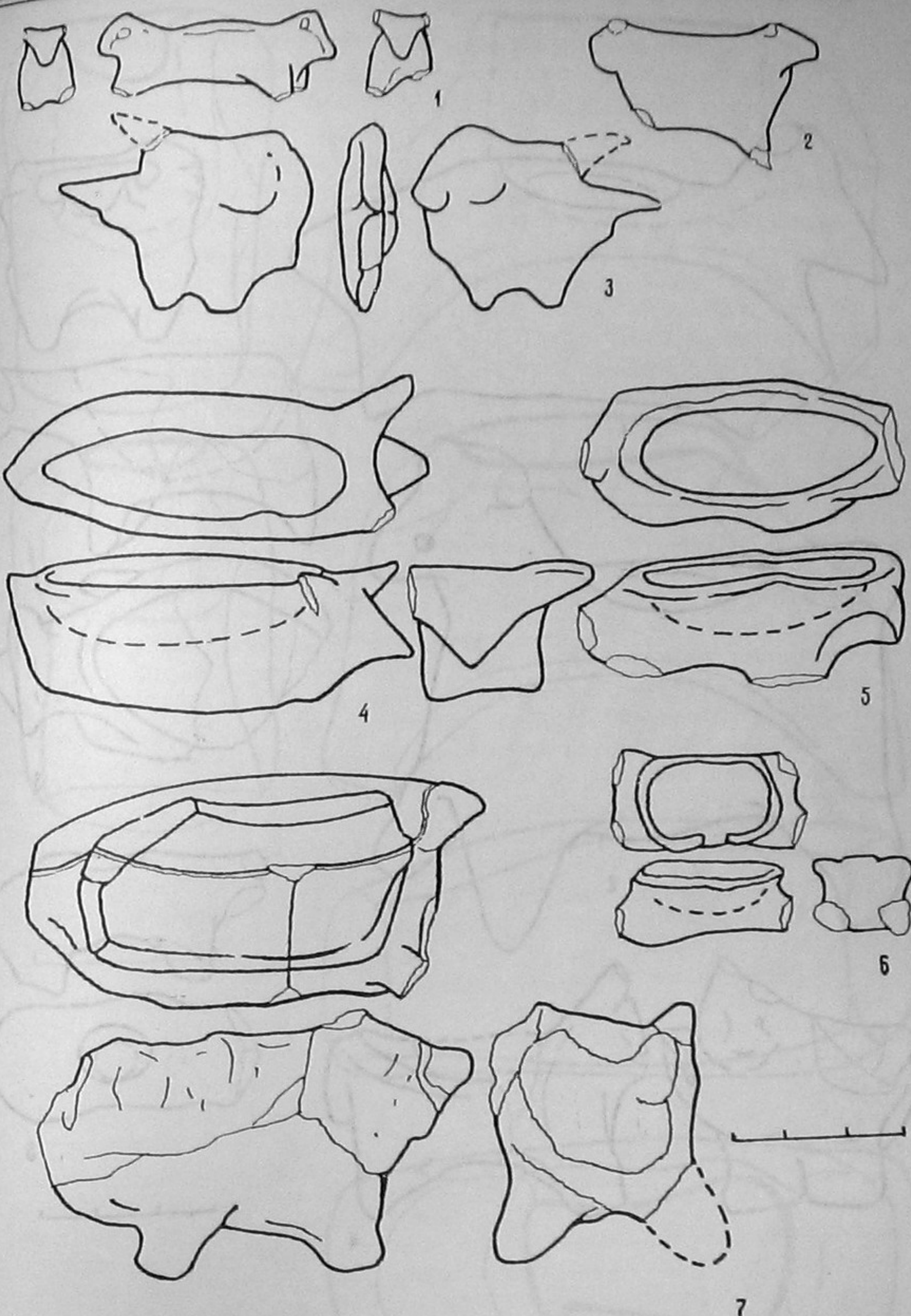

Рис. 89. Фигурки «типов» 4 (1, 2), 5 (3), 6 (4-7):
1 — Дрегушени-Остров (Кукутень А4); 2 — Тыргу Окна-Подей (Кукутень В3); 3, 7 — Бернашевка (Прекукутень II); 4 — Александровка; 5 — Лука-Врублевецкая (Прекукутень III); 6 — Городница (Кукутень А1А2). (1 — по А. Кришмару; 2 — по Ч. Маташа; 7 — по В.Г. Збеновичу)

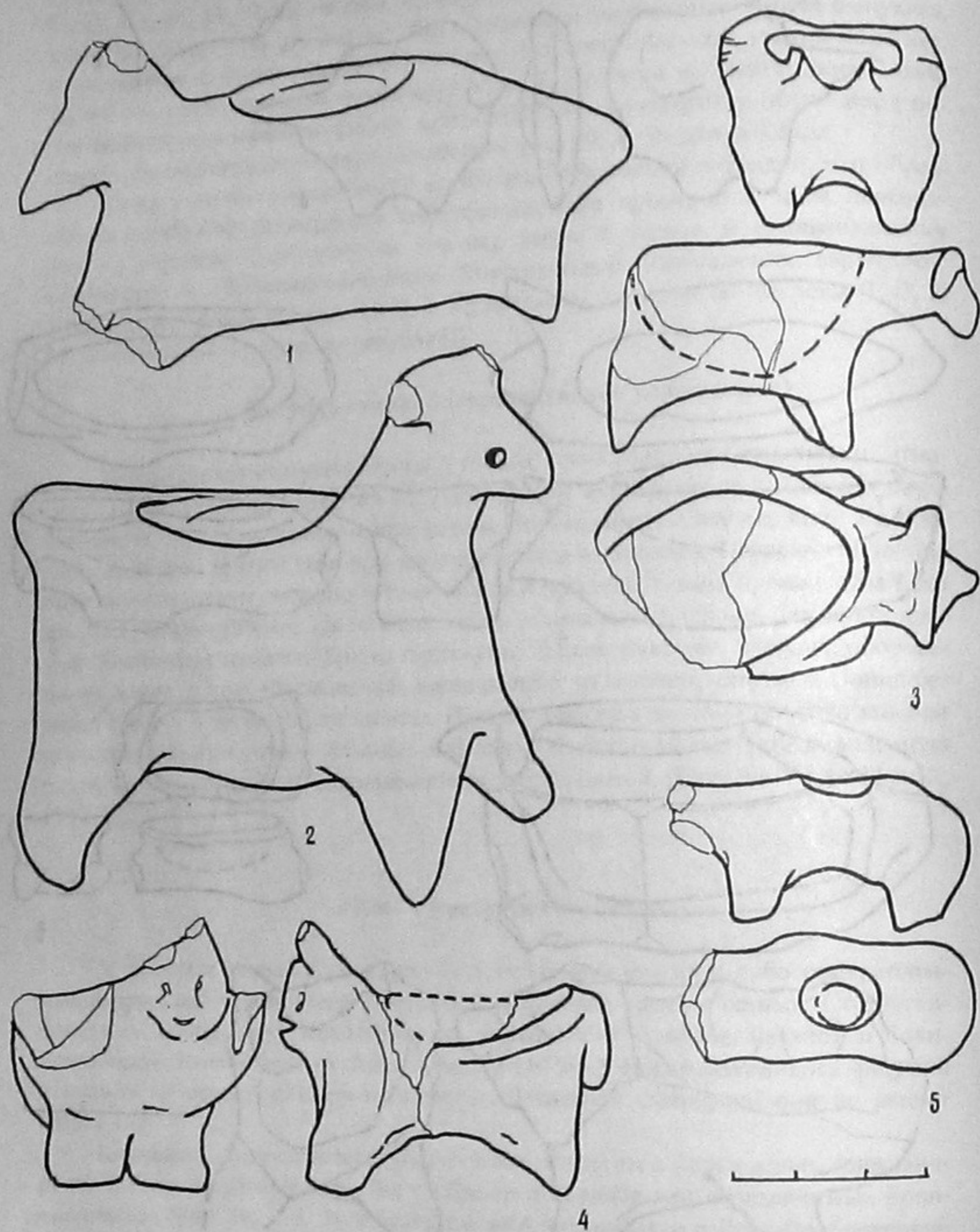

Рис. 90. Фигурки «типа» б (ковчежцы):
 1, 2 — Ариушд (Кукутень А2); 3 — Яблона (Кукутень АВ2); 4 — Дрезушень (Симеон Русу)
 (Кукутень В2); 5 — Белый Камень (Кукутень В1). (1, 2 — по Ф. Ласло; 3 — по В. Я. Сорокину;
 4 — по В. Думитреску; 5 — по М.Л. Махаревичу)

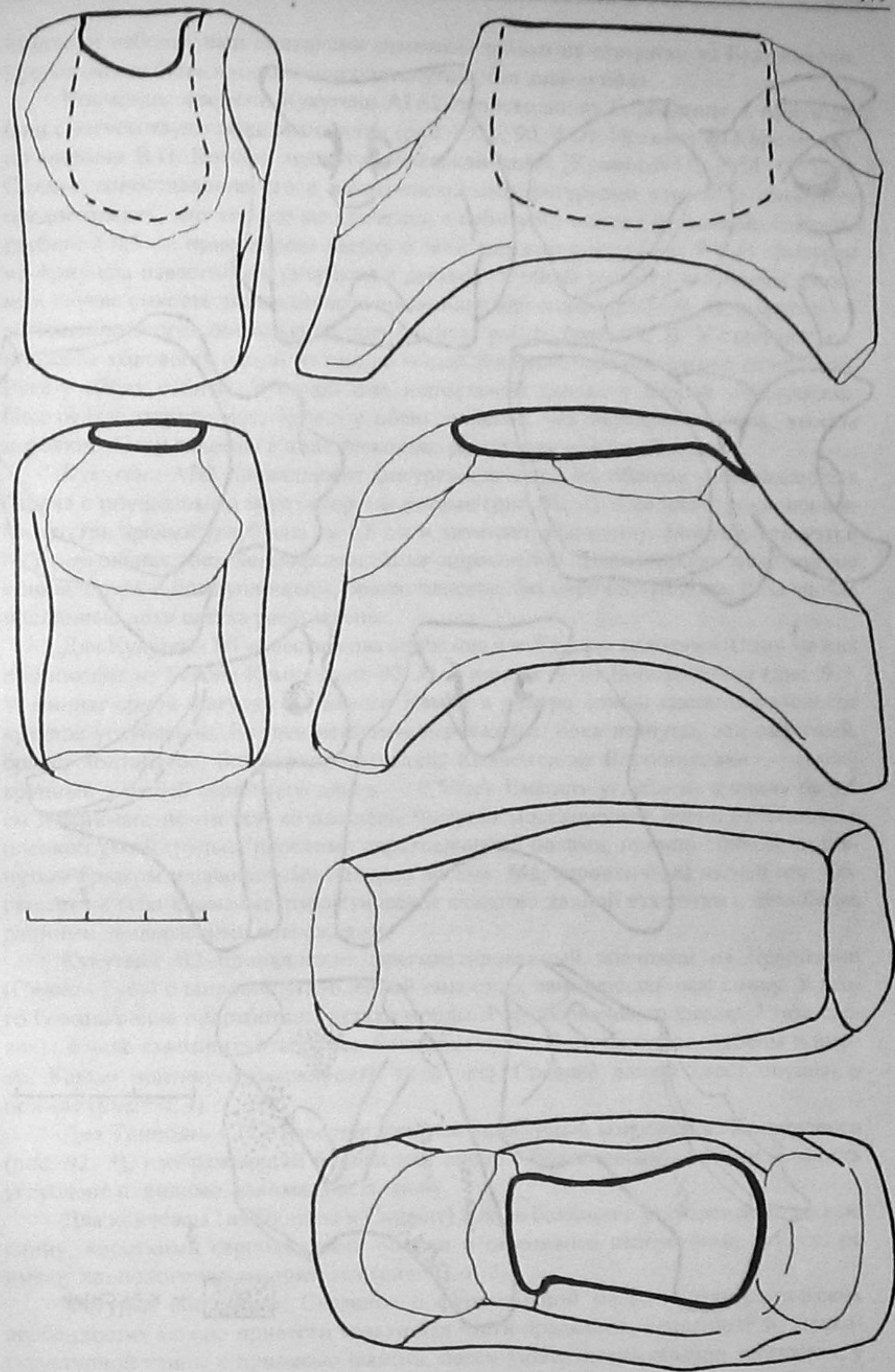

Рис. 91. Фигурка «типа» б (ковчежец).
 Ворошиловка (Кукутень В1)

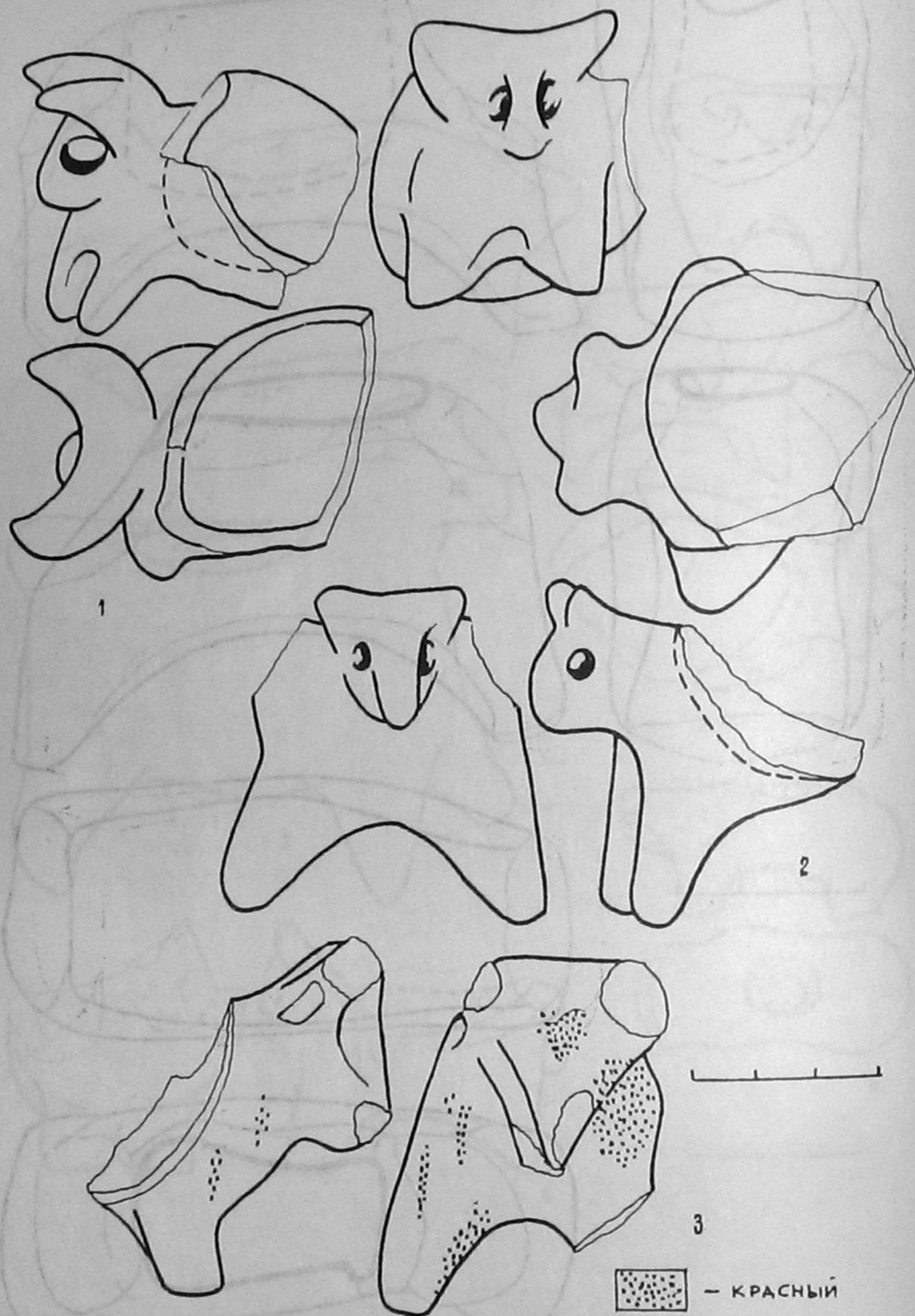

Рис. 92. Фигурки «типа» 6 (ковчежцы).

1 — Синешты, 2 — Окница (без привязок); 3 — Кошиловцы (Триполье С1С2)

Моклоки небольшими вмятинами отмечены только на статуэтке из Бернашевки. Брюхо может быть плоским или подтянутым, без знаков пола.

Ковчежцы времени Кукутени А1А2 происходят из Городницы и Ариушда. Они соответствуют бовинам/овидам (рис. 89, 6; 90, 1, 2). Предмет из Городницы, по мнению В.П. Кравец, является моделькой саней [Кравец В.П., 1954. С. 127]. Однако сопоставление его с вышеописанными фигурками «типа» 6 позволяет предположить, что это все же ковчежец с отбитыми ногами и головой. Емкость глубиной 0,5 см прикреплена сверху и занимает всю спину (рис. 89, 6). Фигурки из Ариушда известны по рисункам в ракурсе. У обеих емкости углублены. В одном случае емкость значительно меньше площади спины (рис. 90, 1), в другом — выяснению этого соотношения препятствует ракурс (рис. 90, 2). У статуэток конические головы (у одной из них на морде сквозное горизонтальное отверстие). Рога у обеих отбиты. У одной шея нормальной длины, у второй — короткая. Подгрудки отсутствуют, брюхо у обеих плоское, без маркировки пола, хвосты короткие. Ноги сделаны в виде несколько расставленных столбиков.

Кукутени АВ2 принадлежит фигурка-ковчежец из Яблони, изображающая барана с опущенными через стороны рогами (рис. 90, 3). Емкость с наклоненными внутрь краями углублена на 1,8 см и занимает всю спину. Морда у статуэтки подтреугольная, без детализировки. Шея нормальной длины продолжает линию спины. Грудь и бока уплощены, брюхо плоское, без маркировки пола. Раздельные недлинные ноги слегка расставлены.

Для Кукутени В1 известны два ковчежца с отбитыми головами. Один из них происходит из Белого Камня (рис. 90, 5), а второй — из Ворошиловки (рис. 91). У миниатюрной фигурки из Белого Камня в центре спины сделано маленькое круглое углубление. Ее шея намечена перехватом, бока втянуты, зад округлый, брюхо подтянутое, без маркировки пола. Ковчежец из Ворошиловки — самый крупный в нашей серии (его длина — 9,5 см). Емкость углублена в спину на 3,5 см и занимает почти всю ее площадь. Фигурка моделирована очень отчетливо: с плоской узкой грудью, плоскими параллельными боками, прямой спиной, подтянутым брюхом и сдвоенными попарно ногами. Маркировки пола на ней нет. Обращает на себя внимание стилистическое сходство данной статуэтки с чуть более ранними лендельскими ковчежцами.

Кукутени В2 принадлежит фрагментированный ковчежец из Дрегушени (Симеон Русу) с широкой углубленной емкостью, занимающей всю спину. У этого бовина/овида проработаны детали морды. Рот обозначен прорезью. Глаза сделаны в виде сквозного отверстия. Рога обломаны. Ноги фигурки сдвоены попарно. Брюхо подтянуто (маркировки пола нет). Средней длины хвост опущен и прижат (рис. 90, 4).

Для Триполья С1С2 известен фрагментированный ковчежец из Кошиловцев (рис. 92, 3), изображающий бовина или овида с обломанными рогами. Емкость углублена и, видимо, занимала всю спину.

Два ковчежца (из Окницы и Синешты) в виде бовинов с углублениями во всю спину, короткими серповидными рогами и сквозными отверстиями в носу, не имеют хронологических привязок (рис. 92, 1, 2).

Фигурки обожжены. Сведения о формовочной массе и технологических особенностях можно привести только для части предметов, лепленных из мелко-структурной глины с примесью шамота, песка. Поверхность обычно заглажена; у экземпляров из Ворошиловки и Кошиловцев даже продольно залощена. Послед-

ная фигурка имеет следы красной росписи или окраски поверхности в этот цвет. Вариация длины статуэток-ковчезцев довольно значительна — от 3 до 9,5 см.

Ковчезцы с кукутениско-трипольских памятников, во-первых, отчетливо соответствуют двум зооморфным образам (бювн без маркировки пола и баран), во-вторых, различаются конструктивно (тот или иной способ устройства их емкостей). Однако конструктивные вариации ковчезцев с образными не соотносятся.

Подобные статуэтки-ковчезцы известны на многих поселениях эпохи неолита и энеолита в Центральной и Юго-Восточной Европе (карта 15). Они есть на памятниках Старчева-Криша [Lazarovici Ch., 1979. Pl. X, B, 18], КлЛК [Nițu A., 1972. Fig. 15, 1; Pavúk J., 1981. Fig. 60], Винчи [Vlassa N., 1963. Tabl. VII, VIII; Nițu A., 1972. Fig. 3, 10], Тиссы [Kalicz N., Raczky P., 1987. Fig. 17], Лендьела [Pavúk J., 1981. Fig. 61-63, 65; Podborzský V., 1985. Tabl. 135-140], Гумельницы [Andrieșescu L., 1924. Pl. XXXIV, 16; Rosetti D., 1938. Taf. 26, 7; Тодорова X., Василев В., Янушевич З., Вълев П., 1983. Обр. 33, 1], на энеолитических памятниках Фессалии [Renfrew C., Gimbutas M., Elster E., 1986. Fig. 9, 49 (12); 9, 80 (10); 9, 182 (189)]. Устройство емкостей у фигурок-ковчезцев бывает различно. В одних культурах они вариативны (как и в Кукутени-Триполье), в других — единообразны. Но пока такого рода закономерности выявляются лишь для наиболее представительных однокультурных серий. Так, у многочисленных лендьелских статуэток-ковчезцев емкости всегда углублены (могут занимать всю площадь спины или только часть, даже располагаться по две в ряд). А у гумельницких ковчезцев емкости бывают и углубленными в спину, и прикрепленными сверху. Но в пределах этой культуры, в отличие от наших материалов, они чаще прикреплялись сверху.

Большинство сохранных фигурок-ковчезцев в ареале раннеземледельческих культур Европы представляет рогатых животных без маркировки пола или с женской маркировкой (иногда это отчетливые бовины (коровы), иногда изображения можно назвать лишь «просто рогатыми»). В известной по публикациям инокультурной серии статуэток «типа» 6 есть два ковчезца — из Яромежице и Драмы, — которые, возможно, являются ключевыми для образного прочтения ряда других, поскольку у них общее зооморфное сложение сочетается с отчетливыми антропоморфными чертами или деталями.

У четвероногой рогатой статуэтки-ковчезца из Яромежице (рога обломаны, между рогами вильчатое) моделировано человеческое лицо, а под хвостом сделано неглубокое горизонтальное отверстие [Podborzský V., 1985. Tabl. 138, 1]. По всей видимости, у данной фигурки, как и у многих других четвероногих в пластике, обозначена принадлежность к женскому полу (мы знаем, что горизонтальные отверстия под хвостами сочетаются только с женской маркировкой пола и обычно сами ею оказываются).

Ковчезец из Драмы изображает бовина со сквозным отверстием в носу и антропоморфной маской между рогами, а на брюхе статуэтки прочерчен прямоугольник, заполненный «елочкой» [Fol A. et al., 1989. Taf. 16, 1]. Подобные «елочки», как известно, очень характерны для женских антропоморфных фигурок (они часто заполняют треугольник в нижней части живота). Если «елочка» на брюхе статуэтки из Драмы — действительно маркировка пола, то она соответствует не зооморфной, а антропоморфной схеме.

Таким образом, у обеих рогатых четвероногих фигурок оказались по-разному подчеркнуты одни и те же наиболее существенные для интерпретации детали: акцентирован частичный антропоморфизм головы (у одной изображено

лицо, у второй — маска) и отмечена женская маркировка пола (в одном случае — согласно зооморфной схеме, в другом — антропоморфной). Если маркировка пола ковчезцев понята верно, то они должны соответствовать некоему двойному или тождественному образу, читаемому по фигурке из Яромежице как «женщина=рогатое существо», а по статуэтке из Драмы — уже более определенно — как «женщина=корова». Поскольку в прочих деталях эти ковчезцы соответствуют остальным ковчезцам-бювинам (коровам) и «просто рогатым», то и для всех них тоже нельзя исключать такой же сложной образной нагрузки.

Итак, анализ образной принадлежности статуэток «типа» 6 во всем раннеземледельческом ареале Европы позволил несколько уточнить информацию, полученную для Кукутени-Триполья. Фигурки-ковчезцы действительно могут соответствовать двум образам. Если по материалам Кукутени-Триполья один из них — баран (персонаж мужского пола), а второй — бювин (без маркировки пола), то благодаря инокультурным материалам последний получил более отчетливую характеристику и оказался персонажем женского пола — коровой или женщиной=коровой.

Иными словами, в виде фигурок «типа» 6 (ковчезцев) воспроизводились два разнополюх образа, о знаковой увязанности которых в изобразительной традиции древних земледельцев Европы нам уже кое-что известно. Головы барана и бовина венчают знаменитую «модель» из Вэдастры II (культура Вэдастра) [Mateescu C.N., 1962. Fig. 2]. Сочетание этих же персонажей документировано в наборе «фишек» из Коновки (Кукутень В1). Поэтому допустима мысль об изначальной контекстной компоновке ковчезцев — их парности. Но пока совместных групп (пар) из ковчезцев на европейских памятниках не обнаруживали.

Карта 15. Фигурки «типа» 6 (ковчезцы) на раннеземледельческих памятниках Центральной и Юго-Восточной Европы

1 — Кошиловцы; 2 — Городница; 3 — Ворошиловка; 4 — Окница; 5 — Бернашевка; 6 — Лука-Врублевская; 7 — Александровка; 8 — Белый Камень; 9 — Дрезушень (Симеон Русу); 10 — Яблона; 11 — Синешты; 12 — Турдаш; 13 — Тэртэрия; 14 — Ариушд; 15 — Видра; 16 — Султана; 17 — Овчарово; 18 — Драма; 19 — Ситагри; 20 — Херпай; 21 — Комятице; 22 — Езержани Маршовиче; 23 — Хлоке Маршовиче; 24 — Яромежице; 25 — Хораков; 26 — Лесуньки; 27 — Бродзаны; 28 — Саитовка; 29 — Горня

Фигурки «типа» 7 (полые с отверстиями сзади)

Этот «тип» статуэток объединяет изображения зверей с горизонтальными полостями внутри и отверстиями сзади. Пока он довольно редок и представлен только фрагментированными предметами. Даже наличие отверстий именно сзади достоверно лишь у двух из них (рис. 93, 94). Одна фигурка отнесена к данному «типу» условно. Из-за качества иллюстрации сейчас не удастся выяснить, сзади или спереди открывалась полость в ее туловище (рис. 95, 1). Остальные фрагмен-

ты полых статуэток в равной мере могут принадлежать и «типу» 7, и «типу» 8 (четвероногим погребушкам) (рис. 95, 2, 3; 96). Хронологически немногие фигурки, имеющие горизонтальные полости и отверстия сзади (или спереди), относятся к Кукутени А, В2, Триполью С1С2.

Наиболее отчетлива статуэтка с отбитой головой из Тальянков (Кукутень В2) — массивная, бесхвостая, на толстых лапах, с округлыми боками и прямой спиной. На ее брюхе есть широкий круглый налест, почти не видный сбоку. Верхняя часть зада слегка выступает, но сзади он уплощен. Именно на этой уплощенности находится тщательно оформленное круглое отверстие диаметром около 1 см, ведущее в горизонтальную неровную полость с заглаженными стенками, почти равную статуэтке по длине. Ширина полости около 2 см. Туловище покрыто бурый ангобом. Задние лапы, зад, соответствующие части спины и брюха окрашены красной краской. Длина фигурки 10 см (рис. 93; 94, 1).

Задняя часть похожей массивной бесхвостой статуэтки происходит из Кошиловцев (Триполье С1С2) (рис. 94, 2). Диаметр круглого отверстия сзади равен 1,7 см. Полость тоже была расположена горизонтально. Ее размеры (как и длина самой фигурки) не устанавливаются.

Морфология и размеры обеих полых статуэток с отверстиями сзади позволяют предполагать, что они изображают медведиц. В пользу этого свидетельствует сочетание нескольких признаков: их массивность, бесхвостость и отверстия именно сзади (как у всех медведиц «типа» 1). Конечно, еще один «тип» фигурок медведиц будет выделен более четко, когда его подтвердят новые и, главное, более сохранные находки.

Статуэтки леплены из мелкоструктурной розовой глины с шамотом (розовый цвет формовочной массы может косвенно указывать на промешанную смесь двух контрастных глин, отмеченную и для фигурок медведиц «типа» 1).

В Хебешести (Кукутень А3) есть очень похожая на описанные выше массивная статуэтка с горизонтальной полостью, но ввиду ее сохранности и из-за качества иллюстрации в публикации трудно определить, спереди или сзади находится отверстие (рис. 95, 1). Данная фигурка может относиться к «типу» 7 или к пока не предусмотренному «типу» «полых с отверстиями спереди».

Фрагментированные четвероногие фигурки с полостями (полые с отверстиями или погребушки) встречены в Радоае, Попудне и Залещиках, относящихся к Кукутени АВ (рис. 95, 2, 3; 96, 3).

Судя по публикациям, полые фигурки с отверстиями сзади или спереди присутствуют среди материалов разных древнеземледельческих памятников Европы. Довольно много их в Винче и Гумельнице-Караново VI. В ареалах этих культур особенно широко распространены сосуды-фигурки с отверстиями спереди, в большинстве случаев — в шее, на которую надевалась зооморфная крышка-голова. Такие сосуды имеют форму стоящих и лежащих четвероногих разного облика — «неясных», «рогатых», ежей, предположительно «собак» [Васић М., 1932. Стр. 112; Nițu A., 1972. Fig. 3, 8, 4, 11; Радунчева А., 1973. Илл. 107, 113, 114; Тодорова Х., 1975. Табл. 63, 12; Тодорова Х., 1979. Илл. 56а; Кънчев М., 1983. Илл. 29; Тодорова Х., 1986. Рис. 108]. Известны стоящие фигурки-сосуды, у которых отверстием является рот [Радунчева А., 1973. Илл. 108]. Полые фигурки с отверстиями сзади пока в публикациях единичны. Можно упомянуть лишь фрагментированную (к сожалению, безголовую) стоящую статуэтку из Русенской Могилы [Георгиев Г., Ангелов Н., 1957. Обр. 69].

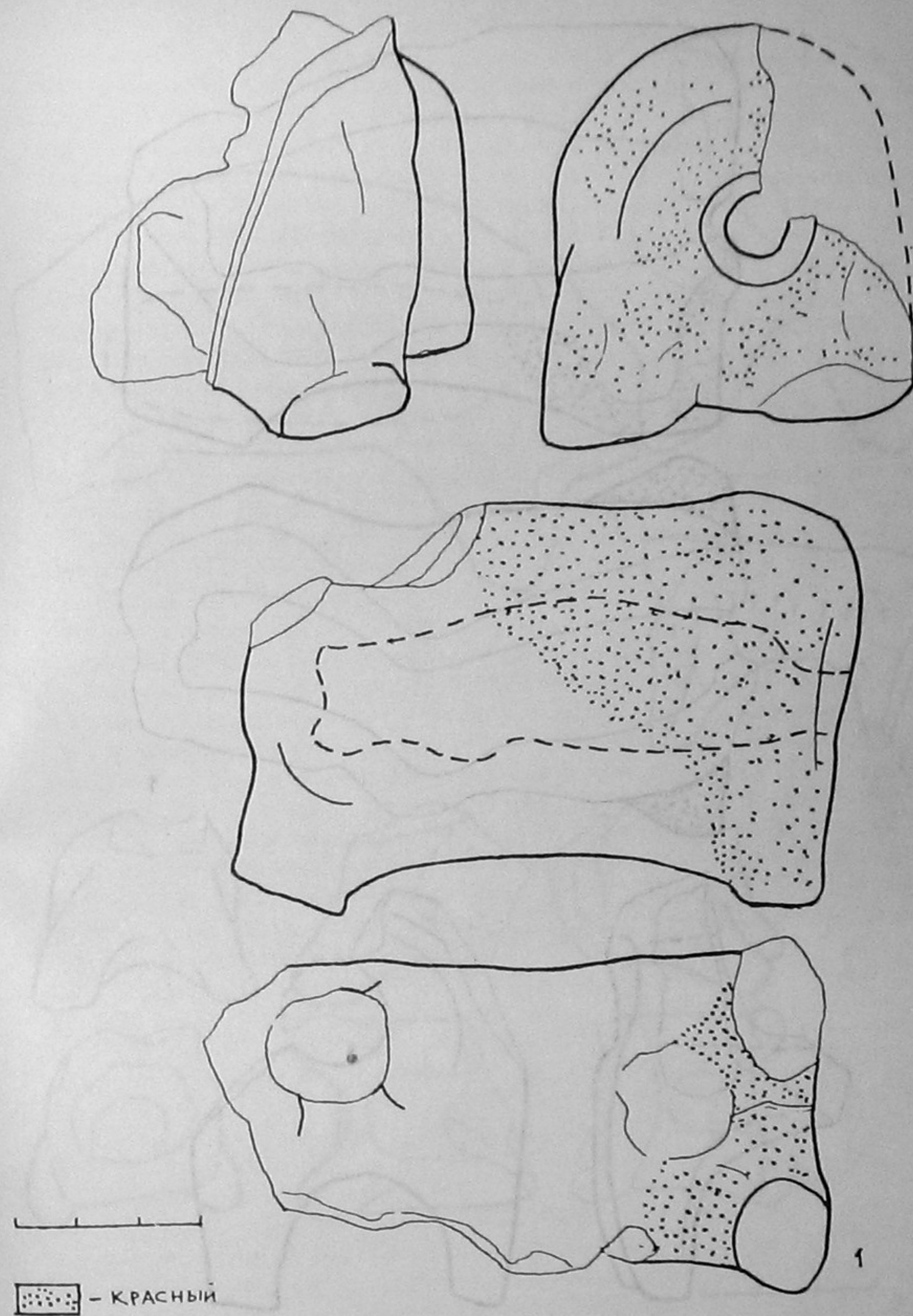

Рис. 93. Фигурка «типа» 7 (полая с отверстием сзади). Виды спереди, сзади, слева, снизу. (См. также рис. 94, 1). Тальянки (Кукутень В2).

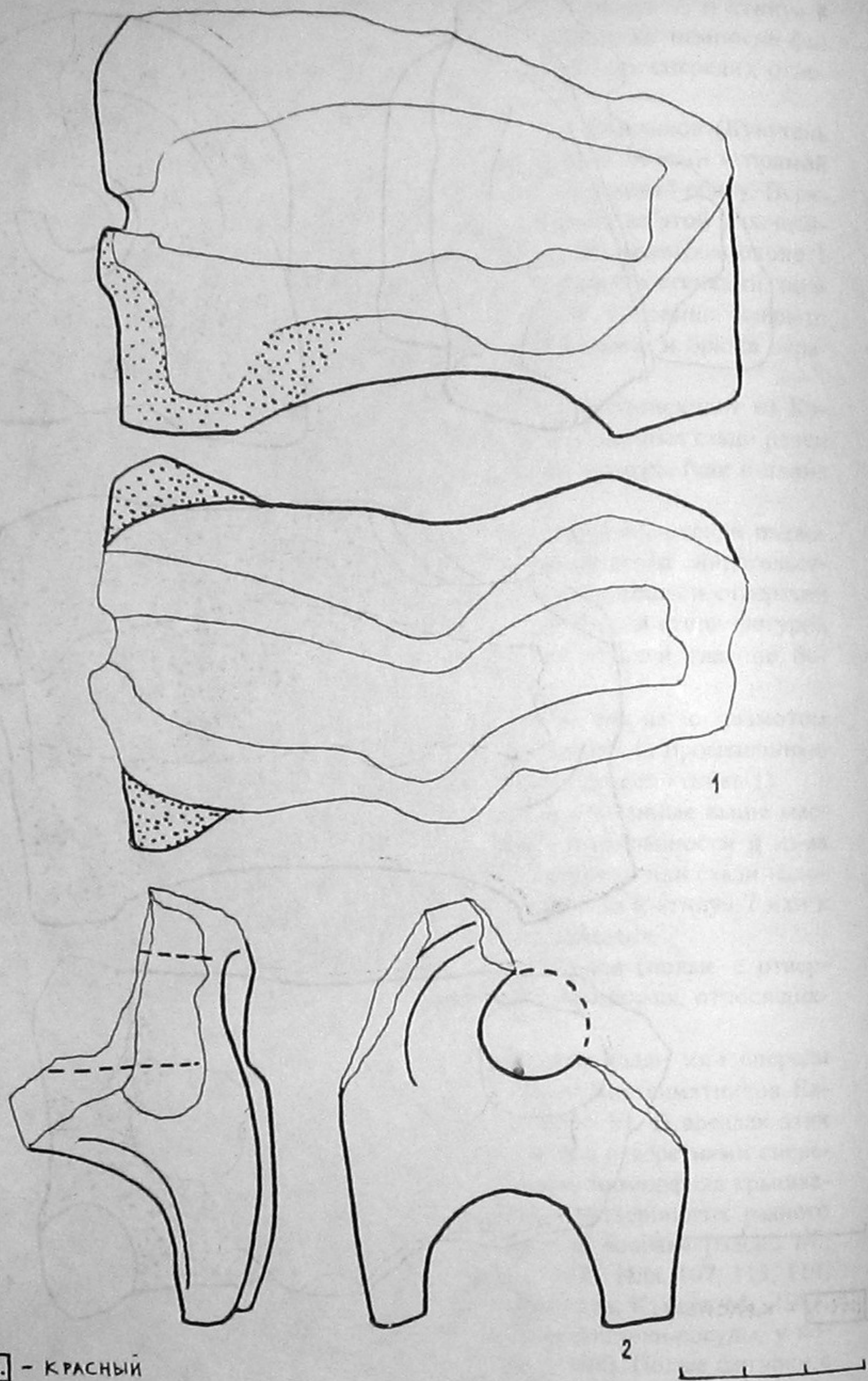

Рис. 94. Фигурки «типа» 7 (полые с отверстиями сзади):
1 — Тальянки (Кукутень В2), виды справа и сверху; 2 — Кошиловцы (Триполье С1С2)

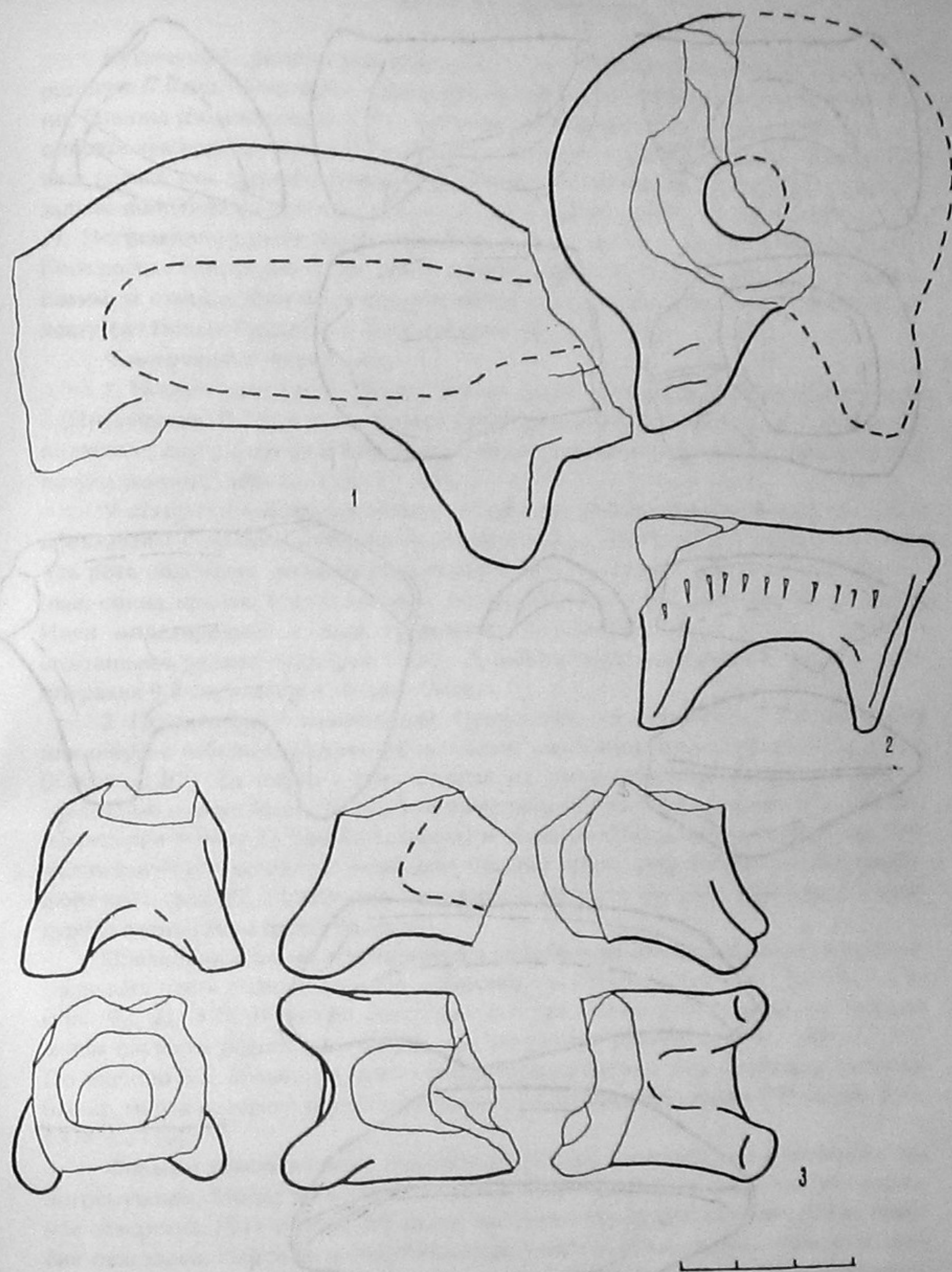

Рис. 95. Фрагментированные полые фигурки (1 — «тип» 7; 2, 3 — «тип» 7 или 8):
1 — Лебешить (Кукутень А3); 2 — Попудня (Кукутень АВ); 3 — Радая (Кукутень АВ2).
(1 — по В. Думитреску; 2 — по М. Химтеру)

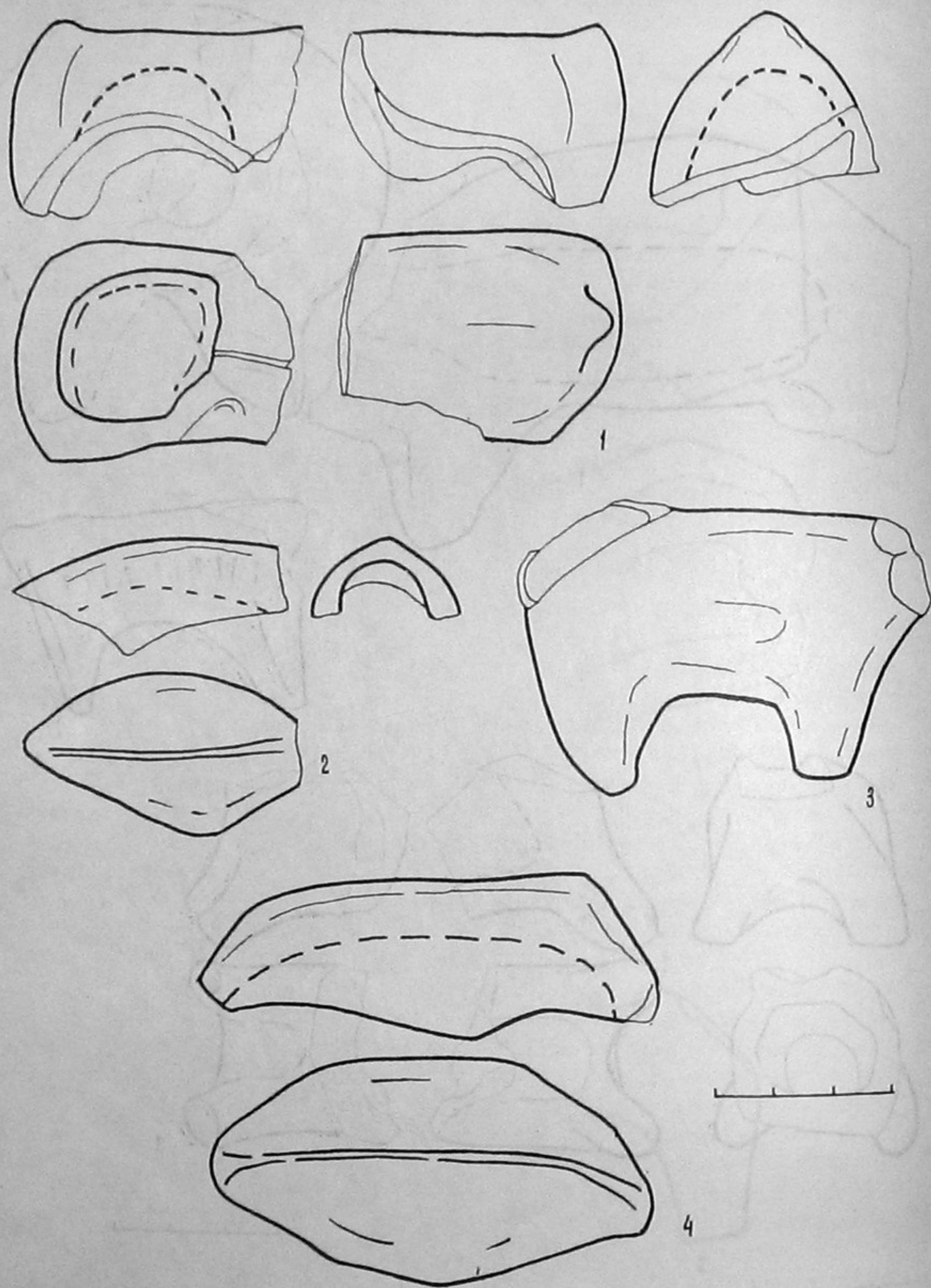

Рис. 96. Фрагментированные полые фигурки («типы» 7 или 8):
1 — Чапаевка (Кукутень В2); 2 — Яблона (Кукутень АВ2); 3 — Залещики (Кукутень АВ);
4 — Новые Русешты А (Прекукутень). (3 — по К. Маевскому)

«Тип» 8 (погремушки)

Кукутенско-трипольские зооморфные погремушки известны в виде четвероногих и птиц. Некоторые четвероногие определяются более точно — это олени, бовины (бовины/овиды). Ряд фрагментированных предметов можно было бы описать как погремушки в виде неясного четвероногого. Сюда должны относиться и только что перечисленные изображения (из Радоаи, Попудни, Залещиков), и задняя половина фигурки с небольшой округлой полостью из Чапаевки (рис. 96, 1). Погремушки-птицы моделировались в виде птичьих голов и целых фигур. Есть детали погремушек, которые в равной мере могли принадлежать и четвероногим, и птицам. Они представляют собой фрагменты спин, перекрывавших полости (из Новых Русешт А и Яблоны) (рис. 96, 2, 4).

Четвероногие погремушки

1. Погремушки-олени. Единственная погремушка-олень найдена в Извоаре I (Прекукутень II-III) и представляет собой целую фигурку стоящего животного с полостью, внутри которой находятся камешки или комочки глины, гремящие при потряхивании [Vulpe R., 1957. P. 108].

У статуэтки небольшая голова с подробно детализированной мордой (глаза обозначены сквозным отверстием, ноздри в виде наколов, рот прорезан). Уши или рога обломаны. Длинная шея поднята. Грудь широкая, бока слегка уплощенные, спина прямая, брюхо плоское, без маркировки пола, хвостик коротенький. Ноги моделированы в виде отдельных столбиков. Спина и бока покрыты сплошными рядами ямок (рис. 97, 3). Длина погремушки-оленя от груди до хвоста равна 9,8 см, высота в холке — 6 см.

2. Погремушки-бовины/овиды. Фрагментированная фигурка в виде бовина или овиды с небольшой округлой полостью в туловище происходит из Главана I (Кукутень В2). Ее морда и рога отбиты, но сохранились защипы за рогами со сквозными отверстиями. Данный признак роднит статуэтку с вариантом 5 (бовин/овидов «типа» 1), близки которому и такие особенности ее моделировки, как цилиндрическое туловище, немоделированная грудь, укороченные «рудиментарные» ноги (рис. 97, 1). Фигурка обожжена и покрыта светлым ангобом. На междурожье есть следы бурой росписи.

Предположительно погремушкой в виде бовина или овиды является предмет (передняя часть полого изделия), найденный в 1933 г. в Усатово (Триполье С2) (рис. 97, 2). Э.Ф. Патокова описывает его как полую фигурку барана, которая могла служить украшением сосуда или его ручкой [Патокова Э.Ф., 1957. С. 34]. По мнению В.Г. Збеневича, это — тонкостенный сосуд в виде туловища и головы бычка, морда которого покрыта росписью, имитирующей упряжь [Збеневич В.Г., 1974. С. 110].

Форма и размер данного предмета допускают отнесение его к четвероногим погремушкам. Морда животного моделирована защипом, в носу сделано сквозное отверстие. Рога отбиты. На морде полосами бурой краски изображено подобие недоуздки. На груди и сохранившихся участках боков видны элементы прочерченных зигзагов. Фигурка леплена из мелкоструктурной глины и обожжена. Ее длина была не более 6 см.

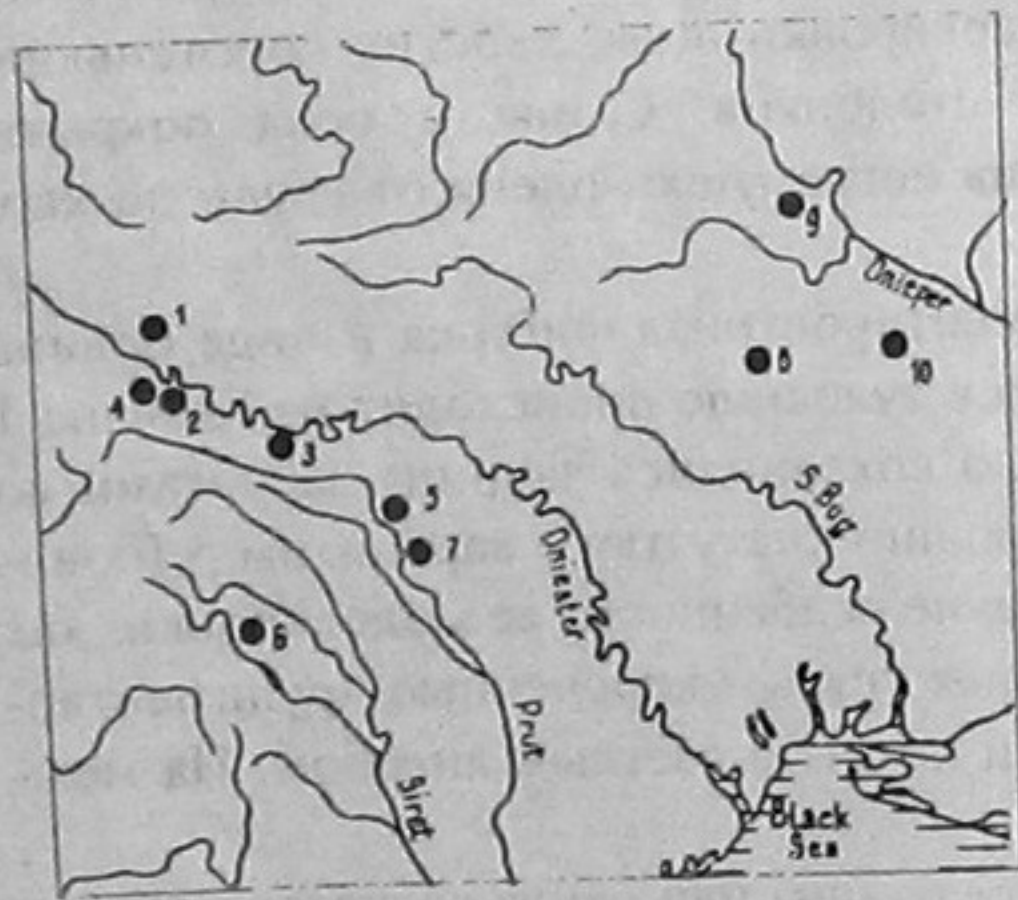
Погремушки-птицы

Наибольшее число кукутенско-трипольских погремушек сделано в виде птиц со сложенными крыльями, стоящих на круглых основаниях (21 экз.). И лишь одна имеет форму птичьей головы. Погремушки-птицы распространены по

всей территории культуры (карта 16), а хронологически относятся к Кукутени АВ — Триполью С1С2. Два предмета более раннего времени известны только в Берново-Луке (Прекукутень III). Они очень близки прекукутенским фигуркам птиц «типа» I, сходны с ними пропорционально и по размеру [Пассек Т.С., 1961, Рис. 4, 1, 2].

К Кукутени АВ принадлежат 6 фрагментированных погребушек — из Яблони (рис. 98, 1, 2; 99, 1), Залещиков (рис. 98, 3, 5) и Пенежково (рис. 98, 4). Все они с отбитыми головами. Птицы-погребушки из Яблони по строению близки более ранним фигуркам птиц «типа» I. Наиболее сохранившийся экземпляр представляет довольно высокую, поджарую птицу с резко выраженным килем и, видимо, высоко поднятой головой. Круглое основание слегка вогнуто. Овальная полость высоко поднятой головой. Круглое основание слегка вогнуто. Овальная полость высоко поднятой головой. Следов росписи и окраски нет. Птицы из Пенежково и Залещиков более приземисты, на низком основании. Две из них покрыты орнаментом. На бока статуэтки из Пенежкова нанесен углубленный орнамент в виде рядов продольных полос, сходящихся у хвоста и отчасти напоминающих крылья. На птице из Залещиков (рис. 98, 5) тоже заметны следы продольных полос, но выполненных красной краской по кремовому фону. Размеры полостей у приземистых птиц из Залещиков различны. В одном случае округлая полость занимает почти все туловище, в другом — она сравнительно невелика.

Карта 16. Присутствие фигурок «типа» 8 (птиц-погребушек) на памятниках Кукутени-Триполья

1 — Кошиловцы; 2 — Залещики; 3 — Берново-Лука; 4 — Раковец; 5 — Брынзены VIII; 6 — Фрумушка; 7 — Яблоня; 8 — Пенежково; 9 — Гребени; 10 — Тальянки

Для Кукутени В1 известны 4 стоящие птицы и одна погребушка в виде птичьей головы. Стоящие птицы-погребушки происходят из Брынзены VIII (рис. 100, 101) и Раковца (рис. 102, 2). Две погребушки из Брынзены VIII фрагментированы, а одна сохранилась полностью. У нее маленькая, подтреугольная, условно моделированная голова, слегка прогнутая шея (так что голова приподнята), округлое, довольно массивное туловище на высоком, почти цилиндрическом, продольно залощенном основании. Поверхность погребушки покрыта кремовым ангобом и расписана бурой краской. Голова обведена тонкой полосой. На затылке сделан треугольник, с которым соединяется верхняя из косых встречных линий, покрывающих шею и спину. Все эти (почти симметрично опущенные на бока) полосы образуют вдоль середины спины последовательный ряд острых углов. Слева сохранилась проведенная от затылка до хвоста «контурная линия», ограничивающая (на середине бока) косые полосы. От клюва по передней стороне шеи, по груди и по нижней части боков с обеих сторон симметрично проведены еще две пары прогнутых полос. Они сходятся на хвосте в точку. Похоже, что

роспись изображает сложенные, может быть полосатые, крылья. Фрагментированная (без головы и хвоста) птица из Раковца — высокая, поджарая с выделенным килем, поднятой головой и маленькой овальной емкостью — похожа на описанную выше птицу-погребушку из Яблони, но имеет следы комбинированного декора (углубленного и росписи). У начала шеи прочерчена замкнутая линия. От нее начиналась роспись. На левом боку птицы сохранился ряд из трех красных полос, нанесенных по розовому фону. Вдоль края основания (с внутренней стороны) тоже проведена красная полоса.

Единственная погребушка в виде птичьей головы известна в Гребенях (рис. 99, 2). Она моделирована довольно реалистично. Сзади сделан зачесанный хохолок. Клюв имеет в верхней части небольшое утолщение, похожее на «вздутие у лба» реальных уток. Глаза изображены углублениями. Орнамент отсутствует.

К Кукутени В2 относятся две фрагментированные погребушки в виде стоящих птиц, из Тальянков (рис. 102, 1) и Главана I. Последняя из-за плохой сохранности очень невразумительна. Погребушка же из Тальянков, у которой отбиты голова и хвост, близка по облику поджарым птицам из Яблони и Раковца (с отчетливым килем и небольшой емкостью), но ее шея, видимо, была сильнее наклонена вперед (как у птицы из Брынзены VIII). Следов росписи на этой погребушке нет.

Для Триполья С1С2 известно пять погребушек из Кошиловцев, но достаточно сохранены две из них (рис. 103, 3, 4), изображающие массивных приземистых птиц на круглом основании. У обеих шеи прогнуты. Приподнятая голова сохранилась только в одном случае. На ней отчетливо моделированы два «уха» или «рога» и тупой (может быть, оббитый) клюв. Безголовая птица расписана красными горизонтальными полосами по светлому ангобу.

Две нестратифицированные птицы-погребушки есть во Фрумушке (рис. 103, 1, 2). Они близки серии описанных предметов, относящихся к Кукутени АВ — Триполью С1С2, изображают массивных птиц с приподнятой головой, без кили, на низком круглом основании. По данным Ч. Маташа, на этих погребушках нет декора [Mataşa C., 1946, С. 83]. В публикации В. Думитреску они названы расписными [Dumitrescu V., 1979, С. 89]. Наиболее вероятно их принадлежность к одному из верхних слоев памятника — Кукутени АВ или В3.

Все погребушки-птицы обожжены. Сведения о составе формовочной массы известны лишь для половины из них (глина мелкоструктурная, с примесью шамота, в некоторых случаях — песка и органики). Одна погребушка вылеплена из смеси двух глин разного цвета, причем жидкая красная была добавлена в белую. Величина погребушек-птиц различна. Сравнение их полной длины и высоты затрудняет фрагментарность большинства экземпляров. При сопоставлении можно оперировать лишь одним замером — высотой у основания шеи. У погребушек в виде поджарых птиц она колеблется от 3,5 до 6,8 см. У массивных приземистых птиц — от 4,5 до 6,6 см. Самая крупная и совершенно целая погребушка из Брынзены VIII (с высотой у начала шеи 8,8 см, высотой до верха спины — 9,5 см) имеет общую длину 10,5 см.

Кукутенско-трипольские погребушки уже сейчас подразделяются на высокие поджарых птиц и массивных приземистых. Они могут в равной мере изображать нескольких определенных пернатых и «птицу вообще». Если допустить, что это все же определенные виды, то поджарые птицы и погребушка из Брынзены VIII могли бы соответствовать кому-то из дрофовых, которым свойственно контрастное полосатое оперение. Более массивных и приземистых птиц правомерно

было бы отнести к утиным (самцам многих из них тоже присуща яркость и контрастность окраски).

Стоит остановиться подробнее на двух изображениях — из Гребеней и Кошиловцев. Погремушка из Гребеней в виде хохлатой утиной головы (рис. 99, 2) сопоставима с распространенными в Европе хохлатыми утками — крохальями, чернетью хохлатой, некоторыми чирками. Стоящую птицу из Кошиловцев (рис. 103, 3) с отчетливыми выступами на голове можно сопоставить с чомгой и серошейей пеганкой — эндемиками Юго-Восточной Европы, у которых весной по обеим сторонам головы торчат перья, напоминающие уши. О том, что «рогатая» птица появилась в трипольской пластике неслучайно, свидетельствуют сосуды из Винчи, имеющие облик «рогатых» уток [Васић М., 1932. Сл. 109; НЦБ, 1968. Сл. 71], «рогатая» птица-погремушка из Островул-Маре (Кырна) [Berciu D., 1953. Pl. XXX, 1], фигурки уток с «рогами» или «ушами» на гумельницких памятниках [Nestor I., 1933. Fig. 6, 9; Миков В., Джамбазов Н., 1960. Обр. 71, а].

Погремушки в виде птиц и четвероногих животных встречаются на разных неолитических и энеолитических памятниках Европы [Rosetti D., 1938. Taf. 26, 9-3; Dragomir I.T., 1977. Fig. 15, 4; Lazarovici Ch., 1979. Pl. X, 27; Coman G., 1980. Fig. 99, 4; Podborzský V., 1985. Tabl. 137, 2; 140, 1].

***

В этой главе рассмотрены еще семь «типов» кукутениско-трипольских зооморфных статуэток. И почти для каждого из них (за исключением пока редких «типов» 5, 7) получены сходные пространственно-временные характеристики. «Типы» 2-4, 6, 8 оказались широко представлены и на разновременных памятниках Кукутени-Триполья, и в материалах многих других древнеземледельческих культур Европы, относящихся к неолиту — энеолиту.

Как мы помним, эти же пространственно-временные характеристики имеет и большинство разновидностей статуэток «типа» 1. Они справедливы:

а) для разных «видов» изображений этого «типа» (бовинов/овидов, оленей, коз, свиней, медведей и др.);

б) для «функциональных» групп в рамках наиболее полно представленного «вида/типа» (группы «А», «В», «Г» у бовинов/овидов «типа» 1).

Таким образом, для весьма обширного круга археологических культур документируется инвариантность зооморфной пластики, фиксируемая и типологически (не менее чем шести «типов» статуэток), и на уровне «видов» (для самого массового «типа»), и даже «функционально» (в рамках конкретного «вида/типа»). Наиболее убедительно ее отобразило бы ареальное картографирование всех «типов», «видов» и «функциональных» групп фигурок. Но пока четкому выявлению ареалов большинства из них препятствуют информационные лакуны. Во многом данная ситуация обусловлена определенной избирательностью отражения пластики в публикациях. Редкие и особенные фигурки попадают в них чаще, чем обычные.

В настоящее время лишь три из восьми «типов», выделенных для Кукутени-Триполья и представленных в классификации зооморфной пластики этой культуры, можно достаточно уверенно использовать в качестве пространственных маркеров. Это «типы» 3 (статуэтки без морды), 6 (ковчежцы) и амфисбены (часть их соответствует «типу» 4), локализацию которых удалось картографировать и в рамках Кукутени-Триполья, и (более или менее полно) за ее пределами (карты 14-16). На карте 17 ареалы маркирующих «типов» очерчены по крайним точкам и

совмещены. Здесь отчетливо видны и полное наложение трех ареалов друг на друга, и довольно точное их совпадение. Все они занимают огромное пространство в пределах Центральной, Юго-Восточной и Южной Европы.

По мере накопления информации можно будет обозначить ареалы остальных «типов» зооморфных фигурок, разных «видов» в рамках «типа» 1 и «функциональных» групп бовинов/овидов этого «типа». Скорее всего, получится сходная картина.

Распространение конструктивно различаемых «типов» пластики (в данном случае трех «типов»-маркеров) на территории Европы наиболее отчетливо отражает их инвариантность для многих культур, перекрывающую хронологические и палеоэтнографические различия, и позволяет обозначить то, что роднило на протяжении неолита и энеолита людей, обитавших в этом огромном регионе, — принадлежность единой мировоззренческой традиции.

Такого рода предположения возникали уже давно, но сам тезис очень долго существовал как интуитивно улавливаемая очевидность (но все-таки не аксиома), которой пользовались при интерпретации разных групп источников [Milojčić V., 1964; Höckmann O., 1968; Тодорова Х., 1980] и при мировоззренческих реконструкциях [Бибииков С.Н., 1953; Рыбаков Б.А., 1965; Gimbutas M., 1974, 1989, 1991]. Специально же он никогда не обосновывался. Впервые позволяет это сделать материал, считавшийся недостаточно информативным и бывший, по сути дела, «белым пятном».

Карта 17. Распространение фигурок «типов» 3, 6 и амфисбены в Центральной и Юго-Восточной Европе
а — «тип» 3; б — амфисбены; в — «тип» 6

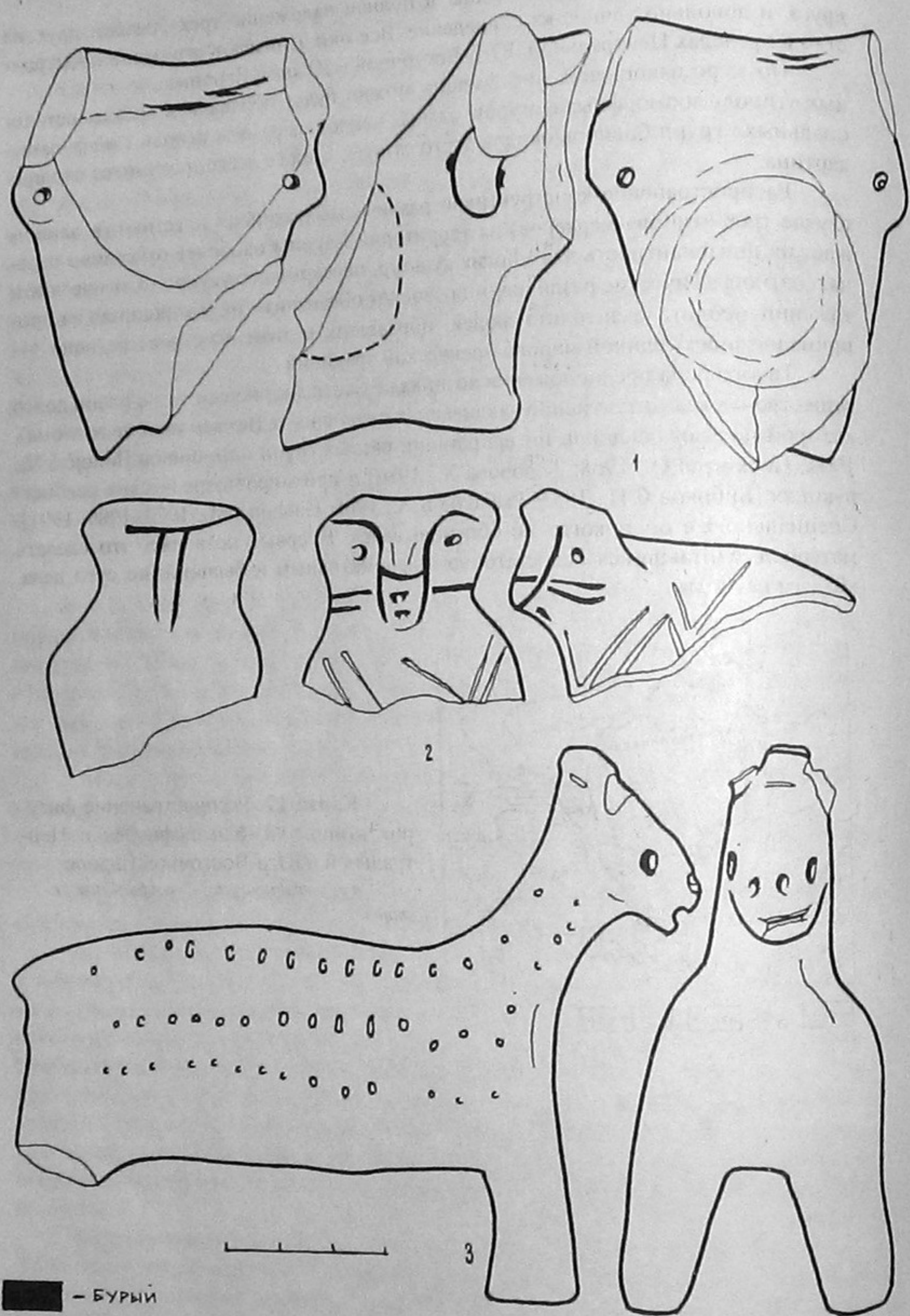

Рис. 97. Фигурки «типа» 8 (погремушки)
 1 — Главан I (Кукутень В2); 2 — Усатово (Большой Куялык) (Триполье С2); 3 — Извоар I (Прекукутень). (2 — по В.Г. Збеновичу; 3 — по Р. Вульпе)

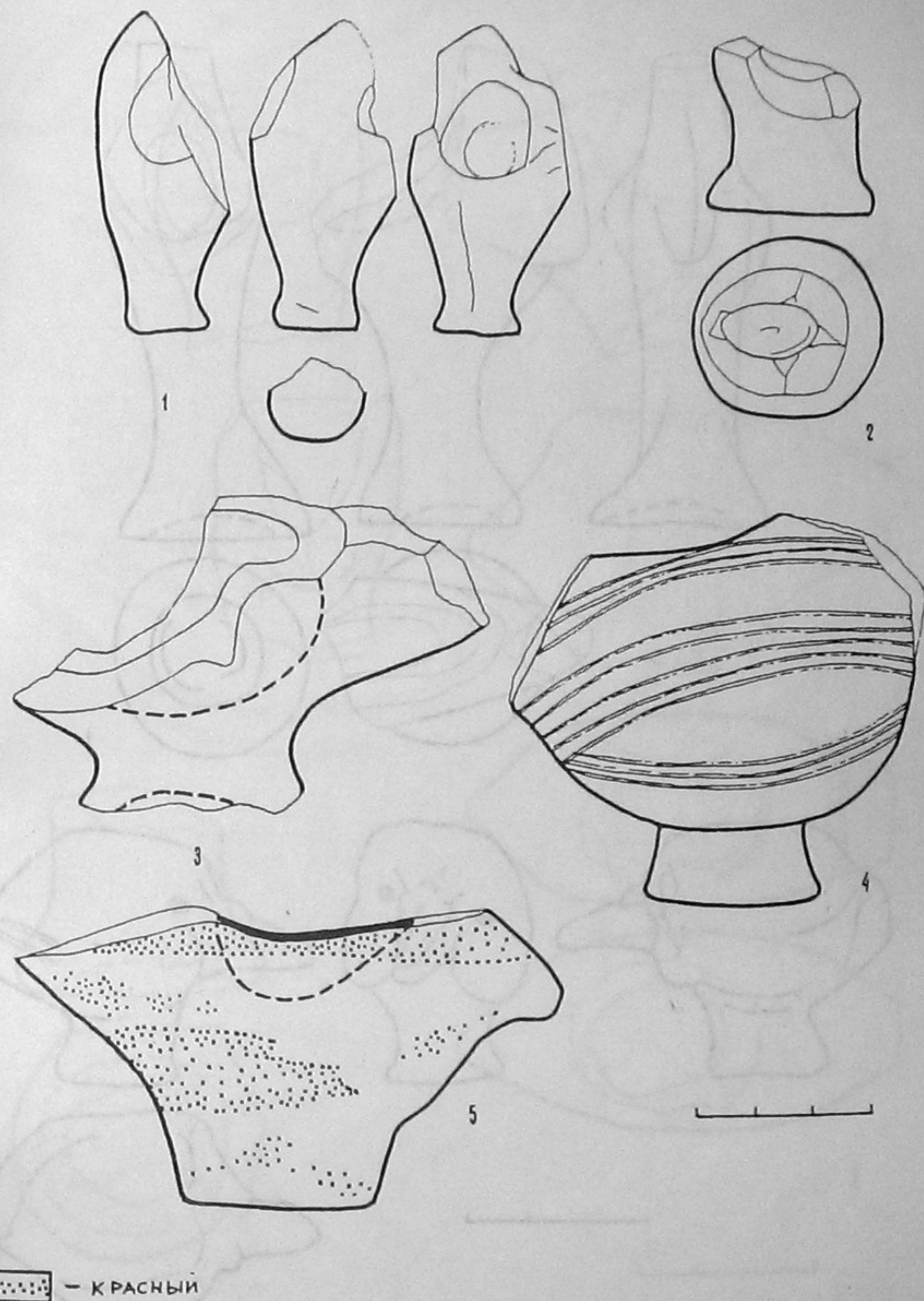

Рис. 98. Фигурки «типа» 8 (погремушки-птицы):
 1, 2 — Яблона; 3, 5 — Залецики; 4 — Пенешково (Кукутень АВ). (4 — по М. Химперу)

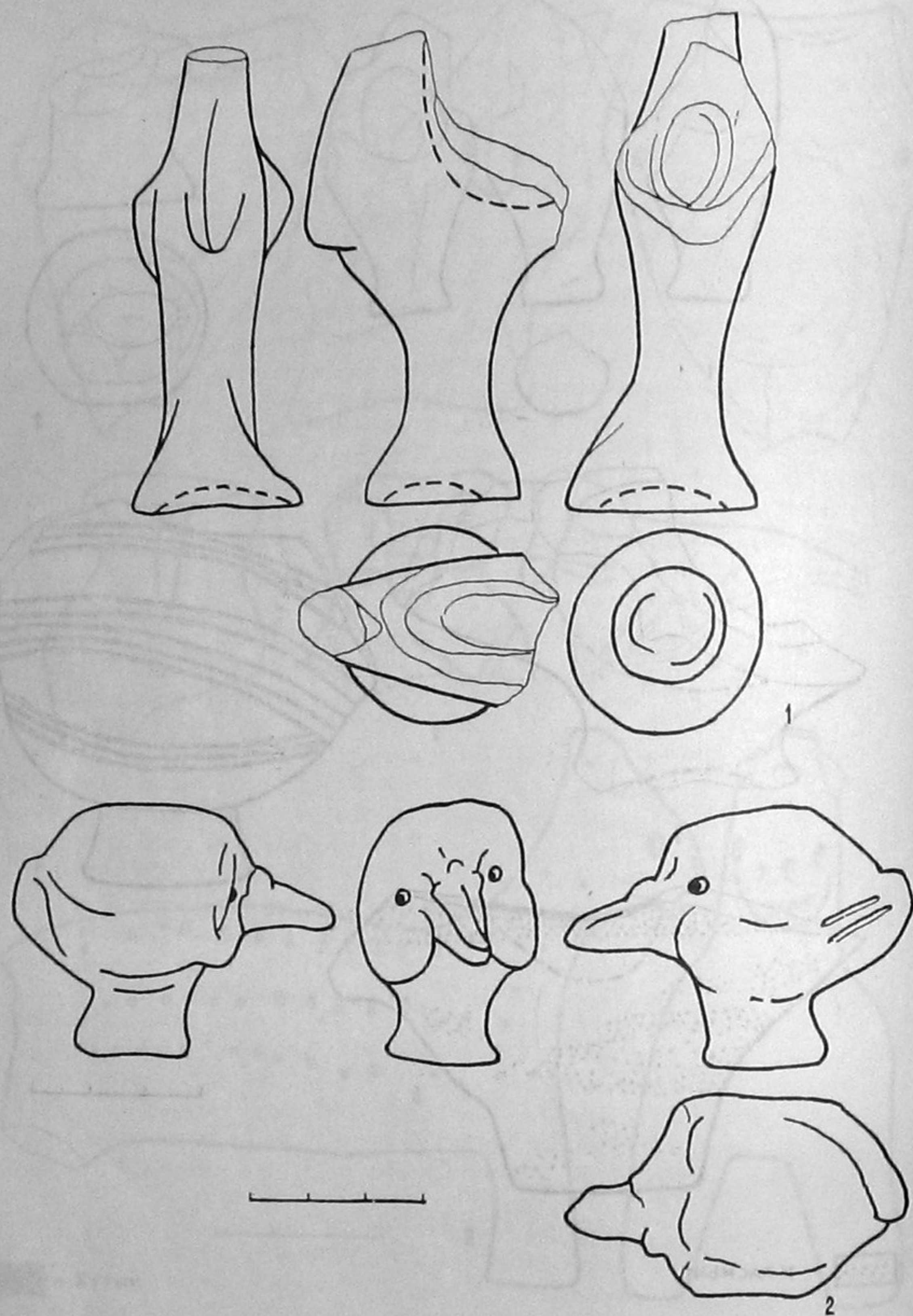

Рис. 99. Фигурки «типа» 8 (погремушки-птицы):
1 — Яблона (Кукутень АВ); 2 — Гребени (Кукутень В1)

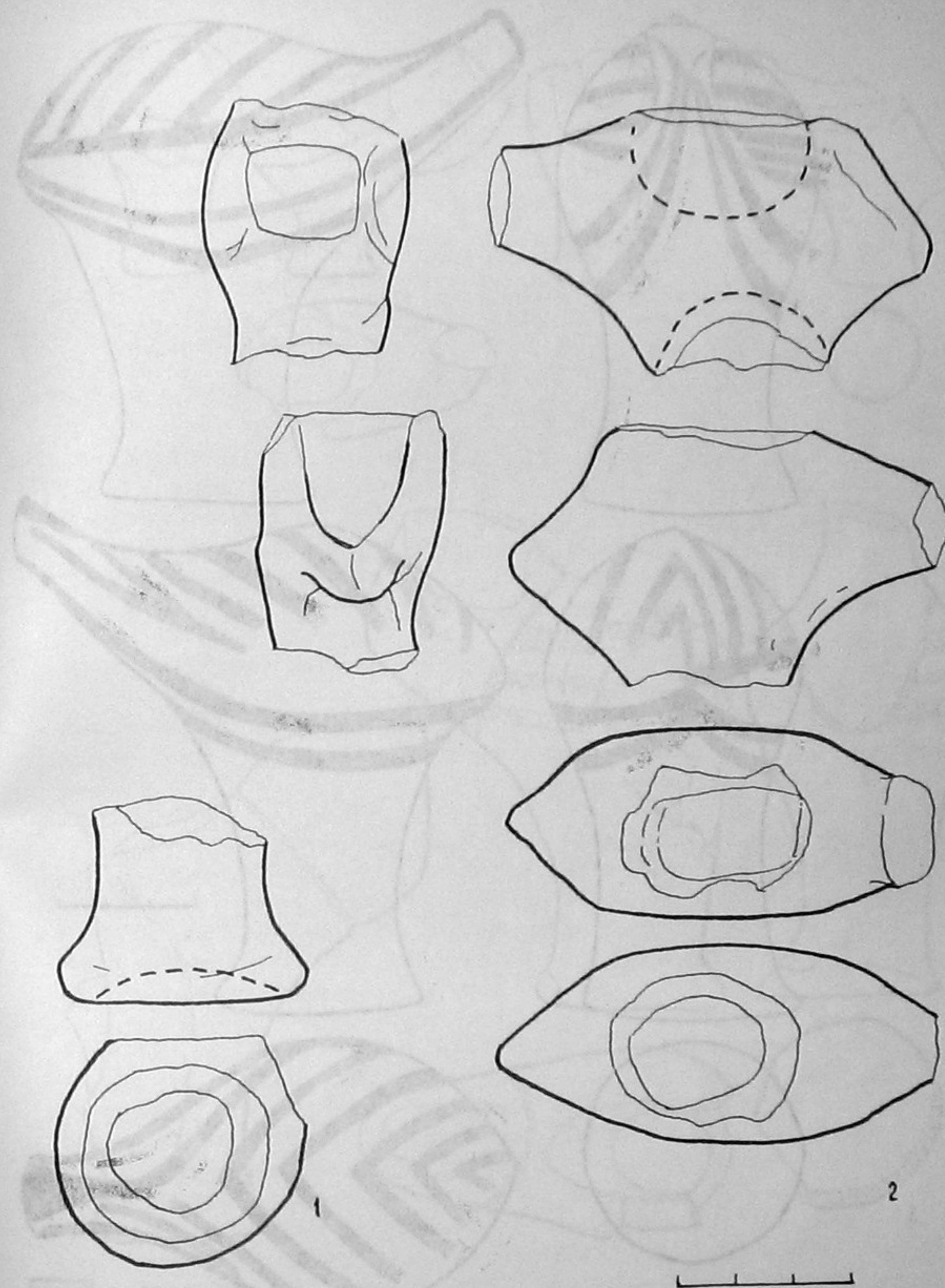

Рис. 100. Фигурки «типа» 8 (погремушки-птицы):
1, 2 — Брызены VIII (Кукутень В1)

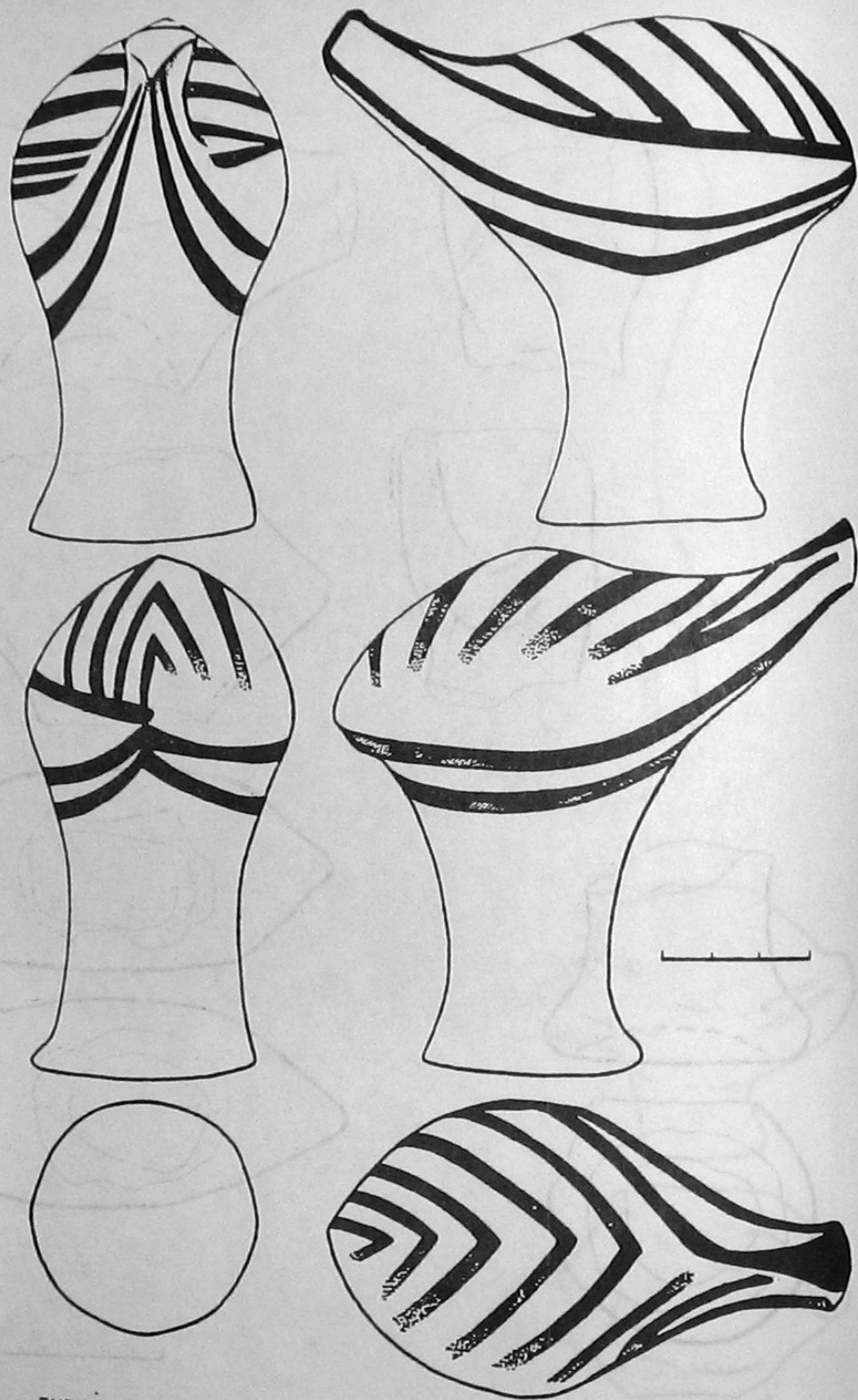

Рис. 101. Фигурка «типа» 8 (погремушка-птица).
Брызаны VIII (Кукутель В1)

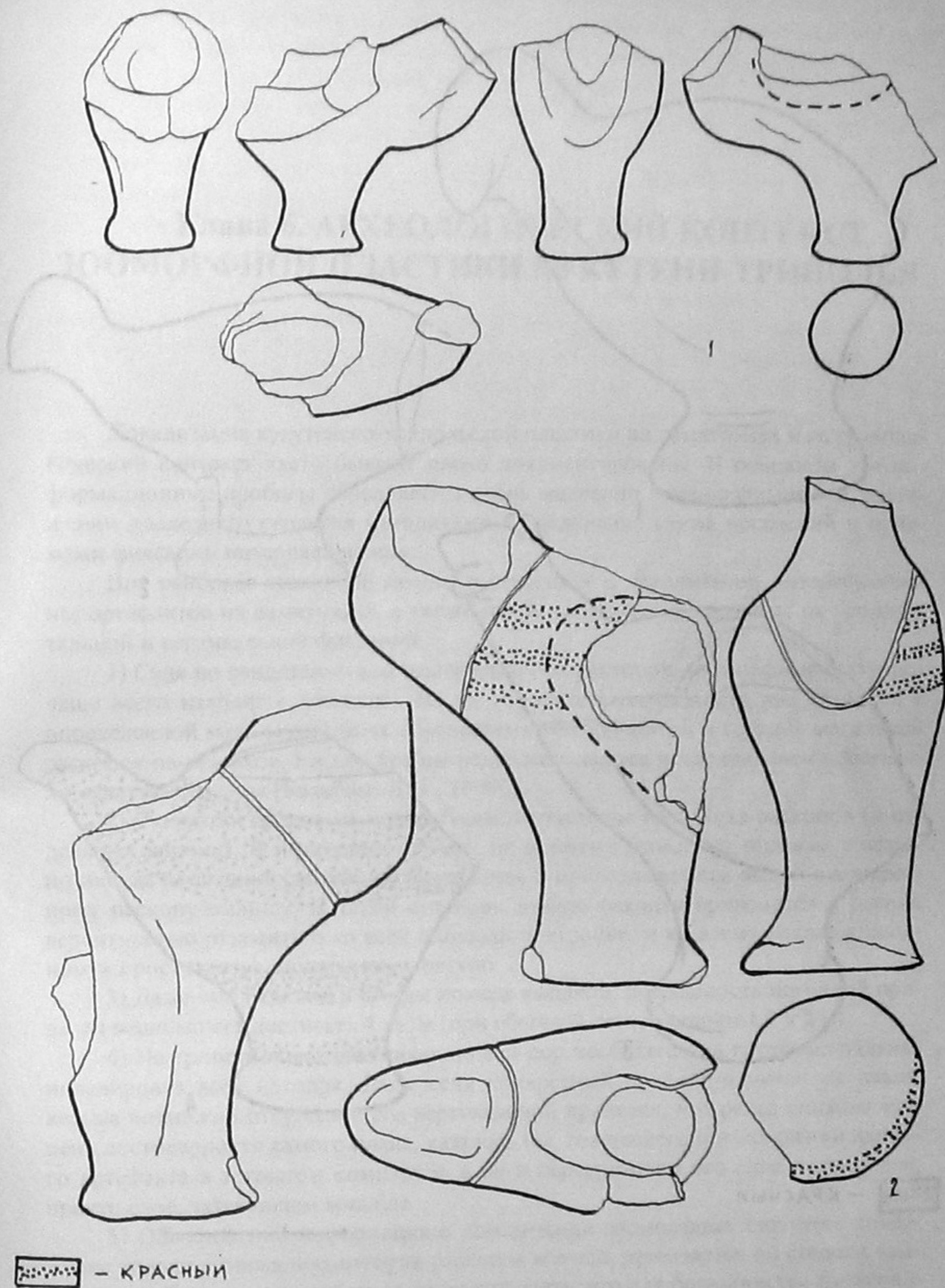

Рис. 102. Фигурки «типа» 8 (погремушки-птицы):
1 - Тальянки (Кукутель В2); 2 - Раковец (Кукутель В1)

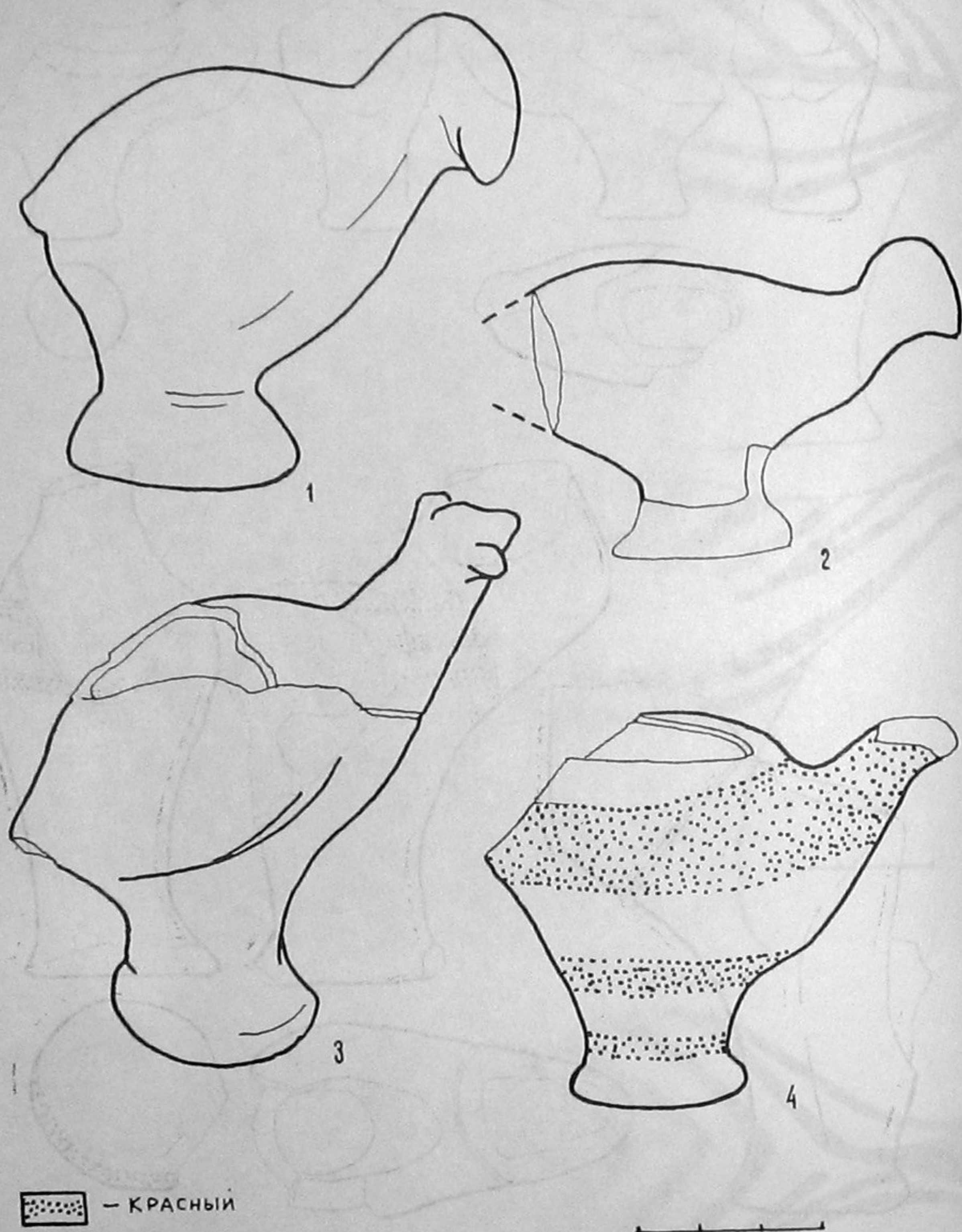

Рис. 103. Фигурки «типа» 8 (погремушки-птицы):

1, 2 — Фрумушка (без привязок); 3, 4 — Кошиловцы (Триполье С1С2). (1, 2 — по И. Маташа)

Глава 6. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ЗООМОРФНОЙ ПЛАСТИКИ КУКУТЕНИ-ТРИПОЛЬЯ

Локализация кукутенско-трипольской пластики на памятниках и ее археологический контекст часто бывают плохо документированы. В основном эти информационные пробелы обусловлены очень медленно изменявшимися на протяжении последнего столетия методиками исследования самих поселений и приемами фиксации материала на них.

Вот наиболее типичные лакуны в сведениях о локализации интересующих нас артефактов на памятниках, а также самые характерные недочеты их горизонтальной и вертикальной фиксации.

1) Судя по свидетельствам многих авторов раскопок, зооморфные статуэтки чаще всего находят в жилищах. Но их относительная редкость вне построек в определенной мере может быть обусловлена общепринятой и сегодня методикой раскопок памятников. На них крайне редко занимаются исследованием собственно культурного слоя [Балабина В.И., 1990б].

2) Статуэтки далеко не всегда бывают отмечены на планах раскопок (и отдельных жилищ). В некоторых случаях их привязке помогают полевые шифры, но иногда последние свидетельствуют лишь о принадлежности вещей к конкретному раскопу/жилищу. В такой ситуации любую находку приходится с равной вероятностью относить и ко всей площади постройки, и ко всему «околожищному» пространству, попавшему в раскоп.

3) Даже при наличии в шифре номера квадрата, погрешность истинной привязки вещи может достигать 4 кв. м (при обычной сетке квадратов 2 x 2 м).

4) На трипольских памятниках до сих пор необязательна инструментальная нивелировка всех находок. Даже если конкретный предмет отмечен на плане, весьма возможно отсутствие его вертикальной привязки, что резко снижает степень достоверности самого плана, казалось бы, говорящего о нахождении данного артефакта в закрытом комплексе, а не в перекрывшем его слое разрушения, просто слое, затянувшем жилище.

5) Обыкновенно информация о локализации зооморфных статуэток содержится только в описаниях авторов раскопок и очень различается по степени подробности. С грустью приходится констатировать, что для большинства фигурок в рассмотренном массиве зооморфной пластики вообще нет сведений об археологическом контексте.

Более или менее подробные сведения удалось собрать только для 92 статуэток животных, которые происходят из 16 предположительно «закрытых» ком-

плексов. А сами комплексы (жилища и другие объекты) относятся к 12 разновременным поселениям. Для них была систематизирована информация о зонах локализации зооморфной пластики и выяснились особенности контекста ее отдельных разновидностей. Вот перечень памятников и объектов:

Друзы 1 (площадки 1, 2) (Кукутень А4);
Веселый Кут (площадка) (Кукутень АВ);
Белый Камень (площадка 1) (Кукутень В1);
Коновка (площадка 7) (Кукутень В1);
Магала (площадка) (Кукутень В1);
Незвиско (площадка 6) (Кукутень В1);
Липчаны (площадка 1) (Кукутень В2);
Сушковка (площадки 1, 3) (Кукутень В2);
Майданецкое (комплексы «Е», «Ж») (Кукутень В2);
Тальянки (площадки 11, 12) (Кукутень В2);
Старые Бадражи (площадка) (Триполье С1С2);
Сандраки (площадка) (Триполье С2).

Для фигурок, обнаруженных в постройках, выяснено (в основном по авторским описаниям) следующее соотношение с планом прямоугольного дома: их находили «у внешней стены», «внешней южной» (или «юго-восточной») «стены»; «в центре», «в центре у печи»; возможно отсутствие планиграфической привязки.

Вертикальная фиксация встречена такая: «на полу»; «под полом»; «в яме»; «в яме под полом»; возможно отсутствие вертикальной привязки.

В пределах домов в большинстве случаев фигурки находились «у внешней южной» («юго-восточной») «стены» — 6 раз; просто у «внешней стены» — 2 раза. В этой зоне они зафиксированы «на полу» — 4 раза, «под полом» — 1 раз, «в яме под полом» — 1 раз.

«В центре» построек зооморфные статуэтки встречены 3 раза (в том числе «в центре около печи» — 2 раза). Во всех трех случаях вертикальная фиксация отсутствовала.

Иногда известно вертикальное соотношение фигурки с постройкой, но нет данных о планиграфии. В Сушковке и Незвиско статуэтки, обнаруженные в крупных ямах под площадками, не имеют более точных пространственных привязок — горизонтальных (в пределах ямы) и вертикальных (дно, заполнение). Следует отметить, что раньше исследователи считали большинство подобных ям совершенно самостоятельными комплексами более раннего времени, нежели площадки сверху. Теперь и ямы, и площадки над ними стали рассматривать как элементы одной постройки [Черныш Е.К., 1973].

Хотя общее число наблюдений пока невелико, представляет интерес повторяющееся на разновременных поселениях и зафиксированное разными авторами присутствие зооморфных фигурок на площадках и под ними «у южной» («юго-восточной») стены. Хорошо известно, что на трипольских памятниках дома часто расположены по кругу, овалу или в виде дуги. В связи с этим допустимо предположение, что при размещении статуэток в жилище могла быть существенная ориентация конкретной постройки по сторонам света. Естественно, проверить сказанное позволит лишь дальнейший сбор информации для Кукутени-Триполья и, в равной мере, для других раннеземледельческих культур Европы. Пока можно привести лишь интересное наблюдение А. Чилингирова на телле Султан (Караново VI—Гумельница). Во время исследования восточной оконечности памятника был задет край жилища. Там обнаружили скопление зооморфных фигурок.

Автор раскопок интерпретировал этот не до конца выявленный комплекс как святилище [Чилингиров А., 1920. С. 35].

Информация о нахождении зооморфной пластики вне построек тоже скупа. Известны две ямы с зооморфными и антропоморфными фигурками в Майданецком. Одна из них, в комплексе «Ж», с жилищами не связана [Шаглий Н.М., Зиньковский К.В., Рыжов С.Н., Шумова В.А., 1975]. Яма в пределах комплекса «Е» находилась рядом с западным углом постройки и отчасти перекрыта слоем разрушения. Ее диаметр — около 5 м, глубина — 0,7 м. Эту относительно мелкую яму, заполненную темным гумусированным культурным слоем, авторы раскопок называют «углублением», поскольку ее искусственный характер неочевиден. В заполнении (от поверхности до дна) встречались зооморфные и антропоморфные фигурки, концентрировавшиеся в основном в центральной части ямы [Шаглий Н.М., Зиньковский К.В., Шумова В.А., 1973].

Данные о контексте собраны для статуэток, принадлежащих трем «типам» — 1 (бовины/овиды функциональных групп «А», «В», «Г», козы, олени, свиньи, безрогие неясные), 2 («фишки»), 6 (ковчежцы). Для остальных «видов/типов» зооморфных фигурок пока вообще нет сведений о нахождении в домах и «околожилищном» пространстве. Не исключено, что некоторые из них, зачастую подобранные на поверхности, могли локализоваться и использоваться на других участках поселений, вне этой обычно раскапываемой зоны.

В жилищах и в ямах под ними встречаются одиночные статуэтки и группы из нескольких.

Все одиночные изображают бовинов/овидов, большинство которых принадлежит разновидности «А» (в Тальянках (пл. 12), Магале, Липчанах, Незвиско). В домах они могут находиться и «у внешней южной» («юго-восточной») стены, и «в центре».

Статуэтка разновидности «Б» (со следами ведовства) была зафиксирована в Тальянках (площадка 11) «у внешней южной стены», «под полом».

Фигурка-ковчежец найдена в Белом Камне тоже «у внешней южной стены» постройки.

Группы зооморфной пластики бывают из одинаковых фигурок (такие группы названы «простыми») и из разных (их мы обозначим как «сложные»).

«Простые» группы известны в четырех комплексах, причем в трех случаях они тоже состояли из бовинов/овидов разновидности «А».

В Сандраках две такие фигурки лежали «в яме под полом» «у внешней южной» стены.

В Старых Бадражах просто «у внешней стены» (без вертикальной привязки) было 7 статуэток.

В яме комплекса «Ж» в Майданецком найдены 4 фигурки разновидности «А».

Группа из трех статуэток свиней была найдена «в центре площадки», «около печи» в Веселом Куте.

«Сложные» группы встречены в шести комплексах. Их локализация возможна в любой из выделенных зон. Они находились в постройках 1 и 2 в Друцах 1 (в одном случае — «в центре», в другом — «у южной стены»); на площадке 7 в Коновке («у южной стены»); в больших ямах под площадками 1 и 3 в Сушковке и в «углублении» комплекса «Е» в Майданецком. В пяти из этих комплексов присутствовали фигурки бовинов/овидов разновидности «А».

В Коновке группа состояла из 4 таких статуэток и комплекта «фишек».

В Сушковке в обеих группах было по две фигурки разновидности «А» и в одном случае — фигурка оленя, а во втором — козла.

В «углублении» комплекса «Е» в Майданецком встречено 25 статуэток разновидности «А», 2 фигурки коз, 1 олень, 5 «овец», 1 мелкая безрогая статуэтка.

В жилище 1 в Друцах «сложная» группа состояла из 1 фигурки разновидности «А», 4 бовинов/овидов разновидности «Г» (со сквозными отверстиями), 1 оленя, 1 «овцы», 1 мелкой статуэтки, 1 «собаки» и 1 «фишки»-птицы.

В жилище 2 из Друц в скопление зооморфной пластики входили 3 статуэтки разновидности «Г», 1 фигурка свиньи, 1 «овца», 1 комолый бовин, 2 мелких фигурки и 1 «собака».

Несмотря на скудость имеющейся сейчас информации, можно отметить, что в «сложных» группах обязательно присутствуют бовины/овиды «типа» 1 (преимущественно разновидность «А», но возможно сочетание разновидностей «А» и «Г»), а также «Г» и комолых бовинов, видимо «замещающих» разновидность «А»). Остальные звери совпадают в скоплениях перекрестно. Трижды встречены козы, олени, «овцы» и мелкие безрогие фигурки. Дважды — «собаки» и зооморфные «фишки». Если же учитывать виды животных на «фишках», число совпадений возрастет.

Обязательное наличие в большинстве «сложных» групп одной или нескольких статуэток разновидности «А» сближает их с «простыми» группами и одиночными фигурками (состоящими только из разновидности «А»). Допустимо рассматривать те, другие и третьи в рамках единой (усложняющейся) системы, отражающей, скорее всего фрагментарно и преломленно, особенности использования в околожилищной зоне определенных статуэток, большинство которых стилистически отчетливо (функциональная разновидность «А», козы, свиньи, «овцы») и близкого размера (3-4,5 см). Присутствие их в домах, ямах под ними и в ямах, не связанных с постройками, могло соответствовать разным этапам (или состояниям) функционирования.

Нельзя забывать и о неизбежных информационных лакунах, обусловленных тем, что многие трипольские дома залегают в пахотном слое (их вряд ли стоит считать закрытыми комплексами). Состояние же современных знаний о планировке, конструкции и назначении этих сооружений не всегда позволяет уверенно различать жилища и другие поселенческие объекты.

К сожалению, в данной работе пришлось обойти очень интересный и важный вопрос о контекстном соотношении зооморфной и антропоморфной пластики. Пока его рассмотрению препятствуют два обстоятельства — упомянутые особенности фиксации материала и очень большое количество еще недостаточно четко типологизированных антропоморфных фигурок.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В главах этой книги изложены обширные, но неравноценные по полноте данные о кукутенско-трипольских статуэтках животных. При сведении воедино полученных результатов очень хотелось бы избежать потерь, но из-за трудности полного соотнесения разноплановой информации они, видимо, неизбежны.

В целом отношение к представленному материалу — зооморфной фигуративной пластике одной из древнеземледельческих культур Европы — должны определять позиции исследователя в трех взаимосвязанных и принципиально важных вопросах — таких, как (1) восприятие самой зооморфной пластики в качестве объекта интерпретации (ее место среди прочих глиняных артефактов, сакрализованных и несакрализованных); (2) отношение к знаковому контексту древних земледельцев Европы (можно или нельзя его понимать как общий культурный текст); (3) представления о роли зооморфной символики в изобразительной традиции и более широко — в культуре. Поскольку разное понимание этих вопросов кардинально влияет на интерпретацию источника, диктуя те или иные способы его прочтения, необходимо ввести четкие дефиниции.

1. Как прекрасно ощущается в исследованиях многих авторов, современный подход к любым памятникам материальной культуры древних обществ позволяет обнаруживать в них и факты культуры духовной [Антонова Е.В., Раевский Д.С., 1991. С. 208]. Рассматривавшиеся здесь зооморфные фигурки, несмотря на свою специфичность (как факта материальной культуры) и принадлежность к предметам «прикладного искусства» в современном понимании, все вместе, или точнее — как совокупность, почти никогда не оценивались в качестве «факта культуры духовной» просто потому, что прежде в должном объеме не были исследованы. А это порождало недопонимание их семантики и выборочную интерпретацию. Вообще же при оценке знаковой роли и функций статуэток сам подход к любым из них, наверное, изначально должен быть таким, как его, в более общей форме, определил Е.С. Штейнер, предложивший для архаических эпох называть «иконической знаковой деятельностью» все то, что привычно именуется «изобразительным искусством» [Штейнер Е.С., 1988. С. 266]. Здесь зооморфные фигурки рассматриваются именно с этих позиций.

2. Благодаря исследованиям нескольких поколений археологов в Южной, Центральной и Юго-Восточной Европе выделено множество сосуществовавших и сменявших друг друга земледельческих культур, общее время бытования которых теперь относят к VI-IV тысячелетиям до н.э., а в археологической периодизации — к неолиту и энеолиту. Эти культуры осваивали преимущественно юж-

Еще более сложна для восприятия система зооморфных отождествлений персонажей египетской мифологии, но она скорее похожа на переплетающиеся «цепочки», в которых тоже совмещается несовместимое. Например, в мемфисской триаде Птах (плодородие), воплощением которого являлся Апис (бык), отождествлялся с Хнумом (бараном); Сехмет (львица) отождествлялась не только со всеми богинями-львицами, кошкой Баст, но и с коровами Хатхор и Мут (последняя также коршун), и с коброй Уто [МНМ, 1980, 1982].

Множественность отождествлений и противоречивость зооморфных воплощений одного и того же образа можно отнести к свойствам, которые вряд ли присущи персонажам только двух традиций (из которых взяты приведенные выше примеры). Такие свойства мифологических персонажей выявляют большую сложность реальной картины, нежели простое линейное построение, как то: преобразование зооморфного образа в антропоморфный с сохранением единственного зооморфного атрибута (жертвенного животного). И их можно рассматривать как результат использования зоологического кода при осмыслении образов (а также их взаимосвязи).

Не менее ярко проявляется многообразие зооморфной символики, а также неожиданность уподоблений тем или иным животным, в средневековой христианской традиции, отраженной в bestiариях. Средневековые bestiарии — это своего рода энциклопедии животного царства, в которых зафиксирована символика разных животных [Средневековый bestiарий, 1984].

Самка коршуна (коршун), рождающая, как полагали, без участия самца, ассоциировалась с девой Марией.

Телец, «исполненный очей», — символ евангелиста Луки.

Орел — символ евангелиста Иоанна.

Дерево перидексий уподоблялось богу-отцу, плод дерева — Иисусу и божественной мудрости, тени от дерева — святому духу, голуби, живущие на ветвях перидексия, — верующим.

Согласно bestiариям, Христу уподоблялись многие фантастические и реальные звери и птицы (единорог, хардар, феникс, дикая коза, олень, агнец, слоненок, лев, пантера, филин, петух, голубь, пеликан, рыба).

История возрождающегося Феникса напоминала о воскресении Христа. Воскресение символизировал и петух.

Легенда о единороге интерпретировалась как путь Христа — «духовного единорога».

Острое зрение дикой козы уподоблялось всеведению всевышнего. Высокие горы, куда она отправлялась, означали апостолов и пророков. Уподоблялся Христу и олень, убивающий змею (победа над дьяволом).

Три удивительных свойства связывали с Христом льва. Христос, как «невидимый лев», сравнивался со львом, заматающим следы хвостом. Полагали, что лев спит с открытыми глазами. Это его свойство напоминало о «бодрствовании Христа». Считалось, что львята рождаются мертвыми, а через три дня лев оживает своим дыханием, что тоже символизировало воскресение Христа.

Слоненок — символ Христа, поднимающего к новой жизни Ветхий завет — «большого слона».

Филин приравнивался к Христу, который возлюбил язычников, пребывающих во мраке.

Голубь, завлекающий диких голубей в голубятню, трактовался как символ Христа, объединяющего человечество.

Красота и многоцветность пантеры символизировала «многообразную мудрость Божию».

Символы Христа — загадочная ослепительно белая птица хардар и чадолюбивая птица пеликан.

Агнец — образ жертвы и жертвенной смерти Христа.

Существовала и такая метафора: «корабль церкви» покоится на рыбе, символизирующей Христа.

При символическом осмыслении образа Спасителя тоже использовался развернутый зоологический код, охватывавший все «стихии» и «уровни» обитания — от «океана» до «небес» — мирных, хищных и фантастических птиц, рыб, травоядных, хищных и фантастических зверей. Далеко не во всех случаях мотивы уподобления даже реальному животному были обусловлены видовыми поведенческими стереотипами (по Выготскому). На них наслаивались и совершенно сказочные этологические версии. А фантастические звери и птицы воспринимались как реальные.

Хорошо известно, что все средневековые bestiарии восходят к поздней античности, к «Физиологу» II-III веков н.э. Поэтому повторение в них множественности и противоречивости отождествлений одного и того же образа — это не совпадение с греческой традицией, а ее дальнейшее развитие. Часть удивительных представлений средневековья об этологии реальных животных сложилась в классическую эпоху, если не раньше. В bestiариях, в отличие от во многом реконструктивных данных греческой и египетской традиций, оказались зафиксированы не только результаты использования зооморфных соответствий при осмыслении образов, но и сохранилась причудливая логика таких осмыслений, с причинными связями и подробной мотивацией символики и уподоблений. Эта группа источников может быть, наиболее полно сочетающая изобразительную и вербальную традиции, особенно наглядно показывает, сколь сложны и опасны образные и смысловые реконструкции в рамках только изобразительной традиции, если она не «озвучена» вербальной. Порой восстановить логику утраченного текста просто невозможно. В удел исследователю остается схематическое (каркасное) моделирование, которое в лучшем случае приводит к построению более или менее удачной конструкции*.

В рамках «классификационной» модели возможно реконструктивное прочтение и фиксируемых археологически зооморфных образов конкретной изобразительной традиции. Но система в их подборе должна быть доказана. В одних случаях выявляются определенные закономерности размещения изображений в пространстве, как это получилось при анализе графики и росписей в верхнепалеолитических пещерах. Существенной оказалась фиксация полного или частичного совпадения композиций, наличие в них адекватных по форме символов и устойчивых групп из них [Leroi-Gourhan A., 1964; Топоров В.Н., 1972; Фролов Б.А., 1978]. Не менее важно постоянство образов для целой свиты археологических культур, равно как и их повторяемость посредством разной передачи (те или

* Уже ставшее традиционным прочтение зооморфных символов как отражения представлений о пространстве — выделение образов «верха» (птицы), «низа» (рыбы), «среднего мира» (копытные, хищники) и противопоставление их друг другу — входит в противоречие с приводившимися примерами отождествления всех этих животных друг другу в египетской мифологии, подобными же метаморфозами греческих богов и противоречивым многообразием образных осмыслений в христианской традиции.

иные формы пластики, росписи, графики). Наблюдения такого рода позволили реконструировать фрагменты разных зооморфных классификаций доземледельческих и раннеземледельческих культур Анатолии, Ближнего Востока [Иванов В.В., 1981; Антонова Е.В., 1984; 1987].

Результаты морфологического анализа и типологии зооморфной пластики Кукутени-Триполья подтверждают гипотезу об общности культурного текста у носителей всех древнеземледельческих культур Европы. Инвариантность этой категории фигуративной пластики во всем ареале документирована на нескольких таксономических уровнях — типологическом, образном и «функциональном». Поэтому мы вправе допустить принадлежность зооморфных фигурок, равно как и антропоморфных, к знакам, в виде которых постоянно (на протяжении неолита и энеолита) воспроизводились определенные образы, актуальные для всех древних земледельцев Европы. Если такой комментарий статуэток животных правомерен, то речь должна идти о целой группе зооморфных символов, общих для свиты археологических культур.

Среди кукутенско-трипольских фигурок животных достаточно массовым для классификационного членения на автономном уровне оказался только один их «вид/тип» — бовины/овиды «типа» 1. Большую часть таких статуэток удалось разделить на стилистические варианты. Было установлено, что начиная с Кукутени АВ-В1 их стилистика неоднократно, но достаточно синхронно, изменялась на всей территории культуры. Более или менее синхронное единообразие на пространстве от Сирета до Днестра даже этого единственного «вида/типа» препятствует любым упрощенным интерпретациям статуэток животных, в частности делает невозможным отнесение их к детским игрушкам, особенно если понимать функцию игрушек близко к современной*.

Сказанное выше, а также определенный методический опыт, накопленный предшественниками, позволяют рассматривать в рамках общей «классификационной» модели (как систему образных знаков) зооморфные образы, представленные в пластике всех культур данного круга. Кроме того, после счастливой находки в Коновке комплекта «фишек» с сопряженными зооморфными и антропоморфными изображениями и явным (количественным и размерным) доминированием животных, мы имеем основания рассматривать в качестве элементов определенной системы и зооморфные, и антропоморфные фигурки.

Большинство сведений о зооморфной пластике, которыми мы теперь располагаем и можем оперировать, получено в результате исследования морфологии фигурок, их пропорций, размеров, декора, хронологии и географии выделенных разновидностей, а также анализа их археологического контекста. Благодаря этим данным появилась возможность частично интерпретировать наши материалы в рамках обоснованной выше модели, допускающей единство культурного текста у всех древних земледельцев Европы и предполагающей рассмотрение зооморфных фигурок в качестве элементов системы образных знаков.

Но некоторые результаты, полученные в работе, требуют сопоставления с соответствующей информацией о других категориях глиняных артефактов и, как кажется, приводят к логическим построениям и выводам, которые справедливы

* Кстати, в моделировке народных глиняных игрушек, тоже уходящих корнями к древним культовым фигуркам, сейчас отчетлива обратная тенденция. Сохраняя образное единство, они всегда стилистически тяготеют к определенным центрам.

для более широкого круга археологических источников. Они оказываются за рамками собственно зооморфной символики (и любых реконструкций в этом направлении). Речь идет о взаимосвязи нескольких, казалось бы чисто технологических и орнаментальных, приемов — (1) способе конструирования фигурок, (2) составе их формовочной массы, (3) окраске поверхности и (4) принципах организации декора на них.

1. Принцип лепки (конструирование) многих статуэток (зооморфных, антропоморфных) и сосудов, исследование под бинокулярным микроскопом цветности их формовочной массы, а также следов окраски на поверхности, часто обнаруживают невидимую снаружи на целых вещах бинарность цвета и/или конструкции, которую можно определить как «скрытую» дихотомию предметов.

Лепка зооморфных статуэток из продольных половин — технологический прием, который фиксируется на всем протяжении Кукутени-Триполья. Из двух половин бывают леплены фигурки «типа» 1 (бовины/овиды разновидностей «А» и «Г»), козы, олени) и «типа» 3. На отдельных предметах отмечены следы штифтов. Сейчас такой же принцип лепки документирован и для некоторых сосудов в форме животных (Кошиловцы, Триполье С1С2).

Благодаря большой серии случайных наблюдений известно, что и многие женские фигурки, принадлежащие разным европейским неолитическим и энеолитическим культурам, бывают леплены из продольных половин (либо трехчастными торс и продольно соединенные ноги). Часто фиксируют следы штифтового скрепления деталей. Однако данный способ конструирования пластики не всегда технологически оправдан. Продольный шов посередине оказался даже на плоской кованной металлической обобщенно антропоморфной фигурке из Карбунского клада (Прекукутень III) [Рындина Н.В. 1969]. Не исключено, что эти стилистически различные статуэтки, присутствующие в большинстве публикаций материалов памятников, сводах пластики и широко представленные в коллекциях (в частности Кукутени-Триполья и Гумельницы-Каранова VI), соответствуют определенным «функциональным» разновидностям антропоморфной пластики, воспроизводившимся носителями европейских древнеземледельческих культур.

2, 3. Пока данные о цвете формовочной массы и окраске поверхности наиболее полно систематизированы для зооморфной пластики Кукутени-Триполья, но они есть и для посуды с отдельных памятников этой культуры.

Как было показано, многие статуэтки «типов» 1 (бовины/овиды разновидностей «А» и «Г»), комолые бовины, «овцы», мелкие фигурки), 3 (бовины/овиды), 7 (медведицы?), 8 (птицы) были вылеплены из белой и красной глины или смеси двух глин (промешанной и непромешанной, отмечен подмес сухой контрастной глины, возможен шамот контрастного цвета). Такие фигурки известны в интервале от Кукутени А1 до Триполья С1С2.

У отдельных разновидностей статуэток зафиксировано контрастное сочетание (в разных комбинациях) цвета формовочной массы и окраски поверхности, например: тесто белое, а поверхность красная и наоборот (бовины/овиды «функциональной» группы «А», «фишки»).

Сходные результаты получены при анализе цветности формовочной массы обычных (бытовых) сосудов на нескольких кукутенско-трипольских памятниках (сочетание двух глин разного цвета в тесте — сухой и влажной, двух влажных промешанных и нет, присутствие шамота контрастного цвета) [Заец И.И., Сайко Э.В., 1986; Гей И.А., 1986].

В тесте трипольских антропоморфных статуэток тоже иногда фиксируют красную глину — «охру» (равно как и окраску их поверхности в красный или белый цвет) [Патокова Э.Ф., Петренко В.Г., Бурдо Н.Б., Полищук Л.Ю., 1989. С. 103]. Есть информация такого рода и для антропоморфной пластики Гумельницы-Караново VI. Анализ формовочной массы восьми статуэток из поселения Озерное, произведенный И.А. Гей, показал присутствие во всех случаях смеси двух контрастных глин в разных концентрациях и разном состоянии. Встречена и окраска поверхности в красный цвет. Подобные наблюдения были сделаны и при исследовании антропоморфных и зооморфных фигурок телля Юнаците. В коллекции этого памятника выявлены и статуэтки из чистой белой глины.

Мы помним, что на ряде зооморфных фигурок Кукутени-Триполья сочетаются оба варианта «скрытой» дихотомии — двухцветность формовочной массы и лепка из продольных половин. А на одной статуэтке они оказались увязаны конструктивно (ее правая половина леплена из красной глины, а левая — из белой (рис. 56, 2). Подобного рода наблюдение было сделано и при исследовании цветности формовочной массы керамики с поселения Старые Куконешты (Кукутень А3). В коллекции этого памятника обнаружен небольшой кубок, нижняя половина которого леплена из красной глины, а верхняя — из белой (информация любезно предоставлена И.А. Гей). По-видимому, эти пока достаточно редкие наблюдения свидетельствуют о смысловом согласии двух «технологических приемов» и оказываются ключевыми. Они позволяют допустить близкую, если не однозначную, метафоричность обоих вариантов «скрытой» дихотомии глиняных предметов, один из которых удивительно напоминает шумерскую мифологему человека: «из глины сотворен и на крови бога замешан» [Афанасьева В.К. 1985. С. 38].

4. Декор зооморфных статуэток (бовины/овиды группы «В») обычно включает продольную осевую линию на спине. А на фигурках других культур возможны такие оси на спине и на морде. В системе декора антропоморфных статуэток (или их нижних частей) продольная ось всегда совпадает с соединительным швом. Оси декора поверх соединительных швов встречаются и на зооморфных сосудах. Столь отчетливое соотношение системы орнаментации с конструкцией приводит к мысли, что оси декора тоже метафорически заменяют (либо дублируют) моделировку из продольных половин, в свою очередь равнозначную лепке из двухцветной глины.

Среди материалов разновременных древнеземледельческих культур Европы известны сосуды и статуэтки, в конструкции которых проявляется дихотомия, которую можно определить как «явную». Она присуща специфическим фигуркам и сосудам-амфисбенам (зооморфным, антропоморфным, миксаморфным), построенным по принципу удвоения фигуры или ее верхней части. Не менее выразительны симметричные двухчастные сосуды — «открытые» с продольными перегородками внутри, соединенные из двух чаш, «закрытые» двухгорлые.

В Кукутени-Триполье известна серия открытых сосудов, разделенных внутри продольной перегородкой на две симметричные емкости. Обычно эти двойные сосуды имеют зооморфные черты — головы баранов с одной стороны и хвосты с противоположной — и окрашены в красный цвет. Перечислю некоторые из них: Ариушд (Кукутень А2) [Laszlo F., 1924. Pl. XI, 3]; Белый Камень (Кукутень В1) [Макаревич М.Л., 1940. Рис. 16]; Попудня (Кукутень В2) [Himner M., 1933. Pl. XVIII, 2]; Гребени (Кукутень В1) [Музей природоведения Украины, экспозиция]; Томашовка (Кукутень В2) [Куринний П.П., 1927. Рис. XIII, 7]; Кирилловка

(Кукутень В1) [Зиньковский К.В., Полищук Л.Ю., 1980. Рис. 2, 12]; Черкасов Сад (Кукутень В2) [ОГАМ. 71689]; Чечельник [Косаківський В.А., 1993. Рис. 8, 5].

Двойные сосуды разных конструкций — открытые с перегородкой, как в Кукутени-Триполье, открытые, соединенные из двух чаш, закрытые двухгорлые — есть и в других раннеземледельческих культурах [Искусство ранних земледельцев... 1979. № 61; Тодорова Х., 1986. Табл. 14; Bergiu D., 1956. Fig. 45; Gimbutas M., 1989. Fig. 135].

Существуют также открытые сосуды с головами бовинов и баранов, внутри которых нет перегородок, но по дну емкости проведена (или подразумевается) продольная осевая линия, с которой соотносена симметричная композиция декора. Наиболее выразительные образцы происходят из Кринички (Кукутень В1) [ГЭ. 4087-61]; Андреевки (Кукутень В1-2) [Музей природоведения Украины. 190/4. 2923]; Гребеней (Кукутень В1) [Музей природоведения Украины. 507]; Томашовки (Кукутень В2) [Куринний П.П., 1927. Табл. II, 7].

Часто столь же очевидна дихотомия декора, покрывающего большинство сосудов и других глиняных артефактов, принадлежащих неолитическим и энеолитическим культурам интересующего нас круга. Речь идет о зеркальной, ложнозеркальной, поворотной симметрии композиций и самих знаков.

Три описанные для пластики разновидности дихотомии («скрытая», проявляющаяся в конструкции, цветности формовочной массы и поверхности, а также «явная» — в декоре) вполне сопоставимы с такого же рода дихотомией бытовых сосудов, явной оппозиционной симметрией наиболее распространенных орнаментов и дихотомией формы двойных сосудов, статуэток-, сосудов-амфисбен. Думается, все это — одна и та же метафора, многообразные проявления которой на большинстве глиняных (и не только глиняных) артефактов древних земледельцев Европы указывают на общеизвестность, общепринятость ее значения и на ее объединяющую сущность.

Кроме того, хорошо известно, что конструктивная дихотомия антропоморфных и зооморфных статуэток из глины была распространена на протяжении неолита — эпохи бронзы значительно шире рассматриваемого здесь ареала — на Кавказе, в Восточном Средиземноморье, в Средней Азии. Вопрос о цветовой дихотомии пластики и посуды перечисленных областей пока остается открытым, но не исключено, что специальные исследования в будущем обнаружат и ее.

Мы знаем об использовании дихотомичной цветовой символики (белого и/или красного) в хеттской ритуальной практике. Белый цвет — господствующий цвет ритуальной одежды хеттского царя. В некоторых ритуалах упоминается жреческая одежда белого цвета, которая сочеталась с такого же цвета головным убором. «(Затем жрецы и жрицы — матери божеств моются), снимают с головы венки и повязывают головы белой лентой и одеваются в одежду белого цвета». В древнехеттских ритуалах использовалась и ритуальная одежда алого (буквально «кровавого») цвета. В частности, в одежде красного цвета совершала ритуал жрица — «сестра бога»: «И (жрица) одежды (хасгала красного цвета) надевает и она из внутреннего (сакрального) помещения выходит» [Ардзинба В.Г., 1982. С. 54-56]. В некоторых случаях в царском ритуальном одеянии было необходимо сочетание белого и красного цветов. В описании зимнего праздника, посвященного божееству Солнца, говорится о смене царем ритуального одеяния. В начале ритуала правитель был одет в наряд, состоящий из платья и обуви белого цвета и серебряных серег. В храме же божества Солнца он облачался в праздничный наряд адупли и подпоясывался поясом, сплетенным из белой и красной шерсти

[Там же. С. 53]. В другом хеттском ритуале к рожку головного убора царя привязывали шнур из красной и белой шерсти [Там же. С. 56].

По-видимому, перед нами одна из концептуальных мифологем, которая метафорически сохранялась в разных традициях, как бы пронизывая все бытие носителей архаических культур. Пока наиболее полно она читается в изобразительной традиции древних земледельцев Европы, в их способах приготовления формовочной массы для глиняных изделий, в конструировании сосудов и пластики. Эту мифологему, как «факт культуры духовной» (по удачному выражению Е.В. Антоновой и Д.С. Раевского), в виде своего рода свернутого шифра, несет множество сакральных и профанных (в нашем понимании) предметов. Здесь я пользуюсь предложенным В.К. Афанасьевой уточнением понятия мифологемы — как интуитивно-эмоционального образа, содержащего в себе догадку о сущности бытия и его гранях, архаичного, иррационального и всегда первичного по отношению к этиологическому мифу, тайным смыслом которого она может оказаться [Афанасьева В.К., 1988. С. 36].

Возможно, мифологему такого рода, запечатлевавшуюся при создании любого предмета из глины, правомерно связывать с мифами о творении (шумерская мифологема человека), о Верховном Существо, создавшем Мир (или не завершившем его создание) и удалившемся на Небо, о трансцендентном «отдыхающем боге» (по М. Элиаде), который присутствует только в обрядах, посвященных возобновлению Мира [Элиаде М., 1995. С. 99-104], и (добавим) в действиях, напоминающих (воспроизводящих) акт творения.

При реконструкциях миропонимания (либо его определенных граней) носителей тех или иных культур обычно затрагивается проблема интерпретации и антропоморфных, и зооморфных фигурок. Однако большинству зооморфных персонажей европейской древнеземледельческой пластики в таких моделях традиционно отводят довольно скромную роль. Соотношение «зоологических видов» по статуэткам с одного или нескольких памятников сопоставляют с фаунистическими данными и трактуют как отражение значимости персонажей — хозяйственной [Маевский К.К., 1945; Патокова Э.Ф., 1957], культовой [Сенак Н., 1933; Качалова Н.К., 1977], либо той и другой [Бибиков С.Н., 1953. С. 240; Попова Т.А., 1970].

Уже отмечалось, что подобный подход к изобразительным материалам не совсем корректен в двух аспектах. Большой массив трипольских фигурок обнаружил некоторые закономерности, ускользающие при анализе материалов отдельных памятников. В частности, на многих разновременных поселениях были выявлены статуэтки медведей, оленей и птиц. Поэтому становится все менее убедительным привычное восприятие зооморфной пластики как своего рода «модели стада». А очень давнее наблюдение Д. Перкинса о несоответствии состава остеологической коллекции Чатал-Хююка набору зооморфных изображений на этом знаменитом памятнике [Perkins D., 1969] напоминает о возможной независимости культового осмысления тех или иных представителей фауны от их хозяйственного значения. Последнее подтверждается данными этнографии [Антонова Е.В., 1984. С. 86] и кажется очень важным для понимания роли зооморфных символов в архаических традициях*.

* Правда, необходимо отметить, что есть приверженцы строго рационалистического взгляда на этот вопрос, увязывающие культовое осмысление животных с хозяйственной деятельностью человека, с образом жизни и рационом питания коллективов [Шнирельман В.А., 1979].

Рассмотренный материал убеждает в правильности и другого столь же парадоксального тезиса. Сопоставление количественного распределения «видов» фигурок (таблица 3) с достоверно зафиксированной иерархией коновских «фишек» и всеми другими знаково или контекстно увязанными совокупностями зооморфных образов в массиве кукутениско-трипольской пластики показывает, что бовин — персонаж, наиболее часто встречающийся в выборках, — может и не оказаться самым главным в системе зооморфных образов. Еще раз остановимся на имеющихся знаково и/или контекстно увязанных совокупностях фигурок, часть которых выявляется благодаря перекрестной связи между выделенными «классами/видами» и «типами» статуэток:

(а) иерархизированный набор «фишек» из Коновки («тип» 2): 1 — бараны, 2 — олень и бовины (есть также трипольские фишки с головами птиц);

(б) фигурки «типа» 1 — бовины/овиды, козы, олени, свиньи, медведи, «овцы», птицы, рыбы;

(в) погремушки («тип» 8) — бовины/овиды, олени, птицы;

(г) статуэтки-ковчезцы («тип» 6), предположительно соответствующие паре баран + женщина/корова;

(д) «сложные» группы фигурок в околожилищном пространстве, в которых возможны лакуны, смешение. Их образуют «типы» 1 и 2 — бовины/овиды разновидностей «А» и «Г», козы, олени, свиньи, «овцы», «собаки», мелкие фигурки, птицы.

С еще большей условностью как отдельную совокупность (е) выделим статуэтки, пока не встреченные в этом пространстве, — бовинов/овидов разновидности «В», фигурки медведей (те и другие соответствуют «типу» 1), статуэтки «типов» 3-5, 7, 8.

«Видовое» сравнение данных совокупностей показывает, что во всех них присутствуют бовины, бараны либо бовины/овиды разных типов, в четырех — (а), (б), (в), (д) — есть олени, в трех — (а), (б), (в) — птицы. Такая повторяемость части образов при вариативности «типов» позволяет допустить, что определенные зооморфные символы (бараны, бовины, олени, птицы) могли использоваться в нескольких обособленных системах (или подсистемах). Именно этим объясним типологическое и «функциональное» в рамках «типа» разнообразие фигурок, которое диктовало особые списки образов — более узкие, широкие, включающие специфических персонажей. Если это действительно так, то оперирование простыми количественными соотношениями «видов» изображенных животных при реконструкции связанных с ними представлений действительно не вполне корректно.

Из всех так или иначе выделяемых совокупностей зооморфных образов наиболее важен иерархизированный набор «фишек» из Коновки. Его можно рассматривать как пока единственную и наиболее развернутую, по сути дела ключевую, систему образных знаков, известную для древнеземледельческого мира Европы. В интересующем нас ареале на протяжении неолита, энеолита, бронзы воспроизводились лишь отдельные группы из тех или иных образов, встреченных на «фишках» из Коновки. Они украшают сосуды, крышки, жертвенники, алтари, разные вотивные предметы.

Парным образам этого комплекта (баранам, бовинам и антропоморфным) можно найти соответствие во множестве симметричных групп, состоящих из двух-четырех одинаковых персонажей.

Равновеликие головы баранов есть на сосудах культуры воронковидных кубков [Podkowinśka Z., 1961. Tabl. I, XVI, XVII, 1, XIX, 1; 143] и Монтеору [Dumitrescu V., Bolomey A., Mogoşanu F., 1983. Pl. XII, 2]. Они украшают винчанские трианглы [Nica M., Niţa T., 1979. Fig. 22, 5; Gimbutas M., 1989. Fig. 117, 2], а стилизованные бараньи рога — трианглы, относящиеся к Каранову II [Детев П., 1959. Обр. 17; Georgiev G.I., 1961. Taf. XIV, 3] и Бубани-хум [НЦБ. Сл. 170]. Сосуды с четырьмя симметрично расположенными головами баранов встречаются на поселениях Винчи, Тиссы и на фессалийских памятниках [Kalicz N., 1970. Fig. 41; Gimbutas M., 1989. Fig. 117, 3, 120].

Известна группа из трех разновеликих баранов. Это — «алтарь» из Хотэрни (Винча-Вэдастра). Центральную позицию занимает самое крупное изображение животного, а справа и слева помещены вдвое меньшие [Gimbutas M., 1989. Fig. 124].

Антропоморфные симметричные пары изображались в фигуративной пластике и в форме сосудов. Их образуют уже упоминавшиеся амфисбены двух разновидностей. Они бывают двуликими (как двуликий Янус). Такого строения сосуда есть в Винче, Бюкк, Гумельнице, а фигурки — в Винче и Гумельнице [Васић М., 1932. Сл. 105; Георгиев Г., Ангелов Н., 1957. Обр. 63, 2; Marinescu-Bîlcu S., Ionescu B., 1968. Pl. V, VI, XX, 1, 2; Kalicz N., Makay J., 1971. Abb. 7, 1; Трбуховић М., Васильевић М., 1983. IX, 3, 4]. Вторая разновидность антропоморфных амфисбен представлена винчанскими двухговыми фигурками с общими руками и туловищем [Gimbutas M., 1974. Fig. 90; Gimbutas M., 1989. Fig. 271, 2; Dumitrescu V., 1980. Pl. LXXIV, 90; Трбуховић М., Васильевић М., 1983. IX, 5]. Группы из трех или четырех антропоморфных фигур читаются на специфических кукутенских сквозных «сосудах-подставках» [Mataşa C., 1946. Pl. XXVII, 249; Dragomir I.T., 1984. Pl. I, II].

Очень давно зафиксированы и разновеликие антропоморфные пары. Одна из них украшает спинку миниатюрного «трона» из Липкан (Кукутень В2) [Ambrojević S., 1933. Fig. 3], а вторую реконструируют на «алтаре» из Трушешти (Кукутень А3) [Petrescu-Dîmboviţa M., 1963].

Пары головок бовинов особенно часты на сосудах. Они бывают помещены рядом (на кукутенско-трипольских кухонных сосудах, мисках) [Маркевич В.И., 1981. Рис. 97, 2, 3, 8; Черныш Е.К., 1982. Табл. LXXXVII, 2; Косаківський В.А., 1990. Рис. 2, 23] либо симметрично относительно поворотной оси сосуда (на сосудах разных культур) [Dumitrescu V. et collaborateurs, 1954. Pl. XCIII, 2; НЦБ, 1968. Илл. 161]. В виде них часто делались противоположащие ручки. Известны сосуда и с тремя головами бовинов на тулове (Штурово, Желиз) [Pavúk J., 1981. Fig. 45, 46].

Поскольку целая серия аналогий в раннеземледельческом регионе Европы подтверждает и парность определенных персонажей коновского комплекта, и даже встреченную среди них разновеликость, можно признать то и другое в нашем наборе неслучайным. Еще более убедительны в этом отношении известные в пластике разного времени группы из нескольких образов, повторяющие сочетания персонажей Коновки.

Три головы баранов и сидящая антропоморфная фигура (фрагментированная, сохранились только ноги) представлены на выпуклой крышке из Султаны (Гумельница). В этой композиции две головы баранов расположены перед фигурой человека, находящегося в центре, а третья, ориентированная в противо-

ложную сторону, — у него за спиной [Marinescu-Bîlcu S., Ionescu B., 1968. Pl. XX, 3].

Два крупных фигуративных сосуда — в виде барана и в форме женской фигуры — обнаружены вместе в помещении «А» на неолитическом поселении Гилат, расположенном в пустыне Негев — районе, весьма удаленном от рассматриваемого ареала. Авторы раскопок считают Гилат культовым центром [Alon D., Levy T.E., 1989. Fig. 8, 9].

Пары, включающие барана и бовина, отмечают предметы разного времени. Прежде всего вспомним своеобразный двойной неолитический сосуд (или модель) из Вэдастры II (культура Вэдастра). Своды над его емкостями венчают окрашенные в красный цвет головы животных. Справа находится голова барана. Она значительно крупнее соседней головы бовина [Mateescu C.N., 1962. Fig. 2]. Сравнительно недавно опубликованы подобные, но равновеликие пары более позднего времени. Среди материалов могильника Пархай II (эпоха бронзы, Туркмения) есть несколько прямоугольных сосудов, к торцовым сторонам которых прилеплены головки животных: с одной стороны баран, а с другой — бовин [Хлопин И.Н., 1989. Рис. 5]. Головки барана и бовина украшают торцы обушка вотивного фракийского топорика из Старо Село (Болгария) [Николов Б., 1990. Обр. 5, 6].

С материалами более позднего времени перекликается и группа из оленя и бовинов. Как уже упоминалось, подобная триада представлена на знаменитом бронзовом штандарте из Аладжи-Хююка (Анатолия, EB III). Правда, здесь находящийся в центре олень крупнее расположенных по обе стороны бовинов [Yakar J., 1985. Pl. XVI, 1]. А на сосуде из Волимидии (Мессения, SH III) эти же персонажи образуют иную композицию — бовин помещен между двумя оленями [Das Mikenische Hellas... 1988. Taf. 179]. Косвенно связь образов бовина и оленя отражает единообразие элементов декора на сосудах-оленьях из Мулдавы [Детев П., 1968. Обр. 25, 26] и на фигурках бовинов функциональной разновидности «В» (ряды горизонтальных колец на ногах и шее).

Как мы видим, сочетание антропоморфного (женского) образа и барана (баранов) фиксируется в весьма удаленных друг от друга материалах эпохи неолита. Совместные изображения оленя (оленей) и бовинов (бовина) уводят нас к раннему бронзовому веку Анатолии и более поздним периодам эпохи бронзы Греции. Но самый широкий ареал и наибольшую временную протяженность (от неолита до эпохи железа) охватывают представления о паре «баран и бовин». У ранних земледельцев Европы баран в этой паре доминирует.

Композиционно комплект из Коновки можно сопоставить с рельефными изображениями животных или животных и людей на нескольких сосудах из Центральной Европы, декор которых строится относительно поворотной оси либо относительно оси и зонально*.

Под венчиком высокого сосуда из Стржелце (Лендьел) помещены четыре фигурки неопределимых животных. Накольчатый орнамент на плечиках включает четыре антропоморфные фигуры. Ниже, на середине тулова находятся четыре рогатые головы (явно не бовины) [Gimbutas M., 1989. Fig. 489, 490]. На сосуде из

* В свою очередь, эти сосуда могут быть семантически близки многочисленным расписным древнеземледельческим сосудам с тем же принципом построения и близкими сюжетами декора.

Дворы над Житавой (Желиз) также присутствуют три яруса изображений. На шейке — наклепная голова бовина. На плечиках — три неясных зверя. Ниже находятся три зооморфные ручки в виде подтреугольных морд [Pavúk J., 1981. Fig. 48, 49]. Из Жлковицы (Болераз) происходит миска с вереницей наклепных четвероногих по краю [Nemejkova-Pavúková V., 1984. Обр. 17]. Она несомненно напоминает известный ритуальный сосуд из Тоголока I (эпоха бронзы, Маргиана) и подобные ему предметы с замкнутыми композициями из наклепных фигур людей и животных [Сарианиди В.И., 1980]. Вереницы животных, включающие оленя (наиболее читаемый персонаж), есть и на некоторых анатолийских штандартах эпохи бронзы [Yakar J., 1985. Fig. XXX, 15].

Итак, среди изобразительных материалов разных культур Центральной и Юго-Восточной Европы на протяжении неолита, энеолита, бронзы фиксируются и сложные зооморфные (зоо-антропоморфные) композиции, и разные сочетания образов, вошедших в трипольский комплект «фишек» из Коновки, подтверждая неслучайность их группировки и, отчасти, иерархичность. Весьма обширен оказался и ареал аналогий более позднего времени. Поэтому правомерно использование связанных между собой вербальных и изобразительных текстов, способствующих интерпретации наших материалов. Специфика же последних ограничивает этот экскурс лишь двумя направлениями — (1) сведениями о наличии в тех или иных традициях совокупностей из зооморфных символов и представлениями о них, (2) особенностями символики в разных традициях именно тех животных, которые фигурируют в комплекте из Коновки, — барана, оленя, бовинов (возможно, разного пола). Значительное расширение данного списка и включение в него всех определимых представителей фауны в кукутенско-трипольском массиве пластики пока вряд ли целесообразно. Большинство из них (козы, свиньи, «овцы», собаки, разные птицы, рыбы) фигурирует в не очень четких, лишь контекстно увязанных, по сути дела реконструктивных, совокупностях. Ограничимся присоединением к нашему списку только еще одного, особенно яркого образа — медведя (медведицы). Фигурки этого зверя не связаны с так или иначе выделяемыми совокупностями и не имеют данных о контексте.

1. Хорошо известно, что группы зооморфных символов часто использовались в календарной обрядности. Особенно широко были распространены «наборы» фигурок из теста, подобные регионально варьировавшим рождественским (у славян и немцев), выставлявшимся на стол 24 декабря. Такие «наборы» включали преимущественно домашних животных — коров, быков, овец, «конинок», «поросят». Но в них мог входить и олень [Иванов В.В., Топоров В.Н., 1974. С. 255], что препятствует объяснениям данного обычая с позиций «скотоводческой магии».

Похожие зооморфные хлебцы фигурировали и в некоторых хеттских ритуалах. Там их называют жертвенными [Ардзинба В.Г., 1982. С. 66, 67]. Примечательно, что в хеттской обрядности фиксируется и совершенно иная система зооморфных образов из шести диких зверей: барса, волка, льва, медведя, дикой «свиньи тростника» и дикого барана. Во время весеннего ритуала килам их статуэтки из золота и серебра проносили перед царем. Впереди несли серебряную фигурку барса, вслед за ней волка и льва из серебра, медведя из золота, дикой «свиньи тростника», а также дикого барана из золота и серебра [Ардзинба В.Г., 1982. С. 30]. В этом списке с образным набором древних земледельцев Европы перекликаются три персонажа — медведь, баран и свинья. Любопытно, что именно они были сделаны из золота. В виде этих же «священных» животных делались и

зооморфные сосуды для жертвоприношений. Предполагают, что все они соотносились с определенными божествами или даже их символизировали. В.Г. Ардзинба склонен интерпретировать фигурки «священных» животных как знаки социальных единиц, поскольку их число почти совпадает с числом хранилищ городов, которые объезжала во время килам царская чета [Ардзинба В.Г., 1982. С. 30, 33-35]. Если приведенные реконструкции справедливы, у хеттов эта система символов оказывается одним из способов соотнесения космологической и социальной структур.

В греческой традиции существовал особый термин «триада», отражавший ранговую классификацию жертвенных животных — баран, бык, кабан, — соотносимую с данными других индоевропейских традиций [Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В., 1984. С. 481].

В глиптике греко-персидского круга IV в. до н.э. известны своеобразные многогранные печати из халцедона, у которых на одной из граней мог присутствовать антропоморфный персонаж, а также сцена поединка или охоты, а на остальных изображались разные животные, среди которых встречаются хищники (лев, медведь, лисица, собака), копытные (олень, баран, козел, кабан, газель), птицы (журавль, петух). Есть многогранники с серией одиночных антропоморфных персонажей и животными. Обращает на себя внимание то, что на разных печатях большинство зооморфных образов повторяется [Никулина Н.М., 1994. Илл. 465-468, 470-473]. К сожалению, в литературе пока не удалось встретить полной образной интерпретации подобных предметов. Обычно детально трактуются только антропоморфные персонажи и сцены (поединка, охоты) [Там же. С. 87-94]. Хотя повторяемость зооморфных персонажей определенно указывает на неслучайность, логичность их сочетаний. Да и сама форма этих многогранников должна отражать какую-то взаимосвязь образов и сюжетов, «многогранность» общего смысла изображенного. Не исключено, что на данных памятниках глиптики тоже запечатлены варианты зоо-антропоморфной классификации.

Фигурки животных из теста, триада жертвенных животных, «священные животные» свидетельствуют о существовании в традициях разных и по-разному осмысливавшихся зоологических классификаций. А хеттские памятники определенно указывают на возможность использования в одной традиции нескольких зооморфных классификаций. Не исключено, что подобное явление было свойственно греческой (более широко — античной) традиции, в которой триада жертвенных животных сочеталась с зооморфными эпифаниями большинства богов — достаточно сложно сопряженной системой образных знаков. Последнюю еще более усложняло многообразие зооморфных метаморфоз некоторых олимпийцев. Вокруг каждого из таких богов строилась его собственная зоологическая классификация. Возможно, часть упоминавшихся печатей-многогранников иллюстрирует именно эти системы совокупных представлений о конкретных образах.

2. А теперь остановимся на рассмотрении нескольких наиболее ярких зооморфных образов, представленных в кукутенско-трипольской зооморфной пластике, — медведей и тех, которые сопряжены в комплекте «фишек» из Коновки, — баранов, бовинов и оленей.

Все фигурки медведей в Кукутени-Триполье изображают самок. Женская маркировка пола отмечалась и на сосудах-медведях, распространенных от Адриатики до бассейна Южного Буга.

Обычно в Евразии зону, связанную с культом медведя, ограничивают Северной Европой и Сибирью — областями наиболее плотного расселения данного

животного в настоящее время. Распространение медведей к югу от этой зоны сейчас оценивают как «прерывистое». Они все еще есть в Южной Европе — в отдельных областях Болгарии, Греции, Италии, Испании, а также в Иране и Сирии. В прошлом медведи жили и в Северной Африке [Дарлингтон Ф., 1966. С. 330].

Изобразительная и вербальная традиции свидетельствуют о значимости образа медведя и в южных областях. Медведь, стоящий перед деревом, присутствует на одном из майкопских сосудов, где его рассматривают как отражение некоей хеттской или хаттской мифологемы [Антонова Е.В., Раевский Д.С., 1981]. Медведь известен на аккадских изображениях, неоднократно фигурирует в Ветхом Завете. В частности, победителем медведя был Давид (1 Царств, 17). Изображения медведей встречаются на фризах античных храмов и восточногреческих геммах [Никулина Н.М., 1994. С. 41 и сл.].

В письменной традиции Южной Европы сохранилось обособленное понятие «медведица». Медведицами были Артемида Аркадская (Браурония) и ее спутница Каллисто. Медведица вскормила Аталанту. Жители Аркадии считали себя потомками внука медведицы [Кагаров Е.Т., 1913. С. 231 и сл.]. Медвежьи черты имеет покровительница Берна Артио. Примечательно, что на одном из ранневизантийских (VII в.) серебряных блюд, найденных в Ламбусе, на Кипре, изображена сцена единоборства Давида не с медведем, а с медведицей, под брюхом которой находится медвежонок [Папагеоргиу А., 1970. С. 75, N 110]. По-видимому, это еще одно свидетельство следования в изобразительных текстах (даже иллюстрирующих Писание) очень давней южноевропейской мифологической традиции, в которой всегда фигурировала медведица, а медведь-самец не имел особого значения.

Согласно данным А. Ермолова, в Западной России в канун Благовещения отмечали медвежий праздник — день выхода из берлоги [Ермолов А., 1905. С. 246]. Этот праздник вряд ли случайно пришелся именно под Благовещение. Скорее всего, он связан со специфической цикличностью жизни медведей (прежде всего — медведиц), позволяющей понять возможные мотивы использования образа медведицы и в раннеземледельческой символике. Вскоре после выхода из берлоги у медведиц начинается течка и наступает период спаривания. Не исключено, что глубокие отверстия сзади у фигурок «типа» 1 (и полости — у «типа» 7), воспринимаемые теперь как маркировка пола, свидетельствуют о их связи с подобным календарным циклом. Наверное, с этих позиций следует рассматривать и фигурки самок других животных с отверстиями сзади.

Зооморфные образы, сопряженные в комплексе «фишек» из Коновки, существовали в вербальных и изобразительных традициях несколько тысячелетий. Их символика и взаимосвязь в разных текстах в какой-то мере помогают частичной реконструкции космологической системы древних земледельцев Европы.

Образ барана в культурах неолита и энеолита только недавно стал привлекать специальное внимание [Маркевич В.И., 1981. С. 158; Vábel I.T., 1982]. Думается, его недооценка, принижение значения и даже атрибуция наиболее ярких изображений как бычьих объясняется тем, что обычно раннеземледельческую пластику соотносили с домашними животными и, соответственно, видели в баранах представителей покорных, мирных копытных. Вот как пишет о нраве домашних и диких баранов А. Брэм: «Бараны больше других домашних животных показывают, как одомашнивание влияет на привычки и нрав. Домашняя овца — только тень дикой... Дикие бараны едва ли кому уступят по живости движений,

ловкости, осторожности и мужеству...» [Брэм А., 1930. С. 604]. Такое восприятие барана помогает понять причину его почитания в Египте, Иране, Греции.

Баран-Хнум в некоторых центрах Египта считался демиургом и символизировал плодородие. В Фивах баран-Амон — воплощение солнца. Кроме того, он близок и богу войны Монту и богу плодородия Мину. В эпоху Нового царства Амон отождествлялся с богом солнца Ра. Он — «владыка мира» и «царь всех богов». Фараон считался сыном и воплощением Амона-Ра.

Баран фигурирует в хеттском ритуале стимуляции плодородия [Ардзинба В.Г., 1982. С. 101 и сл.].

В иранской мифологии баран — одно из воплощений бога войны и победы Веретрагны, образ которого восходит к эпохе индоарийской общности, а имя соответствует эпитету веддийского громовержца Индры.

В сасанидском искусстве баран ассоциировался с Фарном (свет, солнце). А в осетинской традиции Фарн в облике барана — «властитель спальни».

В греческой мифологии баран считался одним из воплощений солнцеликого Аполлона. Аполлон Карнейский связан с демоном плодородия Карном. Баран — эпифания и другого бога — Гермеса (вестника, посредника, проводника).

Примечательно, что в некоторых традициях барану или баранам отведена роль сверхъестественного транспортного средства, на котором путешествуют боги и волшебники. Трехликий Агни и подобный ему персонаж — трехликая глиняная русская игрушка «перевертыш» — сидят верхом на баране. На знаменитой золотой чаше из Хасанлу одно из изображений предположительно принадлежит Шавушке (владычице плодородия и любви у хурритов), которая едет, стоя на баране. Античные терракоты изображают Афродиту в повозке, запряженной баранами. Фрикс и Гелла отправились в Колхиду на золотом баране, которого Нефела (их мать) получила у Гермеса. Даже в сказках Ш. Перро волшебницы путешествуют в карете, запряженной бараном, «который все знал». В этой связи представляют особый интерес и баранья упряжка из Крженицы Ярой [Podkowińska Z., 1961. Tabl. XIX, 1], и бараны, расположенные вокруг человека на выпуклой крышке из Султаны [Marinescu-Bilcu S., Ionescu B., 1968. Pl. XX, 3], как возможное отражение близкой мифологемы.

В литературе о древнеземледельческой пластике Европы изображения бовинов чаще всего соотносят с образом быка. Однако сами фигурки во всех энеолитических культурах принадлежат особям разного пола. В настоящей работе для Кукутени-Триполья описано шесть «типов» изображения этого животного, а также три «функциональные» группы в рамках «типа» 1. Уже отмечалось, что видовое различие бовинов и овидов по пластике не всегда возможно. На основании имеющейся информации в качестве быков можно выделить только поздние (начиная с Кукутени В2) статуэтки функциональной группы «В», а это очень небольшая часть массива. Поэтому столь однозначная интерпретация статуэток бовинов вряд ли уместна.

В древнеиндийской, греческой и древнеиранской традициях на основании совпадения метафор восстанавливается образ героя-мужчины как 'быка' и женщины (девушки) как 'коровы' [Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В., 1984. С. 576]. Ср. в хеттских ритуалах: быков посвящали божествам мужского пола, а коров — богиням; в ритуалах очищения мужчина приносил в жертву быка, а женщина — корову [Ардзинба В.Г., 1982. С. 67]. Бык — одна из эпифаний Зевса, сочетавшегося в этом облике браком с Деметрой, Антипой, Европой. А некоторые другие его брачные партнерши — Алкмена, Ио, «волоокая» Гера — сами были коровами

[Кагаров Е.Т., 1913. С. 248-249, 259]. В образе быка выступал и Посейдон (Таврос), а его костюмированные эфесские жрицы назывались Таурои [Кагаров Е.Т., 1913. С. 257]. Известно очень давно возникшее особое отношение к бовинам в Индии. Их нельзя употреблять в пищу, прогонять с дороги и т.д. Это явление тоже может объяснить идентичность, взаимозаменяемость человека и бовина. В одном из текстов, приписываемых Будде, сказано: «Коровы — наши друзья, как отец, мать и другие родные, ибо от них зависит успех в земледелии. Пищу дают они, силу, свежесть лица и счастье. Зная это, брахманы старых времен не убивали коров» [Косамби Д., цит. по: Шнирельман В.А., 1979. С. 195 и сл.]. Этнографы очень давно отметили, что в некоторых традиционных обществах, в частности африканских, тоже существует знаковая ритуальная идентичность человека и бовина (неважно, быка или коровы) [Иванов В.В., 1976. С. 53].

Истоки данного и столь широко распространенного феномена находят в очень давнем метафорическом истолковании биологической случайности — совпадения репродуктивных циклов у женщин и самок всех видов бовинов (десять лунных месяцев). Неудивительно, что образы женщины и коровы представляют одно из древнейших семантических отождествлений, читаемое даже на материалах палеолита [Фролов Б.А., 1978]. Во многих изобразительных традициях раскинутые руки женских фигур и рога (головы) бовинов передавали одну и ту же метафору лунного серпа. Известны и подтверждающие их равнозначность «наложенные» изображения, которые выглядят как своего рода билингвы. Это — женские фигуры с поднятыми и раскинутыми руками, вписанные в абрис рогатой головы бовина. В искусстве додинастического Египта выделяют группу шиферных палеток с такими изображениями и рассматривают их как пример слияния образов коровы и женщины («палетка Хатхор», «Герзейская палетка» [Кинк Х.А., 1976. Рис. 10; Шеркова Т.А., 1996. С. 101]. Есть подобные изображения и среди древнеземледельческих европейских материалов [Сешак Н., 1933. Tabl. XVII, 1; Lazarovici Ch., 1979. Pl. XXI. С. 7]. Встречаются и прямо стоящие женские фигурки (или сосуды) с рогатыми головами [ГИМ. N 55428; Кагаров Е.Т., 1913. С. 259, примечание 12]. Уже упоминались четвероногие бовины с человеческим лицом и/или женской маркировкой [Fol A., Katincarov R., Lichardus J., Bertemes F., Iliev I., 1989. Taf. 16, 1; Podborzský V., 1985. Taf. 138, 1; Pavúk J., 1981. Fig. 46]. Но подобные европейские материалы обычно интерпретируют в связи с «культом быка».

Традиционно в реконструкциях космологической схема для носителей культур интересующего нас круга включает либо только антропоморфные образы («богиня-мать», «великая богиня» «богиня или госпожа» разных стихий и занятий), либо состоит из отчетливой пары «богиня и бык», либо в ней допускается сочетание того и другого [Bulanda E., 1947; Бибииков С.Н., 1953. С. 237; Рыбаков Б.А., 1965; Маркевич В.И., 1981. С. 156; Погожева А.П., 1983. С. 132; Радунчева А., 1971; Gimbutas M., 1974; 1989; 1991).

Причина такого восприятия имеющихся изобразительных материалов, видимо, кроется в очень давних традициях интерпретации, восходящих к антиковедению и востоковедению. Именно оттуда в свое время были привнесены образы «богини-матери» и «быка» (и гипотеза о его культе). Более полувека назад имевшийся в распоряжении исследователей раннеземледельческий европейский материал, равно как и ближневосточный, не противоречил постулируемой модели. За прошедшие годы не только существенно выросла источниковедческая база, но в востоковедении изменился и подход к памятникам, поэтому там данная модель

постепенно становится принадлежностью истории науки [Антонова Е.В., 1984. С. 94; 1990. С. 14-19, 118]. В европейских штудиях, напротив, она воспринимается все более органично и почти утратила свою гипотетичность.

Особую роль в этом сыграли опубликованные в 1960-е годы материалы Чатал-Хююка со знаменитыми фигурами «богинь» из «святилищ» VII. 31; VI. B. 10; VI. A. 50; VI. A. 66. [Mellaart J., 1967. P. 115-117, 124, 125, 161, 162, 166] с раскинутыми в стороны руками и ногами, либо раскинутыми и поднятыми. Под «богинями» в ряде случаев находятся одна или несколько голов бовинов, поэтому традиционно такие сцены трактуют как «роды» или «роды бычьих голов» [Антонова Е.В., 1984. С. 88]. Рога бовинов имеют тот же абрис, что раскинутые руки и ноги «рожениц», как бы подчеркивая уподобление женских фигур и рогатых голов друг другу. И, возможно, с неменьшим основанием, нежели реконструкция пары «богиня и бык», можно оценивать эти композиции в русле метафорического отождествления женщины и коровы, человека и бовина.

Образ женщины-коровы, небесной коровы, родившей солнце и всех остальных богов, сохранился в древнейших пластах египетской мифологии в отождествлявшихся друг с другом Ихет, Хатхор, Нейт, Нут, Мехет Урт, Мут. В более позднее время и Исида изображалась с коровьими рогами (либо со знаком «ка» на голове в виде двух разведенных и поднятых рук). В мифологии разных центров Древнего Египта фигурируют и быки — Апис, Мневнис, Бухис, Бык Маат, Бык Небес. Согласно Геродоту, в Египте существовал пищевой запрет на говядину. А коров (посвященных Исиде) почитали больше всех животных. Их не употребляли в пищу и не приносили в жертву. «...Коров приносить в жертву им не дозволено: они посвящены Исиде. Ведь Исида изображалась в виде женщины с коровьими рогами, подобно изображению Ио у эллинов, и все египтяне точно так же почитают больше всех животных — коров. Вот почему ни один египтянин или египтянка не станет целовать эллина в уста и не будет употреблять эллинского ножа или котла...» В жертву можно было приносить «чистых» (лишенных порока) быков и телят [Геродот, II; 41].

В индуистской мифологии корова желаний Сурабхи постоянно живет в раю Индры. По одной из версий, она появилась на свет во время пахтанья океана.

В греческой мифологии с коровой отождествлялись Деметра, Артемида, Афина Алкмена, Ио, Гера. А в образе быка являлись Зевс, Посейдон, Дионис.

Парность барана и бовина на неолитической модели из Вэдастры II и более поздних предметах пластики находит свое подтверждение не только в коновском комплексе «фишек», но и в возможной парности сосудов-ковчежцев, которые моделировались в виде баранов и в виде коров (женщин=коров). Кроме того известно, что в ряде «святилищ» Чатал-Хююка (VII. 21; VII. 10; E. VI. 10; E. VI. 14) помимо букраний, или голов бовинов, встречены также рога и головы баранов, которые обычно не увязывают с прочими материалами либо вовсе не интерпретируют [Антонова Е.В., 1984. С. 193-197]. Правда, еще Дж. Меллаарт отмечал, что в этих многофигурных композициях «мужское божество, расположенное рядом с богиней» замещали и быки, и бараны [Mellaart J., 1967. P. 101-104, 170-176]. Есть такие пары (баран и корова) и в одной из вербальных традиций. В разновременных египетских космогониях главную пару образуют баран и корова. Это — Хнум и Нейт, Амон и Мут, Амон-Ра и Исида. Поэтому вполне логичной и правомерной кажется реконструкция подобной разнополой пары и для знаковой системы древних земледельцев Европы.

Изображения оленя в Кукутени-Триполье и в других близких по времени культурах Европы могут принадлежать либо взрослому самцу, увенчанному мощными рогами (коновская «фишка»-олень, сосуды-олени из Мулдавы, декор разновременных сосудов от Старчева-Криша до позднего Триполья), либо безроговому оленю — олененку (?), самке (?) (фигурки, погремушки, одна из «фишек»). Это обстоятельство может указывать как на отображение возрастных изменений единственного образа, так и на сосуществование нескольких образов оленей в традиции, ср., например, в античной традиции: Кемелий, то есть «Олененок», — одна из звериных эпифаний Диониса, растерзанного в этом облике [Отто Б., 1996. С. 105], а лань (обязательно самец) — любимое животное, атрибут, жертвенное животное Артемиды.

У хеттов культ оленя, как полагают, восходил к древней малоазиатской (хаттской) традиции. Он соотносился с божеством солнца [Ардзинба В.Г., 1982. С. 17]. Во время весеннего праздника Антахшум в присутствии царя происходил ритуал, именованный праздником горы Пискурунува. Его суть составляли жертвоприношения перед оленями. Храм, в котором проводили этот ритуал, являлся храмом божества Солнца. Видимо, для целей культа оленей приручали и содержали как домашних животных [Там же. С. 16].

Пока наиболее интересная «внутренняя» информация (по коновским «фишкам») об образе оленя-самца — его подчиненность баранам, нигде более не зафиксированная, и сочетание с бовинами, что перекликается с анатолийскими и микенскими материалами. В данной связи уместно вспомнить о выявленной лингвистами особой ритуально-культовой значимости оленя. В некоторых индоевропейских диалектах его название табуируется. В иранском, в частности, оно было заменено сложным словом «бык-козел» [Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В., 1984. С. 518]. Может быть, в этом — ключ к прочтению триады из оленя и двух бовинов?

Совпадение иерархических позиций образов, воплощением которых являются бараны, и образов, соответствующих бовинам, обнаруживается в нескольких космологических схемах. О баране известно, что он — солнце, демиург, символ и стимулятор плодородия, воитель, сверхъестественный возчик. Бовин равнозначен человеку, лунарен; корова — мать всего живого, персонификация главных богинь. В одной из космогоний (Египет) баран и корова образуют главную пару. В мемфисской триаде Апис и Хнум (бык и баран) отождествляются. Информация об олене скуднее. Он тоже соотносился с солнцем, а лингвистическая реконструкция указывает на его табуированное название «бык-козел». В изображениях же традициях есть данные о билингве корова=женщина, о парах баран + бовин, баран + корова (женщина=корова), баран + женский образ, о двух вариантах триады олень (олени) + бовин (бовины).

Учитывая привлеченные материалы, попытаемся частично воссоздать систему, отраженную в «фишках» из Коновки. Если их дифференциация по размеру действительно соответствует определенной иерархии, «главными» образами комплекта оказываются бараны. Следующий уровень принадлежит оленю, двум бовинам и антропоморфному. Образы «третьего уровня» — еще один антропоморфный персонаж и несколько десятков «анонимов» в виде «фишек»-конусов.

Достаточно очевиден пол некоторых персонажей комплекта: бараны и олень — самцы. Пол антропоморфных «фишек» и бовинов неизвестен, и равновероятен любой. Для антропоморфных это устанавливается при сопоставлении с

инокультурными антропоморфными «фишками», а для бовинов — по обычной маркировке пола статуэток данных животных.

Красный цвет «фишек»-баранов и оленя и оппозиционность окраски бовинов в данном комплекте могут указывать на возможное соответствие цвета «фишек» полу персонажей. Но эту гипотезу нельзя признать единственно возможной. Столь же вероятно, что для всех «фишек» была обязательна именно бинарность цветового решения, присутствие в них белого и красного в любом сочетании, не связанное с внешней маркировкой и имевшее другой смысл (вспомним о «скрытой» и «явной» дихотомии большинства глиняных артефактов у древних земледельцев Европы). Кроме того, цвет одной антропоморфной «фишки» нам неизвестен. Поскольку то или иное отношение к значимости цвета поверхности «фишек» склоняет к разным версиям их согласования в наборе, будем рассматривать оба решения как равноценные.

Вне наших версий оказался только один фрагмент: в комплекте присутствуют бараны и антропоморфные фигурки. Сопоставление с гумельницкой крышечкой из Султаны указывает на возможную связь одного из антропоморфных образов и баранов (баран — небесный возчик в ряде более поздних традиций).

В рамках первой версии (схема 1) мы допускаем, что красная «фишка»-бовин изображает быка, а белая — корову; красная антропоморфная «фишка» — это мужской образ; вторая «фишка» неизвестного цвета предположительно соответствует женскому образу. То есть и антропоморфные «фишки», и бовины образуют две «естественные» пары:

- 1) мужской антропоморфный образ + женский;
- 2) бык + корова.

Разнополая пара бовинов находит соответствие в космогониях Египта, Греции, Индии.

Привлечение «модели» из Вэдастры II позволяет выделить в комплекте третью пару:

- 3) баран + бовин (корова).

Как мы помним, подобная пара — главная в египетской космогонии.

Находка в Гилате указывает на возможность реконструкции четвертой пары:

- 4) баран + женский антропоморфный образ.

Пары (3, 4) можно было бы назвать «космологическими». В каждой из них баран заместил «естественного» партнера (мужского персонажа и быка), что согласуется со знаковой идентичностью людей и бовинов в разных традициях. В итоге образуются две семантически увязанные группы:

- а) баран/мужской образ + женский образ;
- б) баран/бык + корова.

Триады из оленя (олений) и двух бовинов (бovina) (материалы Аладжи-Хююка, Волимидии) и данные об иранском названии оленя — «бык-козел» — позволяют реконструировать в комплекте еще одну похожую группу:

в) олень/бык + корова, в которой «космологический» партнер (олень) равнозначен «естественному» (быку).

В рамках второй версии реконструкции (схема 2) мы предполагаем, что бовины и антропоморфные образы не составляют «естественных» пар. Судя по уже приведенным примерам из разных вербальных и изобразительных традиций, бараны — «космологические» партнеры женских персонажей. Поэтому придется

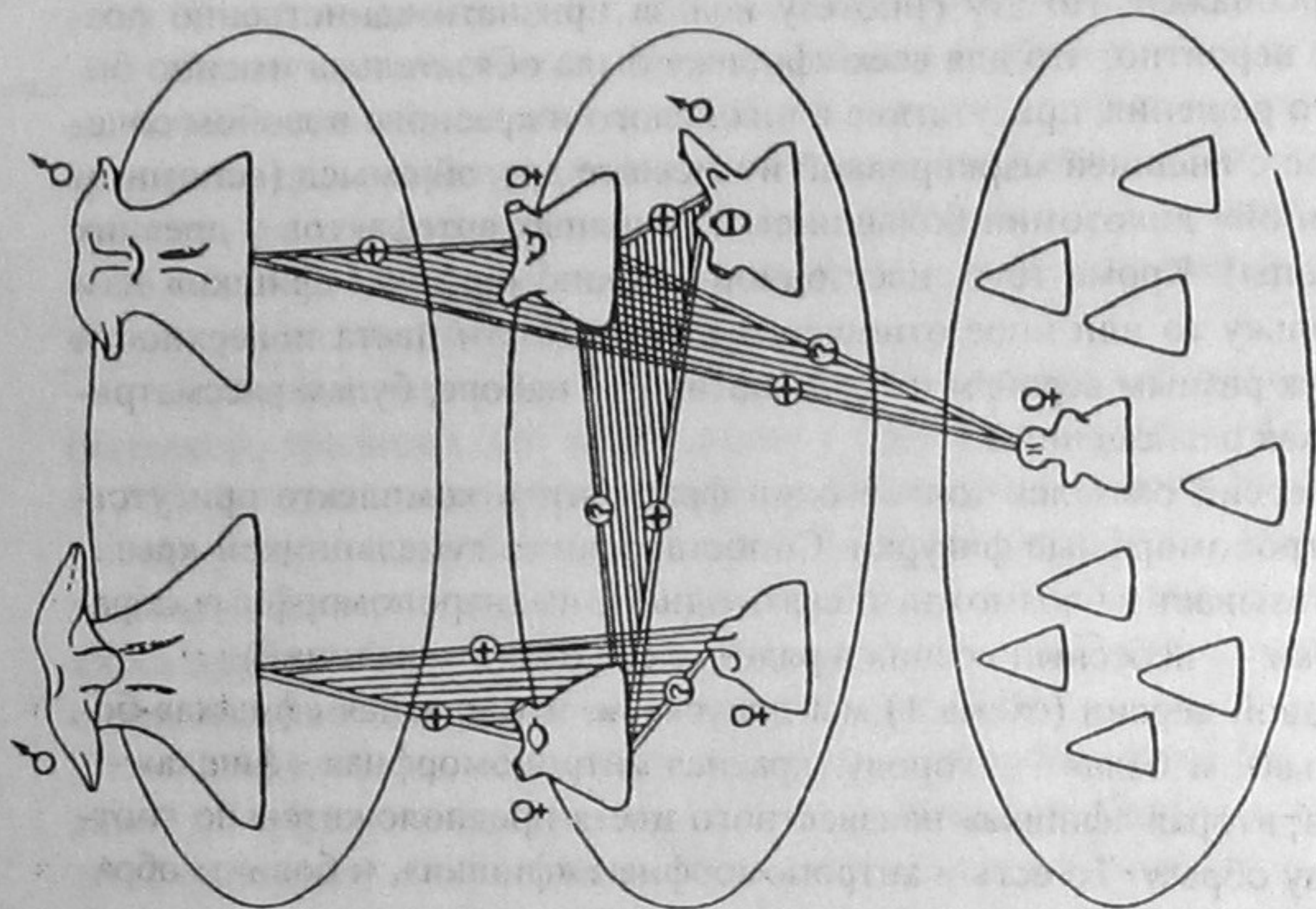

Схема 1. Первая версия реконструкции системы зооморфных и антропоморфных символов у древних земледельцев Европы (по «фишкам» из Коновки)

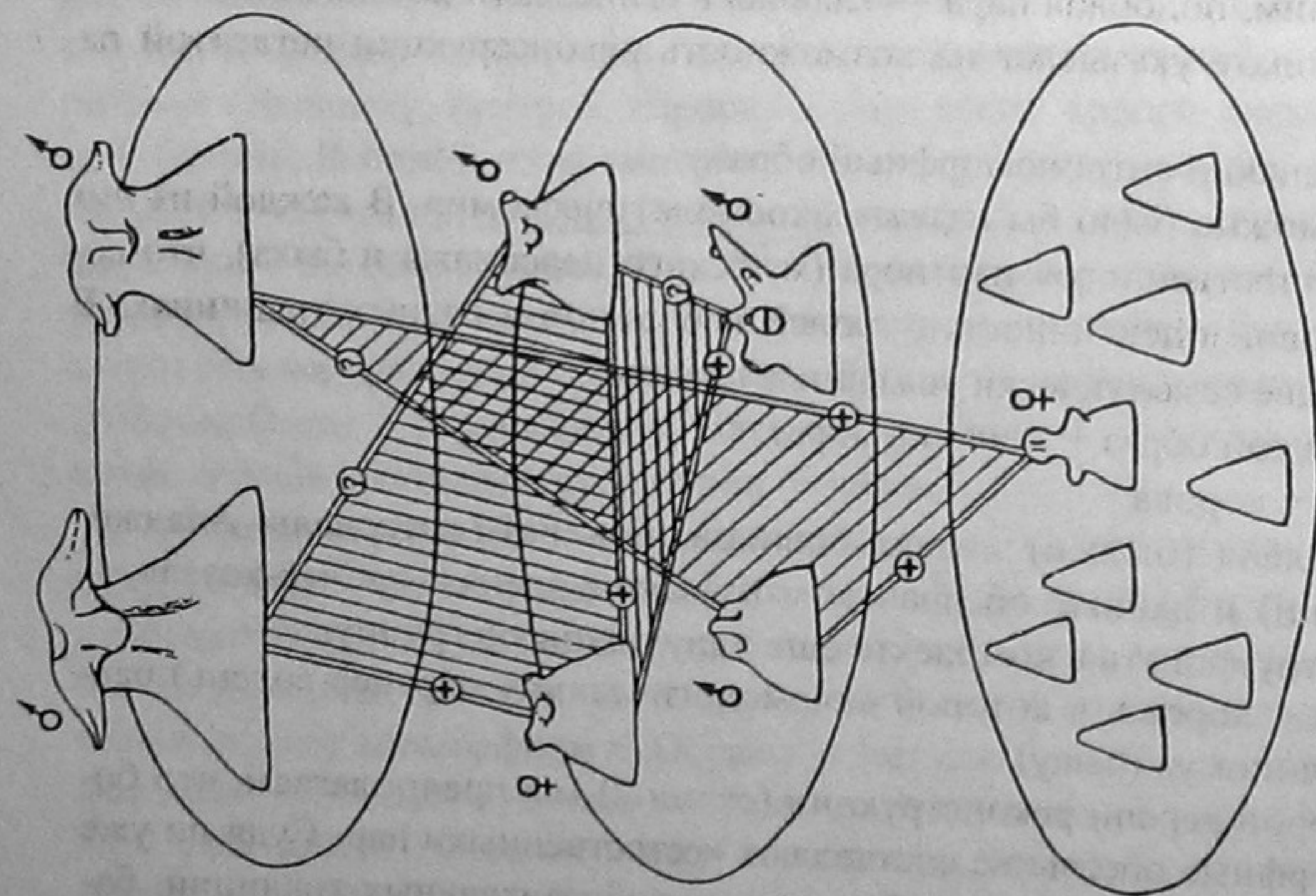

Схема 2. Вторая версия реконструкции системы зооморфных и антропоморфных символов у древних земледельцев Европы (по «фишкам» из Коновки)

допустить, что в нашем комплекте антропоморфные «фишки» — это именно женские образы, а бовины — коровы.

Тогда реконструируются две пары: (1, 2) баран + корова и еще две пары: (3, 4) баран + антропоморфный женский персонаж. Равнозначность коров и антропоморфных женских образов подтверждается и тут, но обе семантически увязанные группы выглядят иначе:

(а, б) баран + корова/антропоморфный образ (эту группу подтверждает возможная парность ковчежцев у древних земледельцев Европы: баран + женщина=корова),

(в) олень (бык-козел) становится «космологическим» партнером коров.

Обе версии реконструкции показывают, что «фишки» из Коновки могут соответствовать фрагменту весьма сложно структурированной системы образных знаков, совсем не похожей на космологические модели, известные для ранних земледельцев Европы. Непривычно и иерархическое соподчинение, и множество возможных перекрестных связей.

К сожалению, восстановление лишь структуры, своего рода каркаса, пока дает мало шансов для надежного прочтения изобразительного текста, фрагментарно запечатленного во множестве артефактов, а наиболее полно — в комплекте «фишек» из Коновки. Вербальная же традиция, соответствующая этому тексту, во многом утрачена. Мы можем опираться лишь на несколько наблюдений, касающихся иерархии и смысловых оппозиций:

- а) главенство барана в ряде космологий,
- б) солярность его и оленя,
- в) лунарность бовинов и людей (прежде всего женщин),
- г) их знаковая идентичность.

Некоторые пункты (а, г) вполне соответствуют и нашим результатам. Если же мы распространим их все на космологию древних земледельцев Европы, то в обеих версиях ее реконструкции солярные мужские образы (баран и олень) образуют пары с лунарными женскими (женщиной и коровой), ср. в разных традициях: оппозицию «луна — солнце», сопоставление жениха и невесты со светилами и символику брачного обряда как воспроизведение иерогамии [Иванов В.В., Топоров В.Н., 1974. С. 245, 258, 269-273].

В вербальных традициях большинство зооморфных (зоо-антропоморфных) классификаций фрагментарно сохранилось в текстах, связанных с ритуалами, поэтому почти все они реконструктивны. Очень показателен пример хеттской ритуальной практики, в которой обнаруживается сосуществование нескольких зооморфных классификаций (группа «священных» зверей, зооморфные хлебцы, олень-солнце), но их соотношение не ясно. И наш ключевой комплект «фишек», очевидно, не исчерпывал системы зооморфных и антропоморфных символов у носителей раннеземледельческих культур. Об этом говорит его недостаточность по отношению к выявленным «видам» фигурок и даже собственно «фишек».

***

Эскизное рассмотрение некоторых версий символики четырех персонажей кукутениско-трипольской зооморфной пластики видится только началом работы в этом направлении. Пока постановке подобных задач препятствует недостаточная изученность источников. Фигуративная пластика даже для рассматриваемой культуры составляет лишь часть массива символов. Помимо нее существуют

зооморфные сосуды, пластический декор, роспись с зооморфными сюжетами, затронутые здесь весьма поверхностно.

Необходима дальнейшая работа с антропоморфной пластикой — типологизация, детальное изучение археологического контекста — и контекстно-типологическое соотнесение с зооморфной пластикой. Может быть, среди антропоморфных фигурок удастся выделить разновидности, соответствующие образам из коновского комплекта «фишек», и получить более подробное представление о первой известной нам иерархизированной системе зоо-антропоморфных символов древних земледельцев Европы.

Нельзя забывать и о том, что в данном исследовании основное внимание было уделено массиву зооморфных статуэток только одной культуры, а весь прочий материал лишь с ним сопоставлялся. Это позволило восстановить некоторые фрагменты единого текста, передаваемые, по-видимому, группой общих символов (в рамках предложенной классификации — «видов»), в свою очередь представленных несколькими инвариантными «типами» изделий.

Однако перенесение фокуса на другой массив источников (ту же категорию пластики иной раннеземледельческой европейской культуры) позволило бы не только обнаружить соответствующие участки текста либо выявить новые, но и установить разницу комментариев, определить, наконец, в чем своеобразие статуэток животных, принадлежащих разным археологическим культурам одного круга. Пока же, как ни парадоксально, мы не знаем именно особенностей, специфики кукутенско-трипольской зооморфной пластики. Поэтому предложенное вниманию читателя исследование хотелось бы расценивать как один из первых шагов в изучении зооморфной фигуративной пластики ранних земледельцев Европы. Возможны и более удачные методические решения, которые позволят получить новую информацию из источников, подобных рассмотренному, и вернуться к трипольско-кукутенским зооморфным статуэткам на другом уровне.

SUMMARY

ANIMAL FIGURINES IN CUCUTENI-TRIPOLYE PLASTIC ART

The monograph is devoted to pieces of minor zoomorphic plastic art originating from the Chalcolithic sites of Cucuteni-Tripolye - an early farming culture of Southeastern Europe. The abundance and variety of pieces of plastic art yielded by early agricultural societies fascinated numerous scholars as a source for the reconstruction of ideology of ancient people. Nevertheless the investigational approaches to different categories of plastic art differed considerably. Thus, anthropomorphic figurines underwent numerous classifications, presented in special publications and general monographs. As far as zoomorphic figurines are concerned, they are usually published in limited quantity, their rare types and images are preferred as compared to mass production. Though the former are of interest they do not determine general regularities. It should be stressed that at present precise information on the quantity of the pieces, species depicted, stylistic features, chronological and geographical distribution of each variety is lacking. This situation does not provide any data on the spiritual life of early land-tilling Europeans, as well as produces a wide possibility of errors and misunderstanding.

Cucuteni-Tripolye was one of the most impressive archaeological cultures of early farmers in Southeastern Europe. It existed for about ten centuries (the 5th - the 4th mill. B.C.) and occupied a vast area extended from the eastern part of Romania up to the Dnieper. A detailed relative chronology and specific local features revealed have made it possible to study variability and stylistics of the figurines in the framework of their local and chronological contexts.

The monograph is the first general work on zoomorphic plastic art of the Cucuteni-Tripolye culture. About 1200 pieces originating from the territory of Ukraine, Moldavia and Romania are considered, their classification is presented. The author's attention is absorbed with tracing chronological variability and stylistic features of mass types of the figurines. This work has resulted in creation of a group of artefacts providing reliable base for chronological studies, alongside with pottery and anthropomorphic plastic art. It became clear that the process of development of figurative plastic art, both zoomorphic and anthropomorphic, had the peculiarities of its own and did not coincide with the changes in basic pottery types and decoration.

The Introduction deals with the history of studies of zoomorphic plastic art, problems of Cucuteni-Tripolye chronological systems, as well as some problems of palaeozoology in connection with zoomorphic figurines investigated.

In Chapter 1 quantitative evaluation of the material, classification of zoomorphic figurines, and description of the methodics applied is presented. The classification is

based on such subdivisions as class, species, type of image. The first two subdivisions partially correspond zoological taxonomy. Types of figurines are outlined according to their shapes (Tabl. 1-3).

Chapters 2 and 3 are devoted to the most numerous group of statuettes: *bovidae/ovis* of Type 1 in terminology of the classification worked out. Some paragraphs deal with the morphological characteristics of the statuettes and their division into stylistic versions, the chronological and geographical distribution of each version, their technological peculiarities and decoration. The dimensions and the patterns of figurines' destruction are also concerned. The author regards the correlation of the statuettes' function, stylistics and sex marking (Figs. 1-84; Tabl. 3-10; Maps 1-5).

In these two chapters the figurines under investigation are classified according to their stylistics and functions. Both aspects of the classification are independent from each other (Tabl. 2), which permits consideration of the material from two different points of view. Their correlation may be defined as one of artificial (or stylistic) and natural (or functional) typologies. The former reflects synchronous and gradual changes in figurines' stylistics throughout the entire cultural area (Tabl. 7; Maps 2-4) and characterizes a local (or cultural) phenomenon. The latter enables to divide the figurines according to their presumed functions. This division, in its turn, makes it possible to outline some common regularities in plastic art development in variety of early farming cultures (Map 5).

In Chapter 4 other animal figurines of Type 1 are described, such as images of deer, goat, pig, hornless unidentified pieces, as well as representations of fish and bird (Figs. 59-84; Maps 6-12).

Chapter 5 deals with various materials of minor series, the description of Types 2-8 is presented there (Figs. 85-103; Maps 13-16).

Chapter 6 contains information on the archaeological context zoomorphic plastic finds were discovered in.

The study of rare classes, species and types of zoomorphic statuettes led the author to uncommon conclusions. Thus, the majority of figurines turned out to be widespread not only in the territory of Cucuteni-Tripolye culture, but also all over Southeastern Europe (Map 17). The images presented by zoomorphic vessels or by pottery plastic (or made in some other technique) decoration correspond to the full repertory of classes/species of figurines. Clay vessels in shape of fish, bird, *bovidae*, ram, deer, pig, bear are well-known throughout the entire European territory occupied by early farming cultures. The same animals are represented in pottery decoration. A wide distribution of certain group of zoomorphic images suggests the existence of common cultural symbols accepted by early farming societies.

In Conclusion the author summarises her ideas on zoomorphic plastic art of Cucuteni-Tripolye. The approaches to its interpretation are also discussed. A number of wide-spread ideas on zoomorphic statuettes, their symbolics and functions are criticised. The author disproves the point of view according to which the frequency of species present in plastic art was determined by the composition of herd and economic significance of the animals (the more frequent - the more significant). Great number of *bovidae/ovis* may be explained by their functional peculiarities, but this fact does not provide an evidence as for the importance of *bovidae* (bull) image in the ideology of ancient population. Judging from the data available a dominating position was occupied by rams and not by *bovidae*, i.e. the hierarchy of zoomorphic images actually does not correspond the real frequency of species.

To make the study more complete the author includes into the book questions of animal symbolism. The presence of specific varieties of zoomorphic figurines in the con-

text of all the early farming societies in Southeastern Europe is an evidence of a common system of symbols. Certain system of figurative signs can be reconstructed on the base of a set of so-called cones from the Tripolye settlement of Konovka. Seven of them have animal and human heads. Their surface colour and moulding mass is different. According to their dimension they were divided into three groups. As all pieces of the set are represented by similar plastics, and various combinations of such images are known, it is possible to single out several semantically linked groups. A vast area of later analogies permits the author to use some verbal texts for their interpretation. Judging from the size, the main images of the set are rams, which corresponds with the high position of this animal in number of cosmological systems. The next place is occupied by a stag, two *bovidae* and an anthropomorphic personage, whilst the third one belongs to another anthropomorphic personage and dozens of cones of anonymous character. Red colour of the statuettes of ram and stag (or deer), and opposite one (white and red) of *bovidae* may indicate the correlation of the cones' colour and the sex of the personages depicted. But one cannot exclude that it was the usage of bi-coloured mass which was important for some different meaning of its own. Therefore two possible combinations of images are presented. Both of them demonstrate that the cones from Konovka could reflect a part of rather complicated system of figurative signs which differs greatly from earlier reconstructions of cosmological system of early European farmers.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Антонова Е.В., 1977. Антропоморфная скульптура древних земледельцев Передней и Средней Азии. М.
- Антонова Е.В., 1984. Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии. М.
- Антонова Е.В., 1987. Дикие животные в искусстве древних земледельцев Востока (к семантике представлений о пространстве) // Центральная Азия. М. С. 64-75.
- Антонова Е.В., 1990. Обряды и верования первобытных земледельцев Востока. М.
- Антонова Е.В., Раевский Д.С., 1981. О трактовке изображений на серебряных сосудах из Майкопского кургана // Культурные взаимосвязи народов Средней Азии и Кавказа в древности и средневековье: Тез. докл. конф. М. С. 10-11.
- Антонова Е.В., Раевский Д.С., 1991. О знаковой сущности вещественных памятников и способах ее интерпретации // Проблемы интерпретации памятников культуры Востока. М. С. 207-232.
- Ардзинба В.Г., 1982. Ритуалы и мифы древней Анатолии. М.
- Афанасьева В.К., 1988. Предание, этиологический миф и мифологема в шумерской литературе // Жизнь мифа в античности. «Випперовские чтения — 1985». М. С. 27-45.
- Балабина В.И., 1986. Оценка встречаемости мелкой пластики на поселениях Трипольской культуры // Хозяйство и культура доклассовых и раннеклассовых обществ: Тез. М. С. 15-17.
- Балабина В.И., 1988. Зооморфная пластика трипольского поселения Друцы I // СА. № 2. С. 58-72.
- Балабина В.И., 1990а. Зооморфная пластика культуры Триполье. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Балабина В.И., 1990б. Археологический контекст трипольской зооморфной пластики // Раннеземледельческие поселения-гиганты трипольской культуры на Украине: Тез. докл. I полевого семинара. Тальянки. С. 142-145.
- Балабина В.И., 1991а. Зооморфная фигуративная пластика культуры Кукутень-Триполье: количественная оценка и классификация // КСИА. Вып. 203. С. 16-25.
- Балабина В.И., 1991б. Миксаморфные фигурки Кукутени-Триполья // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья: Тез. конф. Киев. С. 41-43.
- Балабина В.И., 1994. Зооморфные фигурки и одна из знаковых систем древних земледельцев // Вещь в контексте культуры: Тез. конф. СПб. С. 88-89.
- Балабина В.И., 1996. «Явная» и «скрытая» дихотомия глиняных артефактов у древних земледельцев Европы (мировоззренческий аспект) // Древность: историческое знание и специфика источника: Тез. докл. конф., посвященной памяти Э.А. Грантовского (25-27 сентября 1996 г.). М. С. 14-16.
- Балабина В.И., 1997. Фигурки животных и их символика на сосудах как отражение одной из знаковых систем древних земледельцев Европы // РА. № 2. С. 29-46.
- Балабина В.И., Гирнык И.П., 1988. Зооморфные изображения из Чичиркозовского поселения // КСИА. Вып. 193. С. 82-88.
- Белановская Т.Д., Шмаглий Н.М., 1959. Позднетрипольское поселение у с. Троянова Житомирской области // КСИА АН УССР. Вып. 8. С. 125-128.
- Березанская С.С., 1985. Белоградская культура // Археология Украинской ССР. Т. 1. Киев. С. 499-512.

- Бибиков С.Н., 1953. Раннетрипольское поселение Лука-Врублевская на Днестре // МИА. № 38.
- Бибикова В.И., 1950. Домашние и дикие животные из поселения Лука-Врублевская // КСИИМК. Вып. XXXII. С. 57-61.
- Бибикова В.И., 1953. Фауна раннетрипольского поселения Лука-Врублевская // МИА. № 38. С. 411-458.
- Бибикова В.И., 1958. О некоторых отличительных чертах в костях конечностей зубра и тура // Бюллетень МОИП, отдел. биол. № 6.
- Бибикова В.И., 1963. Из истории голоценовой фауны позвоночных в Восточной Европе // Природная обстановка и фауна прошлого. Вып. 1. С. 119-146.
- Бикбаев В.М., 1994. Предгординештские памятники типа Кирилень в Северной Молдове // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья V тыс. до н.э. — V в. н.э. Тирасполь. С. 64-69.
- Богасевский Б.А., 1937. Орудия производства и домашние животные Триполья. Л.
- Боголюбовский С.Н., 1959. Происхождение и преобразование домашних животных. М.
- Борзаяк И.А., 1982. Отчет об исследовании трипольского поселения Яблона I в 1977-1978 гг. Кишинев: Отдел этнографии и искусствоведения АН МССР. Дело № 255. (На правах рукописи.)
- Брэм А., 1931. Жизнь животных. Т. I. Рыбы. Земноводные. Пресмыкающиеся. М.: Л.
- Брэм А., 1930. Жизнь животных. Т. III. Млекопитающие. М.: Л.
- Бритова Н.Н., 1969. Греческая терракота. М.
- Вайсов И., 1984. Антропоморфная пластика из праисторического поселения Курило-Кременица Софийского округа // SP. № 7. С. 33-62.
- Василев В., 1981. Энсолитната домашна овца от Овчарово // ИД VII-VIII. С. 65-76.
- Василев В., 1985. Изследоване на фауната от селищна могила Овчарово // ИД XIII.
- Василев В., Николов В., 1980. Проучване на остеологичен материал от Голяма Пещера край с. Илия // ИД V-VI. С. 57-64.
- Васић М., 1932. Преисториска Винча. Т. I. Београд.
- Васић М., 1936. Преисториска Винча. Т. II, III. Београд.
- Винокур І.С., 1966. Археологічні дослідження на трипільському поселенні біля с. Магала // Археологія. Т. XX. С. 157-162.
- Виноградова Н.М., 1983. Племена Днестровско-Прутского междуречья в период расцвета Трипольской культуры. Кишинев.
- Выготский Л.С., 1968. Психология искусства. М.
- Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В., 1984. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси. Часть II.
- Ганя И.М., Маркевич В.И., 1966. Данные об орнитофауне неолита и энсолита Молдавии // Известия Академии Наук Молдавской ССР. № 1. С. 57-68.
- Гарашанин Д., 1968. Религија и култ неолитског човска на Централном Балкану // Неолит Централног Балкана. Београд. С. 241-265.
- Гвоздовер М.Д., 1985а. Типология женских статуэток костенковской палолитической культуры // ВА. Вып. 75. С. 27-67.
- Гвоздовер М.Д., 1985б. Орнамент на поделках костенковской культуры // СА. № 1. С. 9-22.
- Гей И.А., 1986. Технологическое изучение керамики трипольского поселения Старые Кукошты // КСИА. Вып. 185. С. 22-27.
- Георгиев Г., Ангелов Н., 1952. Разкопки на селищната могила до Русе през 1948-1949 // ИАИ. Кн. XVIII. С. 119-190.
- Георгиев Г., Ангелов Н., 1957. Разкопки на селищната могила до Русе през 1950-1953 // ИАИ. Кн. XXI. С. 41-127.
- Геродот., 1972. История: В 9-ти кн. / Пер. с древнегреческ. Г.А. Стратановского; Под ред. С.Л. Утченко. Л.
- Громова В.И., 1927. Материалы к познанию фауны трипольской культуры // Ежегодник Зоологического музея АН СССР. С. 82-121.
- Гусев С.О., 1995. Трипільська культура Середнього Побужжя. Вінниця.
- Даниленко В.М., Макаревич М.Л., 1956. Дослідження на II Сабатинівському ранньотрипільському поселенні в 1949 р. // АП. Т. VI. С. 134-144.
- Дарлингтон Ф., 1966. Зоогеография. М.
- Детев П., 1959. Материали за праисторията на Пловдив // ГНМ. III. С. 3-80.
- Детев П., 1968. Праисторическото селище при с. Мулдава // ГНМ. VI. С. 9-48.
- Думитреску В., 1985. Доисторическое искусство в Румынии. Бухарест.

- Ермолов А., 1905. Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах. Т. III: Животный мир в воззрениях народа. СПб.
- Есаян С.А., 1981. Скульптура Армении эпохи ранней бронзы // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье. М. С. 5-20.
- Есипенко А.Л., 1957. Раннетрипольское поселение Александровка (по материалам разведок и раскопок в 1949-1951 гг.) // МАСП. Вып. 1. С. 10-23.
- Заец И.И., Сайко Э.В., 1986. Керамический комплекс Клищева // КСИА. Вып. 185. С. 14-21.
- Заец И.И., Рыжов С.Н., 1992. Поселение трипольской культуры Клищев на Южном Буге. Киев.
- Збенович В.Г., 1974. Позднетрипольские племена Северного Причерноморья. Киев.
- Збенович В.Г., 1980. Поселение Бернашевка на Днестре. Киев.
- Збенович В.Г., 1989. Ранний этап трипольской культуры на территории Украины. Киев.
- Збенович В.Г., Шумова В.А., 1989. Трипольская культура Среднего Поднепровья в свете новых исследований // Первобытная археология. Киев. С. 97-106.
- Зиньковский К.В., Полищук Л.Ю., 1980. Новые данные о памятниках среднего и позднего Триполья на Одесчине // Северо-Западное Причерноморье в эпоху первобытнообщинного строя. Киев. С. 63-70.
- Зубр. Морфология, систематика, эволюция, экология, 1979. М.
- Иванов В.В., 1976. Очерки по истории семиотики. М.
- Иванов В.В., 1981. Природные символы как элементы знаковых систем культуры // Общество и природа. М. С. 275-284.
- Иванов В.В., Топоров В.Н., 1974. Исследования в области славянских древностей. М.
- Иванов И., 1984. Доисторическая керамика. Варненский историко-художественный музей: Буклет. София.
- Иванов С., Василев В., 1975. Проучвания на животинския костен материал от праисторическата селищната могила при Голямо Делчево // РП. Вып. 5. С. 245-302.
- Искусство ранних земледельцев на территории Югославии: Каталог, 1979. Л.
- Кагаров Е.Т., 1913. Культ фетишей, растений и животных в Древней Греции. СПб.
- Калудова И., 1966. Селищната могила Курттепе при с. Русен, Пловдивско // Археология. Кн. 1. С. 52-59.
- Качалова Н.К., 1977. Изображение быка в пластике трипольских племен // СГЭ. № 42. С. 31-33.
- Кинк Х.А., 1976. Художественное ремесло древнейшего Египта и сопредельных стран. М.
- Кожин П.М., 1985. К проблеме происхождения колесного транспорта // Древняя Анатолия. М. С. 169-182.
- Козловська В., 1926. Точки трипольської культури біля с. Сушківки на Гуманщині // ТКУ. Вип. 1. С. 43-66.
- Козловська В., 1927. Розкопи біля с. Сушківки на Гуманщині // Коротке звітання ВУАК за 1926 р. Київ. С. 45-47.
- Косаківський В.А., 1990. Про деякі особливості трипольського поселення Чечельник // Раніземледельческие поселения-гиганты трипольской культуры на Украине: Тез. докл. I полевого семинара. Тальянки. С. 200-204.
- Косаківський В.А., 1993. Дослідження житла на трипольському поселенні Чечельник // Археологічні дослідження в Україні 1991 року. Луцьк. С. 48-49.
- Кравец В.П., 1951. Глиняные модели саней и челна в собраниях Львовского Исторического музея // КСИИМК. Вып. XXXIX. С. 127-131.
- Кравець В.П., 1954. Ранньотрипольське поселення в Городниці на Дністрі // НЗІСН. Т. 2. С. 49-66.
- Красников И.П., 1931. Трипольская керамика (технологический этюд) // СГАИМК. № 3. С. 10-13.
- Круц В.А., 1977. Позднетрипольские памятники Среднего Поднепровья. Киев.
- Круц В.А., 1989. К истории населения трипольской культуры в междуречье Южного Буга и Днестра // Первобытная археология. Киев.
- Круц В.А., Рыжов С.Н., Збенович В.Г., Шумова В.А., 1981. Отчет о работе Тальянского отряда Трипольской экспедиции за 1981 г. // Арх. ИА АН УССР. 1981/11в.
- Круц В.А., Рыжов С.Н., Шумова В.А., 1982. Отчет Тальянского отряда Трипольской экспедиции за 1982 г. // Арх. ИА АН УССР. 1982/21а.
- Круц В.А., Рыжов С.Н., Шумова В.А., 1984. Отчет о работе Тальянского отряда Трипольской экспедиции в 1984 г. // Арх. ИА АН УССР. 1984/38.
- Круц В.О., Рыжов С.М., 1985. Фази розвитку пам'яток томашівсько-сушківської групи // Археологія. № 51. С. 45-56.

- Курінний П.П., 1927. Розкопи біля с. Томашівки на Гуманщині // Коротке звітання ВУАК за 1926 р. Київ. С. 54-62.
- Кусургашева А.П., 1970. Антропоморфная пластика из поселения Новые Русешты // КСИА. Вып. 123. С. 69-77.
- Кънчев М., 1983. Музеи и памятники на културата в Нова Загора: Путьоводител. Нова Загора.
- Лесков А.М., 1970. Кировское поселение // Древности Восточного Крыма. Киев. С. 7-59.
- Лискун Е.Ф., 1949. Экстерьер сельскохозяйственных животных. М.
- Лосев А.Ф., 1957. Античная мифология в ее историческом развитии. М.
- Маевський К.К., 1945. Трипольська пластика в західних областях України // Арх. ИА АН УССР. Ф. 12. № 155.
- Макаревич М.Л., 1940. Археологічні дослідження в селі Білий Камінь // ТК. Т. 1. С. 453-475.
- Макаревич М.Л., 1960а. Об идеологических представлениях у трипольских племен // ЗОАО. Т. 1 (34). С. 290-301.
- Макаревич М.Л., 1960б. Исследования в районе с. Стена на Среднем Днепре // КСИА АН УССР. Вып. 10. С. 23-32.
- Маркевич В.И., 1970. Многослойное поселение Новые Русешты I // КСИА. Вып. 123. С. 56-69.
- Маркевич В.И., 1973. Памятники эпохи неолита и энеолита: Археологическая карта Молдавской ССР. Вып. 2. Кишинев.
- Маркевич В.И., 1981. Позднетрипольские племена Северной Молдавии. Кишинев.
- Маркевич В.И., 1985. Далекое — близкое. Кишинев.
- Массон В.М., 1974. Раскопки погребального комплекса на Алтын-дере // СА. № 4. С. 3-22.
- Мелетинский Е.М., 1983. Мифология и фольклор в трудах К. Леви-Стросса // Леви-Стросс К. Структурная антропология. М.
- Миков В., Джембазов Н., 1960. Деветашката пещера. София.
- Мифы народов мира. Энциклопедия (МНМ). 1980. Т. 1; 1982. Т. 2. М.
- Мовша Т.Г., 1960. Трипольское жилище на поселении Солончены II (результаты раскопок 1955 г.) // ЗОАО. Т. 1 (34). С. 231-248.
- Мовша Т.Г., 1975. Антропоморфная пластика Триполья (реалистический стиль): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев.
- Мовша Т.Г., 1980. Новые данные по идеологии Трипольско-Кукутенских племен // Первобытная археология. Поиски и находки. Киев. С. 185-198.
- Мовша Т.Г., 1984. Петренська регіональна група трипольської культури // Археологія. № 45. С. 10-24.
- Неолит Централног Балкана: Каталог (НЦБ), 1968. Београд.
- Николов Б., 1970. Идолната пластика от с. Градешница // Археология. Кн. 4. С. 56-67.
- Николов Б., 1974. Градешница. София.
- Николов Б., 1990. Тракийски находки от Северозападна България // Археология. Кн. 4. С. 14-26.
- Николов В., 1986. Връзки на долината на р. Места с Анатолия през ранния неолит // Археология. Кн. 2. С. 5-10.
- Николов В., Григорова К., Сиракова Е., 1991. Раннеолитно селище Слатина в София: първи строителен хоризонт // Археология. Кн. 3. С. 13-26.
- Никулина Н.М., 1994. Искусство Ионии и ахеменидского Ирана. М.
- Отто Б., 1996. Приносимый в жертву бог // ВДИ. № 2. С. 103-119.
- Папагеоргиу А., 1970. Византийское искусство Кипра // Сокровища Кипра. М. С. 77-99.
- Пассек Т.С., 1949. Периодизация трипольских поселений // МИА. № 10.
- Пассек Т.С., 1961. Раннеземледельческие (трипольские) племена Поднепровья // МИА. № 84.
- Патокова Э.Ф., 1957. Изображение животных на памятниках Большого Куяльника — Усатова // МАСП. Вып. 1. С. 34-40.
- Патокова Э.Ф., Петренко В.Г., Бурдо Н.Б., Полищук Л.Ю., 1989. Памятники трипольской культуры в Северо-Западном Причерноморье. Киев.
- Петренко В.Г., Субботин Л.В., 1986. Об архитектуре усатовских курганных сооружений // Памятники древнего искусства Северо-Западного Причерноморья. Киев. С. 26-42.
- Пиотровский Б.Б., 1955. Развитие скотоводства в древнейшем Закавказье // СА. 23. С. 3-18.
- Погожева А.П., 1971. Глиняная антропоморфная пластика трипольской культуры (Триполье А): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Погожева А.П., 1973. К вопросу о технологии изготовления раннетрипольских статуэток // КСИА. Вып. 134. С. 28-34.
- Погожева А.П., 1983. Антропоморфная пластика триполья. Новосибирск.

- Попова Т.А., 1967. Зооморфная пластика на керамике трипольского поселения Поливанов Яр // Научная сессия, посвященная итогам работы Института этнографии АН СССР (Ленинградское отделение) за 1966 г.: Тез. докл. Л. С. 42-44.
- Попова Т.А., 1970. Зооморфная пластика трипольского поселения Поливанов Яр // КСИА. Вып. 123. С. 8-15.
- Попова Т.А., 1979. Хронология Поливанова Яра и ее значение для периодизации трипольской культуры // КСИА. Вып. 157. С. 69-72.
- Попова Т.О., 1985. Початок розвинутого Трипілья на Середньому Дністрі (за матеріалами Поливанового Яру) // Археологія. № 52. С. 22-32.
- Радунчева А., 1971. За предназначението на някои глинени енеолитни животински фигурки // Археология. Кн. 2. С. 58-65.
- Радунчева А., 1973. Доисторическое искусство в Болгарии. София.
- Райдер М.Л., 1987. Эволюция руна // В мире Науки. № 3. С. 80-88.
- Редкие и исчезающие растения и животные Украины: Справочник, 1988. Кисев.
- Рижов С.М., 1993. Небелівська група пам'яток трипільської культури // Археологія. № 3. С. 101-114.
- Рудинський М., 1930. Поповгородський вияв культури мальованої кераміки // Антропологія. Вип. III. С. 235-259.
- Рыбаков Б.А., 1965. Космогония и мифология земледельцев энеолита // СА. № 1. С. 24-47; № 2. С. 13-33.
- Рындина Н.В., 1969. Раннетрипольская обработка меди // СА. № 3.
- Рындина Н.В., 1982. Раскопки поселения развитого триполья Друцы I // АО — 1981. С. 415-416.
- Рындина Н.В., 1985. Работы трипольской экспедиции // АО — 1983. С. 459-460.
- Рындина Н.В., 1986. Трипольское поселение Друцы I // АО — 1984. С. 385-386.
- Савченко Н.А., Цвек Е.В., 1990. Поселение Оноприевка I и его место в системе Триполья Буго-Днепровского междуречья // Раннеземледельческие поселения-гиганты на Украине: Тез. докл. I полевого семинара. Тальянки. С. 102-104.
- Салтыков А.Д., 1985. Письма об Индии. М.
- Сансв В. и др., 1976. Праисторија во Македонија. Скопје.
- Сарианиди В.И., 1980. Культовый сосуд из Маргианы // СА. № 2. С. 167-179.
- Сильченко Т.Н., 1955. К вопросу о применении рентгенооскопии для изучения археологических объектов // КСИИМК. Вып. 57. С. 145-149.
- Скаун Н.Н., Рындюк Н.В., 1994. К вопросу об антропоморфной пластике культуры эпохи энеолита Болград-Алдень II // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья V тыс. до н.э. — V в. н.э.: Материалы Междунар. археол. конф. Тирасполь. С. 22-23.
- Словарь античности, 1989. М.
- Соколова З.П., 1972. Культ животных в религиях. М.
- Сорокин В.Я., 1983. Раскопки многослойного поселения Мерешовка-Четецуэ в 1980 г. // АИМ 1979-1980 гг. Кишинев. С. 102-111.
- Сорокин В.Я., 1990. К проблеме хронологии памятников среднего Триполья Молдавии // Раннеземледельческие поселения-гиганты на Украине: Тез. докл. I полевого семинара. Тальянки. С. 94-101.
- Средневековый bestiary, 1984. М.
- Срејовић Д., 1968. Неолитска пластика Централнобалканског Подручја // Неолит Централног Балкана. Београд. С. 177-240.
- Станчева М., Гаврилова М., 1963. Човешки глинени фигурки от неолитското селище в София // Археология. Кн. 3. С. 73-76.
- Телегін Д.Я., 1985. Радіокарбонне і археомагнітне датування трипільської культури // Археологія. № 52. С. 10-22.
- Титов В.С., 1996. Неолит Карпатского бассейна. М.
- Тодорова Т.Д., 1992. Результаты исследований на поселении Флорешты V // АИМ — 1986. Кишинев. С. 58-72.
- Тодорова Х., 1973. Новая культура среднего неолита в Северо-Восточной Болгарии // СА. № 4. С. 16-31.
- Тодорова Х., 1975. Археологическо проучване на селищната могила и некропола при Голямо Делчево, Варненско // РП. Вып. V.
- Тодорова Х., 1979. Энеолит Болгарии. София.

- Тодорова Х., 1980. Классификация и числовой код пластики неолита, энеолита и ранней бронзовой эпохи в Болгарии // SP. № 3. С. 43-64.
- Тодорова Х., 1986. Камени-медната епоха в България. София.
- Тодорова Х., Василев В., Янушевич З., Вълев П., 1983. Овчарово. София.
- Топоров В.Н., 1972. К происхождению некоторых поэтических символов (палеолитическая эпоха) // Ранние формы искусства. М. С. 77-104.
- Топоров В.Н., 1980. Животные // МНМ. Т. 1. М. С. 440-449.
- Трбуховић М., Васильевић М., 1983. Најстарије земљорадничке културе у Подрињу. Шабац.
- Флинт В.Е., Чугунов Ю.Д., Смирин В.М., 1970. Млекопитающие СССР. М.
- Фролов Б.А., 1978. Палеолитическое искусство и мифология // У истоков творчества. Новосибирск. С. 106-115.
- Хлопин И.Н., 1989. Могильник Пархай II (некоторые итоги исследования) // СА. № 3. С. 113-130.
- «Хютте»: Справочная книга для инженеров, архитекторов, механиков и студентов, 1916. М.
- Цалкин В.И., 1970. Древнейшие домашние животные Восточной Европы. М.
- Цвек Е.В., 1982. Отчет о раскопках трипольского поселения у с. Веселый Кут Тальновского р-на Черкасской области в 1979-1980, в 1982 гг. // Арх. ИА АН УССР 1979-80, 82/21«в».
- Цвек Е.В., 1989. Буго-Днепровский вариант восточнотрипольской культуры (к проблеме выделения культур и локальных вариантов Триполья) // Первобытная археология. Киев. С. 106-117.
- Цвек Е.В., 1991. Трипольская культура междуречья Южного Буга и Днепра (Средний этап) // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев.
- Цвек Е.В., Шиянова А.В., 1975. Отчет о работе Правобережной первобытной экспедиции в 1975 г. // Арх. ИА АН УССР. 1975/19.
- Черныш Е.К., 1962. К истории населения энеолитического времени в Среднем Поднестровье: По материалам многослойного поселения у с. Незвиско // МИА. № 102. С. 5-85.
- Черныш Е.К., 1973. Трипольское поселение Раковец // КСИА. Вып. 134. С. 48-57.
- Черныш Е.К., 1982. Энеолит Правобережной Украины и Молдавии // Энеолит СССР. М. С. 165-320. (Археология СССР).
- Чилингиrowъ А., 1920. Глинени фигурки от предисторическото селище въ с. Султан // Сборник на БАН. Кн. II (7). С. 1-42.
- Шеркова Т.А., 1996. «Око Хора»: символика глаза в додинастическом Египте // ВДИ. № 4. С. 96-114.
- Шмаглий Н.М., Зиньковский К.В., Шумова В.А., 1973. Отчет о раскопках трипольского поселения Майданецкое за 1973 г. // Арх. ИА АН УССР. 1973/5.
- Шмаглий Н.М., Зиньковский К.В., Рыжов С.Н., Шумова В.А., 1975. Отчет о работах раскопного отряда трипольской комплексной экспедиции в 1975 г. (Поселение Майданецкое) // Арх. ИА АН УССР. 1975/18.
- Шмаглий Н.М., Рыжов С.Н., 1975. Отчет о работе Днестровско-Трипольской новоостросочной экспедиции в 1975 г. // Арх. ИА АН УССР 1975/10.
- Шмаглий М.М., Рижов С.М., Дудкин В.П., 1985. Трипільське поселення Коновка в Середньому Подністров'ї // Археологія. 52. С. 42-52.
- Шнирельман В.А., 1979. Доместикация животных и религия // Исследования по общей этнографии. М. С. 178-209.
- Шнирельман В.А., 1980. Происхождение скотоводства. М.
- Штейнер Е.С., 1988. О роли иконической знаковой деятельности в сложении мифологических образов (териоантропоморфные существа) // Жизнь мифа в античности: Випперовские чтения — 1985. М. Т. 1. С. 266-277.
- Штерн Э.Р., 1906. Доисторическая греческая культура на юге России // Тр. XIII АС. Т. 1. С. 9-95.
- Шумова В.А., 1986. К проблеме взаимосвязей Петренской и Томашевской локальных групп позднего триполья // Тез. докл. III конф. молодых ученых ИА АН СССР. М. С. 179-180.
- Щербаківський Д.М., 1926. Тілопальні точки і мальована кераміка // ТКУ. Вип. 1. С. 119-138.
- Щербаківський Д.М., 1927. Знахідки біля Могилива Подільського // Коротке звітання ВУАК за 1926 р. Київ. С. 167-172.
- Элиаде М., 1995. Аспекты мифа. М.
- Alon D., Levy T.E., 1989. The Archaeology of Cult and the Chalcolithic Sanctuary at Gilat // JMA. V. 2. № 2.

- Ambrojevici C., 1933. L'époque néolithique de la Bessarabie du Nord-Ouest // *Dacia*. № III-IV. P. 24-45.
- Andrieșescu L., 1924. Les fouilles de Sultana // *Dacia*. № I. P. 51-107.
- Arandjlović-Garašanin D., 1954. Starčevačka kultura. Ljubljana.
- Băbel I.T., 1982a. Kultowe wyobrażenia baranów // *ZOW*. R. 48. № 1/3. S. 87-92.
- Băbel I.T., 1982b. Mityczny baran niebianskich wód // *ZOW*. R. 49. № 4. S. 170-175.
- Berciu D., 1953. Catalogul muzeului arheologic din Turnu-Severin // *MCA*. V. I. P. 589-692.
- Berciu D., 1956. Cercetări și descoperiri arheologice în regiunea București // *MCA*. V. II. P. 492-562.
- Berciu D., 1957. Săpăturile de la Tângiru și Petru Rareș // *MCA*. V. VI. P. 137-146.
- Berciu D., 1961. Contribuții la problemele neoliticului în România în lumina noilor cercetări. București.
- Berciu D., 1982. Descoperire arheologică rară de la Ocnița Județul Vâlcea // *SCIV*. V. 33. № 1. P. 25-34.
- Berlescu N., 1964. Plastica Cucuteniana din vechile colecții ale muzeului de istorie a Moldovei // *AM*. № II-III. P. 67-104.
- Bossert H.Th., 1923. Altikreta. Berlin.
- Bökönyi S., 1974. History of domestic Mammals in Central and Eastern Europe. Budapest.
- Braidwood R.F., Howe B., Reed C.A., 1960. Prehistoric Investigations in Iraqi Kurdistan // *SAOC*. № 31. P. 3-184.
- Bulanla E., 1947. Kult Bogini-Matki w Kulturach prehistorii i etnologii // *Światowit*. V. XVIII. P. 1-10.
- Cauvin J., 1978. Les premiers villages de Syrie-Palestine du IXe au VIIe em millénare avant J.C. Lyon.
- Cehak H., 1933. Plastyka eneolitycznej kultury ceramiki malowanej w Polsce // *Światowit*. V. XIV. P. 164-252.
- Chete B., Mateesco C., 1971. Le chien du néolithique moyen de Vadastra (Roumanie) // *L'Anthropologie*. V. 75. № 5-6. P. 357-368.
- Childe V.G., 1923. Schipenitz: a Late Neolithic Station with Painted Pottery in Bukowina // *JRAZ*. V. LIII. P. 263-288.
- Chirica V., Tanasachi M., 1984. Repertoriul arheologic al județului Jași. Jași: A.D. Henorol. V. I.
- Ciugudean H., 1986. Animal Depictions on the Territory of Romania from the Neolithic to the Iron Age // *The World Archaeological Congress (1-7 September, 1986)*. Southampton; London. V. 3.
- Colectiul de cercetări arheologice al Academic RPR, 1952. Șantierul Valea Jijici // *SCIV*. V. II. P. 9-121.
- Coman G., 1980. Stratonicie continuitate (Repertoriul arheologic al județului Vaslui). București.
- Comșa E., 1969. Données concernant la civilisation Vinca du sud-ouest de la Roumanie // *Dacia*. N.S. XIII. P. 11-44.
- Comșa E., Georgescu V., 1984. Așezarea neolitică de tip Aldeni II de la Mălaeștii de Sus (Jud. Prahova) // *SCIV*. V. 34. № 4. P. 334-348.
- Crișmaru A., 1970. Contribuții la cunoșterea neoliticului din împrejurimile savenilor (Jud. Botoșani) // *SCIV*. V. 21. № 2. P. 267-285.
- Crișmaru A., 1977. Drăgușeni. Botoșani.
- Cultural Attitudes to Animals, Including Birds, Fish and Invertebrates. 1986 // *The World Archaeological Congress (1-7 September, 1986)*. Southampton; London. V. 1-3.
- Cucoș S., 1975. Două vase zoomorfe eneolitice. *Carpica* № 7.
- Dinu M., 1957. Șantierul arheologic Valea Lupului // *MCA*. V. III. P. 161-178.
- Dragomir I.T., 1977. Contribuții privind ritul funerar și credințele magico-religioase la comunitățile aspectului cultural stoicani-aldeni // *SCIV*. V. 28. № 4. P. 447-508.
- Dragomir I.T., 1987. Un vase-support cucutenien: «La ronde de Berești» // *La civilisation de Cucuteni en context Européen*. Iași. P. 289-300.
- Dumitrescu H., 1933. La station préhistorique de Rudginoasa // *Dacia*. № III-IV. P. 56-87.
- Dumitrescu H., 1959. Șantierul arheologic Traian // *MCA*. V. 5. P. 189-201.
- Dumitrescu H., 1968. Un Modèle de Sanctuaire découvert dans la station énéolithique de Cascioarele // *Dacia*. N. S. XII. P. 381-394.
- Dumitrescu H., Dumitrescu V., 1957. Săpăturile de la Traian-Dcalul Fintinilor // *MCA*. V. VI. P. 157-178.
- Dumitrescu V., 1924. Découvertes de Gumelnița // *Dacia*. № I. P. 325-342.
- Dumitrescu V., 1925. Fouilles de Gumelnița // *Dacia*. № II. P. 29-103.
- Dumitrescu V., 1933a. La station préhistorique de Bonțesti // *Dacia*. № III-IV. P. 88-114.

- Dumitrescu V., 1933b. Une nouvelle station à céramique peinte du style Cucuteni B // *Dacia*. № III-IV. P. 115-149.
- Dumitrescu V., 1956. Semnificația și originea unui tip de figurină feminină descoperită la Rasta // *SCIV*. V. VII. № 2. P. 53-59.
- Dumitrescu V., 1963. Originea și evoluția culturii Cucuteni-Tripolie // *SCIV*. V. XIV. № 2. P. 305.
- Dumitrescu V., 1964. Synchronisme des civilisations de Cucuteni et de Gumelnița // *Dacia*. N. S. № 5. P. 53-67.
- Dumitrescu V., 1966. Gumelnița. Sondajul stratigrafic din 1960 // *SCIV*. V. 17. № 1. P. 51-99.
- Dumitrescu V., 1968. L'art néolithique en Roumanie. București.
- Dumitrescu V., 1974. Arta preistorică în România. București.
- Dumitrescu V., 1977. Despre un fragment de vas zoomorf de tip mai puțin comun de la Căscioarele // *SCIV*. V. 28. № 4. P. 577-583.
- Dumitrescu V., 1979. Arta culturii Cucuteni. București.
- Dumitrescu V., 1980. The Neolithic Settlement at Rast // *BAR*. I. S. 72.
- Dumitrescu V. et collaborateurs, 1954. Habășești. București. 1954.
- Dumitrescu V., Bolomey A., Mogoșanu F., 1983. Esquisse d'une préhistoire de la Roumanie. București.
- Fol A., Katincarov R., Lichardus J., Bertemes F., Iliev I., 1989. Bericht über die bulgarisch-deutschen Ausgrabungen in Drama (1983-1988). Frankfurt am Main.
- Galović R., 1966. The Monumental Prehistoric Clay Figures of the Middle Balkans // *AJA*. V. LXX. № 4. P. 370-371.
- Galović R., 1968. Die Starčevokultur in Jugoslawien // *Fundamenta. Monographien zur Urgeschichte*. Reihe A. B. 3. T. II. Köln.
- Georgiev G.I., 1961. Kulturgruppen der Jungstein und der Kupferzeit in der Ebene von Thrazien (Südbulgarien) // *L'Europe à la fin de l'âge de la pierre: Actes du Symposium*. Praha. P. 45-100.
- Gimbutas M., 1974. The Gods and Goddesses of Old Europe. London.
- Gimbutas M., 1989. The Language of the Goddess. San Francisco.
- Gimbutas M., 1991. The Civilization of the Goddess. San Francisco.
- Goff B.L., 1963. Symbols of Prehistoric Mesopotamia. New Haven; London.
- Hadaczek C., 1914. La colonie industrielle de Koszylowce de l'époque énéolithique. Album de fouille. Leopold.
- Himmer M., 1933. Étude sur la civilisation prémycénienne dans le bassin de la Mer Noire, d'après des fouilles personnelles // *Światowit*. № XIV. P. 17-163.
- Horváth F., 1982. A gorzai halom késő neolitik rétege // *Arhaeological Eztesítő*. № 109. Budapest. P. 201-222.
- Horváth F., 1987. Hódmezővásárhely — Gorzsa. A Settlement of the Tisza culture // *The Late Neolithic of the Tisza Region*. Budapest. P. 31-46.
- Hegedűs K., Makkay J., 1987. Véstő-Mágor. A Settlement of the Tisza Culture // *The Late Neolithic of the Tisza Region*. Budapest. P. 85-104.
- Höckmann O., 1968. Die Menschengestaltige Figuralplastik der Südosteuropäischen Jungsteinzeit und Steinkupferzeit. Munster. Teil 1, 2.
- Kalicz N., 1970. Clay Gods. The Neolithic Period and Copper Age in Hungary. Budapest.
- Kalicz N., Makkay J., 1972. Südliche einflüsse im Frühen und mittleren neolithikum transdanubiens // *Alba Regia*. № XII. P. 93-105.
- Kalicz N., Makkay J., 1977. Die Linienbandkeramik in der Grossen Ungarischen Tiefebene. Budapest.
- Kalicz N., Raczky P., 1987. Berettyóújfalú-Herpály. A settlement of the Herpály culture // *The Late Neolithic of the Tisza Region*. Budapest. P. 105-126.
- Kandyba O., 1937. Schipenitz. Wien; Leipzig.
- Karmanski S., 1977. Katalog antropomorfne i zoomorfne plastike iz okoline Odžaka. Odžaki.
- Korošec J., 1959. Prehistorijska glinena plastika u Jugoslaviji // *ARR*. Kn. I. S. 61-117.
- Korošec J., 1962. Prehistorijska glinena plastika u Jugoslaviji // *ARR*. Kn. II. S. 103-174.
- Korošec J., 1968. Prehistorijska glinena plastika u Jugoslaviji // *ARR*. Kn. VI. S. 213-237.
- László F., 1924. Les types de vases peints d'Ariuşd // *Dacia*. № I. P. 1-27.
- Lazarovici Ch., 1979. Neoliticul Banatului // *BMN*. IV.
- Leroi-Gourhan A., 1964. Les religions de la préhistoire (Paleolithique). Paris.
- Levi-Strauss C., 1962. Le totemisme aujourd'hui. Paris.
- Lichardus J., 1988. Varna und Mitteleuropa: Die Konsequenzen // *Macht, Herrschaft und Gold*. Saarbrücken. P. 273-282.

- Lochman J., Kotrý A., Hromas J., 1979. Dutorohá zvěř. Praha.
- Majewski K., 1935. Figuralna plastika Cykladzka. Lcopol.
- Majewski K., 1938. Plastyka terrakotowa kultury ceramiki malowanej w zbiorach Lwowskich // Światowit. T. XVII. P. 63-88.
- Majewski K., 1948. Chronologia i styl plastyki figuralnej Zachodnio-Trypilskej // Archeologia. № II. P. 1-16.
- Marinescu S., 1961. De ona vase zoomorfe din cultura Gumelnița // SCIV. V. XII. № 2. P. 345-356.
- Marinescu-Bîlcu S., 1962. Sondajul de la Tirpești // MCA. V. VIII. P. 235-243.
- Marinescu-Bîlcu S., 1974. Cultura Precucuteni pe teritoriul României. București.
- Marinescu-Bîlcu S., 1981. Tirpești // BAR. I.S. 107. Oxford.
- Marinescu-Bîlcu S., Ionescu B., 1968. Catalogue sculpturilor eneolitice din Muzeul raional Oltenița. Oltenița.
- Marintz S., Roman P., 1968. Aspekte des Ausgangs des Äneolithikums und der Übergangsstufe zur Bronzezeit in Raum der Niederdonau // Dacia. N. S. XII. P. 45-128.
- Markevitch V., 1987. Les temps Ancients nous sont proches. Kishinev.
- Matașă C., 1946. Frumușica. București.
- Matașă C., 1964. Asezarea eneolitică Cucuteni B de la Țirgu Ocna-Podci // AM. № II-III. Jasi. P. 11-66.
- Mateescu C.N., 1955. Săpături de salvare și cercetări arheologice la Vădastra și împrejurimi // SCIV. T. VI. № 3-4. P. 447-457.
- Mateescu C.N., 1962. Săpături arheologice la Vădastra // MCA. № VIII. P. 187-192.
- Mellaart J., 1967. Çatal Hüyük. A Neolithic Town in Anatolia. London.
- Mellaart J., 1970. Excavations at Hacilar. Edinburgh. Vol. 2.
- Milojčić V., 1964. Zur Frage der Herkunft des Mäanders und der Spirale bei der Bandkeramik Mitteleuropas // JRGZ. № 11. P. 57-74.
- Milojčić V., 1965. Die Tontafeln von Tártaria (Siebenbürgen) und die absolute Chronologie des mitteleuropäischen Neolithikums // Germania. № 43. P. 261-273.
- Müller-Karpe H., 1974. Handbuch der Vorgeschichte. Bd. III. Kupferzeit. III. Teil III. Tafeln. München.
- Das Mykenische Hellas Heimat der Helden Homers, 1988. Berlin.
- Nemejková-Pavůková V., 1984. K problematice bolerazskej skupiny na Slovensku // SA. XXXII. № 1. S. 75-140.
- Nestor I., 1933. Fouilles de Glina (1926) // Dacia. № III-IV. P. 226-252.
- Nica M., 1976. La culture de Dudești en Oltenie // Dacia. N.S. XX. P. 71-103.
- Nica M., Nița T., 1979. Le établissements néolithiques de Icu et Padea de la zone d'interférence de cultures Dudești et Vinča // Dacia. N. S. XXIII. P. 31-64.
- Nița A., 1972. Reprezentările zoomorfe plastice pe ceramica neo-eneolitică carpato-dunăzeană // AM. VII. P. 9-96.
- Nița A., Mantu M., 1987. Thèmes plastiques anthropomorphes et zoomorphes de la céramique cucutenienne de style A de Poienesti // La Civilisation de Cucuteni en contexte Européen. Iași.
- Novotný B., 1958. Slovensko v mladšej dobe kamennej. Bratislava.
- Passck T., 1935. La céramique Tripolienne. M.; L.
- Pavúk J., 1981. Umenie a život doby kamennej. Bratislava.
- Paul I., 1995. Vorgeschichtliche Untersuchungen in Siebenbürgen. Bibliotheca Universitatis Apulensis I. Alba Iulia.
- Perkins D., 1969. Fauna from Çatal Hüyük: Evidence for Early Cattle Domestication in Anatolia // Science. V. 164. № 3876. P. 177-179.
- Petrescu-Dîmbovița M., 1957. Sondajul stratigrafic de la Perieni // MCA. Vol. III. P. 65-83.
- Petrescu-Dîmbovița M., 1963. Die wichtigsten Ergebnisse der archäologischen Ausgrabungen in der neolithischen Siedlung von Truşești (Moldau) // PZ. Bd. XLI.
- Petrescu-Dîmbovița M., Bărșan M., Rădulescu M., 1953. Șantierul Truşești // SCIV. T. IV. № 1-2. P. 7-44.
- Petrescu-Dîmbovița M., Nița A., Zaharia E., Dinu M., 1955. Șantierul arheologic Hlincca — Jasi // SCIV. T. VI. № 3-4. P. 688-712.
- Piggot S., 1968. The Earliest Wheeled Vehicles and the Caucasian Evidence // PPS. N. S. Vol. XXXIV. P. 266-319.
- Podborzský V., 1985. Těšetice-Kyjovice 2. Figurální plastika lidí s moravskou malovanou keramikou. Brno.

- Podkowińska Z., 1961. Śpichrze ziemne w osadzie kultury pucharów lejkowatych na Gawroncu-Palydze w Ćmielowie, pow. Opatów // Archeologia Polski. Warszawa. T. VI. Z. 1. P. 21-63.
- Pogoševa A.P., 1985. Die Statuetten der Tripolje-Kultur // Beiträge zur allgemeinen und vergleichenden archäologie. B. 7. P. 95-242.
- Popovici N., Simiciuc C., 1978. Figurine din lut din vechile colecții ale muzeelor din Județul Suceava // Suceava. V. P. 561-564.
- Popusoi E., 1986. Plastica neolitică din colecțiile muzeului din Bîrlad // AMM. VII-VIII. P. 13-56.
- Radu O., Resch E., Germann C., 1974. Plastica antropomorfă și zoomorfă de cultură Turdaș-Vinča de la Pața // Tibiscus. Vol. III. P. 65-69.
- Raduncheva A., 1976. Prehistoric art in Bulgaria // BAR. S.S. 13.
- Raduntscheva A., 1981. Vorhistorische Plastik. Sofia.
- Raszky P., 1987. Őcsöd-Kováshalom. A settlement of the Tisza Culture // The late Neolithic of the Tisza Region. Budapest. P. 61-84.
- Renfrew C., Gimbutas M., Elster E., 1986. Excavations at Sitagroi // Monumenta Archaeologica. 13. Los Angeles.
- Rosetti D., 1938. Steinkupferzeitliche Plastik aus einem Wohnhügel bei Bukarest // JPEK. XII. P. 29-50.
- Schmidt H. von., 1932. Cucuteni. Berlin; Leipzig.
- Schroller H., 1933. Die Stein- und Kupferzeit Siebenbürgens. Berlin.
- Ștefan Gh., 1925. Les Fouilles de Căschioarele // Dacia. № II. P. 138-197.
- Székely Z., 1957. Cercetări arheologice efectuate în regiunea autonomă Maghiară // MCA. V. III. P. 187-201.
- Székely Z., 1959. Cercetări arheologice la St. George. Gémvára-Avasalja // MCA. V. 5. P. 709-722.
- Tasić N., 1973. Neolitska plastika. Beograd.
- Tasić N., 1995. Eneolithic Cultures of Central and West Balkans. Belgrad.
- Theocharis D. et al., 1973. Neolithic Greece. Athens.
- Ucko P.J., 1968. Anthropomorphic Figurines. London.
- Vladár J., 1979. Praveká plastika. Bratislava.
- Vladár J., Turčány V., 1979. Venuše slovenského pravku. Bratislava.
- Vlassa N., 1963. Chronology of The Neolithic in Transylvania in The Light of The Tártaria Settlement's Stratigraphy // Dacia. N. S. VII. P. 485-494.
- Vulpe R., 1953. Săpăturile de la Poienesti din 1949 // MCA. V. I. P. 213-506.
- Vulpe R., 1957. Izvoare. București.
- Yakar J., 1985. The Late Prehistory of Anatolia // BAR. 268 (I, II). Oxford.
- Zaharia N., Zaharia E., Argotosoia F., 1973. Sondajul din asezarea de la Drăgușeni «La Ocoale» (1968) // MCA. X. P. 151-167.
- Ziomecky J., 1959. Plastyka figuralna z Bulgarii w epoce neolitu i eneolitu // Archeologia. № IX. P. 35-61.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АИМ — Археологические исследования в Молдавии, Кишинев
 АО — Археологические открытия, Москва
 АП — Археологічні пам'ятки УРСР, Київ
 АС — Археологический съезд
 АСГЭ — Археологический сборник Гос. Эрмитажа
 ВА — Вопросы антропологии, Москва
 ВДИ — Вестник древней истории, Москва
 ВУАК — Всеукраинская археологическая комиссия
 ГНМ — Годишник на Народния археологически музей, Пловдив
 ЗОАО — Записки Одесского археологического общества
 ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
 ИАИ — Известия на археологически институт, БАН. София
 ИБАИ — Известия на Българския археологически институт, София
 ИД — Интердисциплинарни изследвания, БАН. София
 КЛЛК — Культура линейно-ленточной керамики
 КСИА — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР, Москва
 КСИА АН УССР — Краткие сообщения Института археологии АН УССР, Киев
 КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР
 МАСП — Материалы по археологии Северного Причерноморья, Одесса
 МИА — Материалы и исследования по археологии СССР, Москва — Ленинград
 МНМ — Мифы народов мира
 НЗІСН — Наукові записки Інституту суспільних наук АН УРСР, Київ
 РА — Российская археология, Москва
 РП — Разкопки и проучвания, София
 СА — Советская археология, Москва
 СГАИМК — Сообщения Гос. академии истории материальной культуры, Москва — Ленинград
 СГЭ — Сообщения Гос. Эрмитажа
 ТКУ — Трипільська культура на Україні, Київ
 ТК — Трипільська культура, Київ
 АJA — American Journal of Archacology
 AM — Arheologia Moldovei, Iași, București
 AMM — Acta Moldaviae meridionalis, Vaslui
 ARR — Arheološki radovi i rasprave, Zagreb
 BAR — British Archaeological Reports, Oxford
 BNM — Bibliotheca musei Napocensis, Cluj
 JRAI — Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland, London
 JPEK — Jahrbuch für Prähistorische und Ethnographische Kunst, Leipzig
 JRGZ — Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums, Mainz
 MCA — Materiale și cercetari arheologice, București
 PPS — Proceedings of the Prehistoric Society, London, Cambridge
 PZ — Prähistorische Zeitschrift, Berlin
 SA — Slovenská arheologia, Bratislava
 SAOC — Studies in Ancient Oriental Civilizations, Chicago
 SCIV — Studii și cercetari de istorie veche, București
 SP — Studia Prehistorica, София
 ZOW — Z Otchłani wieków, Poznan, Warszawa

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Распределение зооморфной пластики
по памятникам Кукутени-Триполья

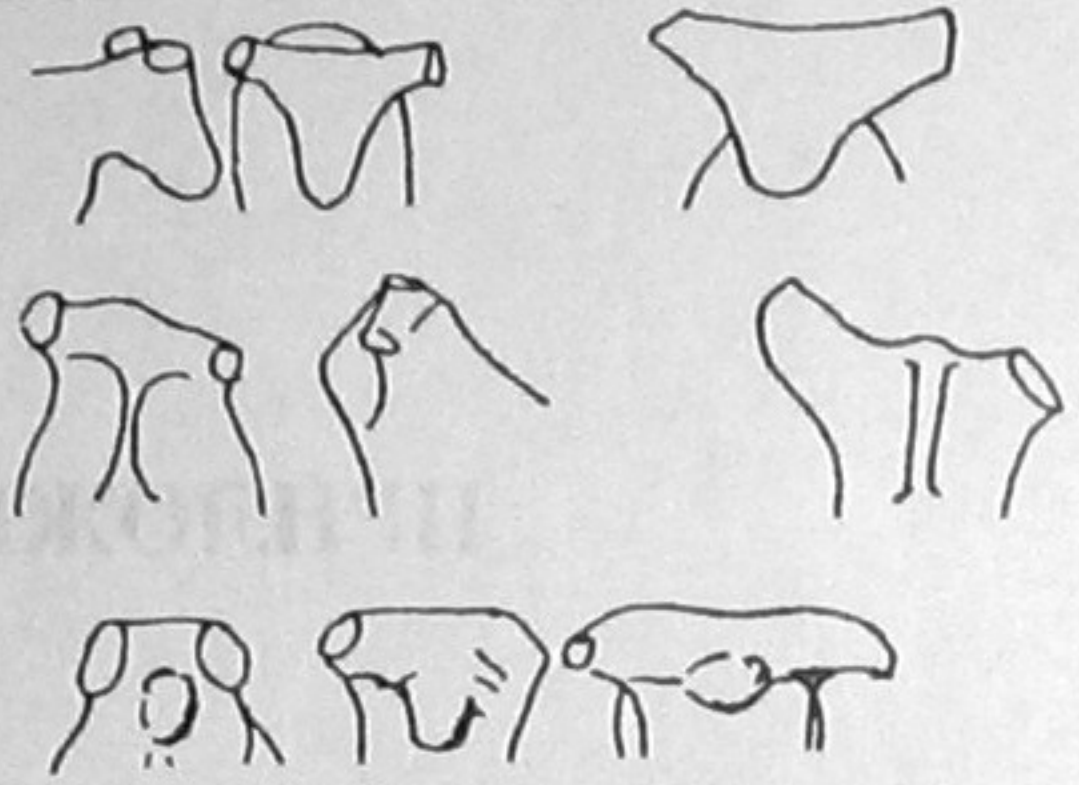
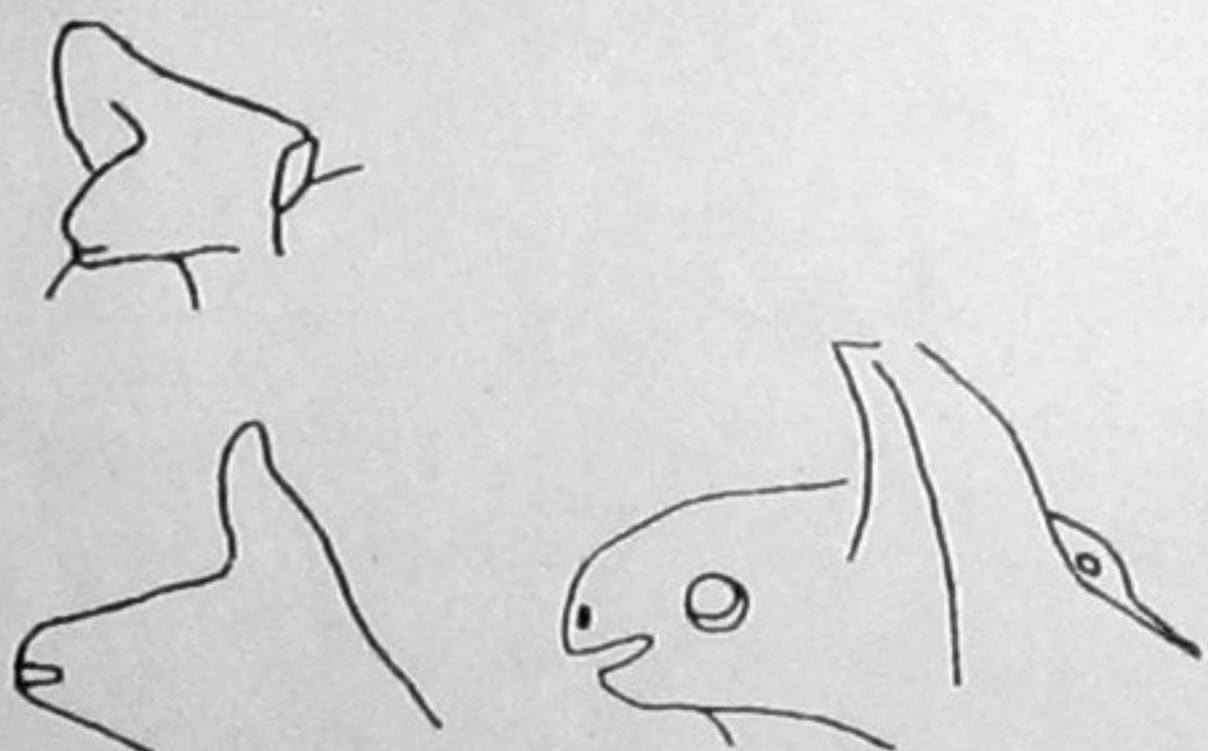
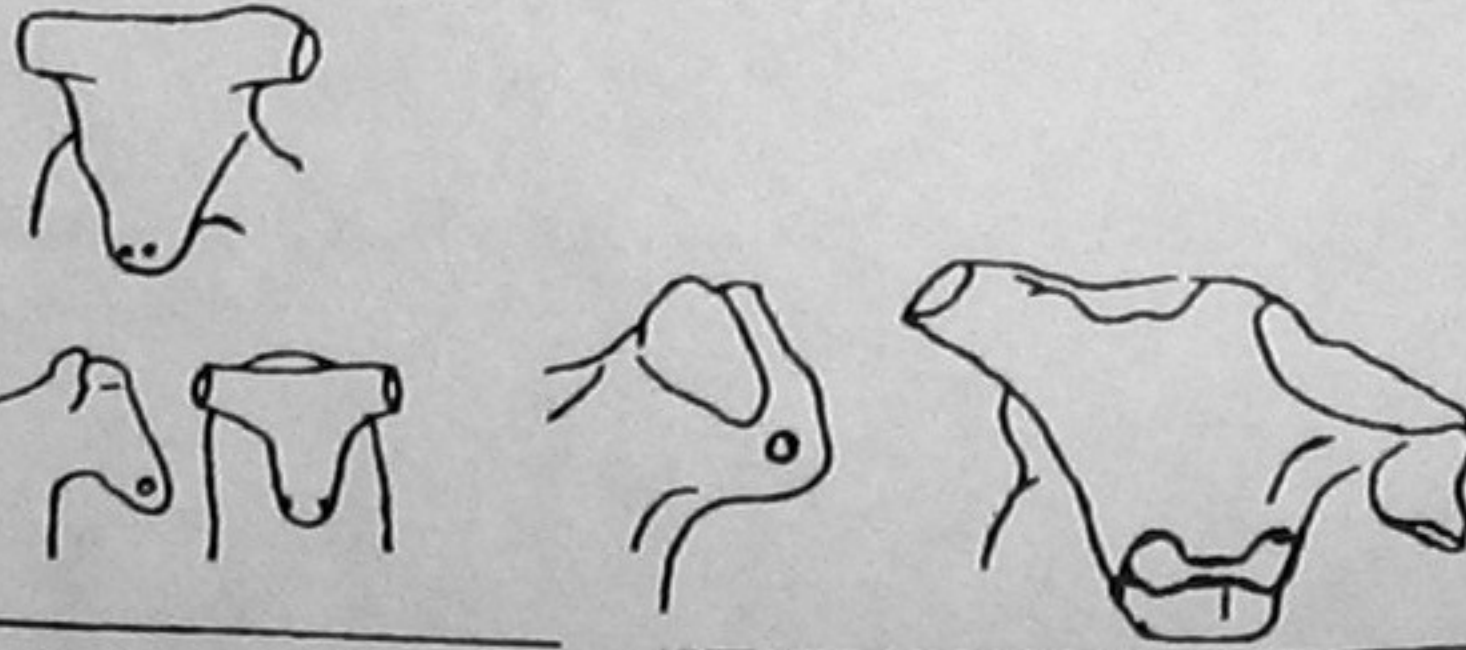
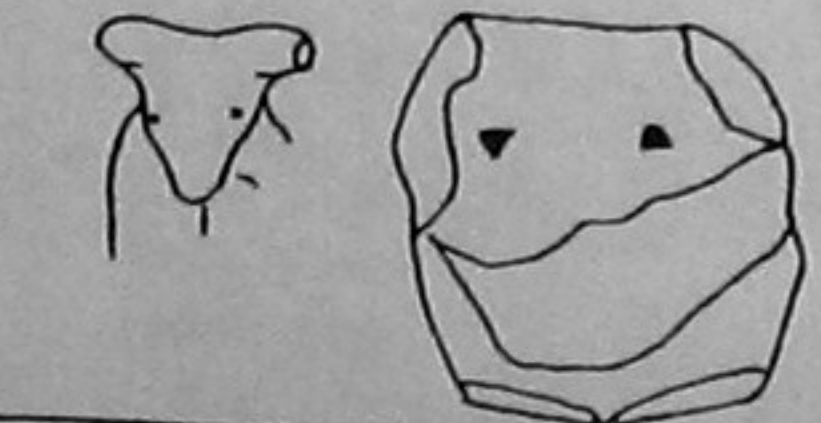

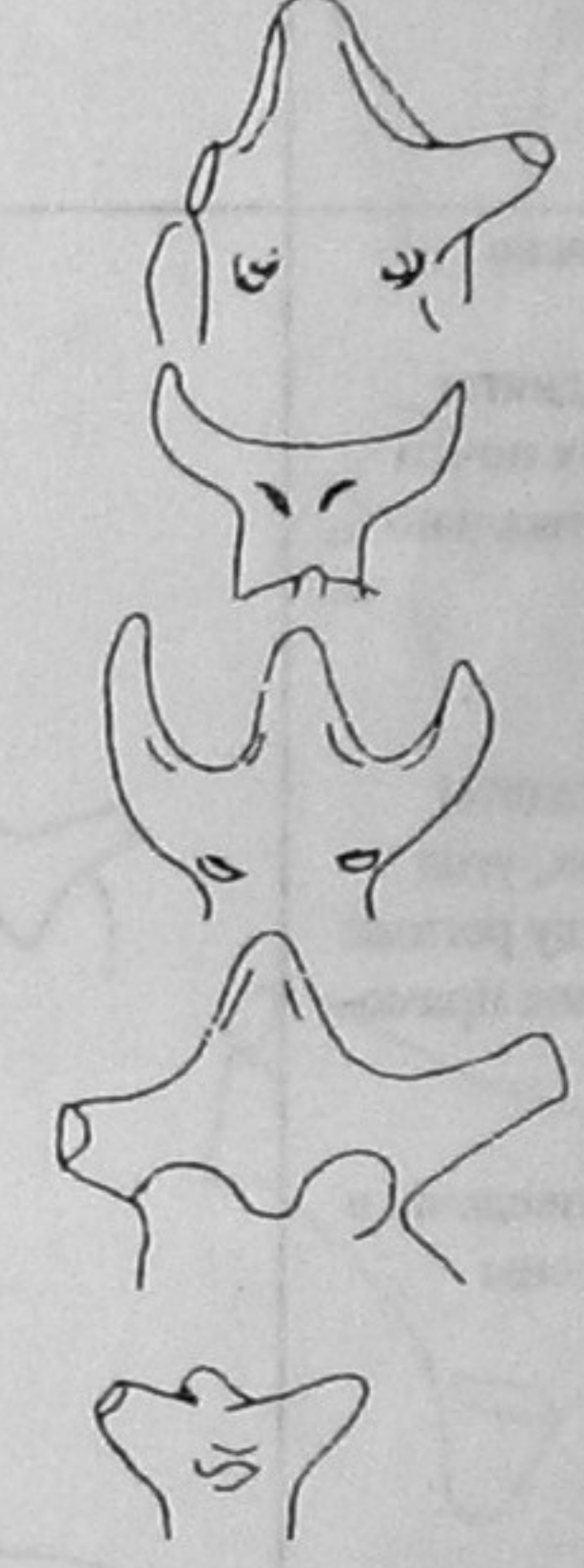
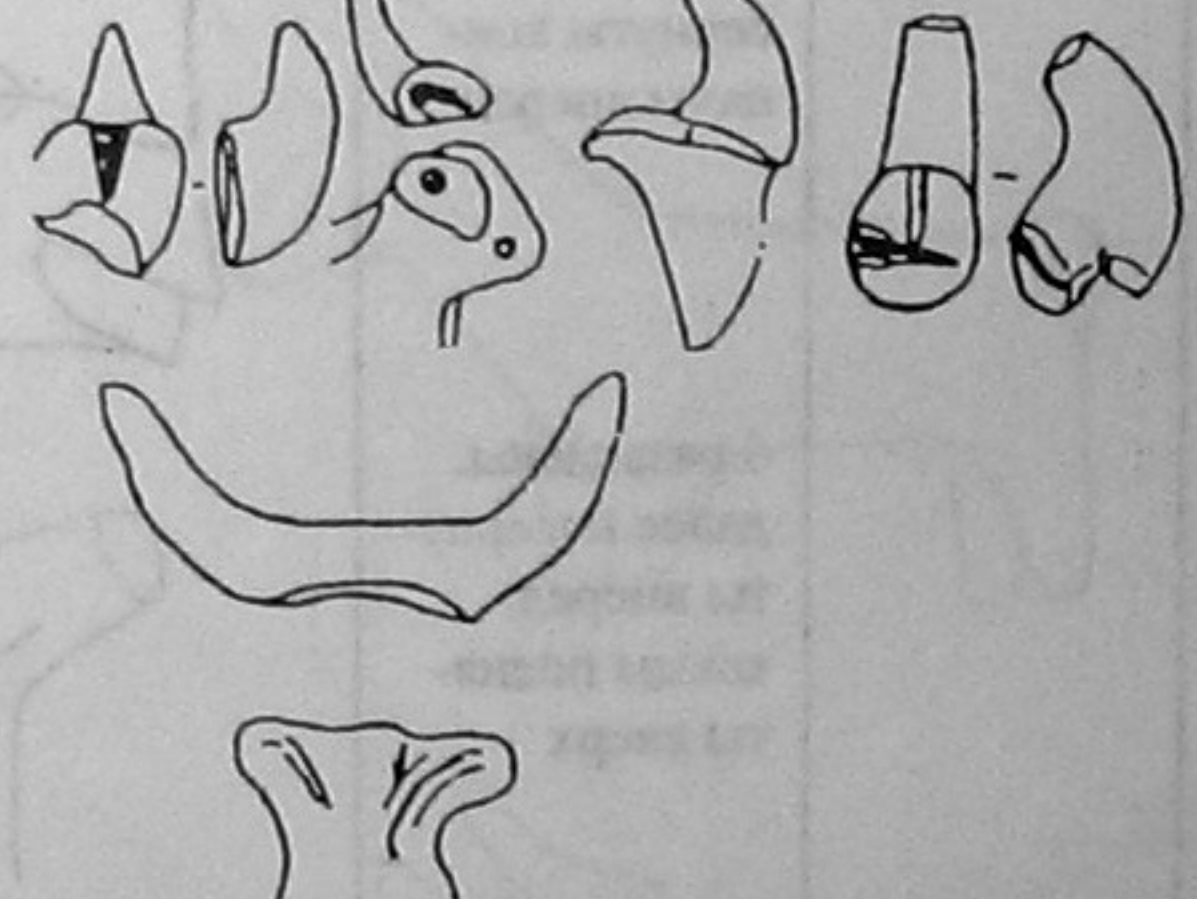

Приложение 1. Продолжение

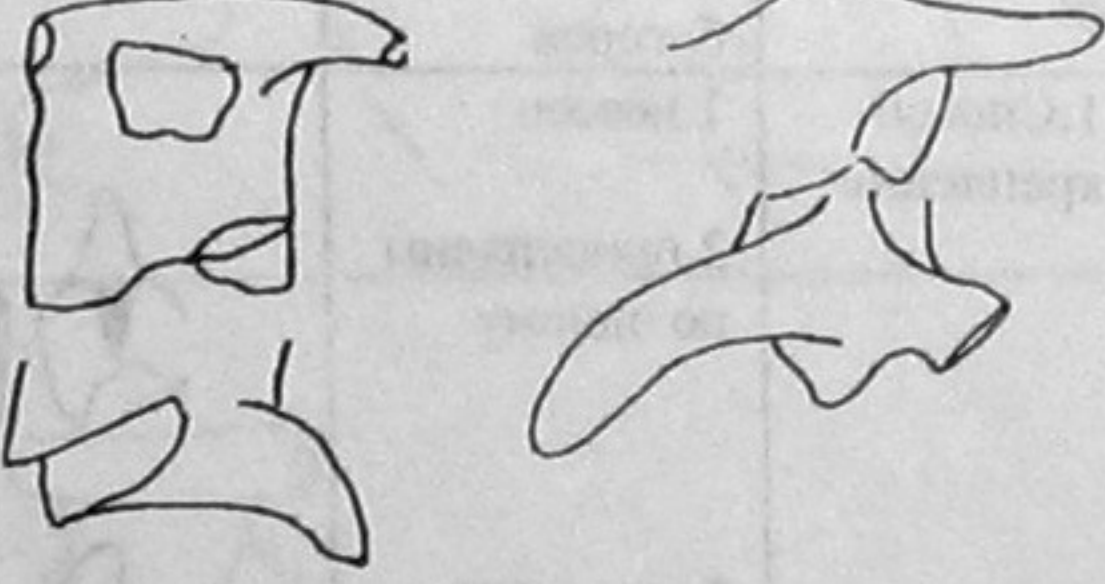
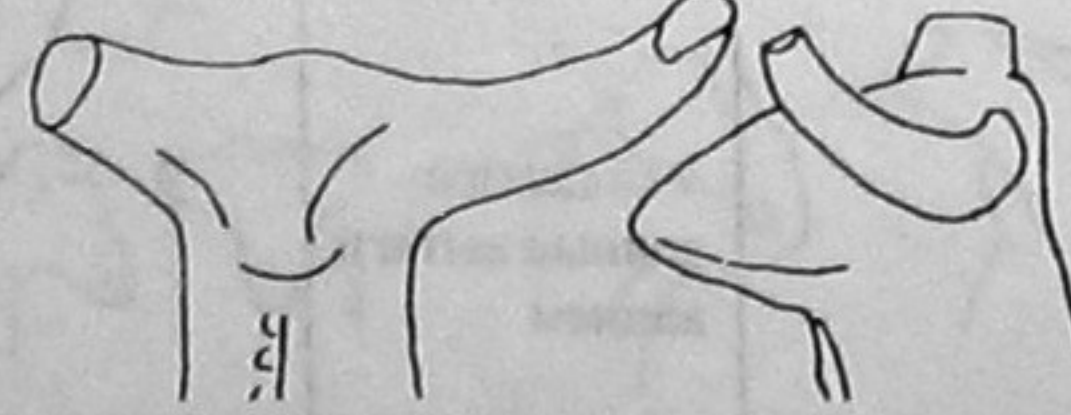
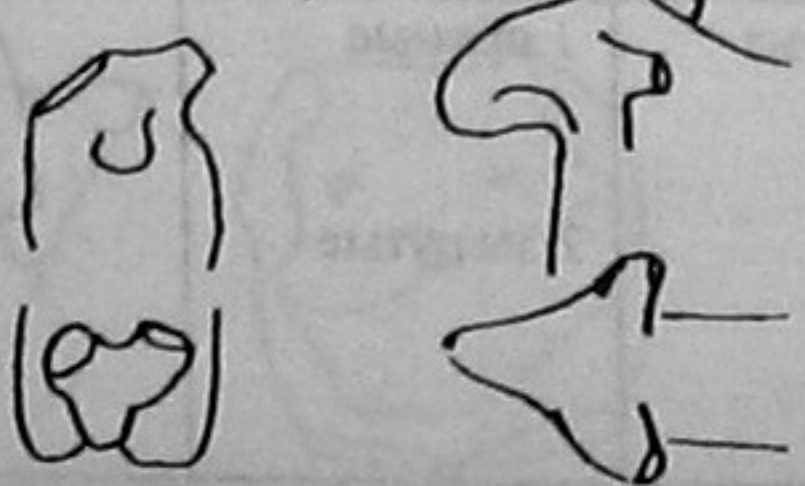
Время	«Тип»		1 (четвероногие)											Сумма											
	«Вид»	Памятник	Бовинья/ овиды	Козы	Олени	Свиньи	Медведи	Овцы	Собаки	К. бовинья	Мелкие	Несъед.	Неопред.		Птицы	Рыбы	2	3	4	5	6	7	8		
Нет	Ср	Фрумүшка	2			1			1			1	5	2										13	
		Шипенцы	15				1						2												18
		Полыванов Яр I	5																					5	
		Сумма	22			1			1			1	7	2										36	
Нет даты	памятника	Шипоте	1																					1	
		Ст. Каракушаны	4																						4
		Синешты-	2																			1			3
		Вила Яругска	1																						1
		Капюшаны	1																						1
		Бырлалешть-Стурза	1												1										3
Незвиско (Чер. г.)	3																						3		
		Окнища	13																					17	
Б/п предметы		Сумма	13		1																			17	
		ГЭ. Дя-1933, 1/117	1																						1
		Львов, Университет	2																						2
		ЛМ №30070	1																						1
		Кишинев АН	1																						1
		Фотоархив ИА НАН	1											1										10	
		Музей истории	11																				2		23
		Молдовы	4																						9
		Музей Фелтичени	4																						9
		Сумма	20									2	23											47	
Общая сумма всех «собранных» фигурок			433	20	21	32	13	24	7	5	9	25	184	12	1	13	2	1	13	3	29	877			

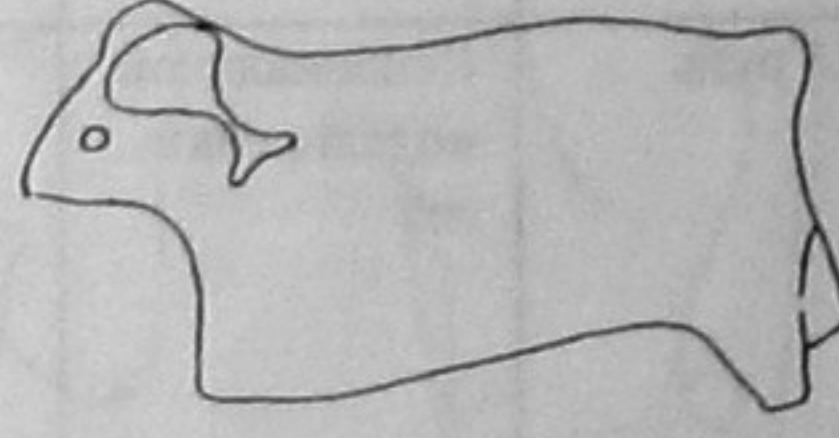

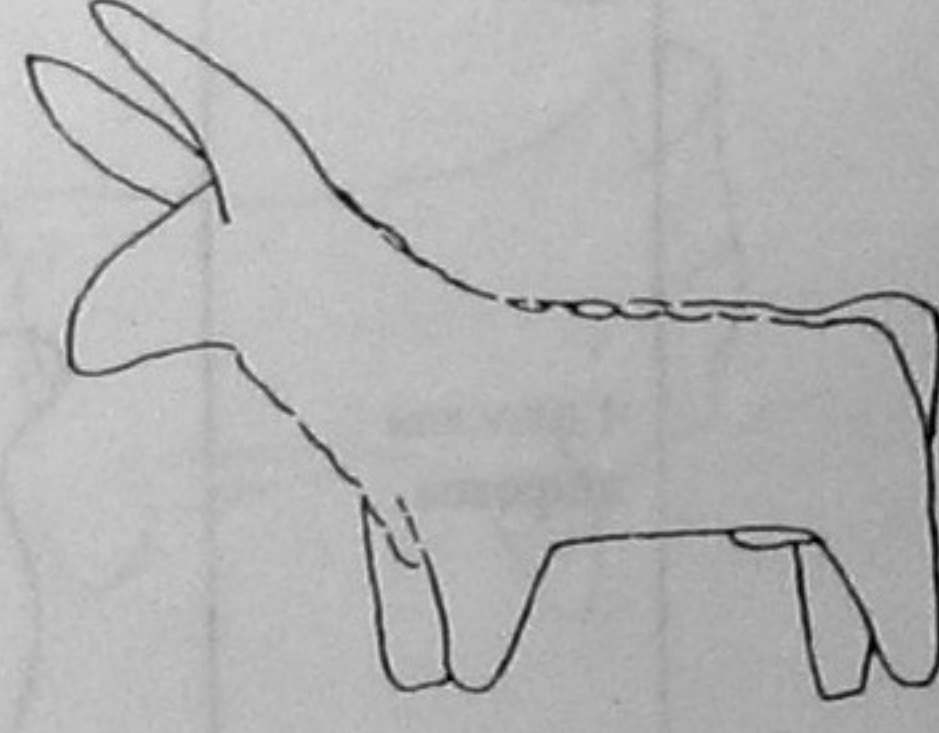

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Иллюстрированный список признаков для морфологического описания фигурок бовинов/овидов «типа» I

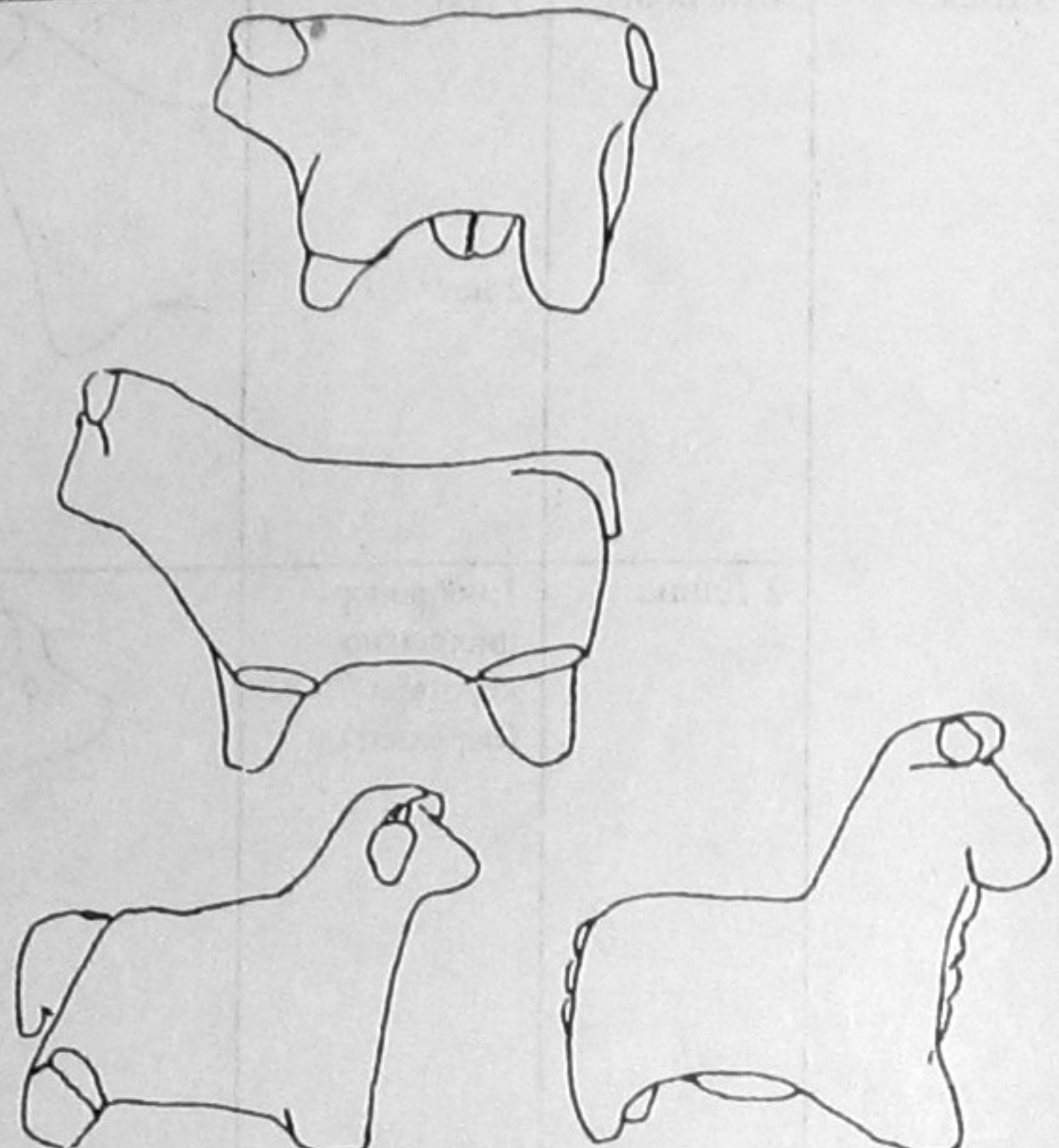
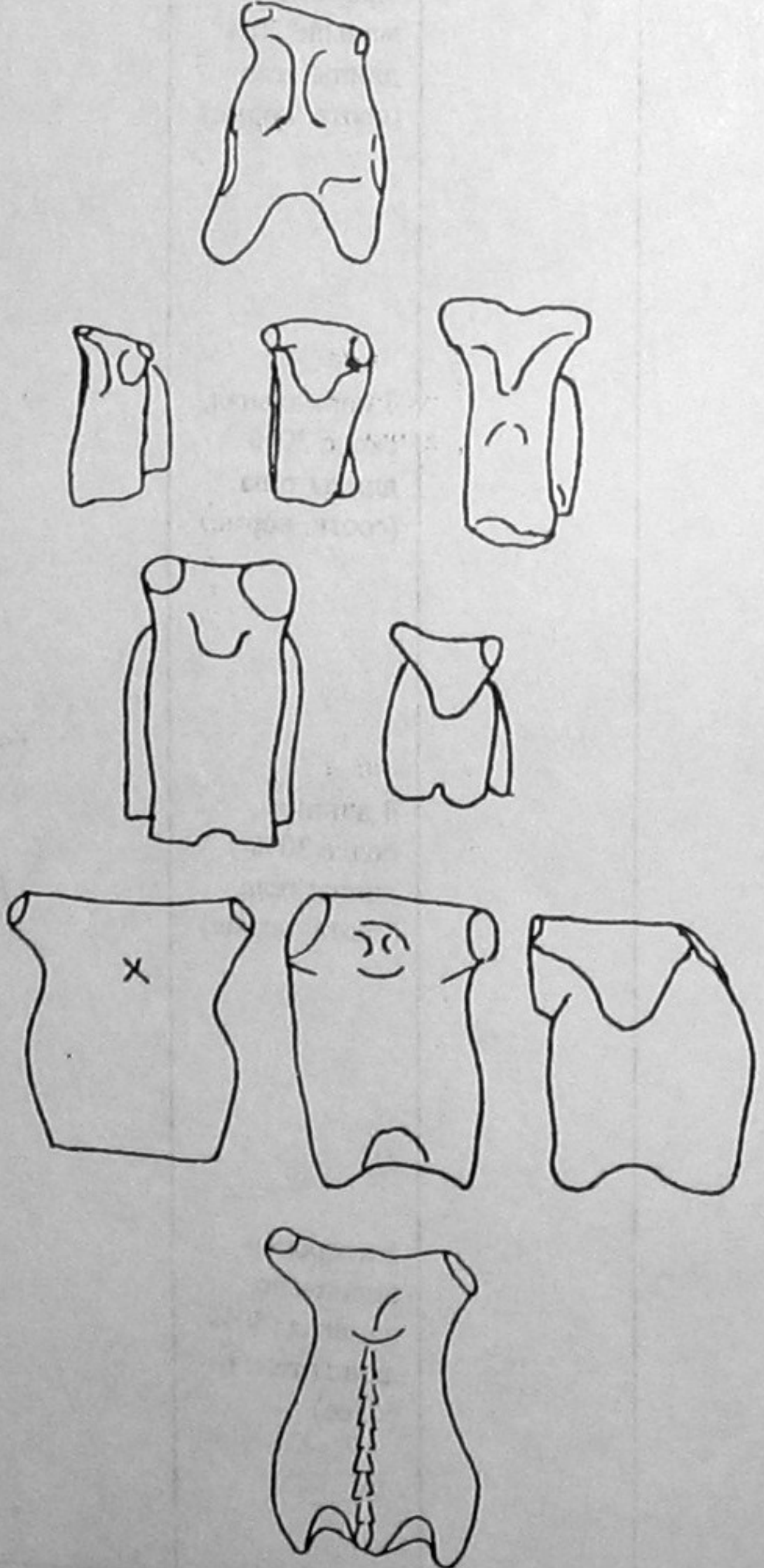
Стати тела и характерные элементы моделировки	Детализирующие признаки	Значения признаков	Описания или иллюстрации к значениям признаков
1. Голова	1. Относительная длина головы	1. короткая 2. нормальная 3. длинная 4. непропорционально длинная	меньше 25% длины тела (соотв. норме) от 25% до 35% длины тела (соотв. норме) больше 35% длины тела (соотв. норме) от 50% длины тела и больше
	2. Форма морды	1. подтреугольная 2. зашип 3. налегающая шишковидная	
	3. Относительная ширина подтреугольной морды	1. узкая 2. нормальная 3. широкая	меньше 50% длины головы (соотв. норме) около 50% длины головы (соотв. норме) более 50% длины головы (соотв. норме)
	4. Рот	1. не изображен 2. прочерчен 3. прорезан	
	5. Ноздри	1. не изображены 2. вертикальные наколы 3. сквозное горизонтальное отверстие	
	6. Глаза	1. не изображены 2. вертикальные наколы	

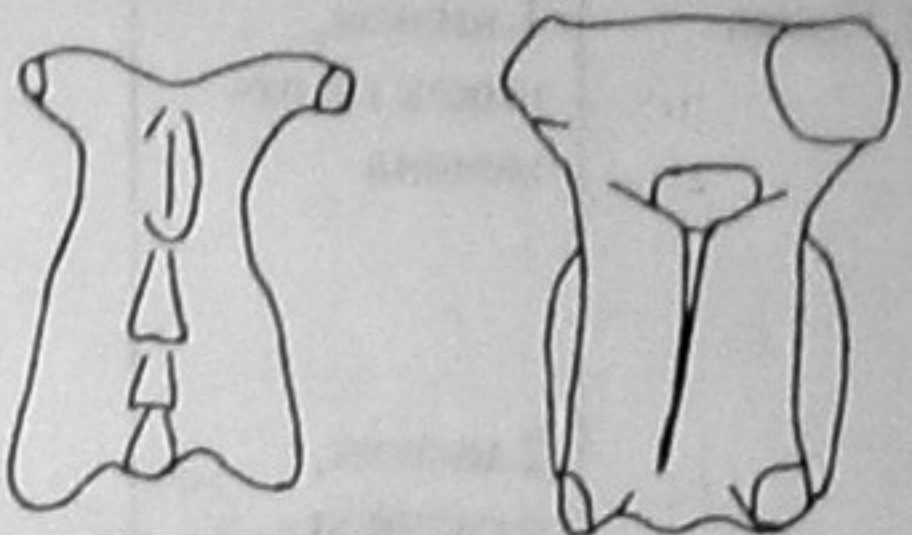
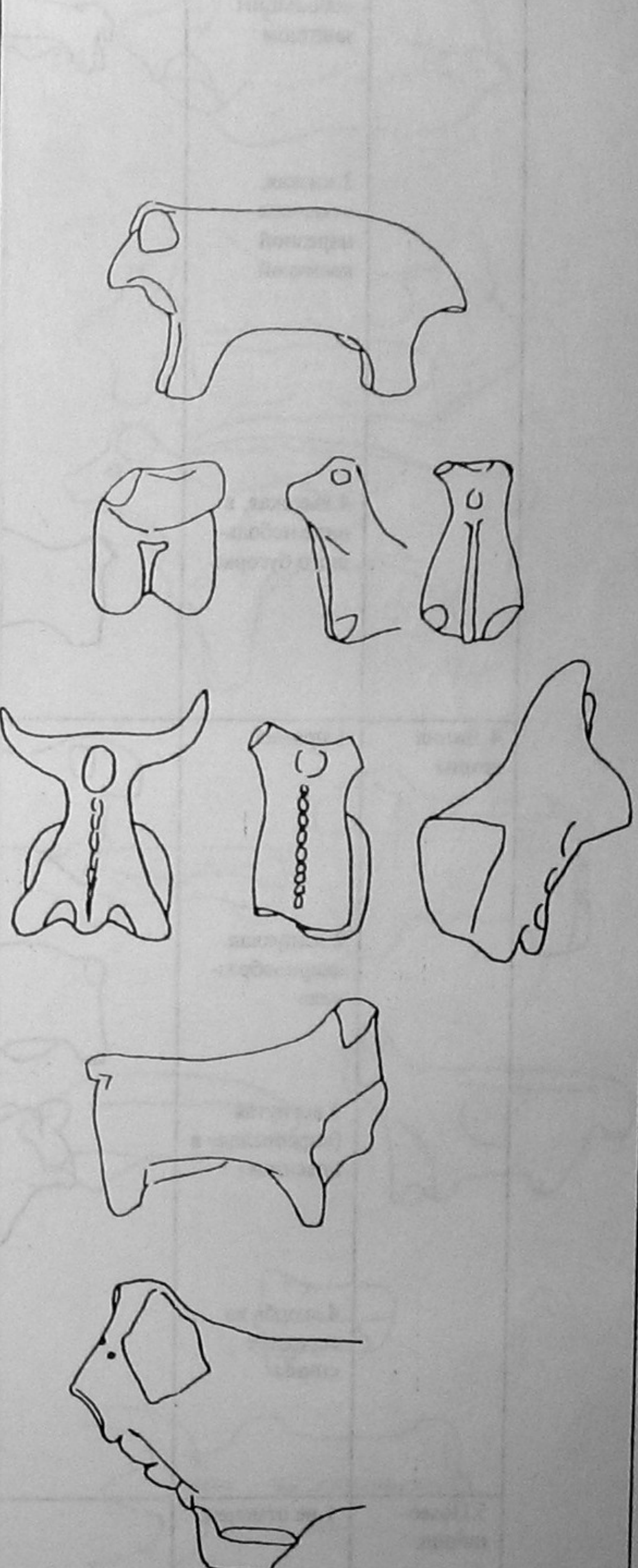
1. Голова	6. Глаза	3. сквозное горизонтальное отверстие	
	7. Уши	1. не изображены 2. защиты под рогами 3. защиты под рогами со сквозными отверстиями	
	8. Знаки на затылке между рогами	1. отсутствуют 2. парные: а) круглые бугорки б) отпечатки ногтя в) продолговатые защипы г) округлые вмятины 3. один знак посередине: а) округлый шишковидный бугорок	
2. Рога	1. Способ крепления	1. неясен 2. прилеплены по одному 3. накладные 4. моделированные вытягиванием	
	2. Форма	1. прямые 2. загнутые	

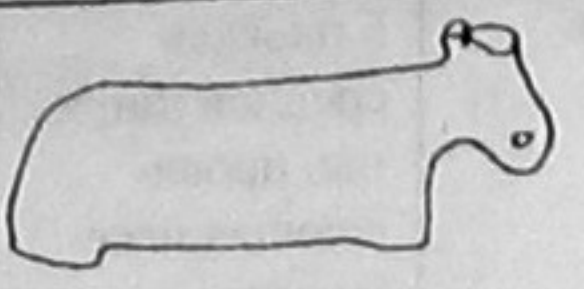
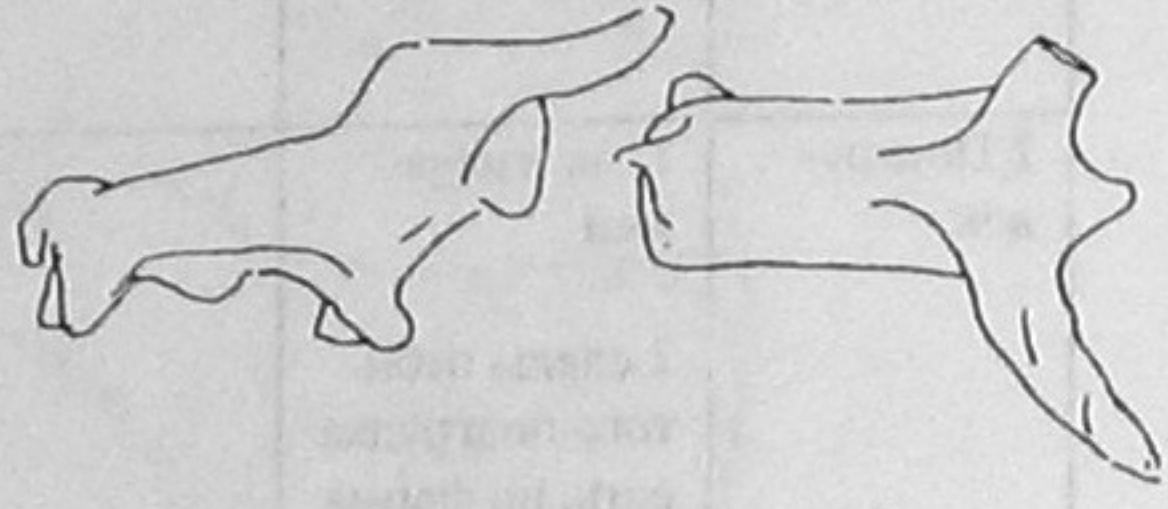

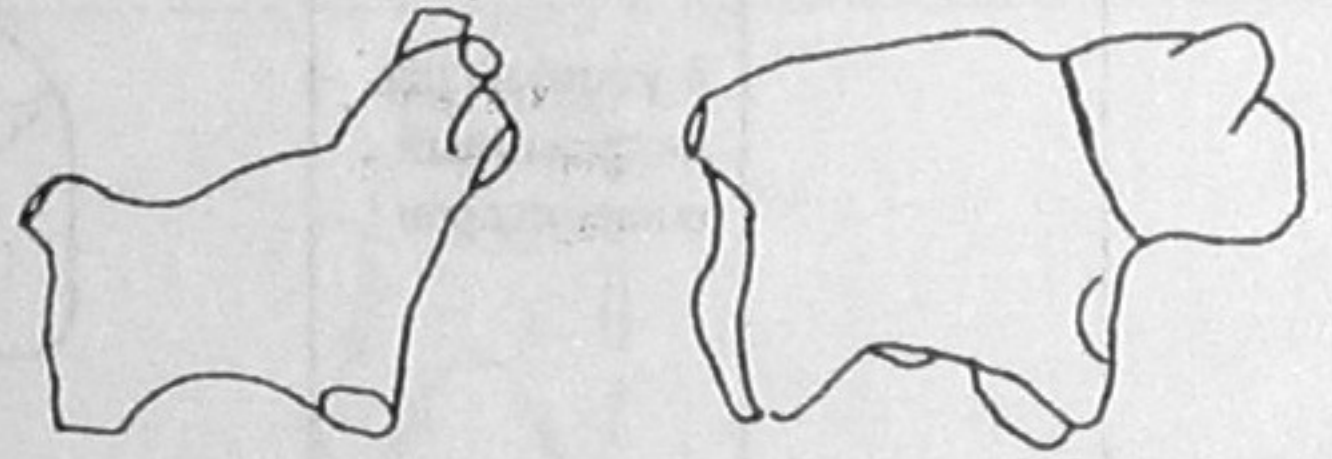
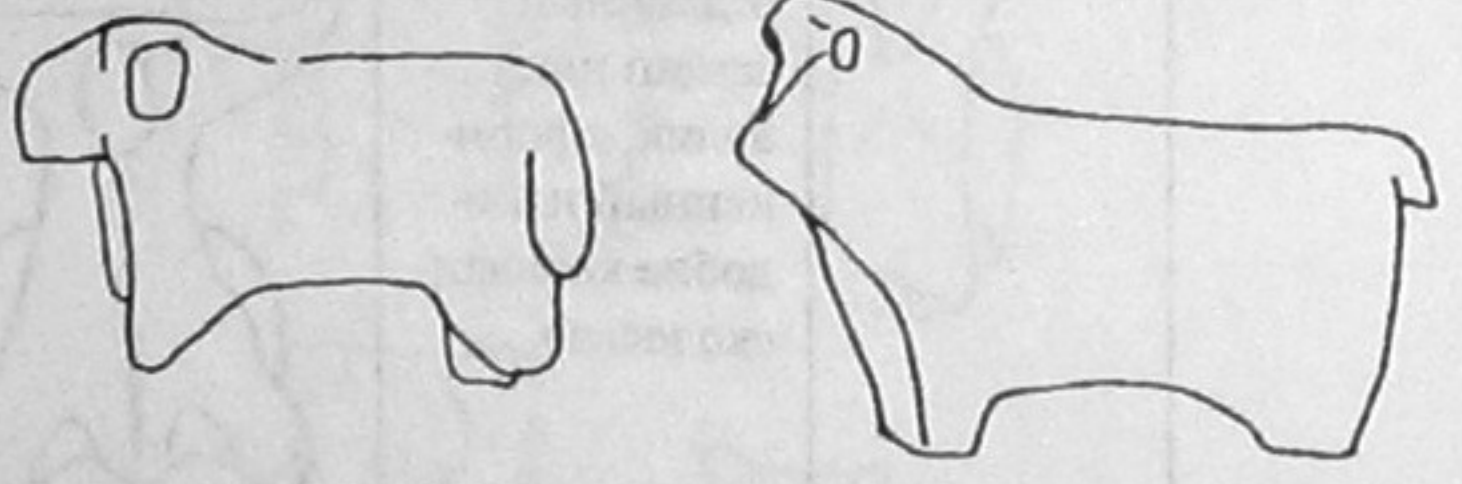
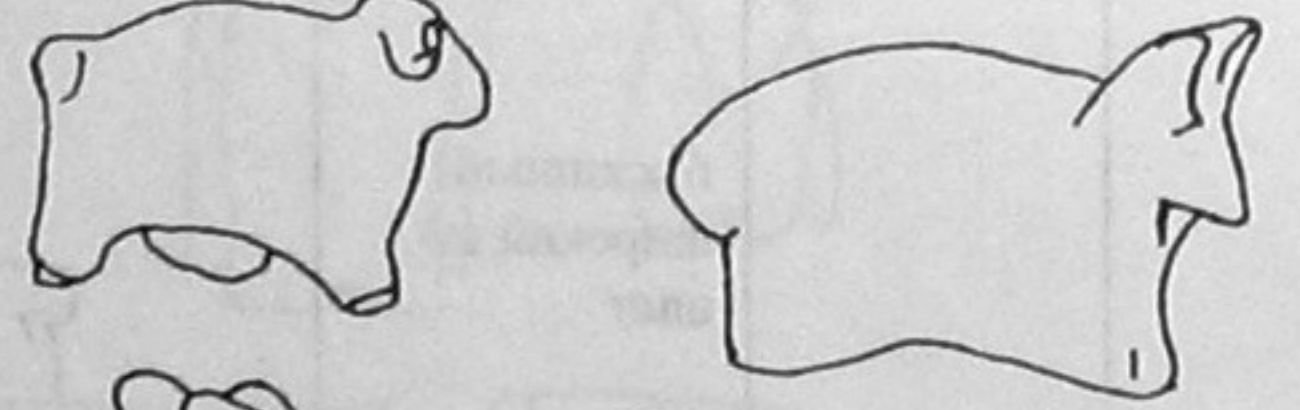
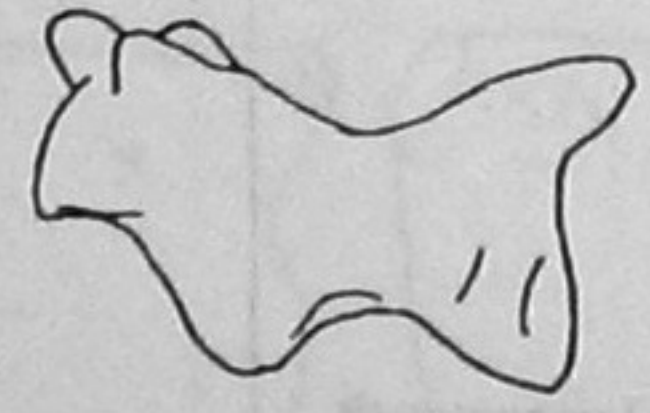

2. Рога	2. Форма	3. загнутые перекрученные
		4. загнутые, оформленные заплатами
3. Длина	1. короткие	
	2. средние	
	3. длинные	
4. Постановка	1. неясна	
	2. подняты вверх почти вертикально	
	3. подняты вверх, угол между рогами близок прямому	
	4. разведены в стороны	
	5. разведены в стороны, повернуты концами вперед	
	6. разведены, далее повернуты вперед, концы подняты вверх	
	7. повернуты назад	

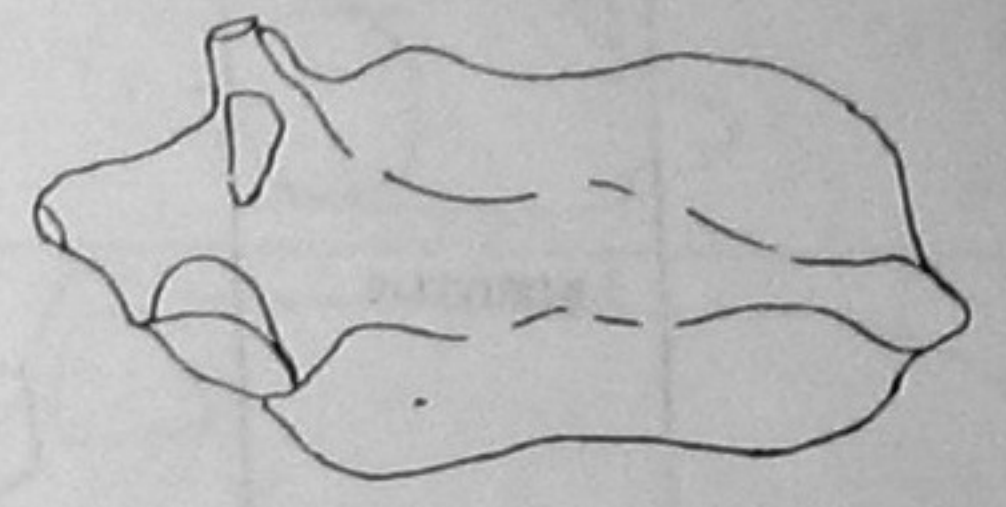
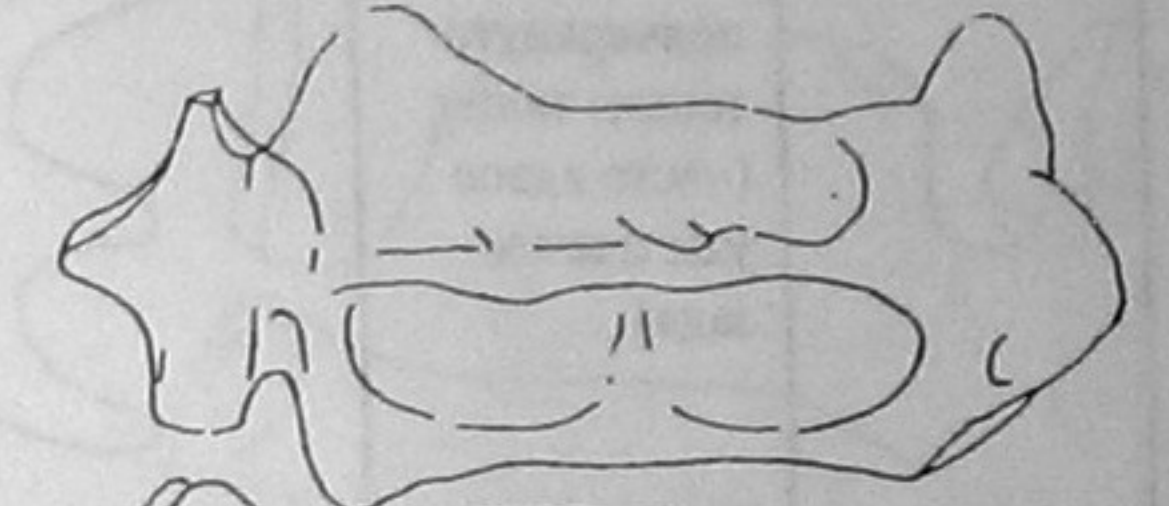

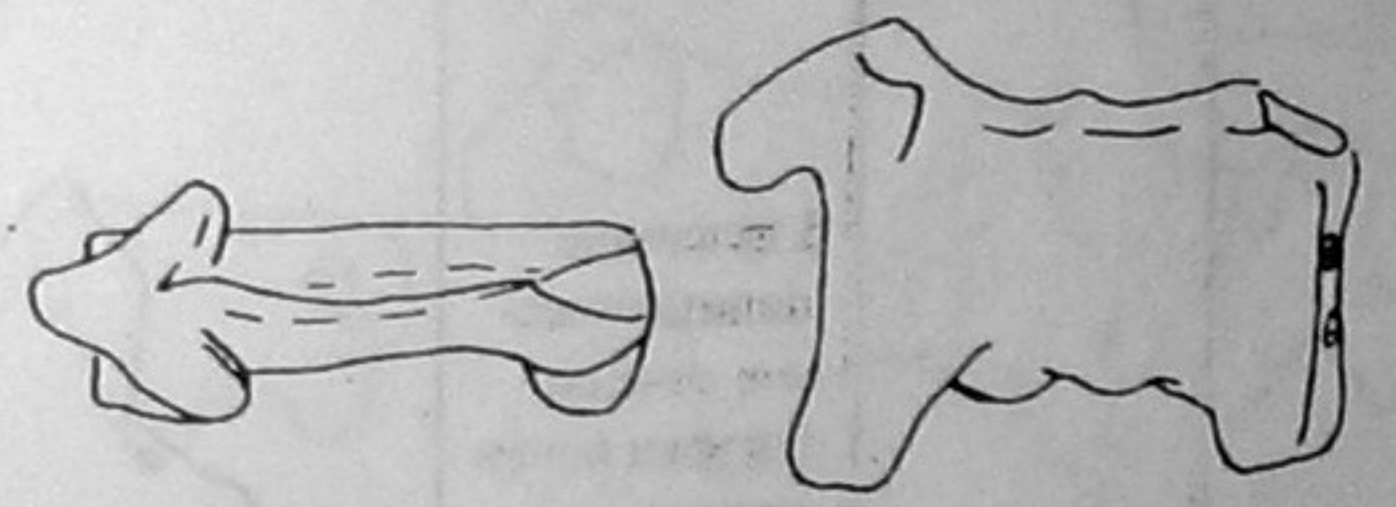
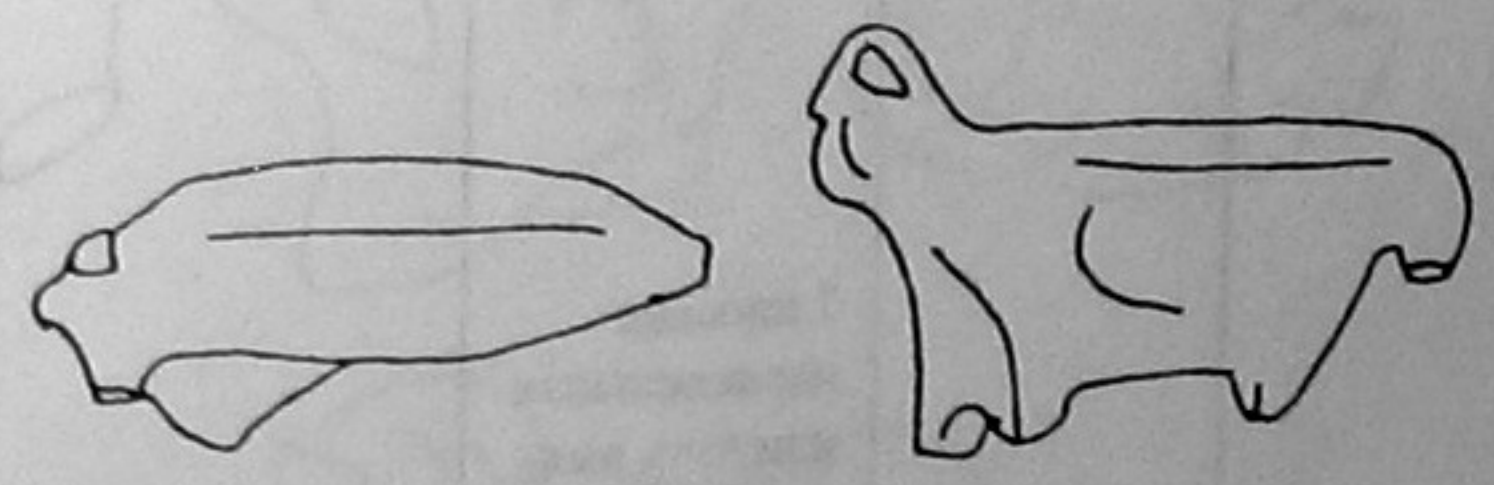

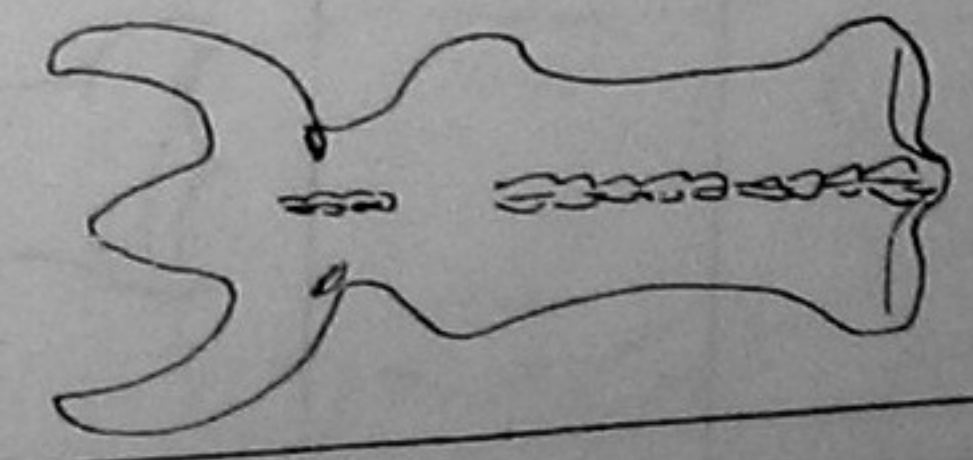
3. Шея	1. Наличие	1. есть
		2. нет
	2. Длина	1. непропорционально короткая (перехват)
		2. короткая, меньше 30% длины тела (соотв. норме)
		3. нормальная, около 30% длины тела (соотв. норме)
		4. длинная, более 30% длины тела (соотв. норме)
		5. непропорционально длинная (50% длины тела и более)

3. Шея	3. Линия шеи (посадка головы)	1. продолжает линию спины 2. приподнята 3. поднята почти вертикально	
4. Туловище	1. Грудь	1. специальной моделировки нет 2. плоская узкая 3. плоская средней ширины 4. плоская широкая 5. плоская широкая, провисающая посередине	

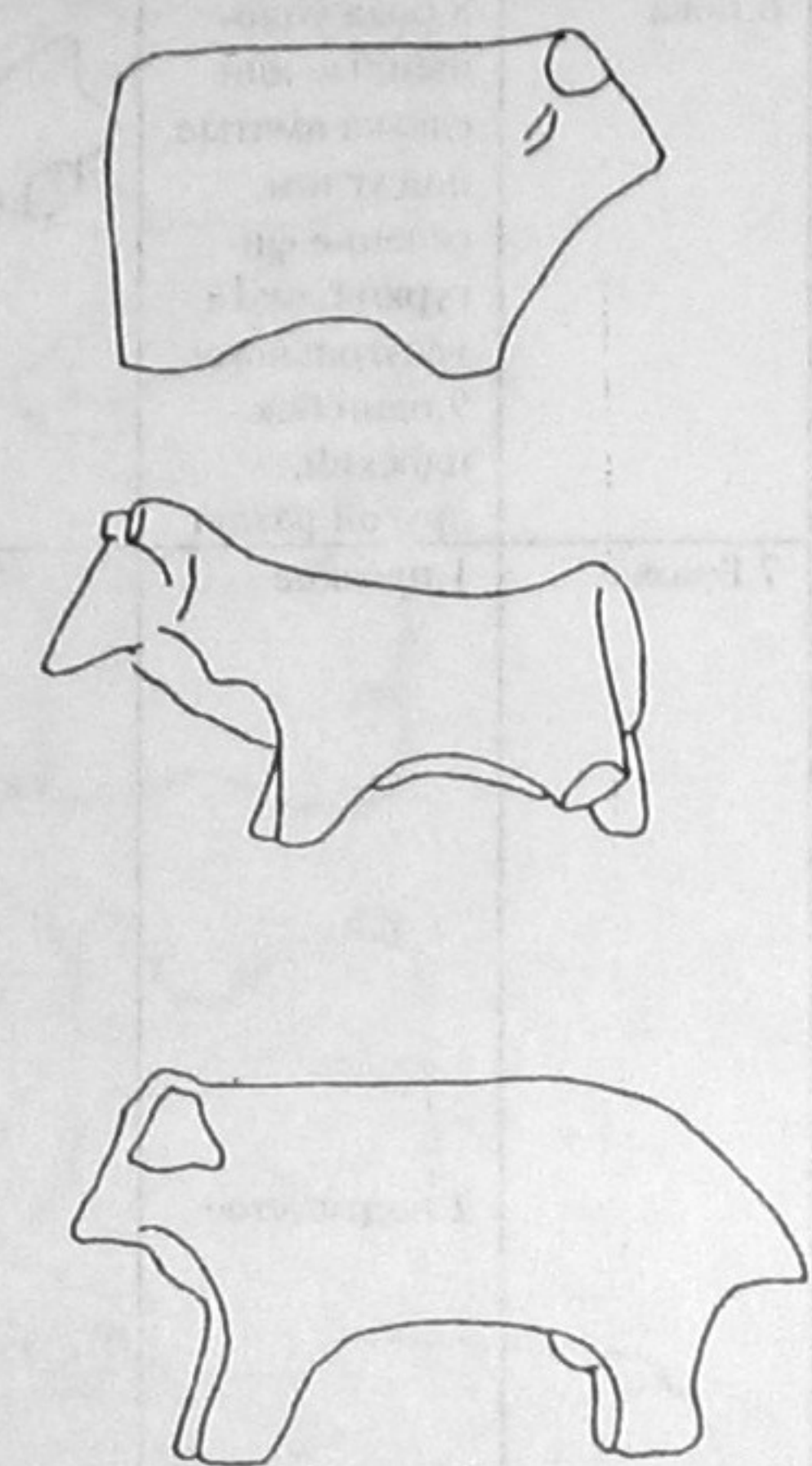
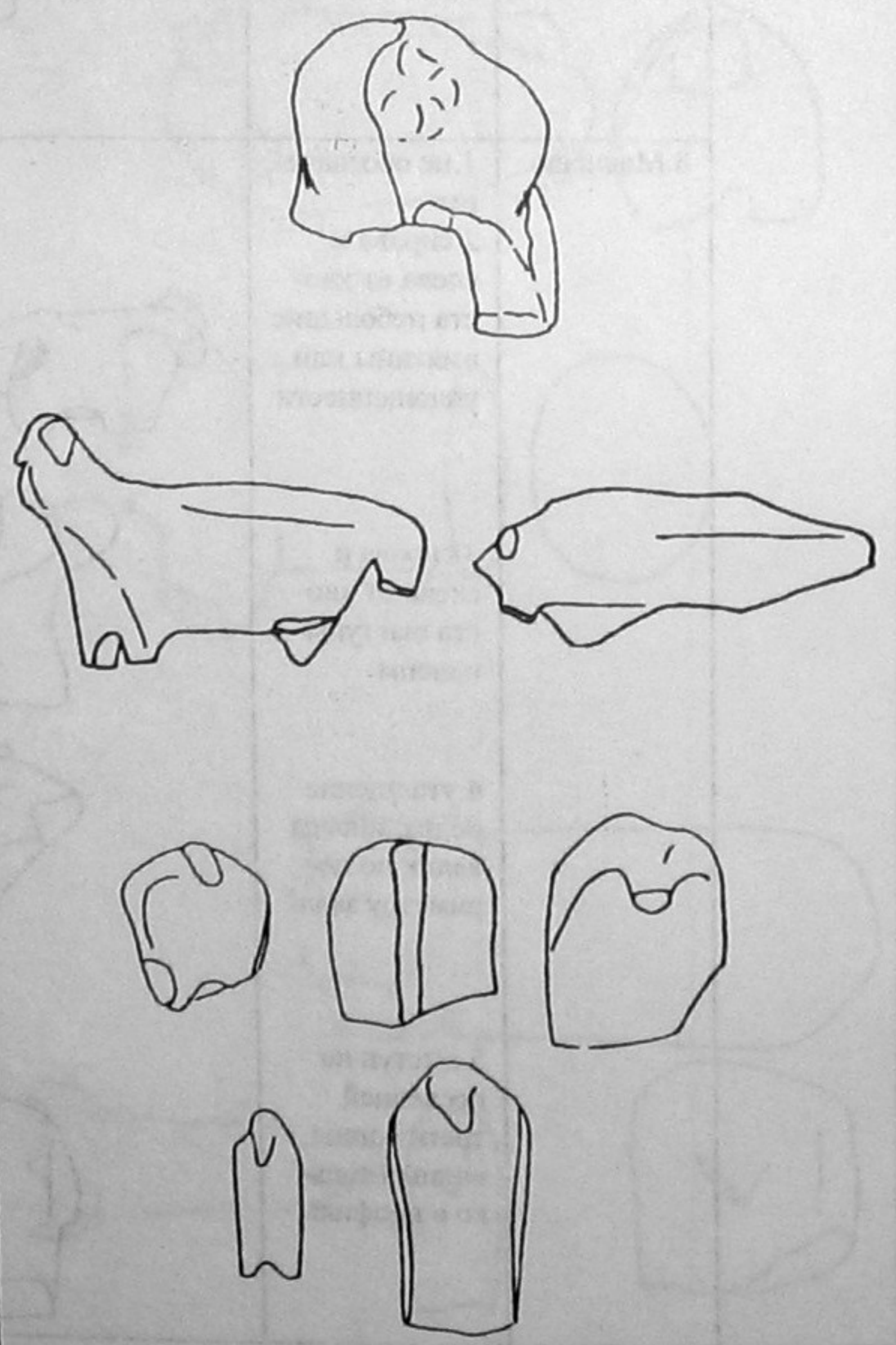
4. Туловище	1. Грудь	6. плоская средней ширины, провисающая посередине	
	2. Подгрудок	1. не изображен 2. следы отбитого подгрудка есть, но форма его неясна 3. короткий зацеп 4. узкий валик, подрезанный с обеих сторон 5. длинный зацеп или валик, оформленный наподобие косички «колоска» 6. длинный широкий зацеп 7. недлинный волнистый зацеп	

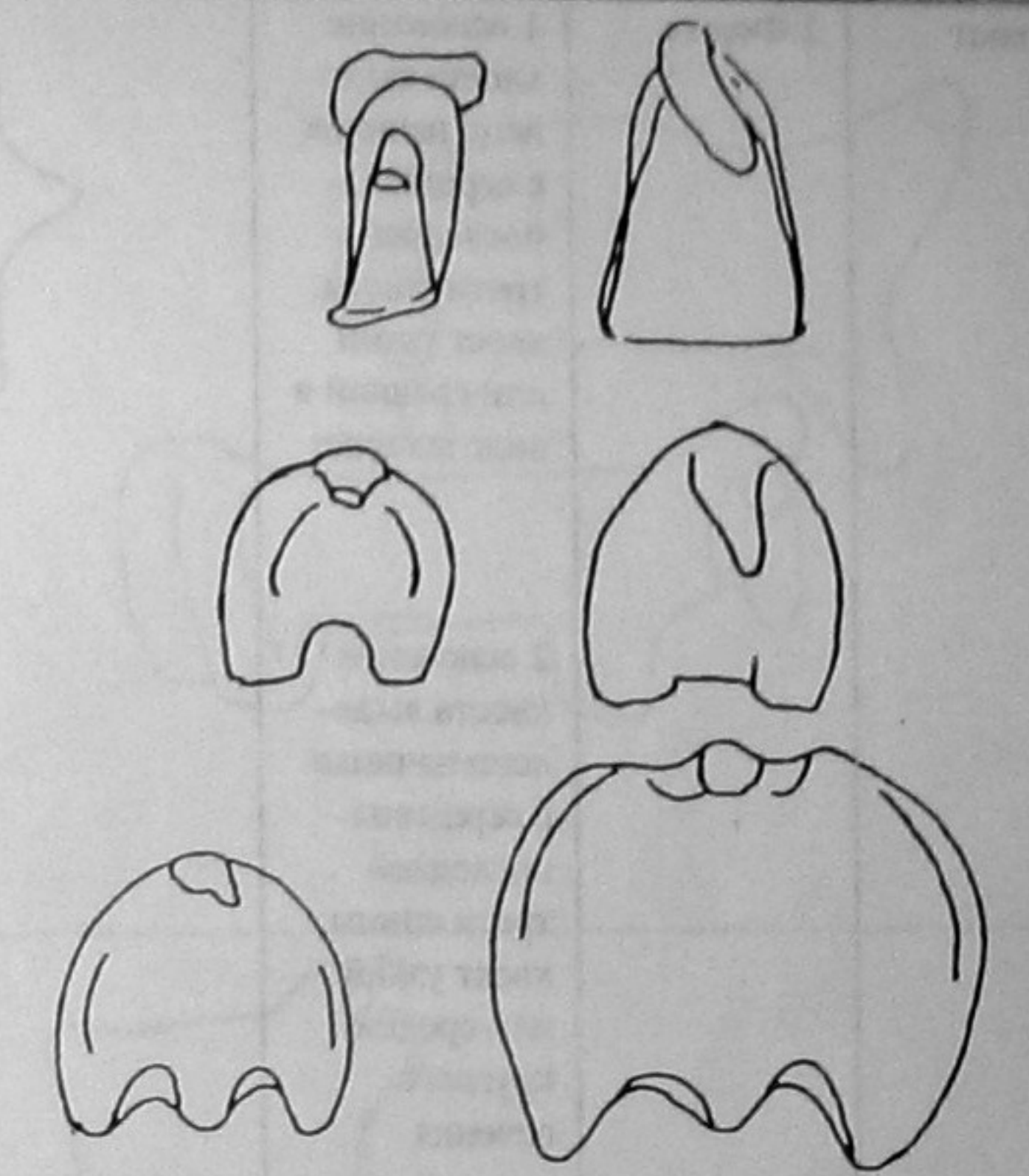
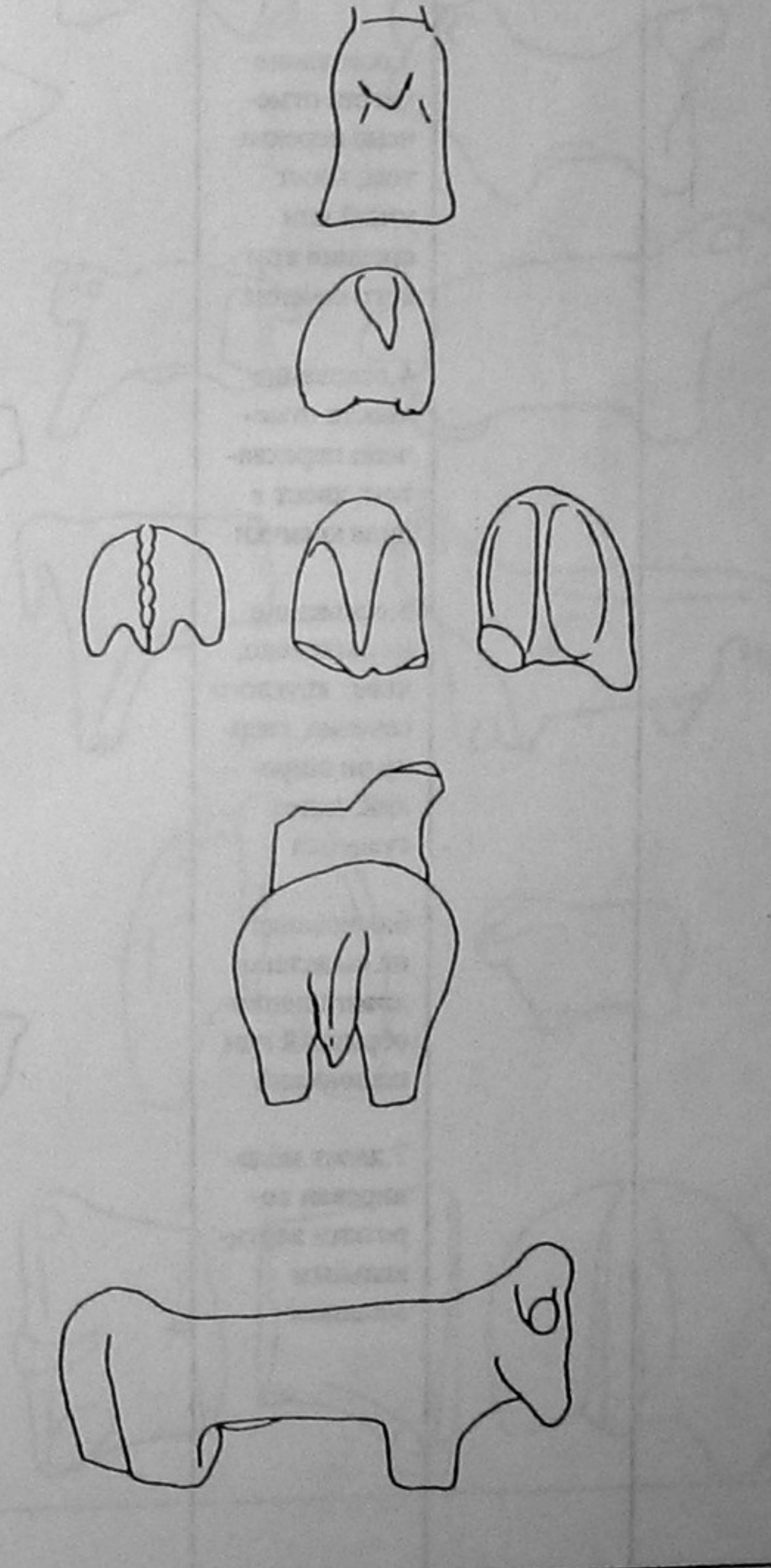
4. Туловище	3. Холка	1. низкая, никак не отмечена	
		2. низкая, отмечена небольшим защипом	
		3. низкая, отмечена нарезной косичкой	
		4. высокая, в виде небольшого бугорка	
4. Линия спины		1. прямая	
		2. выпуклая («карпообразная»)	
		3. вогнутая («провислая» в пояснице)	
		4. «горб» на середине спины	
5. Позвоночник		1. не отмечен	

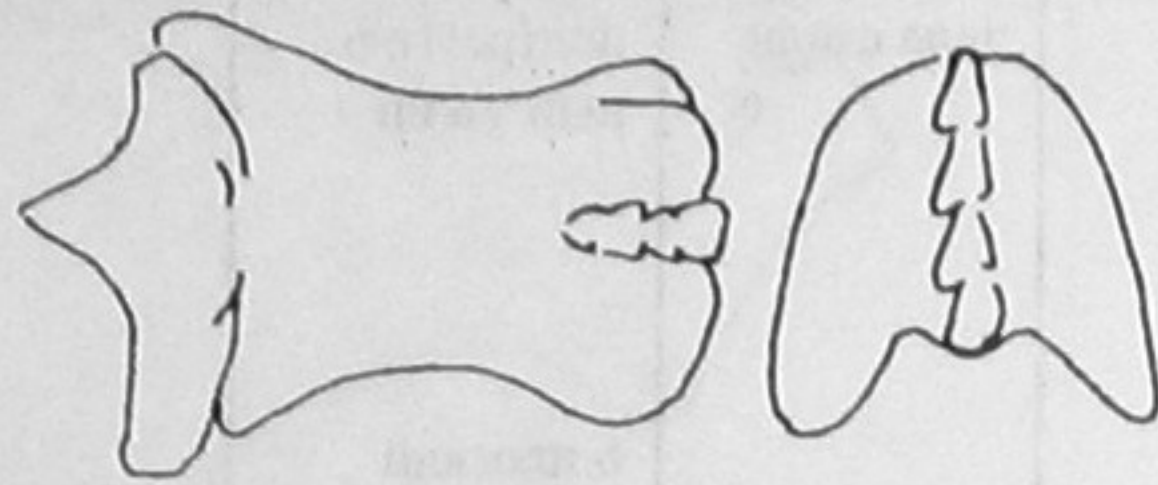
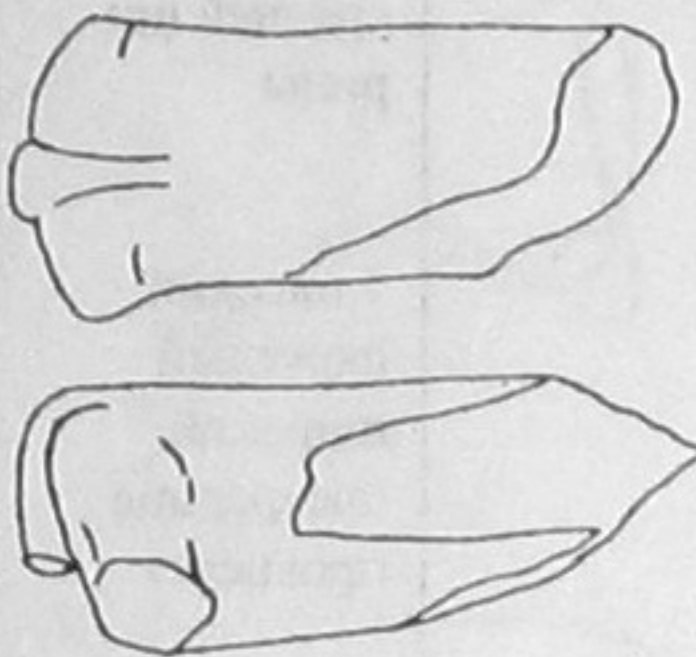
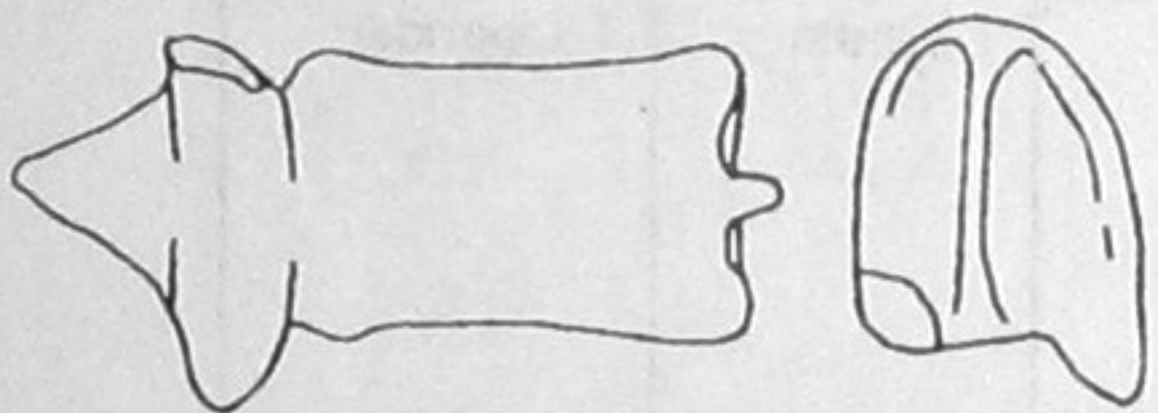

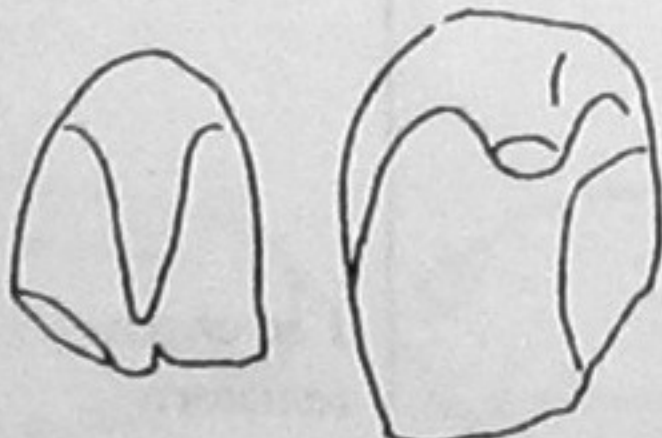

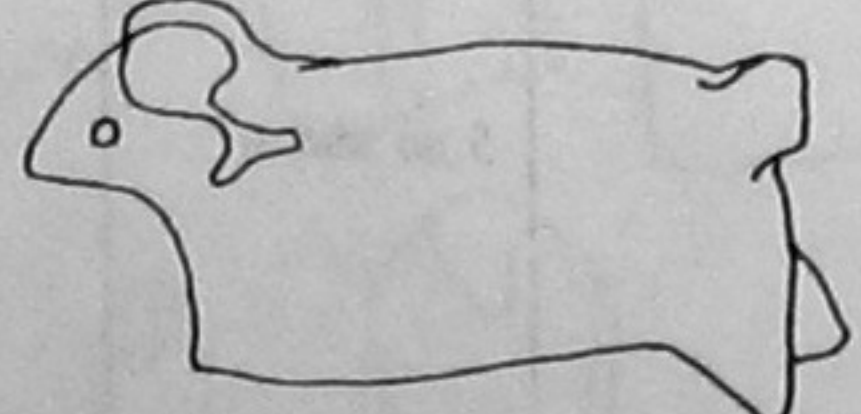
4. Туловище	5. Позвоночник	2. отмечен, по сохранности предмета не позволяет установить, как именно	
		3. широкий слабовыпуклый	
		4. узкий, выпуклый округлый	
		5. узкий, заостренный защип	
		6. обозначен легким ребром	
		7. прочерченная линия от лба до хвоста	
		8. вырезан косичкой	

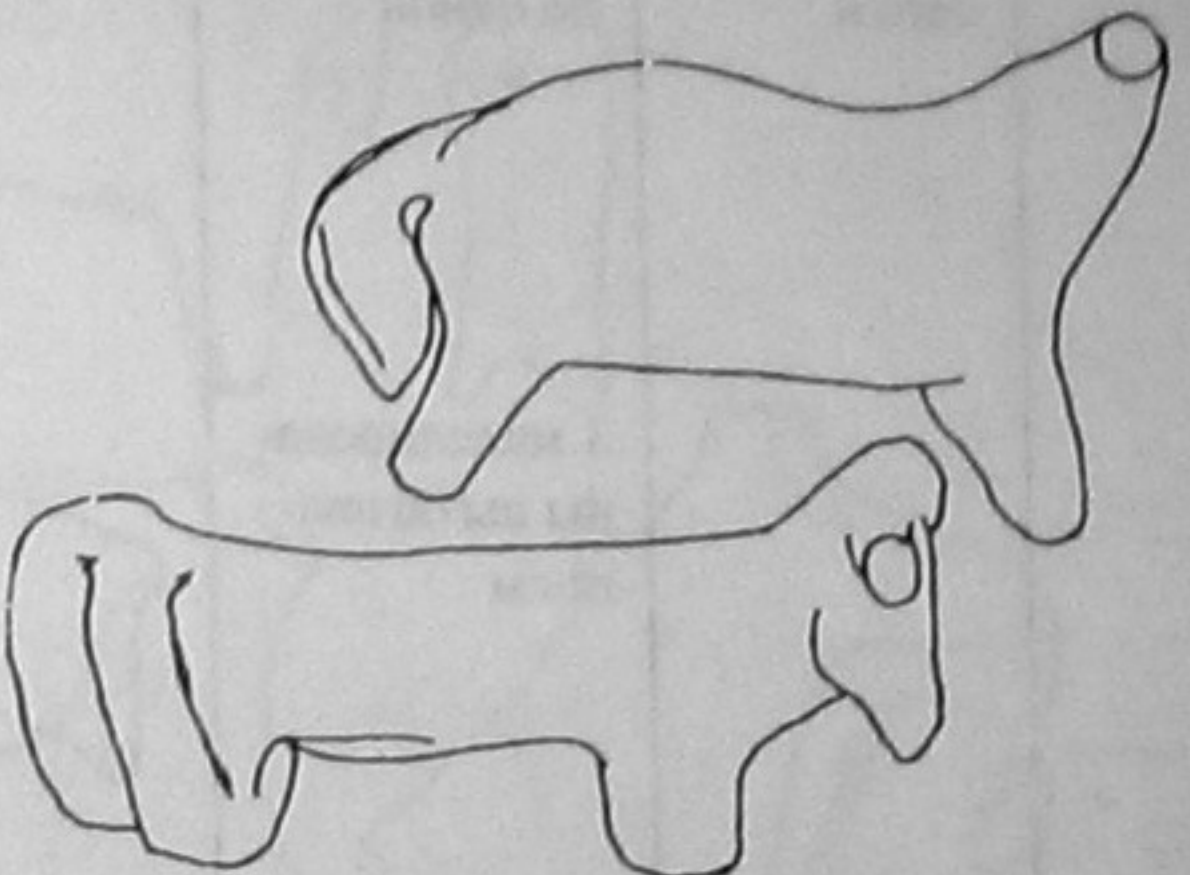
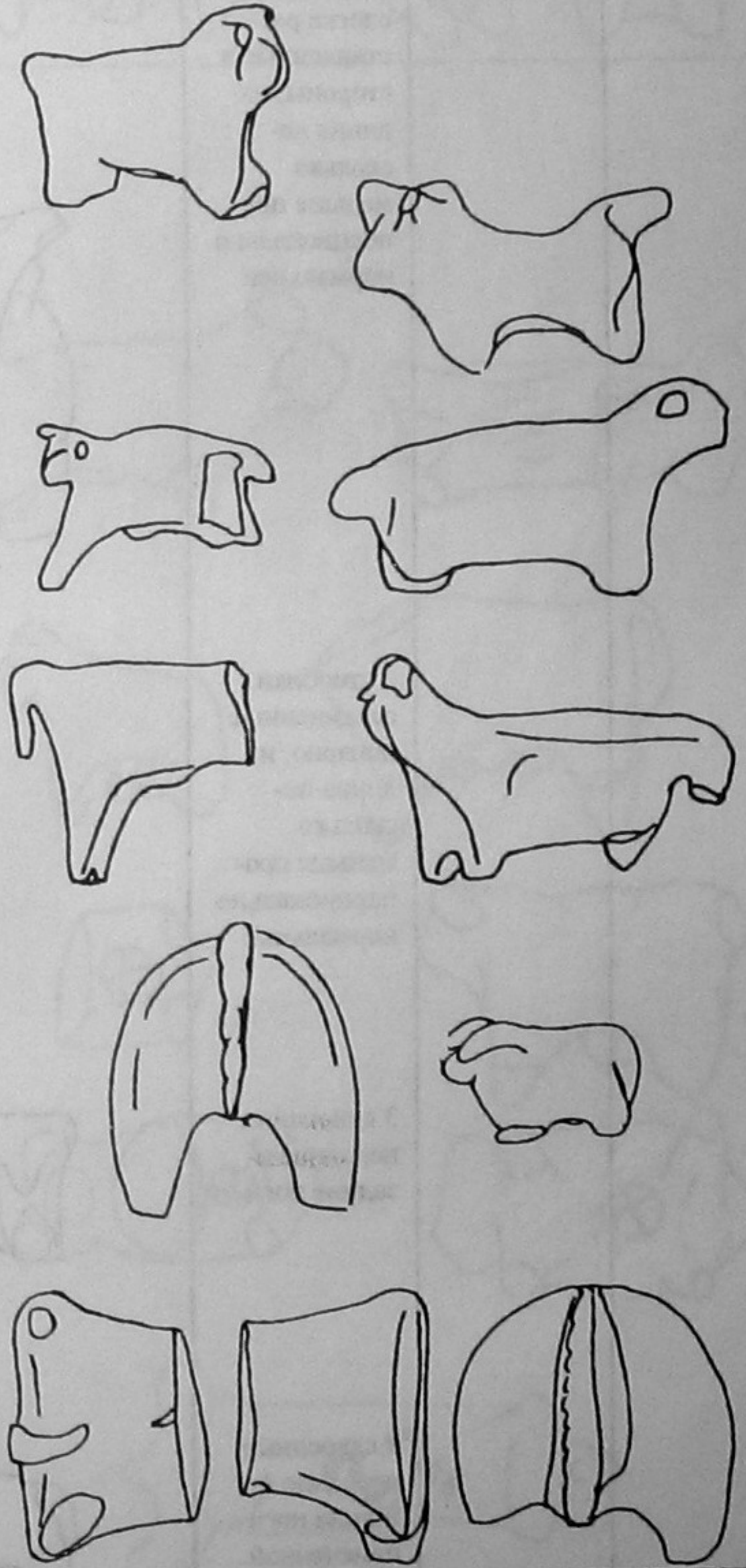
4. Туловище	6. Бока	1. округлые слегка выпуклые	
		2. раздутые	
		3. втянутые	
		4. втянутые подчеркнуто тонкая талия, (часто вдвое уже плеч и зада)	
		5. округлые параллельные	
		6. туловище цилиндрическое, сечение фигурки почти круглое	
		7. плоские параллельные или чуть вмятые бока, сечение фигурки близко прямоугольному	

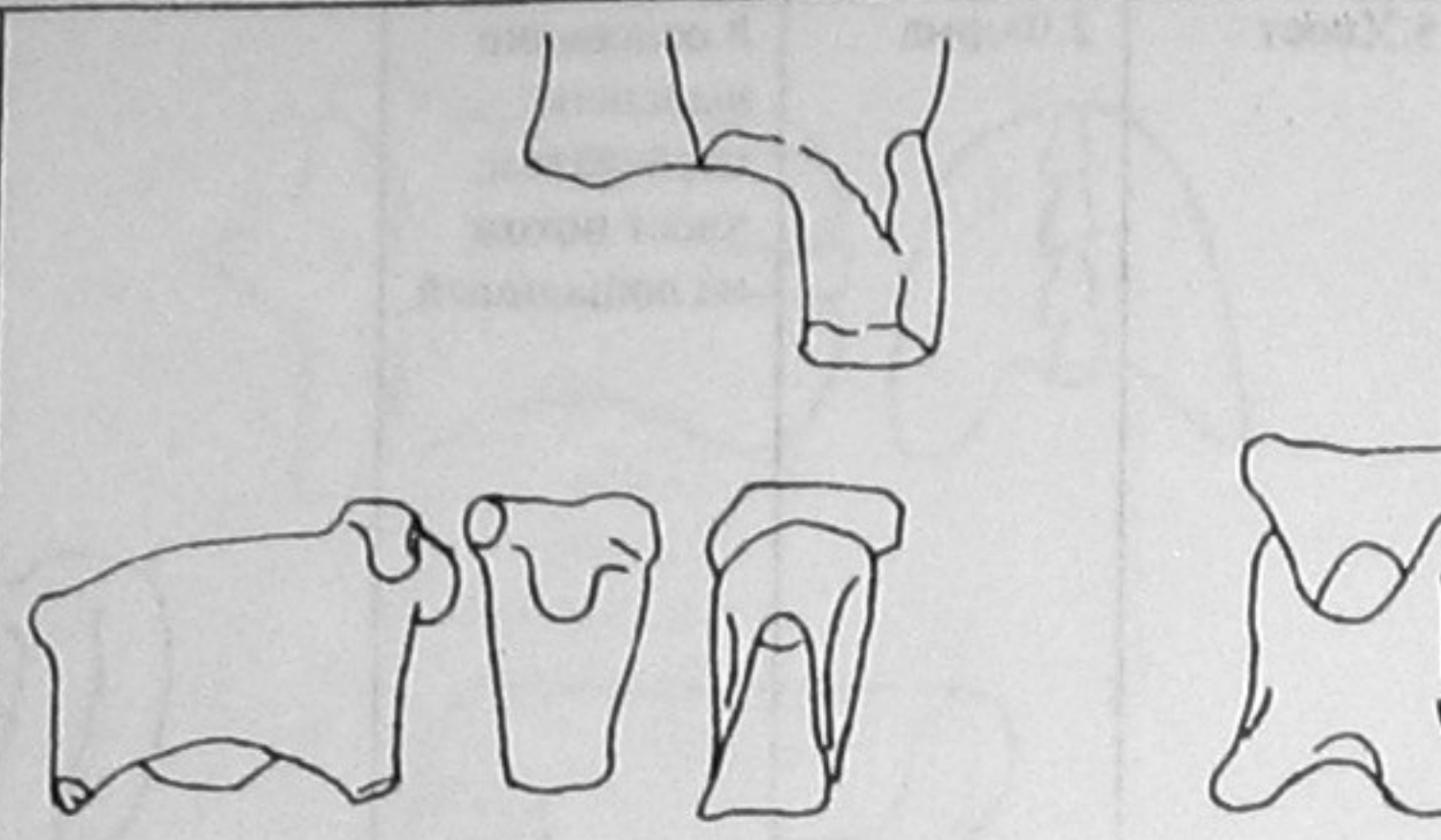
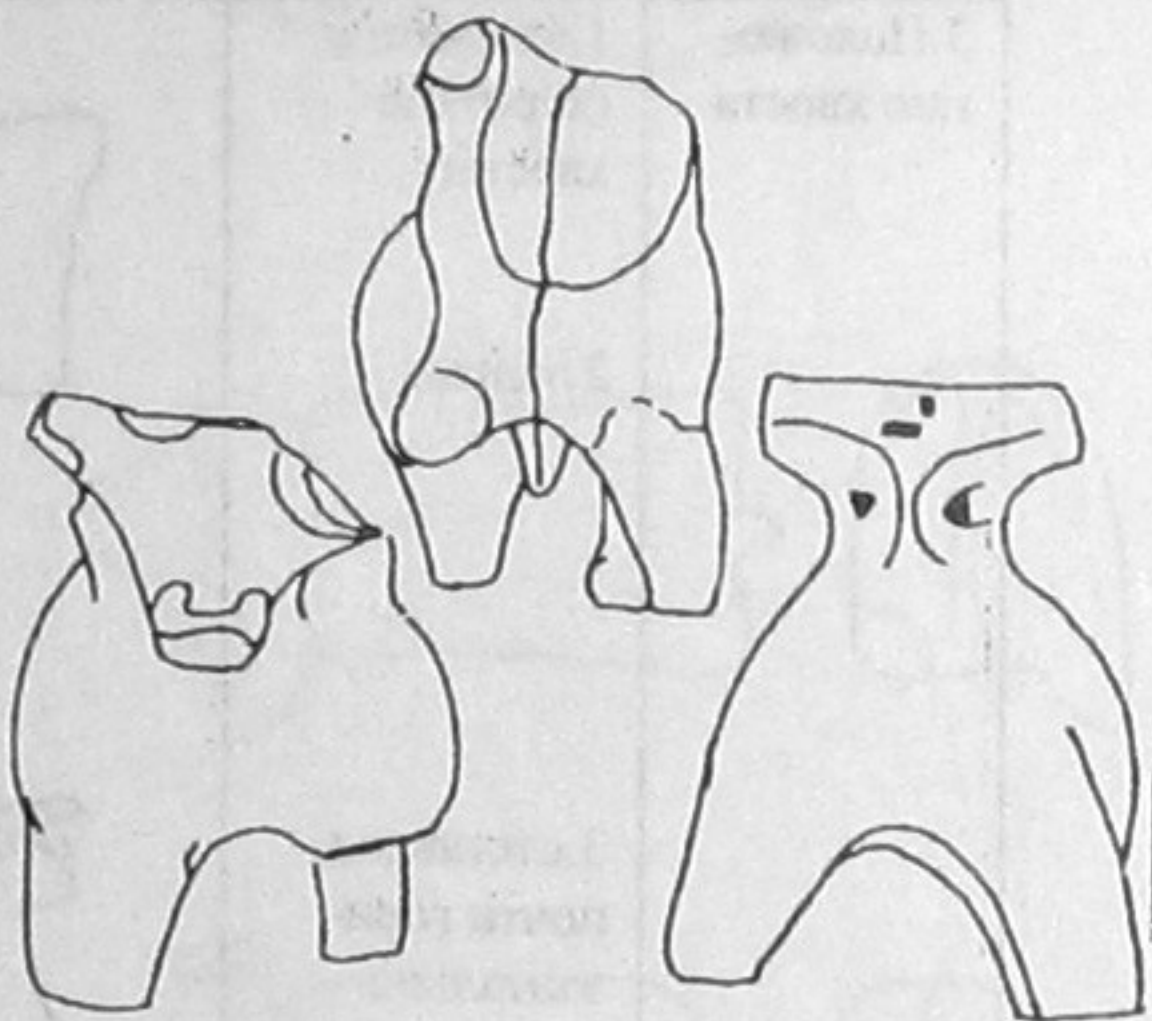

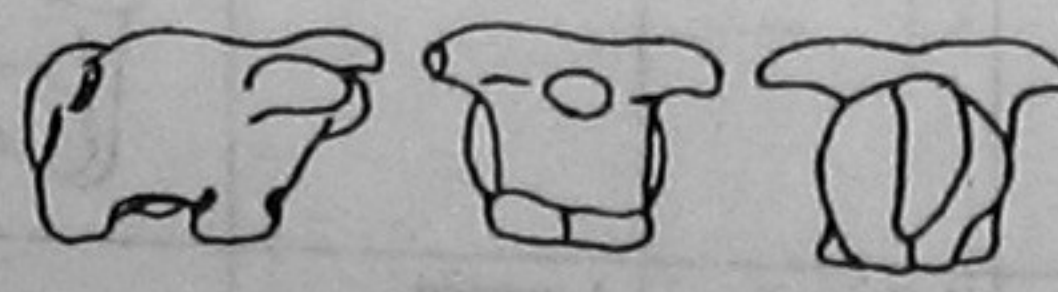
4. Туловище	6. Бока	8. бока уплощенные или слегка вмятые под углом, сечение фигурки близко треугольному 9. один бок плоский, другой раздут	
	7. Брюхо	1. плоское	
		2. подтянутое	
		3. провислое	
	8. Моклоки	1. не обозначены 2. справа и слева от хвоста небольшие вмятины или уплощенности	
		3. справа и слева от хвоста выступающие нащипы	
		4. утолщение бедра, иногда валик по периметру зада	
		5. выступ на последней трети спины, видный только в профиль	

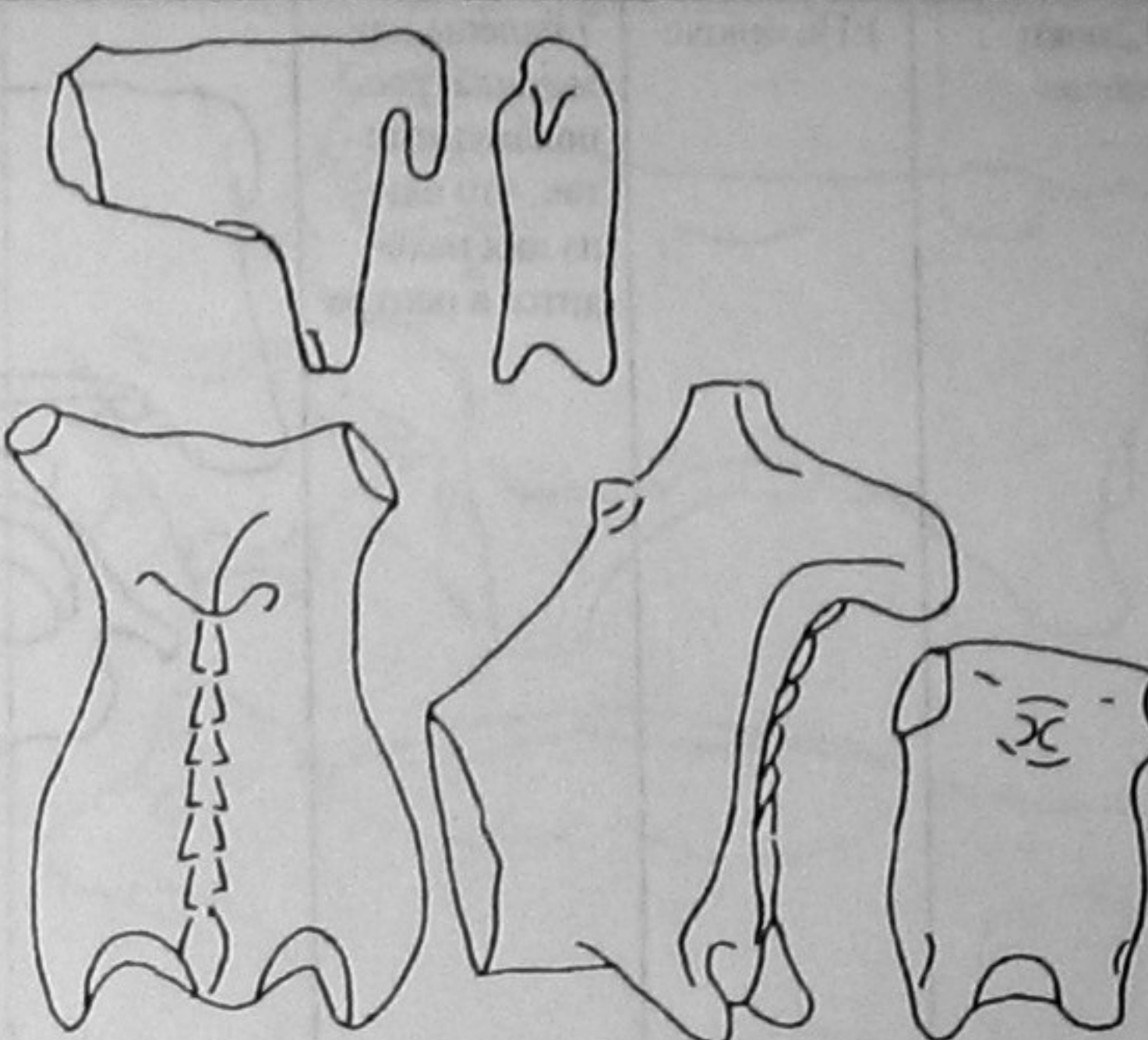
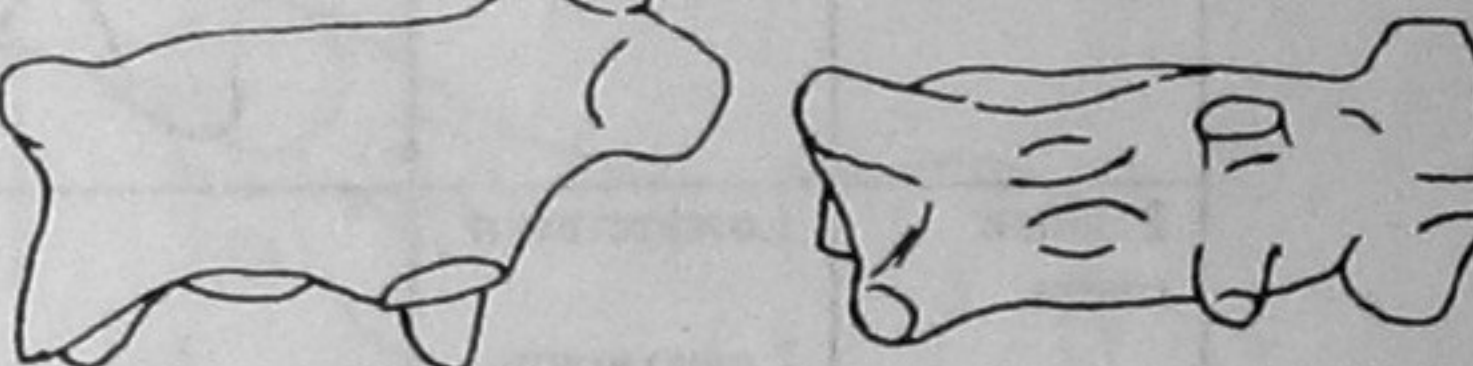
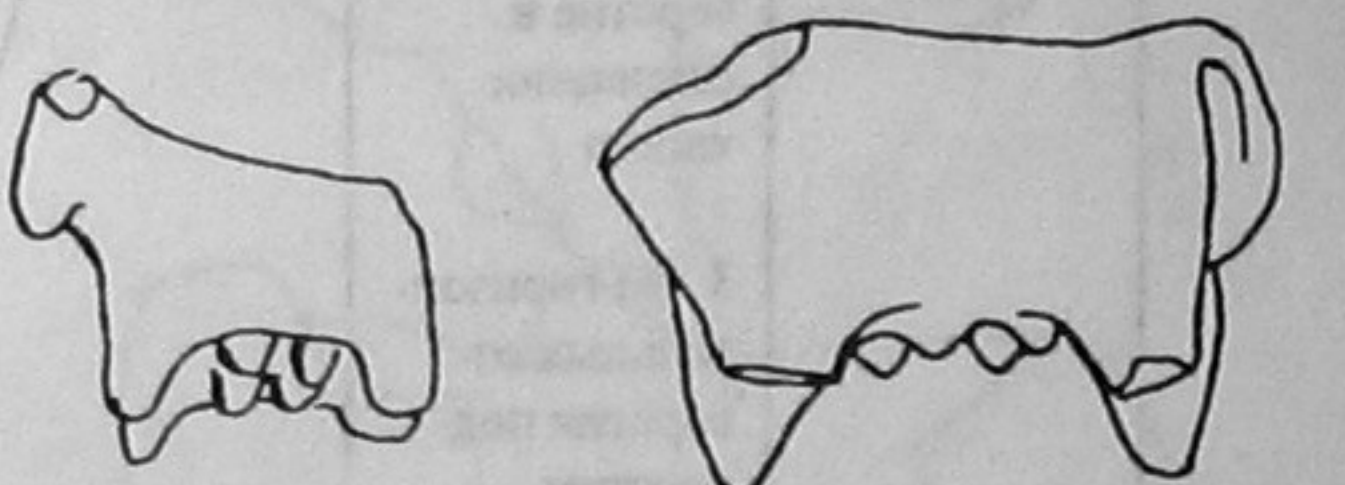

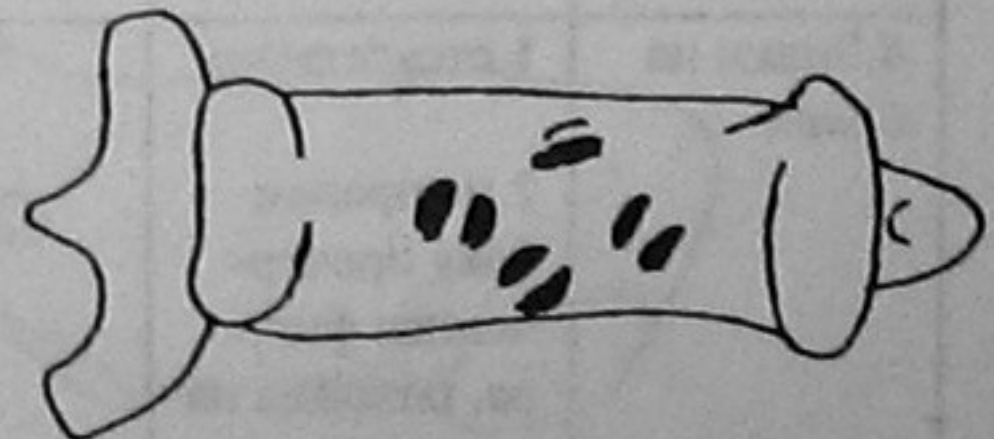
4. Туловище	9. Форма зада в профиль	1. прямой 2. приподнятый 3. наклонный («свислый»)	
	10. Форма зада сзади	1. округлый 2. специально не моделирован, сужаясь, переходит в хвост 3. плоский, подпрямоугольный средней ширины 4. плоский подпрямоугольный узкий	

4. Туловище	10. Форма зада сзади	5. плоский, подтреугольный узкий 6. плоский округлый широкий или средней ширины 7. плоский округлый широкий, посередине провисает	
5. Хвост	1. Длина	1. короткий 2. до середины зада 3. до конца зада 4. до скакательного сустава 5. до земли	

5. Хвост	2. Форма	<p>1. основание хвоста выделено начиная с середины-последней трети спины; хвост узкий или средний в виде косички</p>
		<p>2. основание хвоста выделено начиная с середины-последней трети спины; хвост узкий или средний круглого сечения</p>
		<p>3. основание хвоста отмечено перехватом; хвост узкий или средний круглого сечения</p>
		<p>4. основание хвоста отмечено перехватом; хвост в виде косички</p>
		<p>5. основание не выделено; хвост круглого сечения, сверху он широкий, далее сужается</p>
		<p>6. основание не выделено; хвост шишкообразный или конический</p>
		<p>7. хвост моделирован коротким вертикальным защипом</p>

5. Хвост	2. Форма	8. основание выделено перехватом; хвост похож на лошадиный	
	3. Положение хвоста	<p>1. «торчком» (короткие хвосты)</p> <p>2. задран</p> <p>3. отставлен почти горизонтально</p> <p>4. отставлен, опущен</p> <p>5. опущен, прижат</p> <p>6. опущен, прижат, подвернут под брюхо</p>	
6. Ноги	1. Способ лепки	1. неясен	

6. Ноги	1. Способ лепки	2. прилеплены по одной	
		3. моделированы вытягиванием	
		4. комбинация обоих способов	
	2. Форма	1. столбики, слегка расставленные в стороны, их длина несколько меньше пропорционально нормальной	
		2. столбики, соединенные попарно, их длина несколько меньше пропорционально нормальной	
		3. двойные передние и задние ноги	
		4. двойные передние и задние ноги с намеченной посередине границей	

6. Ноги	2. Форма	5. двойные передние и задние ноги, разделенные снизу	
		6. резко укороченные раздельные ноги	
7. Знаки «пола»	1. На брюхе	1. отсутствуют	
		2. знак пола есть но из-за качества иллюстрации неясен	
		3. продольный зацеп (изображение пениса)	
		4. четыре зацепа или налета, расположенные попарно (изображение вымени)	
		5. округлый налет, разделенный на доли отпечатками ногтя (изображение вымени)	
		6. четыре зацепа, расположенные крестообразно (небрежное изображение вымени?)	

7. Знаки «пола»	1. На брюхе	7. лапы или зацепы, расположенные так, что один из них находится в центре	
2. Знаки сзади	2. Знаки сзади	1. отсутствуют 2. одно вертикальное отверстие в основании хвоста 3. два горизонтальных отверстия под хвостом	
3. Знаки на спине	3. Знаки на спине	1. отсутствуют 2. четыре попарно расположенных накола на крестце	
4. Знаки на боках	4. Знаки на боках	1. отсутствуют 2. на правом боку прочерченная фигура, похожая на ромб	

8. Функциональные отверстия	1. Сквозные горизонтальные	1. отсутствуют 2. на морде «ноздри» и «глаза» 3. на морде и в зацепках за рогами 4. в тее	
-----------------------------	----------------------------	--	--

8. Функциональные отверстия	1. Сквозные горизонтальные	5. в задних ногах	
		6. в шее и задних ногах	

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ..... 3

    Вопросы хронологии и периодизации Кукутени-Триполья в связи с исследованием зооморфной пластики..... 5

    Образы, возможные в трипольской пластике, и проблема их распознавания..... 7

    История исследования зооморфной фигуративной пластики Кукутени-Триполья и других раннеземледельческих культур Европы..... 9

Глава 1. КОЛИЧЕСТВЕННАЯ ОЦЕНКА МАТЕРИАЛА, ЕГО КЛАССИФИКАЦИЯ И МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ..... 18

    Количественная оценка зооморфной пластики..... 18

    Классификация зооморфных фигурок..... 21

    Методика описания и анализа зооморфных фигурок..... 24

Глава 2. МОРФОЛОГИЯ И СТИЛИСТИКА ФИГУРОК БОВИНОВ/ОВИДОВ «ТИПА» 1..... 27

    Морфологические характеристики..... 27

    Выделение стилистических вариантов среди фигурок бовинов/овидов «типа» 1, их хронология и география..... 39

Глава 3. ТЕХНОЛОГИЯ, ДЕКОР ФИГУРОК БОВИНОВ/ОВИДОВ «ТИПА» 1, ИХ ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ГРУППИРОВКА И ОСОБЕННОСТИ ДЕФОРМАЦИИ..... 105

    Технологические характеристики..... 105

        1. Формовочная масса статуэток и их обжиг..... 105

        2. Принцип лепки статуэток бовинов/овидов «типа» 1..... 108

        3. Обработка поверхности статуэток бовинов/овидов «типа» 1..... 109

        4. Декор статуэток бовинов/овидов «типа» 1..... 109

    Функциональная группировка фигурок бовинов/овидов «типа» 1..... 113

    Особенности деформации фигурок бовинов/овидов «типа» 1 в связи с их использованием..... 117

Глава 4. ПРОЧИЕ ФИГУРКИ «ТИПА» 1 (ЗВЕРИ, ПТИЦЫ, РЫБЫ)..... 125

    Статуэтки коз «типа» 1..... 129

    Фигурки оленей «типа» 1..... 133

    Фигурки свиней «типа» 1..... 133

Фигурки медведей «типа» 1.....	138
Фигурки безрогих животных, определяемые прибли- тельно (с нечеткой атрибуцией).....	140
Фигурки птиц «типа» 1.....	147
Фигурки рыб «типа» 1.....	148
Глава 5. ФИГУРКИ «ТИПОВ» 2 — 8.....	165
Фигурки «типа» 2 («фишки»).....	165
Фигурки «типа» 3 (без морды).....	169
Фигурки «типа» 4 (амфисбены).....	174
Фигурка «типа» 5 (горизонтально уплощенная).....	176
«Тип» 6 (статуэтки-ковчезцы).....	176
Фигурки «типа» 7 (полые с отверстиями сзади).....	183
«Тип» 8 (погремушки).....	189
Глава 6. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ЗООМОРФНОЙ ПЛАСТИКИ КУКУТЕНИ-ТРИПОЛЬЯ.....	193
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	205
SUMMARY.....	229
БИБЛИОГРАФИЯ.....	232
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.....	242
ПРИЛОЖЕНИЕ 1.....	243
ПРИЛОЖЕНИЕ 2.....	249

Вера Игоревна Балабина

Фигурки животных в пластике
Кукутени-Триполья

ISBN 5-89930-010-8

ТОО «Старый сад»
ЛР № 065741 от 13 марта 1998 г.

Подписано к печати 20. 10. 1998. Формат 60x90 1/8. Усл. печ. л. 24,8.
Уч-изд. л. 34. Тираж 450 экз. Заказ № 126.

Типография ГПИБ
101000 Москва, Старосадский пер., 9